АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

№ 23

ARCHAEOLOGICAL
ALMANAC

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF UKRAINE
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
CRIMEAN BRANCH

DONETSK NATURAL HISTORY MUSEUM

DONETSK REGIONAL ADMINISTRATION, OFFICE OF CULTURE AND TOURISM

DONETSK NATIONAL UNIVERSITY

S.V. USHAKOV

Archaeological Almanac, № 23

THE BARBARIANS OF TAURIC HIGHLAND AT THE TURN OF THE EPOCHS:

•

THE ETHNIC SITUATION IN SOUTH-WESTERN CRIMEA (III – MID VI CENTURIES). RECONSTRUCTION EXPERIENCE

Donetsk
«Donbass»
2010

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ
ДОНЕЦКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ДОНЕЦКАЯ ОБЛГОСАДМИНИСТРАЦИЯ УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА
ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. В. УШАКОВ

Археологический альманах, № 23

ВАРВАРЫ ГОРНОЙ ТАВРИКИ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

•

ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ
(III - СЕРЕДИНА VI ВВ. Н. Э.).
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Донецк
«Донбасс»
2010

УДК 930.26
ББК 63.48

У93 Ушаков С. В. **Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III - середина VI вв. н. э.). Опыт реконструкции.** – Археологический альманах, № 23. Донецк: «Донбасс», 2010. - 180 с.

ISBN 978-966-1616-46-4

Ushakov S.V. **The Barbarians of Tauric Highland at the turn of the epochs: The Ethnic Situation in South-Western Crimea (III - mid VI centuries). Reconstruction Experience.** – Archeological Almanac, № 23. Donetsk: «Donbass», 2010. - 180 p.

Монография посвящена реконструкции этнического состава варварского населения горного Юго-Западного Крыма в эпоху Великого переселения народов. Сделано это на основе комплексного анализа научной литературы и источников (письменных, археологических, антропологических). В ней подводятся итоги исследованиям этнической истории региона до начала XXI в. Для специалистов по археологии, этнической истории Северного Причерноморья, преподавателей и студентов вузов, музейных работников, всех, интересующихся древней и средневековой историей Крыма.

Главный редактор: А.В. Колесник
Редакционная коллегия:
Денисенко Е.И., заслуженный работник культуры Украины
Ильяшенко Т.В.
Зализняк Л.Л., д.и.н.
Отрощенко В.В., д.и.н.
Леонова Н.Б., д.и.н.
Терпиловский Р.В., д.и.н.
Чабай В.П., д.и.н.
Гершкович Я.П., к.и.и.
Полидович Ю.Б., к.и.н.
Усачук А.Н., к.и.н.
Цимиданов В.В., к.и.н.

Chief editor: A.V. Kolesnik.
Editorial board:
Denisenko E. I., honorary figure of Ukrainian culture
Iliyshenko T.V.
Dr. Zalizniak L.L.
Dr. Otroschenko V.V.
Dr. Leonova N.V.
Dr. Terpilovsky R.V.
Dr. Chabai V.P.
Dr. Gershkovich Ya.P.
Dr. Polidovich Yu.
Dr. Usachuk A.N.
Dr. Tsimidlanov V. V.

Редакционная коллегия тома
Д.и.н. В. П. Чабай
Д.и.н. А. Е. Кислый
К.и.н. В. Л. Мыц
К.и.н. С. Г. Колтухов
К.и.н. Ю.П.Зайцев
В.Ю.Юрочкин

Dr. V.P.Chabai
Dr. A.E.Kisly
Dr. V.L.Myts
Dr. S.G. Koltukhov
Dr. Yu.P. Zaytzev
V.Yu. Yurochkin

Рецензенты:
д.и.н. Н.Н. Болгов;
д.и.н. Ю.М. Могаричев;
д.и.н. С.Б. Сорочан.

Dr. N.N. Bolgov
Dr. Yu.M. Mogarichov
Dr. S.B. Sorochan

Монография утверждена к печати Ученым советом Крымского филиала Института археологии НАН Украины

The publication of this monograph was approved by the Scientific Council of the Crimean branch of the Institute of Archeology, National Ukrainian Academy of Sciences

© Донецкий областной краеведческий музей, 2010
© Крымский филиал Института археологии НАН Украины, 2010
© Ушаков С.В., 2010

© Donetsk Natural History Museum, 2010
© Crimean branch of the Institute of Archeology, National Ukrainian Academy of Sciences, 2010
© Ushakov S.V., 2010

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

ПРЕДИСЛОВИЕ 6
ВВЕДЕНИЕ 7
ГЛАВА 1. НАСЕЛЕНИЕ ГОРНОЙ ТАВРИКИ ГЛАЗАМИ УЧЕНЫХ 11
1.1. Зарождение интереса и формирование парадигмы исследования и историографических школ (до 40-х гг. XIX в.) 11
1.2. Господство «готской теории». Первые итоги исследований (до начала 30-х гг. XX в.) 13
1.3. «Автохтонизм» в отечественной науке 30 - середины 60-х гг. XX в. 16
1.4. Формирование комплексного подхода к источникам. Кристаллизация концепций (до конца 80-х гг. XX в.) 18
1.5. Современный этап исследования 20
ГЛАВА 2. ЕСТЬ ЛИ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ? 31
2.1. Об этносах (народах) в отечественной этнологии (этнографии) 31
2.2. О чем говорит язык 32
2.3. Всегда ли нема археология 33
2.4. Историческая (этническая) антропология и этнос 35
2.5. Методы и принципы решения конкретной проблемы 37
ГЛАВА 3. СВЕДЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ 39
3.1. Древние авторы о готах, аланах и гуннах в Юго-Западной Таврике 39
3.2. Археологические материалы 42
3.2.*1. Источниковедческая база: поселения и могильники* 42
3.2.*2. Методы хронологии погребальных комплексов. Монеты в погребениях* 43
3.2.*3. Погребальные комплексы* 48
3.2.*4. Основные типы погребальных сооружений* 58
3.2.*5. Керамический комплекс погребений. Лепная посуда* 70
3.2.*6. Фибулы и пряжки* 86
3.2.*7. Погребальный обряд* 88
3.3. Палеоантропологические данные 103
ГЛАВА 4. РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ 136
4.1. Накануне «готских» войн (первая половина III в.) 136
4.2. Эпоха «Великих миграций» в Юго-Западном Крыму. Основные этапы этнической истории (середина III - середина VI в.) 139
4.3. О стране Дори в Таврике 148
4.4. Характеристика этнических процессов 149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 153
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 155
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 172
ПРИЛОЖЕНИЯ 173
Приложение 1. Списки правителей 173
Приложение 2. Хронологическая таблица военно-политических событий в Центральной и Восточной Европе III-VI вв. 174
РЕЗЮМЕ 176
SUMMARY 178

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа была задумана еще вначале 80-х гг. теперь уже прошлого столетия. Этническими проблемами в исторической науке тогда мало кто занимался, да это и не очень приветствовалось – речь идет о Крыме. Хотелось выяснить, какие племена и народы жили в Крыму в одну из ключевых эпох его истории – периода, получившего название Великого переселения народов. (Правда, тогда, в 80-е годы «великого» писали с маленькой буквы). Было ясно, что сделать это без выяснения роли и значения во всех этих процессах основных этнических групп, в том числе и германцев (прежде всего, готов) не удастся. Слово же «готы» применительно к Крыму, мягко говоря, было не очень популярно (сказывалось наследие сталинской эпохи), а термин «готофил» являлся, чуть ли не ругательным.

Речь, естественно в это время не могла идти о каких-то новых археологических исследованиях, (они были еще впереди) – решать проблему можно было в основном на старых материалах археологии, – идея заключалась в том, чтобы посмотреть на проблему с точки зрения теоретических достижений отечественной этнологической науки (тогда она еще называлась этнографией). Имеются в виду не только (и не столько) работы Ю.В. Бромлея, а в целом уровень исследований, связанных с именами С.А. Арутюнова, А.Н. Хазанова, М.В. Крюкова, а также и других авторов. Отдельно в этой связи нужно упомянуть труды акад. В.П. Алексеева в области исторической (этнической) антропологии. Как видно, все это – сфера научных интересов этнической истории, сформировавшейся на стыке археологии, этнологии, палеоантропологии, языкознания и других смежных дисциплин.

И этнические проблемы в целом с 80-х годов XX в. постепенно начинали выдвигаться на передний план отечественной исторической науки. К детальной разработке темы удалось вернуться почти через десять лет. К тому времени появились работы А.И. Айбабина, а позднее его коллег и учеников. Развернулись масштабные исследования могильников этого времени, которыми занимались как сотрудники Крымского отдела киевского Института Востоковедения, так и Крымского Филиала Института археологии НАНУ и местных музеев, прежде всего, Бахчисарайского и Херсонесского заповедников. Была разработана, основанная на идеях А.К. Амброза, хронология погребальных комплексов крымских могильников (А.И. Айбабин), появились подробные публикации материалов раскопок. Под теоретические разработки, таким образом, можно было подвести практическую базу. Значительно оживилась и работа с письменными источниками (труды В.П. Будановой, С.А. Иванова). Свою монографическую работу по этнической истории Крыма опубликовал много лет работавший в этой сфере киевский исследователь И.С. Пиоро.

Теперь стало возможным, таким образом, опираясь на достижения во всех этих сферах исторической науки, написать сводную, обобщающую работу, посвященную этническому составу населения и этническим процессам в одном из ключевых регионов Крымского полуострова на завершающем этапе античности в преддверии средневековья[1]. При этом я намеренно сосредоточился именно на этнических проблемах, абстрагируясь, насколько это было возможно, от событий политической и экономической истории. Хочется надеяться, что подготовленная книга, как это и задумывалась первоначально, получилась не только аналитической, сколько синтетической по своему характеру.

Работа первоначально была написана и защищена в формате кандидатской диссертации. В связи со сказанным хотелось бы поблагодарить всех коллег, кто принимал участие в обсуждении основных ее идей и положений. Среди них: В.М. Зубарь, И.А. Баранов, Е.П. Бунятян, М.И. Золотарев, А.В. Иванов, С.Д. Крыжицкий, Б.В. Магомедов, Т.Н. Назарова, А.В. Петраускас, И.С. Пиоро, О.М. Приходнюк, А.Е. Пуздровский, А.С. Русяева, А.В. Сазанов, С.Б. Сорочан, Р.Г. Шишкин, И.Н. Храпунов, А.А. Филиппенко. Нельзя забыть дружеское участие С.Б. и А.В. Буйских, В.В. Крапивиной, Н.А. Сон. При подготовке книги к печати текст ее был переработан и дополнен. Приятным долгом остается поблагодарить за высказанные критические замечания, сделанные по прочтении итоговой рукописи, и дружескую поддержку Н.Н. Болгова, С.Б. Ланцова, Ю.М. Могаричева, В.Л. Мыца, А.А. Труфанова, В.Ю. Юрочкина.

---

[1] В данной книге первоначально были использованы литература, материалы и источники, опубликованные до 2000 года. При подготовке рукописи к печати был сооблазн ее полностью переработать и включить в текст информацию по этнической проблематике, появившуюся после этой даты (2000-2008 гг.) (См. напр. Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии. – Симферополь: СОНАТ, 2004). Однако современная научная литература по истории и археологии варварского населения Юго-Западного Крыма рубежа античности и средневековья столь обильна и многопланова, что ее переосмысление требует, без сомнения, отдельной работы, и она, эта литература, конечно, должна быть предметом специального исследования. Но не без некоторых колебаний было все-таки было решено, по-возможности учесть основные (новые) материалы, что, впрочем, как представляется, не повлияло на суть выводов, сделанных мною ранее.

ВВЕДЕНИЕ

Почему была выбрана именно эта тема? Позволю напомнить, что Крымский полуостров с древнейших времен был тесно связан с историей прилегающих территорий Северного Причерноморья, Балкан, Кавказа (рис. 1, 2). Это была зона интенсивного взаимодействия и миграций многочисленных племен и народов. В эпоху Великого переселения народов («Великих миграций») здесь в результате вторжений германцев, аланов, а потом и гуннов (рис. 3) коренным образом меняется этническая ситуация. На основе синтеза местного и пришлого населения формируются этнические общности, которых не было ранее. Начинает складываться новая этнополитическая карта не только Крыма и Причерноморья, но и всей Европы и значительной части Азии. В частности, тогда возникают варварские королевства в Западной Европе, образуются союзы славянских племен, давшие в будущем начало государствам западных и южных славян, Киевской Руси.

Для каждого из трех регионов полуострова - восточного (боспорского), степного и юго-западного были характерны свои особенности этноисторического развития. В Юго-Западном горном и предгорном Крыму концентрировалось основное варварское население полуострова (рис. 4). Там обнаружены и исследованы многочисленные археологические памятники, анализ которых, в сопоставлении с данными письменных источников и палеоантропологии, позволяет реконструировать динамику этнического состава населения и этническую ситуацию в целом как часть этнокультурного и этнополитического процесса на полуострове. Сказанное определяет территориальные рамки исследования – это Юго-Западный Крым, к которому можно отнести не только горную и предгорную части полуострова (с прилегающей территорией Центрального Крыма), но и юж-

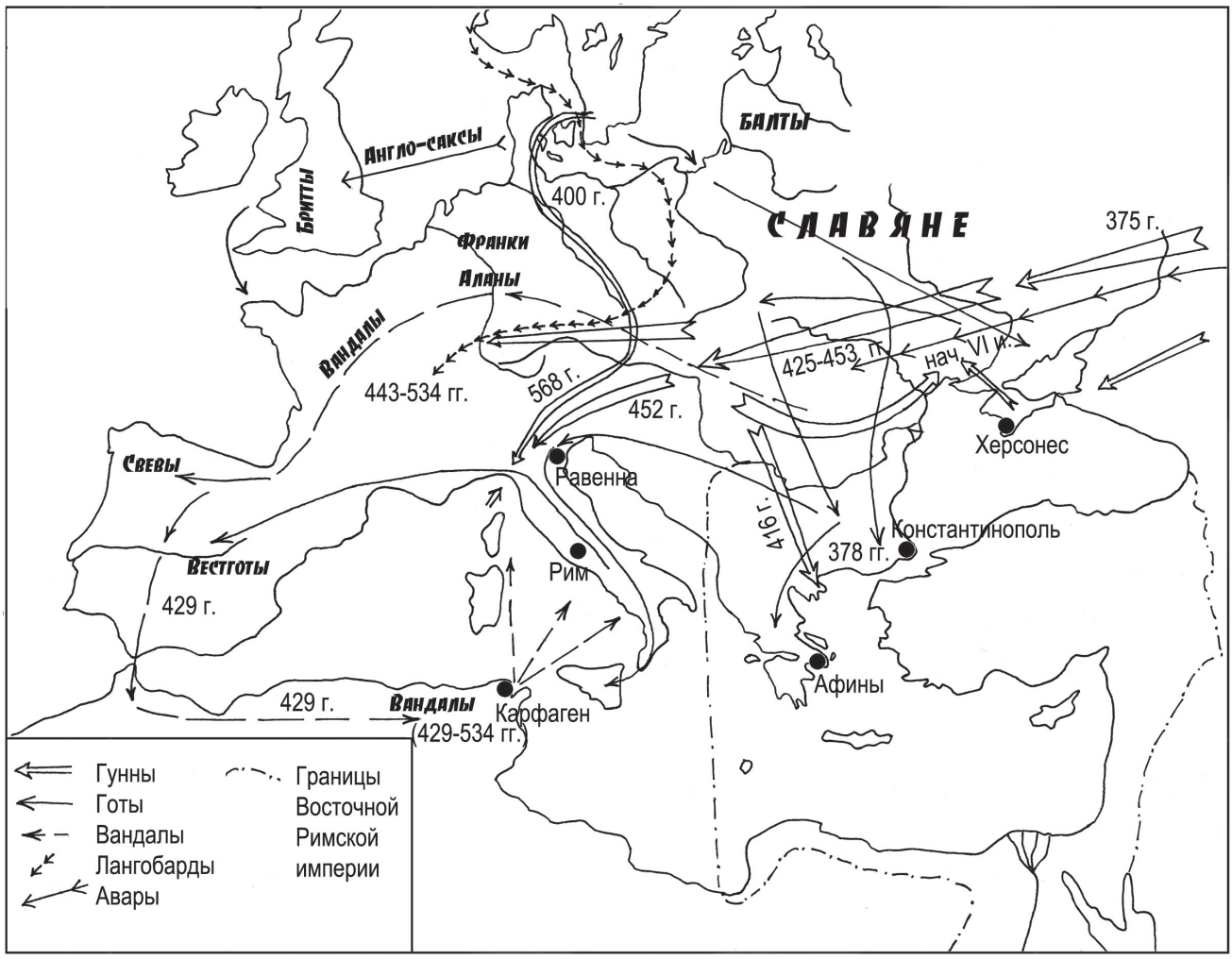


Рис. 1. Европа в эпоху Великого переселения народов (IV-VII вв.) (по: Diesner H.J., 1976, с дополнениями).

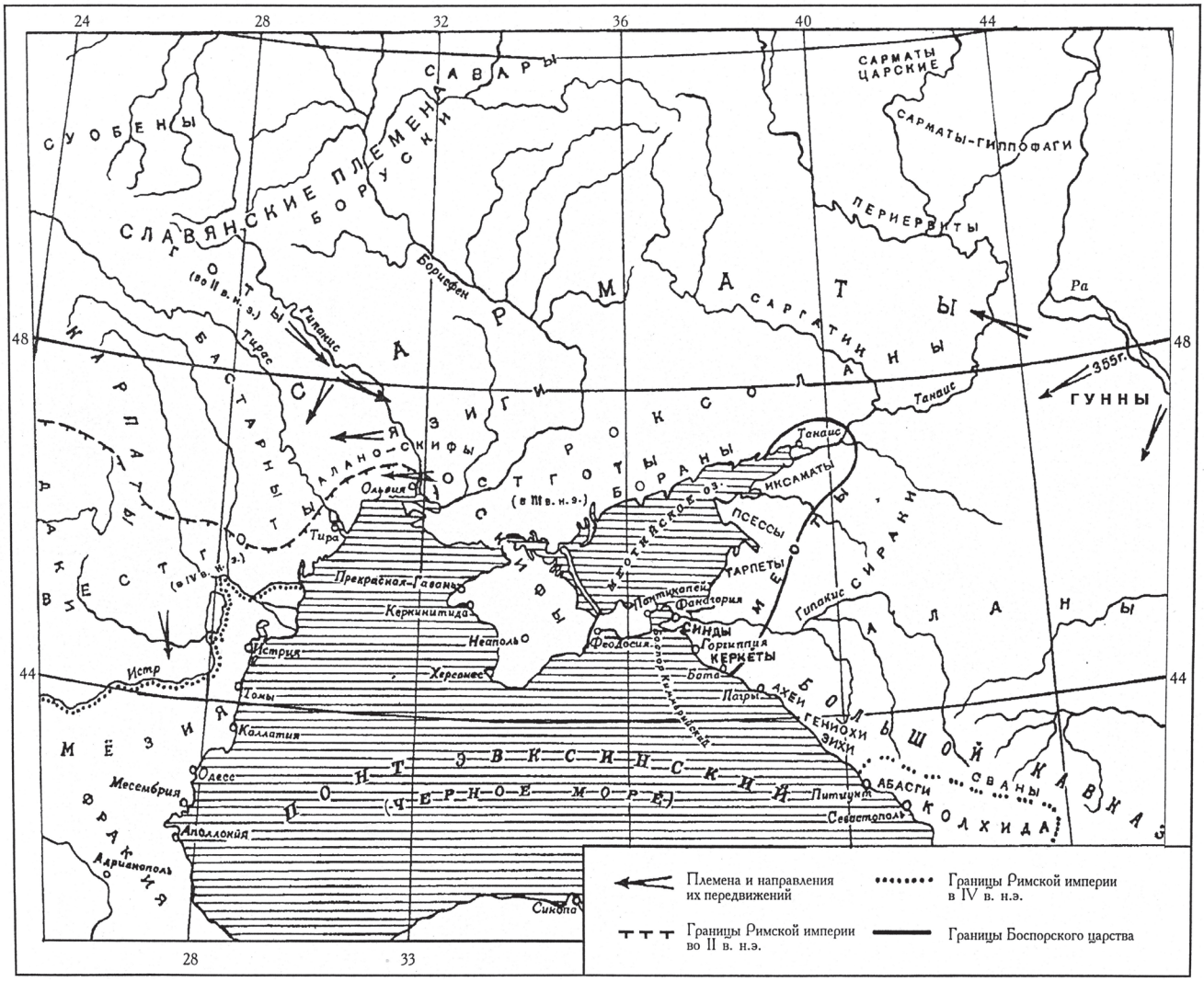


Рис. 2. Северное Причерноморье в I-IV вв. н.э.

ный берег. В работе рассматривается только варварское, местное и пришлое население, без позднеантичного Херсонеса – ранневизантийского Херсона. Население его остается за рамками нашего исследования. Обращается внимание только на этнокультурное влияние этого центра античной цивилизации.

Решающее значение для всего Причерноморья этой эпохи имели два события – «скифские» («готские») войны середины III века и гуннское нашествие после 375 г. (рис. 3). Нижняя хронологическая граница, таким образом, определяется сосуществованием в юго-западной части полуострова потомков поздних скифов и сармат до начала этих событий, а верхняя – включением этой территории в состав Византийской империи и вторжением новых кочевников - тюрок.

Итогом данной работы является построение модели этнической ситуации как этапа этнической истории на территории юго-западной части Крыма в указанных хронологических рамках. При этом главное внимание уделено этапам формирования населения этого региона с выявлением особенностей этнических процессов. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи: историографический анализ научной литературы, определение принципов и методов исследования, изучение сведений основных групп источников (письменных, археологических, антропологических) с последующим сопоставлением (синтезом) их данных.

В работе развит современный подход к реконструкции этнической ситуации как системы взаимодействия разных по происхождению этносов. Выделено и обосновано пять основных хронологических этапов историографии проблемы. Получил дальнейшее развитие комплексный подход к анализу основных групп источников (письменных, археологических, антропологических). Они систематизированы и интерпретированы с точки зрения этнической информативности; в том числе разработаны оригинальные типологии и классификации склеповой архитектуры, погребений с трупосожжениями и лепной керамики. Также реконструирован погребальный обряд населения региона в целом и проведен его сравнительный анализ с погребальным обрядом населения Средней и Центральной Европы III-VI вв., что

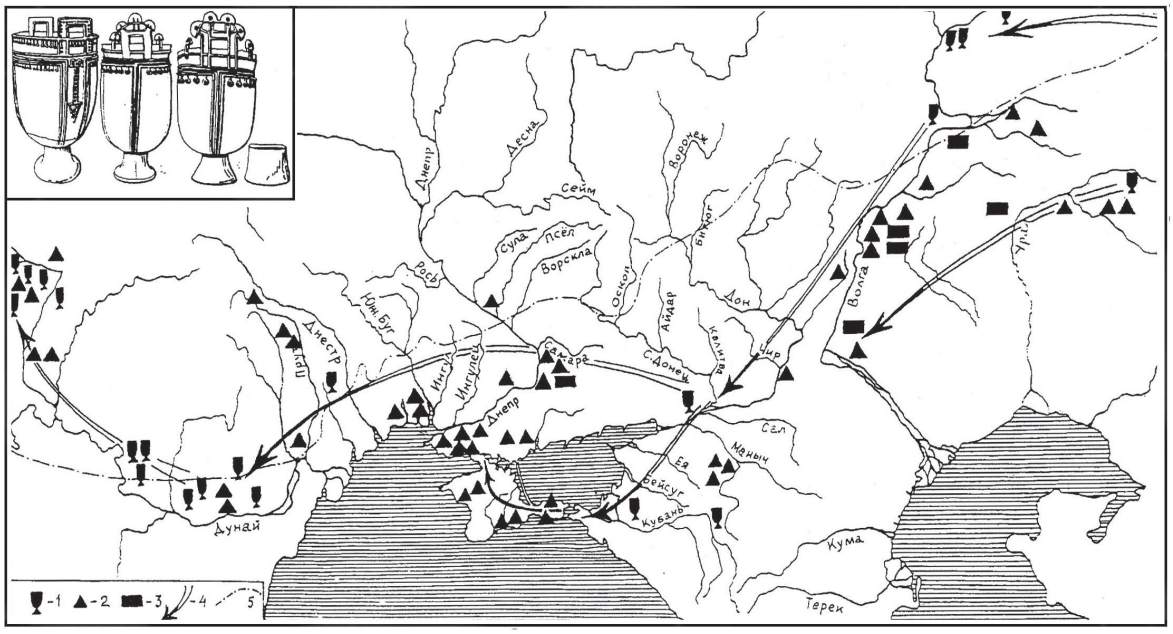


Рис. 3. Карта гуннских миграций, распространение их погребальных памятников и котлов в европейских степях (по Плетневой, 2003). 1 – котлы; 2 – памятники первой хронологической группы; 3 – памятники второй хронологической группы; 4 – направления основных гуннских миграций; 5 – граница степи с лесостепью.

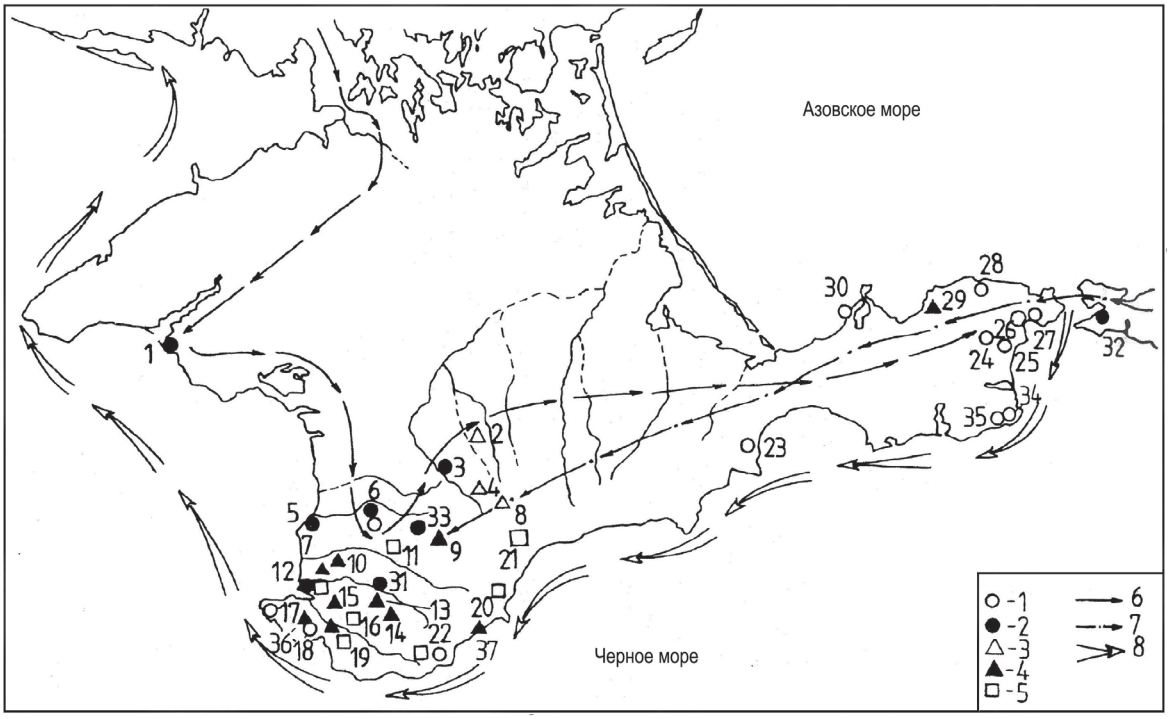
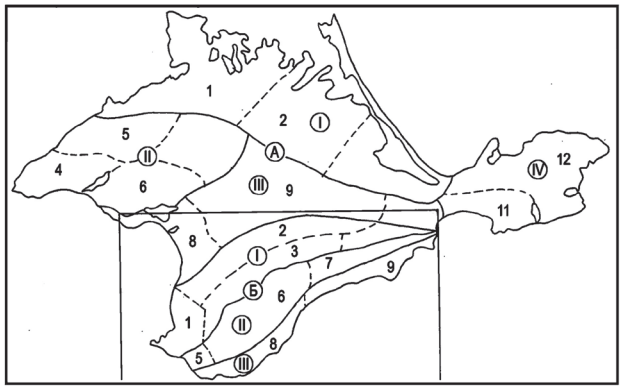


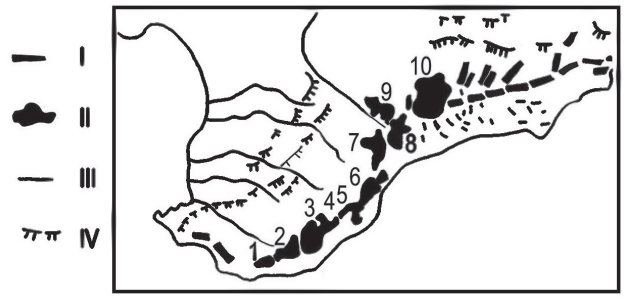
Рис. 4. Крым в позднеримское время (по Айбабину, 1999). 1 – римские гарнизоны, поселения и некрополи Боспорского царства; 2 – городища и некрополи поздних скифов и сармат; 3 – могильники и поселения алан, возникшие около середины III в.; 4 – некрополи с трупоположениями и поселения, возникшие в 256 г.; 5 – могильники с кремацией и клады германцев; 6 – направление первого вторжения готов в Крым в 252-256 гг.; 7 – направление первой миграции алан в Крым около середины III в.; 8 – поход германцев в 268 г.

1 – Южнодонузлавское городище; 2 – Нейзац; 3 – Неаполь Скифский; 4 – Дружное; 5 – Усть-Альма; 6 – Алма-Кермен (Заветное); 7 – Суворово; 8 – перевальное; 9 – Озерное; 10 – Тенистое; 11 – клад монет у с. Долинное; 12 – Бельбек I-III; 13 – Красный Мак; 14 – Мангуп; 15 – Инкерман; 16 – Совхоз 10; 17 – Херсонес; 18 – Балаклава; 19 – Черная Речка; 20 – Партенит; 21 – Чатыр-Даг; 22 – Харакс; 23 – Феодосия; 24 – Илурат; 25 – Тиритака; 26 – Боспор; 27 – Мирмекий; 28 – Зенонов херсонес; 29 – Заморское; 30 – Семеновка; 31 – Танковое; 32 – Фанагория; 33 – Скалистое III; 34 – Китей; 35 – Кыз-Аул; 36 – Килен-Балка; 37 – Гурзуф.



Б - Горный Крым.
I - Предгорная лесостепь.
Районы: 1 - Чернореченский, 2 - Северный предгорный, 3 - Южный предгорный, 4 - Индольский.
II - Главная горно-лугово-лесная гряда.
Районы: 5 - Западный, 6 - Центральный, 7 - Восточный.
III - Крымское южнобережное субсредиземноморье.
Районы: 8 - Западный, 9 - Восточный.

Рис. 5. Физико-географическое районирование Крыма (по Подгородецкому, 1988).



I - Основная орографическая линия Главной гряды.
II - Столовые массивы (яйлы) Главной гряды:
1 - Байдарская, 2 - Ай-Петринская, 3 - Ялтинская, 4 - Никитская, 5 - Гурзуфская, 6 - Бабуган, 7 - Чатырдаг, 8 - Демерджи, 9 - Долгоруковская, 10 - Караби.
III - Второстепенные орографические линии Главной гряды.
IV - Орогрофические линии Внутренней и внешней куэстовых гряд.

Рис. 6. Орографическая схема Юго-Западного Крыма (по Подгородецкому, 1988).

позволило сделать важные выводы о генетическом родстве населения. Комплекс всех археологических данных в сопоставлении с другими видами источников дает возможность более обоснованно говорить о преобладании в Крыму сармато-аланского этноса. Эти выводы подтверждаются палеоантропологическим материалом, с помощью которого выделяются антропологические субстрат и суперстрат, и их удельный вес. Забегая вперед, можно сказать, что этническая ситуация характеризуется этапами генезиса новой «алано-готской» общности, которая начала формироваться еще в рамках античного периода истории Крыма, а сложилась в раннесредневековую народность (крымские христиане) уже позднее.

При анализе этнической ситуации разработана и реализована трехэтапная система исследования: (1) историографический и методологический анализ, (2) изучение и интерпретация этнически значимой информации и, в итоге, (3) синтез всех этих данных для построения модели конкретной этнической ситуации. Это сделано на основе современных теоретических разработок и сопоставления выводов исследований триады источников – письменных, археологических, антропологических.

* * *

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ С ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

В соответствии с современным физико-географическим районированием, Крымский полуостров делится на две резко отличные друг от друга части: степной (А) и горный (Б) Крым (См.: рис. 5, 6). Каждая из этих частей, в свою очередь, подразделяется на 9 районов. В Горном Крыму эти районы относятся преимущественно к направлениям Главной гряды и Внутренней и Внешней кустовых гряд. Далее, в Горном Крыму можно выделить юго-западную и юго-восточную провинции, граница между которыми пролегает между г. Чатырдаг с одной стороны, и г. Демерджи и Долгоруковой Яйлой, с другой стороны; далее к северу эта граница идет по водоразделу р. Салгир [См.: Подгородецкий, 1988. - С. 150]. Поэтому, рассматривая самые разнообразные источники мы будем, прежде всего, иметь в виду, имеют ли они отношение к Юго-Западному Крыму. В физико-географическом отношении к нему относятся:

I. Предгорная местность. 1. Чернореченский район. 2. Юго-западная (большая) часть северного предгорного района. 3. Юго-западная (большая) часть южного предгорного района.

II. Главная гряда. 5. Западный район. 6. Центральный район.

III. Южный берег. 8. Западный район (См.: Рис. 5, 6).

Можно заметить, что в археологической и исторической литературе Южный берег Крыма (ЮБК) обычно отделяется от горной части полуострова. Однако с точки зрения природных условий (и, добавим, исторических судеб) они составляют единое целое. Все это и позволило перечисленные выше районы рассмотреть как географическую среду горного и предгорного Юго-Западного Крыма в широком смысле слова. Археологические памятники, конечно, можно группировать по другим принципам, более детально, привязывая их, например, к долинам, речным бассейнам и водоразделам рек.

ГЛАВА 1.
НАСЕЛЕНИЕ ГОРНОЙ ТАВРИКИ ГЛАЗАМИ УЧЕНЫХ

Труды, в которых бы затрагивались проблемы этнического состава населения Юго-Западного Крыма на рубеже античности и средневековья, довольно многочисленны. Тем не менее, специального исследования по этой теме (историографического плана) до последнего времени не существовало, хотя отдельные вопросы историографии (и источниковедения) рассматривались, чаще всего попутно, в некоторых общих работах.

Среди них, прежде всего, нужно назвать статью В.И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья» [1932]. Автор упоминает об известиях послов разных государств, побывавших в Крыму в XIV-XVII вв. (Вильгельм Рубрук, Матвей Меховский, Мартин Броневский), пытается согласовать их данные с сообщениями Иордана и других древних и средневековых авторов. В.И. Равдоникас кратко рассматривает и результаты исследований своих предшественников: Ж. де Байе, Д.А. Брауна, Н. Оберга и других исследователей [Равдоникас, 1932. - С. 7-11, 34-73, 40, 43-44].

Отдельные проблемы историографии рассматривались позднее в работах М.А. Тихановой [1953], В.В. Кропоткина [1953], Д.Л. Талиса [1961. - С. 241-259], Э.А. Сымоновича [1967], А.И. Айбабина 1987. - С. 164-168], И.С. Пиоро [1990. - С. 41-34] и других авторов.

В последние годы произошли важные сдвиги в историографическом осмыслении накопленного материала. Специальную историографическую направленность носит новая работа С.Г. Колтухова и В.Ю. Юрочкина «От Скифии к Готии» с характерным подзаголовком «Очерки истории изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н.э. – VII в. н.э.) [Колтухов, Юрочкин, 2004]. Ряд сюжетов этой книги (особенно ее второй части) имеет непосредственное отношение к нашей теме. Фактически историографической является и книга В.М. Зубаря «Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху» [2004] – в ней автор анализирует не источники и археологические материалы, а научную литературы и концепции. Большой историографический раздел имеет опубликованная докторская диссертация И.Н. Храпунова «Этническая история Крыма в раннем железном веке» [2004]. Крымским готам посвятил статью исследователь из Перми А.В. Заморяхин, кратко рассмотрев основную советскую и современную росссийскую историографию проблемы [Заморяхин, 2006. – С. 154-167].

Совершенно естественно, что, не ставя перед собой задачи полного исчерпывающего анализа историографии проблемы, обойти ее совсем своим вниманием было бы неверным, – сделать это не только возможно, но и необходимо. И вот почему. Сошлюсь на идеи, выраженные известным отечественным этнографом и историком науки С.А. Токаревым. Еще в книге, выпущенной в 1978 году он отметил, что существуют три основных пути к овладению наукой (и, добавим, конкретной научной проблемой). Это: во-первых, конкретно-индуктивный подход, во-вторых, дедуктивно-систематический, и, наконец, третий, историографический [Токарев, 1978. - С. 3]. Историографический подход имеет некоторые преимущества перед первыми двумя. Они заключаются, прежде всего, в том, что постановка и исследование принципиальных проблем, их оценка и критика попросту невозможны, если рассматривать их статически, в их сегодняшнем состоянии [Токарев, 1978. - С. 4-5].

Специально хотелось бы подчеркнуть, что представленный ниже краткий историографический обзор не носит всеобъемлющего характера, – в нем рассматривается, и это бы хотелось бы подчеркнуть специально, только два основных вопроса, тесно связанных друг с другом. Это, во-первых, определение источниковедческой базы каждого автора (на основе каких источников он составил свое мнение об этносе в Юго-Западном Крыму - «Таврике» в узком смысле слова), и, во-вторых, выяснение способов, методов извлечения информации из источников (пересказ, анализ, критика, сопоставление), использованных этим автором. Именно с этих позиций и рассматривается литература вопроса. Предварительно замечу следующее: внимание исследователей, как прошлых, так и нынешних, занимал, прежде всего, вопрос о готах в Крыму, их роль, место и значение в этнической истории полуострова и его юго-западной части.

1.1. ЗАРОЖДЕНИЕ ИНТЕРЕСА И ФОРМИРОВАНИЕ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ШКОЛ (ДО 40-Х ГГ. XIX В.)

Уже в эпоху средних веков имелись смутные представления о времени появления и начале расселения готов и аланов, а также гуннов в Крыму [Рубрук, 1911. - С. 83; Барбаро, 1971. - С. 157, 180, 181]. Населению Скифии, называемой «Татарией», и «готтам» посвятил Матвей (Мацей) Меховский две главы своего «Трактата о двух Сарматиях» [1936]. Готов он называет также половцами и гетами [Меховский, 1936. - С. 68, 69]. Вторгшиеся гунны «раздавили готов», которые оттеснили аланов, роксоланов, русских и вандалов [Меховский, 1936. - С. 69]. «Готты, изгнанные из Скифии, - добавляет Матвей Меховский, - частью остановились на Таврическом острове, близ него и близ моря Понтийского ...», разделившись здесь на две части (визиготы с Аларихом во главе отправились в Италию, остготы Фригитерна - остались) [Меховский, 1936. - С. 70]. Источники све-

дений у Матвея Меховского - сочинения Орозия, Павла Диакона, хроники Сигиберга, посредством которых использует он и данные Иордана [Меховский, 1936. - С. 14, 207]. Упоминает он и о том, что «... князья Манкуп по происхождению и языку готты» [Меховский, 1936. - С. 71]. Однако остается неясным, на чем М. Меховский основывал это суждение. Отметим, что при описании Крыма автор использовал отчеты посланников и торговцев [Mielczarek, 1997. - С. 89].

В эпоху Нового времени толчком к возобновлению интереса, как путешественников, так и ученых, особенно отечественных, послужило присоединение земель Причерноморья к России и их последующее освоение.

Однако первым, кто дал связный очерк истории Крыма с древнейших времен, является, по замечанию Н.Л. Эрнста, Тунманн [1936; 1991. - С. 5], профессор университета в Галле. Работа Тунманна «Крымское ханство», написанная во второй половине XVIII в., представляет собой краткий очерк географии и истории Причерноморья и Крыма (нагорье, равнина и Керченский п-в). Тунманн пользовался в основном книжными сведениями, в том числе известиями древних авторов (Геродота, Страбона, Скимна, Арриана, Диодора, Плутарха), сочинением Прокопия, заметками средневековых хронистов и путешественников (Рубрука, Барбаро, Броневского, Бузбека), арабских писателей [Тунманн, 1991. - С. 8-9]. По его мнению, Инкерман назывался раньше Евпаторией, затем Теодори, Дори, Дорос или Дорас; Мангуп (Мангут или Манкуп) - это “прежде Готия и крепость Готия” [Тунманн, 1991. - С. 31]. Тунманн упоминает так же о том, что «Берег между Судаком и Херсонесом, очень возвышенный и гористый, был прежде усеян многими городами и замками, которые были известны под общим названием Климата или Кастра климатон и имели жителей всех национальностей и языков, из которых самыми замечательными были готы и аланы» [Тунманн, 1991. - С. 63]. С этой работой Тунманна, несомненно, были знакомы как зарубежные, так и отечественные авторы.

В конце XVIII в. путешествие с научными целями по Крыму совершил академик П.-С. Паллас [1881]. Среди прочих вопросов он интересовался и «туземным» населением (тавры, скифы, готы). Часть татар, по его мнению, ведет свое происхождение от обитавших здесь народов и «совершенно чужды монгольской расе» [Паллас, 1881. - С. 150-151, 156].

Свое путешествие по Крыму совершил и П. Сумароков [1803]. Инкерман он назвал «готским убежищем» [Сумароков, 1803. - С. 215], связывая его с пребыванием там готов.

В 1820 г. путешествовал по Крыму А.Н. Муравьев-Апостол. Он описал его в 25 письмах, которые опубликовал одной книгой [Муравьев-Апостол, 1823]. Кроме собственных наблюдений (над сохранившимися памятниками архитектуры и археологии), для описания своего путешествия А.Н. Муравьев-Апостол использовал работу П.-С. Палласа, заметки г-жи Гутри, сведения Страбона (четвертую главу его 7-й книги, по его словам, он знал наизусть [Муравьев-Апостол. - С. 260]), Птолемея, Прокопия Кесарийского, Константина Порфирородного. Монеты («медали») для него - так же источник сведений о правлении боспорских царей в первые века н.э. [Муравьев-Апостол. - С. 26 и далее]. А.Н. Муравьев-Апостол считал, что именно император Юстиниан построил в районе Алушты и Гурзуфа в первой половине VI в. укрепления [Муравьев-Апостол. - С. 136-156]. Не согласен он с мнением Н.М. Карамзина о том, что готы-тетракситы обитали на Мангупе с III в.; страна Дори, описанная Прокопием Кесарийским, по его мнению, располагалась в районе Боспора [Муравьев-Апостол. - С. 186-188].

Многие авторы этих и других популярных описаний Юга России знали книгу С. Богуша-Сестренцевича, ученого аббата, главы католической церкви в России. С. Богуш-Сестренцевич собрал все доступные ему сведения античных и средневековых авторов о населении Крыма [1806а, 1806б]. Ход событий он описывает следующим образом. Скифы, известные под именем готов, около середины второго столетия покорили тавров, а в конце четвертого столетия «другое колено готфов» проникло в Юго-Западный Крым и основало там республику, а затем княжество [Богуш-Сестренцевич, 1806а. - С. 92]. Готы из Таврии разошлись по четырем сторонам земли [1806а. - С. 262-263]. Четвертая часть осталась в Таврии просто под именем готфов [1806а. - С. 263]. Они поселились в скифском Херсонесе [1806а. - С. 264]. Все сведения об аланах и готах в Крыму ученый аббат черпает у Иордана и Прокопия [Богуш-Сестренцевич, 1806а. - С. 242, 249, 251, 257, 271; 1806б. - С. 59]. Труды С. Богуша-Сестренцевича, пожалуй, самостоятельного значения не имеют, но важны как сводка сочинений древних авторов по нашей теме.

Начало нового этапа в изучении древностей Крыма можно связать с деятельностью П. Кеппена. В 1837 году вышел его «Крымский сборник», в котором автор уже в определенной степени опирается на археологический материал. При этом П. Кеппен отмечает скудость письменных источников; по его словам Южный берег Крыма еще и в первые века «по Р.Х.» весьма мало был известен образованным народам [Кеппен, 1837. - С. 51].

Тогда же появилось основанное преимущественно на письменных источниках сочинение Н.Н. Мурзакевича «История генуэзских поселений в Крыму» [1837], в котором, кроме прочего, кратко описывается и история крымских готов. Основной источник сведений о них у Н.Н. Мурзакевича - сообщения Прокопия. Ссылаясь на них, он пишет, что часть готов в конце V в., вытеснив алан, поселилась в стране Дори, став союзниками римских императоров. Готы, живущие у Боспора, назывались тетракситами, а у г. Трапезуса (Чатырдаг) - трапезитами [Мурзакевич, 1837. - С. 47-49]. Готы имели многие укрепления, между которыми Мангуп занимал главное место [Мурзакевич, 1837. - С. 49-50]. Кроме сочинений Прокопия, Н.Н. Мурзакевич ссылается также на сочинения Рубрука, Барбаро и других авторов [Мур-

закевич, 1837. - С. 50].

Книга А. Демидова «Путешествие в Южную Россию и Крым» [1853], в отличие от работ П.И. Кеппена и Н.Н. Мурзакевича, явилась традиционным описанием путевых впечатлений с историческими экскурсами. Аланы-кочевники, по мнению А. Демидова, вторглись в Крым в первом веке н.э. «Потом явились готфы, и тогда варвары столкнулись с варварами, но готфы одолели, покорили аланов и оттеснили их в горы. В это время Тавриду стали называть Готфией» [Демидов, 1853. - С. 517]. «Но вскоре, - добавляет А. Демидов, - нахлынули новые грабители - гунны... Они наводнили Тавриду, истребили готфов и аланов, застигнутых врасплох...» [С. 518]. В последующее время, после смерти Атиллы, гунны снова оказались на полуострове, угрожая Херсонесу. Тогда император Юстиниан "... и воздвигнул, для защиты берегов, целый ряд укреплений, которых остатки мы еще видим" [Демидов, 1853. - С. 518].

Интересное описание своих путешествий оставил швейцарец Дюбуа де Монпере [1843]. Главное отличие его работы от прочих - наличие огромного атласа рисунков (природа, люди, архитектурные сооружения, археологические находки). Со строительной деятельностью императора Юстиниана связывал Дюбуа де Монпере возникновение «пещерных городов» («длинные стены» Прокопия) [Dubois de Montpereux, 1843. - С. 272-286]. Отмечая масштабный характер кропотливого труда швейцарского путешественника, позднейший исследователь средневекового Крыма А.Л. Бертье-Делагард, тем не менее, считал, что многие зарисовки Дюбуа де Монпере не точны, а суждения недостаточно обоснованы [Бертье-Делагард, 1886. - С. 205]. Оценки, А.Л. Бертье-Делагарда относительно работы швейцарского автора, пожалуй, слишком строги.

А. Фабр, один из основателей Одесского общества истории и древностей, в небольшом издании «Достопамятнейшие древности Крыма...» [1859] составил свое описание сохранившихся памятников. Мангуп-Кастрон-Готикон, по его мнению, основан был готами, бежавшими от гуннов. «Они назывались готами Трапезитами по имени горы Трапезус (Чатырдаг), близ которой поселились, для отличия от готов Тетракситов, живших недалеко от Керченского, древле Босфорского пролива» [Фабр, 1859. - С. 32]. Ссылаясь на Прокопия, А. Фабр говорит о том, что готы поселились там веком позже - было два переселения в разное время. В целом готы занимали всю горную часть полуострова от Солдайи до Балаклавы [Фабр, 1859. - С. 49-50]. Дорос находился на месте Инкермана. В целом сочинение А. Фабра не носит самостоятельного характера, а является переложением работ Богуша-Сестренцевича, Тунманна, Мурзакевича и других известных ему авторов.

Можно заметить, что первый историографический период разделяется на два неравнозначных этапа. Первый из них (XIII – середина XVIII вв.) условно можно именовать "донаучным". Он представлен в основном заметками путешественников – купцов и дипломатов, знакомых с сочинениями древних авторов. Второй (вторая половина XVIII – середина XIX вв.) этап начинается с книги Тунманна, который обобщает эти сведения, развивая, таким образом, "литературную" традицию этой отрасли знаний и заканчивается работами П. Кеппена и Дюбуа де Монпере (ярких представителей "археологической" школы). Можно сказать, что в рамках этого этапа начинают оформляться две основные историографические "школы", которые продолжают существовать и развиваться в рамках уже следующего периода.

1.2. ГОСПОДСТВО «ГОТСКОЙ ТЕОРИИ». ПЕРВЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ (ДО НАЧАЛА 30-Х ГГ. XX ВВ.)

Историографический обзор, на мой взгляд, должен охватывать, как было показано выше, кроме чисто «научных» («профессиональных») работ, и популярные. Что касается научно-популярных работ, то они, пожалуй, самостоятельного значения не имеют, образуя, скорее, своеобразный «исторический» фон, отражая идеи и информацию, содержащиеся в научной литературе и просвещая читателей. Этим они, впрочем, и интересны.

К такого рода сочинениям примыкает «Универсальное описания Крыма» В.Х. Кондараки [1875], где автор посвящает несколько страниц готам и гуннам. Он в полном недоумении, по его выражению, почему «туземцы Тавриды» получили название «готфов», и почему вся страна, занимаемая таврами, именовалась «Готфией» [Кондараки, 1875. - С. 24]. Пытаясь разъяснить это свое недоумение, В.Х. Кондараки пишет, ссылаясь на Исидора, что «... в начале III в. к берегам Черного моря подступили готы, частица которых могла вступить в Таврию и с позволения местных жителей поселиться с ними» [Кондараки, 1875. - С. 24]. Упоминается здесь и страна Дори, описанная Прокопием. В.Х. Кондараки считает, что она находилась на Юго-восточном берегу Крыма (от Алушты к Судаку), потому, что только в этой местности «... существуют следы гигантской стены, по-видимому, воздвигнутой с подобной целью» (для защиты готов) [Кондараки, 1875. - С. 25]. Неясны представления В.Х. Кондараки и о гуннах в Крыму. По мнению автора, они проникли в Тавриду или через Таманский полуостров, или же с восточных берегов Азовского моря, и были славянского происхождения [Кондараки, 1875. - С. 28]. В целом В.Х. Кондараки использует сведения Приска Панийского, Филосторгия, Феофана, Аммиана Марцеллина и некоторых других авторов [Кондараки, 1875. - С. 29].

Необходимо отметить работы Ф.К. Бруна по древней и средневековой исторической географии Причерноморья. Проникновение в Крым готов он связывал с морскими походами [Брун, 1880б. - С. 189-190]. В Юго-Западном Крыму в это время обитали и аланы [Брун, 1880а. - С. 122]. Основной источник сведений у Ф.К.

Бруна - античные авторы.

Об эпохе варварских походов и участии в них готов писал и Ф.А. Браун, считая готов «... самым талантливым народом эпохи Великого переселения народов» [Браун, 1889. - С. 18]. Готы удержались, как он пишет, в Крымских горах почти тысячелетие [Браун, 1889. - С. 20], продвигались же они не с севера, а с юга [Браун, 1889. - С. 325-331].

Рассматривая распространение христианства у готов, А. Беликов [1887], дает и краткий очерк их истории. Основные источники у него - Иордан, Синкелл, Зосим, Аммиан Марцеллин, Зонара и др. Использует он труды Витерсхайма, Гиббона, Шафарика. Кроме истории христианства у готов, автор уделяет внимание их переселению в Причерноморье, отношениям их с Римской империей, нашествию гуннов [Беликов, 1887. - С. 1-25, 77-89].

Общие сведения о походах варварских племен (в основном готов и гуннов) в эпоху Великого переселения народов на Римскую империю, затронувших и Крым, приводятся в трудах по истории Рима [Моммзен, 1885. - С. 210-223], Византии [Кулаковский, 1912. - С. 208-210, 222-228], германских [Schmidt, 1910, 1913] и славянских племен [Шафарик, 1848. - С. 206-207; Нидерле, 1898. - С. 492-493]. Так, например, вкратце описываются интересующие нас события в первом томе «Истории Византийской империи» Ф.И. Успенского [1913. - С. 149-154, 172, 389], носящей, как заметил с присущей ему скромностью выдающийся историк, популярный характер. Автор черпает данные в письменных источниках.

Ю.А. Кулаковский [1891, 1906] наряду с письменными источниками широко использует и археологические. Описание событий схематично выглядит у него следующим образом. В середине III века готы вместе с герулами придвинулись к границам Боспорского царства [Кулаковский, 1906. - С. 38, 1910. - С. 118-120]. Готы, проникшие в Крым, впоследствии были оттеснены гуннами, кочевавшими в степи [Кулаковский, 1912. - С. 209]. В горах Крыма готы имели свой центр - Дорос, Феодоро (Мангуп-Кале) [Кулаковский, 1906. - С. 54; 1912. - С. 209]. Среди древних авторов, описавших эти события, Ю.А. Кулаковский упоминает Зосима, Созомена, Филосторгия, Аммиана Марцеллина, Прокопия [Кулаковский, 1906. - С. 38, 52, 54; 1912. - С. 210]. Исключительно к готам относит он открытую в 1904 году керченскую «катакомбу» «... со множеством вещей, преимущественно предметов вооружения того типа, за которым установлено в настоящее время название готского» [Кулаковский, 1906. - С. 51].

Популярный характер имеют краеведческие работы Е.Э. Иванова [1912], отдельные страницы которых посвящены нашествиям готов, герулов и гуннов [Иванов, 1912. - С. 47, 61-62]. При описании событий Е.Э. Иванов всюду ссылается на работы Ю.А. Кулаковского.

Известный отечественный историк Византии В.Г. Васильевский специально остановился на истории варварских морских походов, считая, что именно здесь имеется ответ на вопрос о том, когда и как проникли готы в Крым [Васильевский, 1912. - С. 352]. Используя сведения Зосима, Созомена, Дексиппа и других авторов, он рисует панораму мощных морских походов, в которых участвовали, кроме готов, также герулы, бораны, гепиды, «кельты» и другие племена. Всего В.Г. Васильевский насчитал семь таких походов (255, 259, 262-263, 264, 267, 268 и 275 гг.), которые совершались вдоль восточного и западного берегов Черного моря, затем по Мраморному и Эгейскому. Останавливается В.Г. Васильевский и на вопросе о различиях готов-тетракситов и готаланов, которые, по его мнению, являются двумя разными «отпрысками» готского племени. Основываясь на анализе текста Прокопия и Анонимного Перипла, он приходит к выводу о том, что готаланы жили в Крыму, а готы-тетракситы - на Тамани (район нынешнего г. Геленджика) [Васильевский, 1912. - С. 377-381].

С развитием археологической науки к концу XIX - началу XX вв. [См.: Жебелев, 1923. - С. 107-115] значительно увеличились масштабы археологических исследований, в том числе и на юге Российской империи. Именно тогда шире стали привлекаться и материалы могильников Крыма для подтверждения широкого распространения готов на полуострове в эпоху Великого переселения народов. Не останавливаясь пока специально на историографии готской проблемы в изучении «Крымской Готии», заметим, что она рассмотрена в книге Г.С. Лебедева [1992. – С. 348 - 367].

Здесь же нужно сказать о том, что традиция «готской» интерпретации находок из крымских могильников во многом ведет свое начало еще от французского археолога Ж. де Байе, который сопоставил крымский материал с европейским (эпоха Меровингов) и выдвинул идею о его готской принадлежности, в особенности ювелирных украшений полихромного стиля [Baye J. De , 1888, 1891, 1892, 1908а, 1908б; См.: Засецкая, 1975. - С. 6]. Соглашаясь в целом с идеей о готской принадлежности могильников, отечественные ученые разошлись с ним во мнении о происхождении и принадлежности изделий полихромного стиля. Так, Э.Р. Штерн усматривал здесь влияние скорее греческого художественного ремесла Малой Азии и Боспора, традиции которого затем распространили новые пришельцы [Штерн, 1879. - С. 15]. М.И. Ростовцев, напротив, связывал происхождение полихромного стиля с Ираном и сарматским миром, который затем только был перенесен готами в Европу [Ростовцев, 1925. - С. 245, 577-579, 617; Ср.: Лебедев, 1992. - С.385-389].

Этот вопрос был затронут и в третьем выпуске «Русских древностей в памятниках искусства (древности времен переселения народов)», изданных И.И. Толстым и Н.П. Кондаковым [1890]. По мнению авторов, этот стиль, его орнаментика родилась на Востоке, в Иране и Средней Азии, затем проникла на Северный Кавказ и Дон, сосредоточилась в начале средних веков в Южной России и по берегам Дуная [Толстой, Кондаков, 1890. - С. 69, 147]. И. Толстым и Н. Кондаковым был рассмо-

трен и вопрос о готах в Крыму. Авторы рассматривают готские морские походы, в результате которых и могли поселиться готы на черноморском побережье [Толстой, Кондаков, 1890. - С. 129-130], где жили сначала сарматы, потом аланы и готы (Южный берег Крыма и Юго-Западный Кавказ [Толстой, Кондаков, 1890. - С. 104] и Дон [Толстой, Кондаков, 1890. - С. 128]). Готы в Крыму - это страна Дори Прокопия (район Чатырдага), готы-тетракситы же располагались на Тамани [Толстой, Кондаков, 1890. - С. 130].

С готами связывал могильники в Юго-Западном Крыму Н.И. Репников, о чем красноречиво говорит и само название его опубликованного отчета об исследованиях - «Некоторые могильники области крымских готов» [Репников, 1906, 1907, 1906а. - С. 106-109]. Эта точка зрения господствовала и в европейской археологической (и в целом - исторической) науке, начиная еще с Р. Пальмана, который одним из первых разработал хронологию событий «готских войн» [Pullmann, 1863.-S.237; См.: Сымонович, 1967. - С. 206]. Традиции были продолжены В. Томашеком [1881], затем О. Альмгреном [1897], который обратил внимание на фибулы из погребений и их родство с североевропейскими формами. Сводку этого материала (и для Крыма в том числе) составил Б. Салин [1904], связывая генетически их с Подунавьем. Свои варианты решения этой проблемы предлагали Н.А. Герце [1907] и Н. Берг [1919].

Нужно заметить, что готская проблема в целом занимала достаточно видное место в исторической науке XIX - начала XX вв. При этом рассматривалась она все же преимущественно на материалах письменных источников [Подр. см.: Буданова, 1990. - С.10-15]. В этом же ключе работал и А.А. Васильев, один из видных историков Византии в России, который внес крупный вклад в разработку проблем этнической истории Крыма, связанных с готами и, частично, гуннами. Его перу принадлежит известная работа «Готы в Крыму» [1921, 1927], где подробно рассмотрены многие вопросы, представляющие для нас интерес: появление готов в Крыму, распространение у них христианства, гуннское нашествие, местонахождение страны Дори и этимология его названия, происхождение термина «тетракситы» и т.д.

Его выводы заключаются в следующем. По мнению А.А. Васильева, готы появились в Крыму с берегов Балтийского моря в III веке н.э. [Васильев, 1921. - С. 265], участвуя в грабительских морских походах. В IV веке большая часть полуострова находилась у них в руках, за исключением восточной части Боспорского царства со столицей, независимым оставался и Херсонес [Васильев, 1921. - С. 287-289]. Впервые подробно, по сравнению со своими предшественниками, рассматривает А.А. Васильев вопрос о гуннском нашествии, которое, по его мнению, затронуло и Крымский полуостров. Он использует при этом все доступные ему письменные источники. Этот анализ и приводит его к выводу о том, что гунны основной своей массой прошли на запад, готы же сохранили свою власть на полуострове, оставаясь православными [Васильев, 1921. - С. 300, 307]. В середине V века гунны-утигуры, возвращаясь из Европы после распада державы Атиллы, разделили готов на две части, одна из которых ушла на Тамань, а другая в горный Крым, где и образовалась страна Дори, описанная Прокопием [Васильев, 1921. - С. 311-313]. Прибрежные владения самой Крымской Готии простирались от Балаклавы до Сугдеи (в V веке). Местонахождение Дори (Феодоро) А.А. Васильев определяет на Мангупе, основываясь на письменных данных и двух надписях, найденных там [Васильев, 1921. - С. 334]. Автор «Готов в Крыму» склоняется к тому, чтобы под готами-тетракситами подразумевать всех крымских готов [Васильев, 1921. - С. 334], которых правильнее называть «трапезитами», т.к. они жили в области г. Трапезунт (Чатырдаг) [Васильев, 1921. - С. 341].

Можно заметить, что хотя работа А.А. Васильева «… до сих пор является единственным в своем роде сводом письменных источников по средневековью Южной Таврики» [Баранов, 1974. - С. 152], тем не менее, автору все-таки иногда не хватало критического отношения к источникам; почти не использует он и данные археологии.

В советское время отечественная история и археология оказались в сложном положении. С одной стороны, значительно выросли объемы исследований и публикаций, с другой - многие темы и идеи оказались под негласным запретом, испытывая косвенное или даже прямое влияние политических обстоятельств. Проблемы этнополитической направленности в исторической науке в целом разрабатывались в очень слабой степени. Тем не менее, полного разрыва с накопленным научным багажом прошлого не произошло.

В 20-30-е годы по-прежнему с готами традиционно связывался археологический материал времени Великого переселения народов в Крыму. Эта точка зрения нашла свое отражение в обобщающей работе Ю.В. Готье «Железный век в Восточной Европе» [1930]. Считалось, по мнению автора, что культура крымских могильников III-VI вв. поддается определению очень легко - она смело называется готской [Готье, 1930. - С. 21]. К готским памятникам в Крыму Ю.В. Готье отнес могильники Кекенеиз, Кореиз, Ореанда, Ай-Даниль, Гугуш, Бал-Гота, Суук-Су, а так же и другие памятники в окрестностях Алушты, Бахчисарая и Керчи. Изделия полихромного стиля он также считал готскими, центром распространения которого был Боспор [Готье, 1930. - С. 19-20, 45].

Северо-причерноморское, боспорское происхождение предметов этого стиля подчеркивал и Л.А. Мацулевич. Исследуя характер инкрустации и другие признаки, он связывал его со скифским и сарматским искусством [Мацулевич, 1926. - С. 38; 1934. - С. 7, 86].

С увеличением масштабов археологических исследований в Крыму, все большее значение стал приобретать археологический материал. В 1932 году вышел «Готский сборник», посвященный исследованию крымских памятников. В одной из статей, помещенных в нем,

Н.И. Репников рассмотрел новые результаты раскопок Эски-Кермена. Автор посчитал, что он возник в V-VI вв., причем именно здесь и был первоначальный Дорос, перенесенный впоследствии на новое место, на Мангуп [Репников, 1932. - С. 117, 133].

В рамках второго периода, как видно, также можно выделить свои этапы. На первом из них (середина – конец XIX в.) продолжала развиваться в основном «литературная» традиция, привлекать же археологические данные все шире в науке стали уже позднее, в конце XIX – начале XX вв. Эта тенденция оформилась, впрочем, уже в 20-30 гг. XX в. Тогда же в работах А.А. Васильева был собран основной фонд письменных источников по проблеме. В целом этот период характеризуется безусловным преобладанием «готской» теории и подчеркиванием роли переселений варварских (преимущественно германских) племен в изменении этнического состава населения Крыма. В центре внимания исследователей надолго стал так называемый «готский вопрос», свое видение истоков которого недавно предложил В.Ю. Юрочкин [См. подр.: Колтухов, Юрочкин, 2004. – С. 100 и сл.].

1.3. «АВТОХТОНИЗМ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ 30-Х – СЕРЕДИНЫ 60-Х ГГ. XX В.

Определенным итогом и осмыслением материала, а также началом нового этапа историографии явилась уже упоминавшаяся статья В.И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья» [1932]. Основная идея автора заключалась в том, что существовало единство исторического процесса в Северном Причерноморье, от киммерийцев до хазар [Равдоникас, 1932. - С. 89]. В своем развитии этот процесс прошел ряд этапов («стадий»), названных по имени господствующих племен (киммерийцы, скифы, сарматы, готы). Развитие местного населения шло, по словам автора, путем скрещивания и ассимилирования новых пришельцев, но автохтонность господствовала [Равдоникас, 1932. - С. 45]. В.И. Равдоникас подверг резкой критике типологический метод археологии и националистические идеи современной ему германистики [Равдоникас, 1932. - С. 38-44]. Готская проблема для него - проблема феодализации, реальность исторических готов он не отрицает, но считает, что «причерноморские готы автохтонно и стадиально образовались из ранее здесь бывших племен путем скрещивания в период образования феодализма» [Равдоникас, 1932. - С. 87]. В результате А.В. Заморяхин назвал В.И. Равдоникаса «пионером ... антиготской тенденции [Заморяхин, 2006. – С. 157]. [Подробное изложение взглядов В.И. Равдоникаса см.: Колтухов, Юрочкин, 2004. – С. 103-106].

Позднее эти идеи неоднократно подвергались резкой критике. Теория В.И. Равдоникаса называлась порочной [Кропоткин, 1953. - С. 3]. Несомненно, В.И. Равдоникас отдал определенную дань набиравшей тогда силу в нашей науке теории автохтонизма, связанной с именем Н.Я. Марра. Тем не менее, ради справедливости нельзя не отметить широкий проблемный подход ленинградского археолога, проведенный им анализ всех доступных источников. Здесь можно отметить и мнение В.Ф. Генинга, который считал, что «... именно такой (стадиальный) анализ проблем ... только и позволяет подойти правильно к ее решению “ [Генинг, 1982. - С. 185].

В 40-50-е годы XX в. оживился интерес к известиям древних авторов. В.Ф. Гайдукевич в книге «Боспорское царство» довольно подробно остановился на нашествиях варварских племен в Причерноморье, опираясь на сообщения Аммиана Марцеллина, Зосима и других древних историков и писателей [Гайдукевич, 1949. - С. 439-479]. А.М. Ременников [1954] посвятил специальную работу взаимоотношениям варваров с Римом. Военные походы варваров затронули и Крым, в них участвовали основные причерноморские племена, среди которых были и готы. Однако они, по заключению автора, не были главной ударной и направляющей силой этих походов [Ременников, 1954. - С. 141-142].

В 1960 году выходит в русском переводе знаменитый труд Иордана «О происхождении и деяниях гетов». Одному интересующему нас аспекту «Готской истории» по Иордану и была посвящена работа М.Е. Беркович [1960]. Автор дает краткий обзор литературы, проводит анализ этнической терминологии Иордана и приходит к выводу, что готский союз племен не имел благоприятных условий для образования народности и готы постепенно слились с иноязычным населением [Беркович, 1960. - С. 113-119]. Впрочем, насколько это заключение относится к крымским готам, судить трудно.

Возвратимся к памятникам Юго-Западного Крыма. С конца 40-х - начала 50-х гг. здесь развернулись масштабные археологические исследования, выразившиеся, прежде всего в раскопках могильников, многие из которых можно отнести к эпохе Великого переселения народов. Назовем основные из них: Инкерманский (рис. 5.1) [Стржелецкий, 1947, Веймарн, 1955, 1963], Черноречeнский (рис. 7; 8; 14) [Бабенчиков, 1963], Сахарная головка (разведки Е.Н. Жеребцова) (рис. 7; 8; 17) [Борисова, 1959, Веймарн, 1955, 1963; См. также: Кацур, 1963], Совхоз-10 (рис. 7, 8, 21, 22) [Стржелецкий, 1954; 1959; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004], Скалистое [Веймарн, Айбабин, 1991] (См.: рис. 7; 8; 18; Табл. 1).

В интерпретации материалов этих могильников часто можно было наблюдать своеобразное сочетание «автохтонной» и «миграционной» теорий: некрополи связываются как с местным (таврским и тавро-скифским), так и с пришлым (сармато-аланским и славянским) населением, которое ассимилировало в целом немногочисленных готов.

Так, Инкерманский могильник С.Ф. Стржелецкий отнес к местному тавро-скифскому населению [1947. - С. 298]. Эта местная культура сложилась, по его мнению, на

основе синтеза таврской и позднейшей тавро-скифской культуры, с одной стороны, и греко-римской - с другой, а крымские готы имели местную, тавро-скифскую или сарматскую, основу [Стржелецкий, 1947. - С. 300]. Е.В. Веймарн относил этот могильник также к местному, но уже сарматскому населению, частично ассимилировавшему тавров [Веймарн, 1957. - С. 233-236].

В обнаруженном в 1951 г. во время строительных работ могильнике близ высоты «Сахарная головка» [Борисова, 1959; Веймарн, 1963], В.В. Борисова, по сходству погребального инвентаря с инвентарем из могильников Суук-Су, Эски-Кермена и Херсонеса прослеживает аланское и византийское влияние [Борисова, 1959. - С. 190].

По-прежнему вызывал интерес биритуальный могильник на мысе Ай-Тодор (Харакс) (рис. 7; 8; 13), исследование которого началось еще в 30-е годы XX в. [Блаватский, 1938]. В публикуемой в 1951 году статье, посвященной этому некрополю, В.Д. Блаватский высказал мнение, что там хоронило своих умерших небогатое местное население, испытавшее римское влияние [Блаватский, 1951. - С. 274].

Также биритуальным оказался открытый в 1954 году в глубине Инкерманской долины еще один могильник (так называемый «Совхоз-10»). Анализируя черты погребального обряда, инвентаря и погребальных сооружений, первооткрыватель его С.Ф. Стржелецкий отметил сходство с некрополем Херсонеса. Затем он, рассуждая методом «исключения», пришел к выводу, что этот могильник не принадлежал ни готам, ни грекам, ни сарматам, ни скифам и таврам, а носителям культуры «полей погребений», по его мнению - ранним славянам [Стржелецкий, 1954. - С. 117-129].

На короткое время подобные мнения стали довольно распространенными. Дело в том, что практически с момента открытия памятников черняховской культуры («полей погребений») в научной литературе оформились три направления в интерпретации этноса черняховских племен: 1) восточнославянская (антская), 2) восточногерманская (готская) принадлежность и 3) концепция полиэтничности культуры [Подр. см.: Сымонович, 1964.- С.82-88; Баран, Гороховский, Магомедов, 1990. - С. 31-33; Магомедов, 2001. – С. 11-15]. В 50-е годы XX в. господствовавшим в нашей науке было первое направление.

Вот один из красноречивых примеров. Одним из главных вопросов, обсуждаемых в 1952 году на сессии отделения истории и философии Крымского филиала АН СССР по истории Крыма, состоявшейся в г. Симферополе, была проблема ранних славян в Крыму. На сессии с директивным докладом «Славяне в Крыму и на Тамани» выступил акад. Б.А. Рыбаков. Без достаточно развернутых обоснований он выдвинул тезис о том, что «... в эпоху господства Рима в Причерноморье венетыанты проникали на берега Понта и в качестве временных завоевателей и в качестве поселенцев» [Рыбаков, 1952а. - С. 13]; якобы особенно ощутимо стало наличие славян в Крыму и на Босфоре в III-IV вв. [Рыбаков, 1952а. - С. 14], тогда же славяне «…стали одним из компонентов крымского населения» [Рыбаков, 1952б. - С. 6]. Надо сказать, что такого рода идеи были продиктованы исключительно политическими факторами - в послевоенное время требовалось дополнительно обосновать права России и русских (в связи депортацией крымских татар и других народов) на Крым и, кроме того, в стране разворачивалась борьба с «космополитизмом». Археология, политика и идеология стали прочно связанными [Подр. См.: Колтухов, Юрочкин, 2004. – С. 107-119].

Как бы в подтверждение этих тезисов ряд исследователей, привлекая отдельные материалы могильников Юго-Западного Крыма, высказались о проникновении в этот район полуострова ранних славян (как носителей черняховской культуры) именно в эпоху поздней античности [См.: Веймарн, Стржелецкий, 1952; Смирнов, 1953].

Более обоснованную и взвешенную позицию заняла М.А. Тиханова [1953]. Она отметила густоту населения Юго-Западного Крыма, его смешанность (тавро-скифы и сармато-аланы), тесную связь с Херсонесом. Немногочисленные готы, по ее мнению, усвоили местную, тавро-скифскую культуру [Тиханова, 1953. - С. 322], затем смешались с сармато-аланами. Готия - наименование географическое, а не этническое. В целом погребальные памятники (Мангупа) носят аланский характер, как и могильник в Инкермане; погребения с трупосожжениями не имеют ничего общего с захоронениями полей погребений [Тиханова, 1953. - С. 322-327; Колтухов, Юрочкин, 2004. – С. 120-122].

Эту проблему затрагивал и В.П. Бабенчиков, который считал, что подбои, ямные могильники и склепы Чернореченского могильника (рис. 7; 8; 15; 16) имеют многочисленные аналоги среди других могильников Крыма, а обряд трупосожжения - в памятниках среднего Поднепровья (черняховская культура) [Бабенчиков, 1963. - С. 123].

В.В. Кропоткин, не заостряя внимание на готской проблеме, высказал мнение, что ряд памятников Юго-Западного Крыма (могильники Чуфут-Кале, Суук-Су) принадлежали смешанному, алано-готскому населению. Готы ассимилировались там с местным, более многочисленным и более культурным населением, восприняв более высокую сармато-аланскую материальную культуру [Кропоткин, 1953. - С. 12-13; 1958. - С. 211-212]. Захоронения по обряду трупосожжения В.В. Кропоткин связывал с античными традициями [Кропоткин, 1959. - С. 183-185]. По его мнению, вторжение в Таврику готских, а затем гуннских племен не сопровождалось каким-либо заметным изменением погребального обряда [Кропоткин, 1959. - С. 194].

При решении вопроса об этнической принадлежности населения Горного Крыма в эпоху Великого переселения народов невозможно обойти стороной проблему возникновения так называемых «пещерных городов» и их роль в истории Таврики.

А.Л. Якобсон выдвинул и обосновал идею, согласно которой «пещерные города» Крыма были построены византийцами и играли роль своеобразного «Таврического лимеса», защищавшего территорию Херсонеса со стороны степи [Якобсон, 1949. - С. 26-27]. По мнению М.А. Тихановой, они образовывали как бы две линии укреплений [Тиханова, 1953. - С. 324].

С этими мнениями не согласился Е.В. Веймарн, считая, что «пещерные города» построены в разное время и имеют разный характер и ни в коем случае не могут быть «длинными стенами» Прокопия Кесарийского [Веймарн, 1958. - С. 71-74]. Они возникли после гуннского нашествия, в результате которого погибло большинство поселений поздних скифов в IV веке [Веймарн, 1958. - С. 75, 78; 1958б. - С. 52-53]. Укрепления были построены местным тавро-скифским и сармато-аланским населением при помощи византийцев [Веймарн, 1958а. - С. 78; 1958б. - С. 53]. Д.П. Талис, в отличие от Е.В. Веймарна, так же как и А.Л. Якобсон, считал, что оборонительные комплексы «пещерных городов» сооружены все же византийцами, но не в эпоху Юстиниана I, хотя и в VI веке [Талис, 1961. - С. 254-255]. Мнения о «византийском» происхождении «пещерных городов» придерживались и придерживаются до настоящего времени большинство исследователей [Могаричев, 2005. – С. 10]. Как мы видим, в 50-е гг. XX в. оформились и были изложены взгляды исследователей крымских древностей эпохи Великого переселения народов (М.А. Тиханова, Е.В. Веймарн, В.В. Кропоткин, А.Л. Якобсон), которые во многом предопределили направления дальнейших научных поисков [Колтухов, Юрочкин, 2004. – С. 120-136].

Параллельно с работами, посвященными преимущественно анализу письменных источников или археологических памятников, проблемы этнической истории разрабатывались и на основе антропологических материалов. В этом ряду назовем появившееся еще в 1935 году исследование по этнической антропологии Таврики периода раннего средневековья, принадлежащее перу Г.И. Петрова [1935. - С. 12-18]. Автор, выделил два антропологических типа населения: брахикранный (круглоголовый) и долихокранный (длинноголовый). Он отметил, что в целом наблюдается расовая однородность населения Эски-Кермена и Мангупа и генетическая связь с Кавказом [Петров, 1935. - С. 13-14]. Единого же типа крымских готов, по его мнению, не существует [Петров, 1935. - С. 18].

Снова возвратился к исследованию материалов Мангупа и могильника Эски-Кермена в послевоенное время Г.Ф. Дебец. По его определению, основной выявленный тип населения, оставившего эти могильники - круглоголовый (брахикранный), крымские готы, по его замечанию, не являются потомками северо-европейского типа, сближаясь с автохтонным населением Крыма [Дебец, 1949. - С. 343-346]. Основная масса населения была местного происхождения, примесь предполагаемого скандинавского элемента сводится к весьма незначительному проценту, не оказавшему заметного влияния на антропологический тип населения [Дебец, 1949. - С. 386]. Один из основных выводов автора заключается в том, что, хотя в Эски-Кермене и было найдено несколько черепов, которые можно было охарактеризовать как северо-европейские, эта особенность - результат нормальной изменчивости [Дебец, 1948. - С. 168].

Материалы из могильников Чуфут-Кале и Инкерманской долины обработала К.Ф. Соколова. Согласно ее определению, черепа из Чуфут-Кале оказались близки черепам из Неаполя Скифского, «Сахарной головки» и Баштановки. Это говорит о том, что антропологический тип поздних скифов продолжает существовать в раннем средневековье. Население принадлежало, в целом, как считала К.Ф. Соколова, к сармато-аланской группе, сходной со скифами, этническая связь с готами не прослеживается [Соколова, 1958а. - С. 69-70]. Анализ краниологических материалов Инкерманского и Чернореченского могильников позволили исследовательнице говорить о смешанности населения, сходстве его с населением Неаполя Скифского и Херсонеса, при этом она выделяет несколько краниологических вариантов, находящих аналогии в краниологических сериях Херсонеса, скифов Приднепровья, Юго-Западного Крыма и Северного Кавказа средневекового времени [Соколова, 1963. - С. 125-127]. В итоге, К.Ф. Соколова сделала предположение, что эти антропологические типы восходят к поздним скифам, таврам, грекам и сармато-аланам [Соколова, 1963. - С. 159]. Тот же автор, исследуя антропологический материал Алуштинского могильника, затронула и вопрос о готах в Крыму. По ее мнению, брахикранный широколицый тип этого некрополя сходен с сарматами Волжской дельты и с населением Мангупа, Эски-Кермена и Суук-Су и не согласуется с литературными (Прокопий) источниками о готах [Соколова, 1958б. - С. 64-66]. Однако материалы алуштинского могильника относятся в целом к позднему средневековью [См.: Иванов, 2003. – С. 81-82, примечание] и не могут быть основой для суждений о населении Крыма в позднеантичный-раннесредневековый период.

Как можно заметить, в целом для отечественных работ середины XX века, построенных на антропологических материалах, было характерно достаточно прямолинейное сопоставление выявленных палеоантропологических типов с древними этносами.

1.4. ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ИСТОЧНИКАМ. КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ (ДО КОНЦА 80-Х ГГ. XX В.)

С 60-х гг. XX в. постепенно начал пробивать себе дорогу новый – комплексный подход к источникам в исследовании конкретных научных проблем. Но в определенном смысле интерес к этническим проблемам Крыма стимулировался и новым прочтением письменных источников.

Отдельные упоминания о населении Крыма содержаться в работах общего плана об эпохе Великого переселения народов и участия в них германских племен и гуннов, написанных, в основном, на основе анализа письменных источников. Среди зарубежных авторов можно назвать Ф. Альтхайма [1959], Р. Хахмана [1970], Х.-Ю. Дисхера [1976], Х. Вольфрата [1979], И. Стрельчук [1984] и др. Из вышедших на русском языке упомянем исследование В.Т. Сиротенко, посвященное истории международных отношений в Европе во второй половине IV-начале VI в. [Сиротенко, 1973] и книгу А.Р. Корсунского и Р. Гюнтера «Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств» [1984], дающие общую панораму событий и базирующиеся также на письменных источниках.

Готам в эпоху Великого переселения народов посвятила свои работы В.П. Буданова. Однако она также специально не занималась проблемой готов в Крыму и, таким образом, ее выводы относятся ко всем причерноморским готам. Как показали предварительные наблюдения В.П. Будановой, название «готы» в источниках носит скорее не этнический характер, оно служит показателем формирования союза племен, синонимом слова «варвар» [Буданова, 1980. - С. 146]. Данными же для выявления этнической структуры этих многих варварских союзов мы не располагаем [Буданова, 1987. - С. 38]. Поэтому утверждать, что в источниках III-IV вв. под «скифами» следует подразумевать готов, так и отрицать, что только готов древние авторы называют скифами, представляется невозможным [Буданова, 1980. - С. 150]. У готских племен в это время отсутствовало внутреннее единство, готы не могли быть связующим центром по отношению к другим племенам, характер контактов между ними был сложен, однако взаимоотношения с местными племенами были, в основном, мирными [Буданова, 1984. - С. 38]. В.П. Буданова провела очень важную работу по исследованию этнонимии древних народов [1984; 1990. Табл. А. Словарь этнонимов германских племен периода Великого переселения народов; 2000].

Несколько особняком стоит работа В.Н. Топорова [1983. - С. 227-257]. Он предложил свою картину распространения германцев в Восточной Европе, проанализировав данные источников, в том числе и языка, о пребывании готов в Крыму [Топоров, 1983. - С. 232-242]. В целом же, на наш взгляд, высказанные В.Н. Топоровым идеи во многом не выходят за рамки представлений, сложившихся еще до начала 30-х гг. XX в., что не мешает, однако, согласиться с тем, что эта тема (древние германцы в Причерноморье) «не только не исчерпана, но и ждет новых исследований, за которыми наступит пора синтетических обобщений всей проблемы» [Топоров, 1983. - С. 257].

Если говорить в целом о «готской проблеме», то необходимо отметить, что историографический анализ западной и отечественной литературы 50-80 гг., проведенный В.П. Будановой [1990. - С. 16-48], показал, что само это понятие приобрело два основных значения. Первое из них - этническая атрибуция археологического материала и второе - более тщательный анализ письменных свидетельств [Буданова, 1990. - С. 46-47]. В качестве примеров новых методологических подходов, вслед за В.П. Будановой, необходимо обратить внимание на работу Р. Хахмана «Готы и Скандинавия» [1970] и ряд исследований Х. Вольфрама. Книга Р. Хахмана структурно состоит из четырех частей. Первые три из них (филологическая, историческая и археологическая) изолированы друг от друга; в четвертой сделана попытка синтезировать их выводы. В заслугу Р. Хахману, по мнению В.П. Будановой, можно поставить то, что он своим исследованием показал качественное отличие синтеза исторических выводов, полученных различными дисциплинами, от использования конкретной информации [Подр. см.: Буданова, 1990. - С. 36-37]. Х. Вольфрам, создавая целостную историю готов, рассматривал ее в плоскости исторической этнографии [Буданова, 1990.- С. 41-45] - в этом заключалась основная новизна его подхода.

Интерес к проблемам этнической истории, в том числе и крымской, возрос во второй половине 60-х годов. Так, разрабатывая систему хронологии раннесредневековых памятников Восточной Европы, А.К. Амброз [1971а, 1971б] уделил внимание и этническим аспектам, основываясь, прежде всего на чисто археологическом материале. Он привел новые данные о проникновении в Крым носителей черняховской культуры [Амброз, 1964. - С. 17; 1971а. - С. 102], рассмотрел происхождение вещей так называемого полихромного стиля, который сложился, по его мнению, вокруг гуннской державы [Амброз, 1974. - С. 15]; в Крыму было два этнических островка готов - близ Керчи и в юго-западной части полуострова (область Дори) [Амброз, 1968. - С. 22-23; 1974. - С. 24-25]. В целом раннесредневековая культура Юго-Западного Крыма (как и Боспора) представляла, по его мнению, сложную смесь разноэтничных элементов, среди которых был и готский. Готы сохраняли некоторое время свое этническое своеобразие, но, в конце концов, полностью растаяли в местной этнической среде [Амброз, 1968. - С. 23]. Это, по сравнению с предыдущими годами развития историографии проблемы, был, несомненно, новый, многое в будущем предопределивший подход [Колтухов, Юрочкин, 2004. – С. 137-139, 149-152].

Более взвешенно и осторожно стал относиться В.В. Кропоткин к формулировке своего мнения относительно этнической принадлежности могильников Юго-Западного Крыма, в том числе и Чуфут-Кале [Кропоткин, 1964. - С. 115]. Он посвятил специальную работу сопоставлению общих черт погребального обряда и инвентаря могильников Юго-Западного Крыма и черняховской культуры [Кропоткин, 1978. - С. 149-150, 161-162], когда в Крыму появляются вещи как черняховского [Симонович, 1975. - С. 80-86], так и придунайского [Айбабин, 1979. - С. 22-32] типов.

Тесно связанным с проблемами этнической истории Крыма эпохи Великого переселения народов является вопрос о местонахождении так называемой «страны Дори» Прокопия Кесарийского, населенной готами. Историография этого вопроса подробно рассмотрена Э.И. Соломоник и О.И. Домбровским [1968. - С. 21-24, 29-32], которые, в свою очередь, располагают страну Дори не в горном Юго-восточном Крыму и не на Тамани, а на южном и юго-восточном берегах полуострова [Соломоник, Домбровский, 1968. - С. 44]. Эта точка зрения неоднократно подвергалась критике [Якобсон, 1964. - С. 153-154; 1971. - С. 298-301; Фирсов, 1979. - С. 108-112; Сидоренко, 1988. - С. 101-102; Ушаков, 1991. - С. 102-103]. Свои мнения высказали И.С. Пиоро [1976. - С. 8], Е.В. Веймарн [1980. - С. 19-20]; И.А. Баранов [1986. - С. 233] и другие авторы. Очевидно, что вопрос о том, где могла находится страна Дори в VI в., остается не закрытым и нуждается в дополнительном изучении. [Пример такого исследования: Сидоренко, 1991].

Проблемы археологии и истории Юго-Западного Крыма продолжал разрабатывать Е.В. Веймарн [1965. - С. 146-147; 1971. - С. 61-65; 1972. - С. 292-294]. Он согласился с тем, что готы пришли в Крым в результате морских походов, но в итоге они оказались не в юго-западной части полуострова, а на южном берегу [Веймарн, 1971. - С. 61-65].

Основная же масса населения Юго-Западного Крыма, по мнению ряда авторов, принадлежала, в соответствии с характерными чертами погребального обряда и инвентаря, или сармато-аланам [Гущина, 1967; 1974], или поздним скифам [Высотская, 1972. - С. 69], которые испытали их влияние [Высотская, 1987. - С. 65; Лобода, 1977. - С. 248; Высотская, Махнева, 1983. - С. 79-80].

Появление новых могильников в Юго-Западном Крыму в III-V вв., характеризующихся новыми чертами погребального обряда, инвентаря и характерными погребальными сооружениями (биритуализм, подбои, склепы), почти единодушно связывается в настоящее время с миграциями германских племен [Мыц, 1983. - С. 153-156; 1987. - С. 144-164; Пиоро, 1976. - С. 6-8] и аланами [Лобода, 1977. - С. 248-252; Айбабин, 1987, - С. 188-193; 1990. - С. 66; Пиоро, 1990. - С. 160]. В частности, анализируя погребения с трупосожжениями, А.И. Айбабин пришел к выводу, что этот обряд не мог распространиться из Херсонеса, а аналогичен погребениям на могильниках восточно-поморско-мазовецкой или вельбарской и пшеворской культур [Айбабин, 1987. - С. 188]. И.С. Пиоро прямо связывает их с готами [1990. - С. 89-99]. Свои взгляды авторы подробно изложили в опубликованных статьях и монографиях [См.: Колтухов, Юрочкин, 2004. – С. 152-157].

В эти годы продолжалось исследование и палеоантропологического материала. Так, материал из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма обрабатывался Ю.Д. Беневоленской [1970] и Г.П. Зиневич [1973]. Выводы Г.П. Зиневич относительно этнической принадлежности этих могильников нельзя назвать вполне оригинальными: они сделаны в русле идей, высказанных археологом, исследовавшим эти могильники - Е.В. Веймарном. Работа (этническая трактовка материала) Ю.Д. Беневоленской носит в этом отношении более самостоятельный характер.

Анализ готской проблемы на антропологическом материале и изучение вопроса об этнической принадлежности некрополей Юго-Западного Крыма провела и Т.И. Алексеева [1966]. Ее выводы заключались в том, что какие-либо антропологические материалы, относящиеся бесспорно к готам, в том числе и на территории Крыма, обнаружить не удалось. Местные краниологические серии III-IV вв. имеют сходство со скифами; в V-VII вв. - с населением Балкан, позднее в средневековье обнаруживают сармато-аланские черты [Алексеева, 1974. - С. 72-73]. У населения Крыма не проявляется черт, которые позволили бы рассматривать его как готское или хотя бы испытавшее влияние готов [Алексеева, 1966. - С. 17].

Упомянем и об антропологических материалах из некрополя Лучистое. Двадцать три погребения из восьми склепов, раскопанных А.И. Айбабиным, проанализировали Т.П. Назарова и И.Д. Потехина. Эти антропологические материалы морфологически оказались наиболее близки черепам из могильников в Инкермане, на высоте «Сахарная головка», и Чуфут-Кале [Назарова, Потехина, 1990. - С. 39]. Сходными чертами обладают серии из Заветнинского и Чернореченского могильников, а также черепа из склепов IV-IX вв. у западной оборонительной стены Херсонеса. Однако это сходство не позволяет сделать вывод о генетическом родстве населения, оставившего эти могильники [Назарова, Потехина, 1990. - С. 39-40].

Таким образом, к концу 80-началу 90-х гг. XX в. сформировались основные подходы к исследованию варварских этносов Крыма рубежа античности и средневековья. Они заключались в декларируемом комплексном анализе данных всех групп источников (письменных, археологических, антропологических). Правда, на практике, в ходе конкретных исследований авторы отдавали предпочтение или даже строили выводы на той группе материалов, которые они могли изучить в зависимости от своей научной специализации.

1.5. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЯ

Говоря о современном этапе исследований могильников, заметим, что работы, опубликованные в 90-е гг. XX в., носили преимущественно публикационный характер, хотя появились тогда и в первые годы следующего столетия обобщающие доклады, статьи и книги обзорного характера. Это свидетельствует о том, что наступила пора осмысления данных, подведения, пусть и предварительных, итогов, и определения путей дальнейшего изучения этнической истории полуострова и сопредельных территорий.

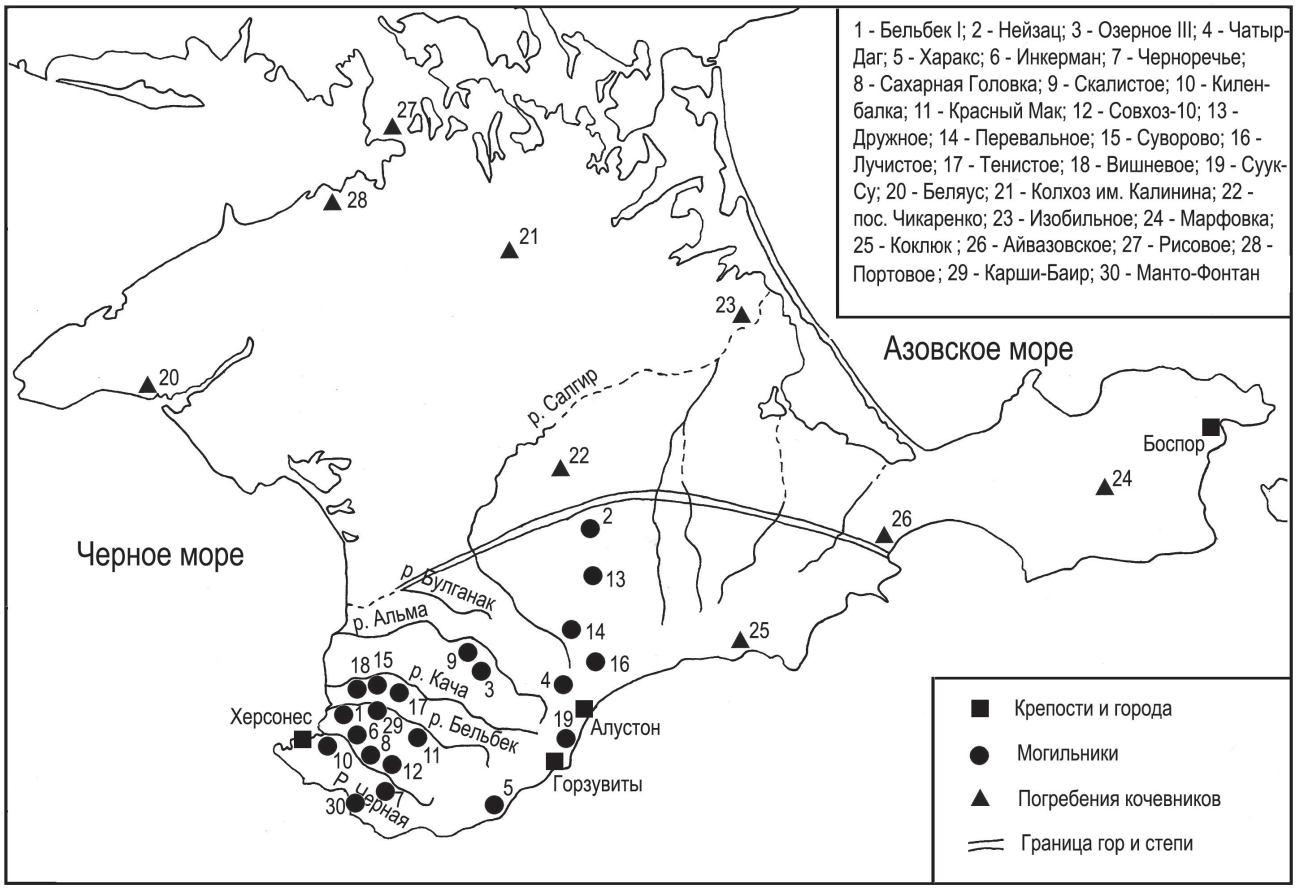


Рис. 7. Археологические памятники второй половины III – первой половины VI вв. в Крыму.

Новые полевые исследования и публикация материалов. Если говорить о масштабах раскопок, то за последние годы он вырос значительно (речь идет о раскопках некрополей). Приведем несколько важных примеров. Так, в 90-х гг. завершилось исследование могильника у с. Дружное (рис. 7; 8; 23), начатое еще в 1984 году [Айбабин, 1995; Храпунов, 1995]. Всего на неразрушенной части могильника было исследовано 86 погребальных сооружений: 25 склепов, 32 подбойные могилы и 29 грунтовых могил (в 14 из которых были похоронены лошади), датированных авторами раскопок второй четвертью III - IV вв. [Храпунов, Мульд, 1997; Храпунов, 2002].

Кроме того, И.Н. Храпуновым было также продолжено изучение Нейзацского некрополя (рис. 7; 8), которое приобрело масштабный характер: только в 1996 году было раскопано 33 погребальных сооружения, в том числе 7 склепов, 15 подбойных могил, 9 погребений в грунтовых ямах и две могилы уникальных конструкций [Храпунов, Мульд, 1997б. - С. 90-91; Храпунов, 1997; 1998] конца II - IV вв. Как предполагает автор раскопок, ему впервые в Крыму удалось там же открыть культурный слой, принадлежащий варварскому поселению второй половины III-IV вв. [Храпунов, 1997а. - С. 35].

Небольшие охранные раскопки на Чернореченском могильнике провел А.И. Айбабин [1988]. В 90-е годы возобновилось исследование могильника в Килен-балке (См.: Табл. 1; Рис. 19), открытого еще в 1968 году [Савеля, 1969; 1992]. Тогда же были разведаны довольно многочисленные склепы похожих конструкций в обрывах Сушильного, Воловьева, Микрюковского оврагов, Доковой, Хомутовой, Карантинной, Юхариной балок, на Гераклейском полуострове (территория Севастопольского горсовета) [Савеля, Савеля, 1994. - С. 61]. Все эти работы, к сожалению, не смогли остановить хищническое разграбление памятников.

Крымские археологи в сотрудничестве с коллегами из Санкт-Петербурга продолжили также разведки и раскопки Чатырдагского некрополя (рис. 7; 8; 11; 12), в том числе с использованием геофизической аппаратуры [Мыц, Жук, Кирилко и др., 1994. - С. 197-198]. В 1992 году удалось обнаружить важное погребение, совершенное по обряду кремации (№ 23 по общей нумерации захоронений). В следующем году возобновились и масштабные раскопки: было исследовано 32 могилы, захоронения в которых также были совершены по отряду трупосожжения [Мыц, Лысенко, Семин и др. 1997].

Если же говорить в целом о характере публикаций, то материалы раскопок могильников Юго-Западного Крыма были опубликованы тогда, за исключением нескольких инкерманских комплексов, только обзорно, в виде предварительных итогов. Можно отметить оперативное введение в научный оборот материалов доследованного в низовьях р. Качи некрополя у с. Суворово

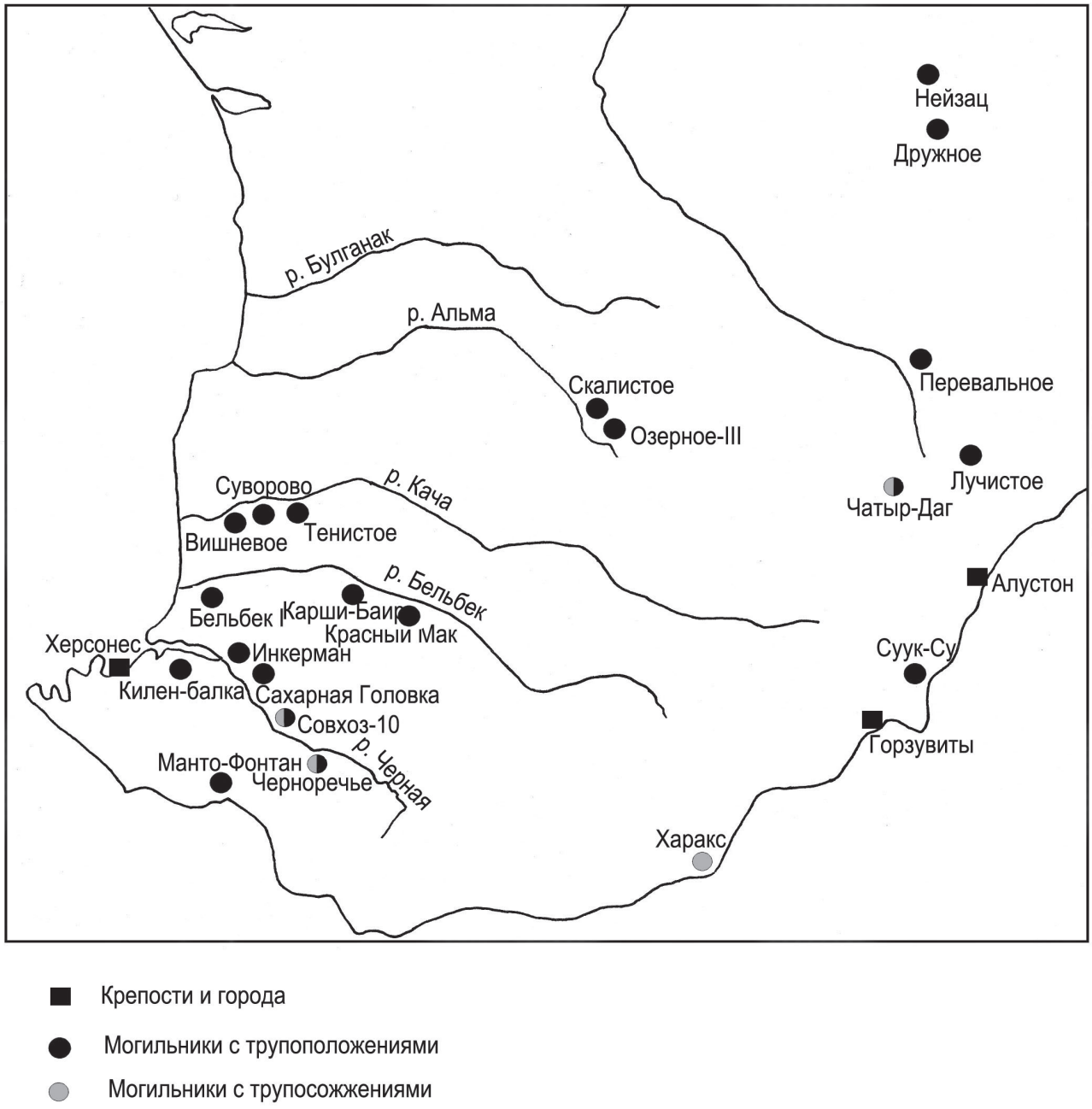


Рис. 8. Могильники второй половины III – первой половины VI вв.
в Юго-Западном Крыму.

(рис. 7; 8; 24), где открыто около четырех десятков погребальных сооружений - склепов, подбойных, простых грунтовых и плитовых могил [Зайцев, 1997]. Публикация материалов раскопок этого некрополя впоследствии была продолжена.

В тезисной форме появились в печати данные по некрополю у с. Перевальное. Здесь в ходе охранных раскопок 1988-1990 гг. было исследовано 22 погребальных сооружения: 8 склепов, 10 подбойных могил, 2 грунтовых, одна плитовая, а также одно конское захоронение [Пуздровский, 1994].

В 1992 году увидела свет и краткая публикация результатов раскопок могильника у с. Красный Мак (рис. 7; 8; 20) близ Мангупа (13 склепов и 3 могилы) [Лобода, 1992; 2005].

Ко II - началу III вв. относится могильник у с. Танковое (рис. 7; 8), открытый еще в 1954 г. и исследованный Бахчисарайским музеем в 1986 г. Тогда было раскопано в ходе охранных работ 6 могил, в том числе могильные ямы с заплечиками, простые грунтовые ямы, а также одно трупосожжение [Вдовиченко, Колтухов, 1994].

В ходе охранных и разведочных работ было зафиксировано значительное число новых археологических памятников. Среди них назовем могильники у с. Крас-

ная Заря, где исследованы склепы с материалами IV в. н.э., Тас-Тепе (Тенистое), где также открыты грунтовые склепы и подбойные могилы IV в. Этим же временем датируются склепы и могилы с заплечиками у с. Вишневое [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 1997, 2001. – С. 32-50].

В окрестностях Балаклавы открыт могильник Манто-Фонтан, где открыты склепы, подбойные и простые грунтовые могилы V - VI вв. [Филиппенко, 1997], а в районе с. Верхнесадового - еще один аналогичный могильник - Карши-Баир (рис. 7; 8; 26; 27) (материал опубликован частично – Ушаков, Филиппенко, 2001, 2005. – Первоначальная предварительная датировка памятника - V – начало VII вв.).

Наконец, в ряду этих памятников отметим еще несколько могильников, на Южном берегу - на г. Крестовой (Верхняя Ореанда), у пос. Голубой залив и у Партенита [Сидоренко, 1994а. - С. 5, 13].

Появились и публикации, вначале только краткие и единичные, посвященные одному из крупнейших и интереснейших могильников Юго-Западного Крыма - «Совхоз - 10» (рис. 7; 8; 21; 22) [Высотская, 1997], в том числе и данные о склепах этого некрополя [Высотская, 1998]. Впоследствии материалы раскопок этого могильника вышли отдельной книгой [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004].

Необходимо отметить выход в свет книги, посвященной многолетним исследованиям эталонного могильника «Скалистое» [Веймарн, Айбабин, 1993], где в сжатой и насыщенной форме представлены все исследованные комплексы, причем материалы сгруппированы по месту их находки (погребальные сооружения).

Перечисленные выше могильники отнюдь не исчерпывают списка всех памятников - многие из них были разрушены в ходе грабительских раскопок, другие еще ждут исследования и публикации. [Краткий обзор полевых исследований см.: Колтухов, Юрочкин, 2004. – С. 161-163]. Одно, несомненно, с конца 80 – 90-х годов XX в. источниковедческая база по археологическим материалам эпохи рубежа античности и средневековья значительно пополнилась и обновилась, что создало новые возможности для написания работ обобщающего плана.

Однако основной формой представления материалов оставалось детальное описание раскопанных погребальных сооружений и вещей, найденных в них. Такое описание не выходит в целом за рамки доброкачественного полевого отчета. В качестве примера можно привести публикации раскопок погребений могильников Дружное [Храпунов, Власов,1998] (полное представление материалов в виде книги было впереди [Храпунов, 2002]), Нейзац (рис. 7; 8) [Храпунов, 1998], Лучистое (рис. 7; 8; 25) [Айбабин, Хайреди нова, 1998], Суворово [Зайцев, 1997]. Информация о последнем в этом перечне памятнике формально была посвящена его раскопкам по итогам полевого сезона (помещена в специальном сборнике - АИК - Археологические исследования в Крыму), однако представляет детальное и полное описание раскопанных комплексов. Примеры подобного рода можно и продолжить. Они, как думается, отражают определенную тенденцию, можно сказать, особый тип или направление в изучении памятников, что в свою очередь, вероятно, связано со спецификой исследуемых и описываемых объектов (некрополи). Может быть, недостатком такого рода работ является недостаточная унификация языка описаний и сухость стиля, что, впрочем, может вполне перекрываться полнотой и точностью описаний, не только словесных, но и графических.

Подобным образом построена, кстати, и книга, Е.В. Веймарна и А.И. Айбабина «Скалистинский могильник» [1993], о чем говорилось выше. Пожалуй, этот способ представления материала (по комплексам) надо признать более удачным, чем практиковавшийся часто ранее (по типам находок, например) [См.: Высотская, 1994]. Поэтому настоящими подарками для исследователей крымских древностей можно считать полные публикации материалов раскопок могильников Дружное [Храпунов, 2004] и Чатыр-Даг [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006], появившиеся в последние годы.

Другой тип работ об исследованных памятниках - краткая суммарная публикация результатов раскопок. Таким образом, были представлены первоначально, например, данные о могильнике Красный Мак [Лобода, 1992]. Из такого рода заметок и статей становится известным общее представление о памятнике: количество погребальных сооружений, характер погребального инвентаря, хронологические рамки могильника и т.д. Однако в этом случае почти невозможным становится проверить выводы исследователей (если они изложены) и главное - невозможно произвести анализ данных на уровне конкретных комплексов и сравнение их с аналогичными и близкими памятниками, и, в конечном счете, их полноценную историко-этнокультурную интерпретацию.

Как бы среднее положение между этими двумя формами представления данных занимают тексты, которые сочетают общую характеристику исследуемых памятников с подробным описанием отдельных погребальных комплексов. В таком виде были представлены данные о раскопках, например, Чатырдагского некрополя в 1994 году [Мыц, Лысенко, Семин и др., 1997]. Все это, как и подробная публикация раскопок отдельных, пусть уникальных и интересных погребальных сооружений, не меняет общей ситуации. Повторим еще раз, для полноценного анализа и сопоставления необходима только полная публикация материалов всех исследованных погребений могильника. Остается надеяться, что в эта проблема постепенно будет решаться (и решается), что сделает возможным полноценную интерпретацию полученных в ходе разведок и раскопок данных.

Основные направления в изучении материалов раскопок могильников. Одно из них - это общее, схематичное описание погребального обряда населения, оставившего могильник. В этом случае могут браться данные по одному, характерному погребальному ком-

плексу, а выводы распространяются на весь могильник [Савеля, Савеля, 1997] или данные по могильнику могут обобщаться, с привлечением аналогий, и распространяется на всю округу [Савеля, Савеля, 1994]. Другие авторы поступают проще и надежней – кратко описывая результаты полевых исследований ряда могильников, ссылаются на результаты, выводы и концепции исследователей, в которых отражена рассмотренная эпоха; дополняя все своими наблюдениями [Напр..: Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001. – С. 32-36].

Реже для интерпретации археологических материалов применяются так называемые технологические способы исследования. Так, В.А. Сидоренко посвятил производству орлиноголовых пряжек специальный раздел в своей диссертации о федератах Византии в Юго-Западном Крыму [Сидоренко, 1994а - С. 17-18]. Изучение технологии позволило ему, среди прочего, вычленить их типы, а затем и хронологию. В частности, удалось выяснить, что наиболее ранние из орлиноголовых пряжек - южнокрымские - появились только в третьей четверти VI в. н.э., что очень важно для датировок погребальных комплексов.

Следующее направление анализа накопленного материала – специальное изучение разнообразных погребальных сооружений. В данном случае можно обратить внимание на две работы, посвященных этой проблеме. Одна из них - статья А.Е. Пуздровского «О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э.» [Пуздровский, 1994б]. По мнению автора, этническая неоднородность Крымской Скифии нашла отражение в погребальных памятниках и поэтому исследование сакральной архитектуры позволяет в общих чертах проследить своеобразие этносоциальных процессов в Предгорном Крыму [Пуздровский, 1994. - С. 114]. При этом основное внимание А.Е. Пуздровский сосредоточил на рассмотрении их типов и вариантов - простых грунтовых могил, могил с заплечиками, плитовых, подбойных могил, а также вырубных склепов. Кроме того, им кратко рассмотрены захоронения детей в сосудах, погребения в хозяйственных ямах, в культурном слое и случаи кремации. Для каждого типа и варианта прослеживается их генезис и эволюция и на этом основании делаются выводы об этническом составе населения. Схема исследования, надо признать, удачна; не хватает только полного (насколько это возможно) учета всех датируемых погребальных сооружений, что позволило бы уточнить не только эволюцию самих погребальных сооружений, но и погребального обряда в целом, и, соответственно, масштабы, характер и направленность этносоциальных процессов. К сожалению, в работе не акцентируется внимание на погребальных сооружениях III-IV вв., хотя памятники этого времени и рассматриваются.

Основное внимание погребальным сооружениям уделено и в работе С.А. Мульда «Могильники варварского населения Крыма I-V вв.» [1996]. При этом с самого начала априори утверждается, что все могильники можно разделить на три группы: первая (самая ранняя) оставлена населением позднескифского государства, две другие связаны с германцами и аланами [Мульд, 1996. - С. 279]. Все типы погребальных сооружений, как элементы погребального обряда, рассматриваются, соответственно, в рамках этого предварительного деления. Описание их в целом ведется в том же ключе, что и в статье А.Е. Пуздровского. При этом все памятники, относимые к первой группе, называются позднескифскими, что нашло отражение в подписях под рисунками [См.: Мульд, 1996. - Рис. 2, 3]; однако при этом в тексте оговорено, что их различные типы и варианты могут быть связаны с различными этнокультурными традициями [Мульд, 1996. - С. 280-281]. Кратко характеризуется погребальный обряд в целом. Подобным образом описаны погребальные памятники второй половины III - V вв.: погребения по обряду кремации, оставленные германцами (вторая группа могильников) и погребения алан, представленные ингумацией (трупоположениями) в склепах, подбойных могилах и могилах с заплечиками. Все описания погребальных сооружений проиллюстрированы (в подписях эти могильники почему-то названы позднеримскими [См.: Мульд, 1996. - Рис. 5]). Отметим, что С.А. Мульдом дана и общая схема склепов и варианты их конструктивных деталей (ступеньки во входной яме, ступеньки в погребальной камере, разнообразные планы погребальных камер, ниши и полки в них).

Однако все эти описания, и их схематичные изображения представлены безотносительно к конкретным погребениям - обычно в тексте и подписях под рисунками указывается только могильник, что несколько обесценивает проделанную работу, и делает легковесными некоторые выводы автора, например, о едином этническом массиве второй и третьей групп памятников [Мульд, 1996. - С. 287]. В связи с этим прямолинейным выглядит суждение о слиянии готов с аланами [Мульд, 1996. - С. 287-288], что само по себе, скорее всего, может быть верным.

Подобные работы, преимущественно описательного плана, дополняются исследованиями, основное содержание которых заключается в хронологизации погребальных комплексов. Основы этого направления на крымском материале были заложены А.К. Амброзом [См.: 1995], который построил периодизацию могильников на основе тщательного, детального изучения находок в погребениях, прежде всего фибул, а также оружия и конского снаряжения; рассмотрел он и погребальный обряд населения.

Продолжил и развил методику и идеи А.К. Амброза А.И. Айбабин, посвятивший хронологии крымских могильников ряд своих работ, завершившихся диссертационным исследованием [Айбабин, 1990]. Заметим, что в основе работ по синхронизации закрытых комплексов лежит метод П. Райнеке [См.: Бажан, Еременко, 1992. - С. 14-15]. А.И. Айбабин выделил и датировал погребальные комплексы на всей территории полуострова с точностью до 50 лет (по полустолетиям) при помощи

выявления взаимовстречаемости хроноиндикаторов - например, фибул (использована типология А.К. Амброза), а также находок предметов из керамики и стекла. В итоге получилась стройная на первый взгляд схема хронологии, правда, скорее не могильников, а отдельных погребений, которая, однако, позволяет более обоснованно переходить к рассмотрению проблем политической и этнической истории. По схожему принципу построены и многие другие работы А.И. Айбабина [Ср.: Айбабин, 1987, 1996, 1999].

Рассмотрим в качестве примера подробнее одну из работ этого автора с характерным названием «Население Крыма в середине III - IV вв.» [Айбабин, 1996]. В ней путем тщательного анализа типологии находок и их взаимовстречаемости в составе комплексов выявлены материалы этого времени. Их удалось разделить на три хронологические группы: 1) вторая половина III в., 2) первая половина IV в., 3) вторая половина того же столетия [Айбабин, 1996. - С. 290-294]. В соответствии с декларируемым подходом А.И. Айбабин выделяет три группы могильников, которые, однако, как выясняется, выходят за эти хронологические группы. Цитируем: «На некоторых перечисленных выше могильниках начали хоронить в I в. н.э. (Усть-Альма, Заветное) или во II в. н.э. (Бельбек I-III), на других (Дружное, Перевальное, Нейзац) - в 240 гг., на третьих (Заморское, Озерное, Мангуп, Красный Мак, Тенистое, Инкерман, Чернореченский, Килен-балка, Харакс, Чатыр-Даг, Артек) - в начале второй половины III в.»

Текст работы, и приведенная цитата в том числе, заставляет обратить внимание на два вопроса. Во-первых, неясно, почему находки из погребений делятся так именно строго на три хронологические группы, причем каждая строго по полустолетию (тот, кто хоронил ведь не знал о нашей системе летосчисления!). Во-вторых, в перечисленном списке памятников присутствуют могильники разграбленные (откуда происходят случайные находки, из Артека, например) или материал которых не опубликован (Перевальное, Килен-балка, Тенистое) или даже не описан и не проиллюстрирован в самой статье, поэтому здесь нужно верить автору на слово.

Рассмотрим еще некоторые выводы А.И. Айбабина. По мысли автора статьи, трупоположения в подбойных могилах, грунтовых ямах и склепах типичны для алан Северного Кавказа, также как и некоторые элементы погребального обряда - коллективные захоронения, обычай смещения костей к стенкам могил. На основании этих данных, а также при сравнении вещевого инвентаря делается вывод о принадлежности склепов и могил аланам. Захоронения же с трупосожжениями типичны для германцев черняховской культуры (что, впрочем, еще не аксиома - С.У.); близкие по типу погребения есть в пшеворской и восточно-мазовецкой культурах [Айбабин, 1996. - С. 295]; обилие же монет - это локальный признак. Время появления этих могил - первая половина III в. - совпадает с вторжениями разноименных племен германцев (что также еще нуждается в строгом доказательстве).

На основании вышесказанного А.И. Айбабин реконструирует и пути вторжения германцев на полуостров. Их у него три. (1). Проникновение их в Северо-Западный Крым (Южно-Донузлавское укрепление, где найден умбон типа Хорул). (2). Затем - к третьей горной гряде, разрушая позднескифские поселения (клад у с. Долинное). (3). Бораны и готы обосновываются на Южном берегу и вдоль границ хоры Херсонеса между 251 и 256 гг. (могильники Харакс, Чатыр-Даг и на р.Черной.). Наконец, вместе с готами, по его мнению, проникают и аланы, оставившие могильники Красный Мак, Озерное, на плато Мангупа, Терновка, на р.Черной (где они поселились вместе с германцами), Тенистое (аланское убежище и некрополь) (рис. 4). Могильники прежнего населения (Бельбек I-III, Скалистое III), однако, продолжали функционировать. В статье сделано и ряд других наблюдений и выводов, в частности о том, что, аланы, спасаясь от гуннов в начале V в. основали новые могильники Скалистое I, Бакла, Лучистое. В целом нужно сказать, что в этой статье, таким образом, не просто проанализирован «хронологически» материал, а сделана попытка выхода на новый «синтетический» уровень обобщения.

Вышесказанное относится в значительной степени и к итоговой книге А.И. Айбабина по этнической истории ранневизантийского Крыма [1999], первая глава которой является ничем иным, как расширенным и дополненным вариантом этой статьи; изложение последующего материала ведется в традиционном для этого автора ключе. Схему своего исследования во введении он определяет следующим образом: во-первых, создание свода датирующих вещей и уточнение хронологии памятников; затем, выявление типов и генезиса погребальных сооружений и картографирование памятников [Айбабин, 1999. - С. 12]. В тексте работы их этническая принадлежность чаще определяется по следующей схеме: вначале анализ погребений с поисками их аналогий в соседних регионах, затем уточнение выводов по находкам вещей в них [См.: напр.: Айбабин, 1999. - С. 16-24]. Концепция автора уже нашла свое критическое изложение в научной литературе [Колтухов, Юрочкин, 2004. – С. 168-174].

Главное достоинство книги - в полном и точном представлении археологических материалов и в детальном описании хронологии инвентаря по системе хроноиндикаторов (ХИ); основное здесь - поиск близких аналогий. Таким образом, например, даны материалы по Лучистинским склепам 55, 82а, 88, определена и этническая принадлежность захоронений. Однако практически нигде специально не анализируется погребальный обряд населения в целом, может быть иногда слишком уверенно пишется именно об аланах и готах на основании представленных материалов. (На наш взгляд, не является совсем корректным определение этноса отдельных погребений по характеру погребального сооружения и сопровождающему инвентарю – это почти то

же самое, что и определение этнической принадлежности погребенного только по его черепу и костяку).

Многие сюжеты этой книги посвящены политическим событиям, хозяйственным занятиям населения и т.п. Содержание ее, таким образом, значительно шире, чем определено в заглавии и не отражает ее точно. Это исследование посвящено, как видно, не только чисто этнической проблематике («этнической истории»). Главный метод исследования археологического материала автором в этой книге, как впрочем, и в других его работах, остается прежним – хронологизация комплексов. Скорее в данном случае, применительно к тексту и иллюстрациям монографии, надо говорить не об этнической истории, а о материалах к ней.

Эти же подходы автор повторил, с некоторыми уточнениями, в коллективной обобщающей работе «Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья [2003] в главе 1, названной «Крым в середине III – начале VI века (период миграций)» [Айбабин, 2003. – С. 10-26]. Названные хронологические рамки несколько удивляют – это еще не средневековье, а скорее позднеантичный период, тем более, что и карта 1, используемая в работе, именуется «Крым в позднеримское время». Собственно, Юго-Западному Крыму, вместе со степью, но без Херсона, посвящен всего-лишь один небольшой раздел [Айбабин, 2003. – С. 16-22], дополняемый таблицами иллюстраций. Ядром этого раздела является описание хронологии вещей семи групп: первая – около 226-255 гг., вторая – 255-300 гг., третья – 300-350 гг., четвертая – 350-400 гг., пятая – 400-450 гг., шестая – 450-500 гг., седьмая – 500-550 гг. [Айбабин, 2003. – С. 18]. Автор затем описывает погребальный обряд, зафиксированный в некрополях и привлекая письменные источники, реконструирует исторические события [См. подр.: Айбабин, 2003. – С. 18-22]. При этом в приведенных таблицах и текстах есть некоторое несоответствие [Колтухов, Юрочкин, 2004. – С. 174].

Подобный способ исследования - отбор хроноиндикаторов, составление корреляционной таблицы, применен и А.А. Труфановым, но по отношению к материалам позднескифских памятников, что, кстати, сделано впервые в археологической литературе [Труфанов, 1997б]. С ориентацией на современные западные подходы автором были выделены 4 фазы (А-Г) функционирования позднескифских могильников, каждая из которых, в свою очередь, разделена на периоды. В контексте темы нашего исследования интересна фаза Г периодов 2 и 3, соответственно датирующиеся Г2 - 195/205 гг. - 240/250 гг. и Г3 - 240/250 - начало IV в. В конце периода Г2 прекращают функционирование большинство могильников, принадлежащих поздним скифам: Неаполь, Битак, Усть-Альма, Заветное, Бельбек IV, Брянское, Скалистое III, Бельбек III и II. В эту схему А.А. Труфанов вписывает и могильники Черноречье (по его датировкам он существует с 135/140 гг.), Бельбек I, а также Перевальное и Суворово (периоды функционирования всех трех - Г2-Г3). Однако, если могильник Бельбек I и можно (очень осторожно) связывать с местным населением, испытавшим воздействие пришельцев, то могильники Черноречье, Перевальное и Суворово, как представляется, оставлены скорее не позднескифским населением, а сармато-аланами. Таким образом, в схему А.А. Труфанова, вероятно, можно внести и некоторые коррективы. Впоследствии хронологии могильников предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. автор посвятил диссертационное исследование [Труфанов, 2007]. К интересующему нас времени в работе отнесены две (шестая и седьмая) группы погребений, датирующиеся первой половиной – серединой III в. и второй половиной (последней третью) III в. н.э. – началом IV в. н.э. соответственно [См.: Труфанов, 2007. – С. 11-12, 20]

В связи с этим, интересна хронология одного из этих могильников – Суворово, рассмотренная В.Ю. Юрочкиным [1997б]. В его корреляционной таблице учтены 43 хроноиндикатора. В итоге, все погребения этого некрополя удалось разделить на три этапа. I этап (III в. н.э.) характеризуется грунтовыми, подбойными и плитовыми могилами, грунтовыми могилами с каменным перекрытием. По мнению автора статьи, они, с одной стороны, близки аналогичным в позднескифской культуре, а с другой - сопоставимы с ранними захоронениями Дружного и Перевального. На II этапе (первая половина IV в.) появляются Т-образные склепы с коротким входным коридорчиком, набор характерной лепной посуды и гончарной черняховского типа. Отдельные захоронения продолжали существовать и позднее, во второй половине IV столетия (III этап).

Наблюдения над хронологией этого могильника позволило В.Ю. Юрочкину сделать исторические выводы. По его мнению, могильник Суворово возник около середины III в. н.э. и связан с аборигенным населением позднескифской культуры, угасание которой происходило постепенно. В IV веке появляется население группы Озерное - Инкерман. По мнению автора, это связано с переселением части варварского боспорского войска после неудачной войны с Херсонесом [Юрочкин, 1997а. - С. 308-309]. Не касаясь здесь оценки этой идеи, заметим следующее. Трудно представить возникновение позднескифского (?) могильника в середине III в. (в разгар разгромных готских походов), как пишет В.Ю. Юрочкин, и продолжение его функционирования (уже нового) непрерывно на протяжении IV в. на старом месте.

Упоминаемые выше авторы - А.А. Труфанов и В.Ю. Юрочкин, основываясь на новой хронологической интерпретации археологических материалов III-IV вв. (по системе хроноиндикаторов) предложили собственную схему-концепцию этнополитических событий [Труфанов, Юрочкин, 1999]. Суть ее заключается в следующем. Все материалы (датированные погребения) разделены на шесть хронологических групп (кластеров) или фаз: 1. 190/200 гг. - 218/220 гг.; 2. 218/220 гг. - 240/250 гг.; 3. 240/250 гг. - 270/280 гг.; 4. 270/280 гг. - 310/320 гг.; 5.

310/320 гг. - 355/360 гг.; 6. 355/360 гг. - 375/380 гг. Авторы считают, что на 1-4 фазах продолжают фиксироваться черты, унаследованные от позднескифской культуры; смена АК происходит позднее, о чем свидетельствуют захоронения в грунтовых склепах, которые являются огрубленным вариантом боспорской традиции. Пожалуй, справедливым является их замечание о том, что «гото-аланский союз» - ученая конструкция. Возможно согласится с ранними датировками трупосожжений в могильнике «Совхоз-10», но труднее принять сомнения в возможности отождествления (сопоставления) крымских трупосожжений с трупосожжениями черняховской и вельбарской культур, с погребениями в Южной Скандинавии. Вряд ли было и свободное перемещение населения на Боспоре в рамках 4 этапа; сомнительно, чтобы переселенцы-аланы приспосабливали античные склепы для своих нужд (5 этап). Неясен принцип выбора признаков погребального обряда для последующего анализа. Однако эти вопросы-сомнения не умаляют важности продемонстрированных подходов. Недавно упоминаемые выше авторы представили свой вариант хронологии могильников Крыма III-IV вв. [Юрочкин, Труфанов, 2007. – С. 359-382]. (Почему-то попытка опубликовать эту статью в Херсонесском сборнике (Вып. XIV) вызвала активнейшее сопротивление А.И. Айбабина как члена редакционного совета издания и тогда это осуществить не удалось). Главное достоинство работы – выстраивание хронологии памятников в соответствии с европейской хронологической системой на основе корреляции комплексов инвентаря. Авторы выделили и обосновали следующие четыре хронологические фазы: I – 190/200-260/270 гг. («позднескифская» или «скифо-сарматская», ступень С1 центрально-европейской хронологии); II – 260/270-310/320 гг. (горизонт «Кишпек-Градешка», ступень С2); III 310/320-370/380 гг. («инкерманская», С3); IV – ок. 370/380-410/450 гг. («гуннская эпоха», D1-D2).

В одной из своих последних работ В.Ю. Юрочкин подвел итоги археологического исследования Крыма эпохи «Великих миграций» [Юрочкин, 2005]. Главные выводы его следующие. Нельзя игнорировать сведения средневековых авторов о готах в Крыму, а их древности следует искать уже среди известных памятников материальной культуры. «При этом необходимо учитывать, что облику материальной культуры нельзя приписывать особые «этнические признаки», поскольку историческая этнология и археология – различные исторические дисциплины» [Юрочкин, 2005. – С. 385]. При этом автор суммировал и все свои археологические наблюдения по этой теме, выделяя по комплексу признаков «Инкерманскую культуру» и культуру Суук-Су как оригинальные культуры крымских готов [См. С. 386 и сл.].

Ряд авторов применяют и другие способы этнокультурной интерпретации археологического материала. Назовем его методом вычленения этнических составляющих. Так, И.Н. Храпунов [1999] на основании изучения материалов раскопок могильника Дружное реконструировал облик населения Крыма середины III-IV вв. Схема его построений следующая. Вначале в общем виде кратко дается описание погребальных сооружений, инвентаря и обряда погребений. Затем выделяются группы элементов материальной культуры, связанных с тем или иным этносом. В данном случае их четыре: 1) северокавказская, аланская; 2) общесарматская, 3) «готская» и 4) провинциальная позднеантичная.

К первой группе относятся склепы, лепная керамика и оружие - мечи и кинжалы. Ко второй - подбойные могилы, погребения коней, двучленные лучковые подвязные фибулы, зеркала с боковым ушком, браслеты, кольца, височные подвески, украшенные большим количеством бус. «Готские» вещи, по И.Н. Храпунову, это: прогнутые подвязные, а также двучленные «воинские» фибулы и другие предметы, появившиеся после вторжения готов в Северное Причерноморье - подвески ведеркообразные, восьмерковидные, янтарные («грибовидные»), топориковидные; раковины каури; серебряные и бронзовые пряжки, гончарные миски - по аналогиям находок подобных предметов с территорий европейских культур с явным германским влиянием. Наконец, к изделиям провинциальных позднеантичных центров отнесены амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды. Кроме них перечислены (с аналогиями) золотые и серебряные серьги, браслеты, монеты и бусы.

Выводы по каждой из четырех выделенных групп заключаются в следующем. Четвертая группа предметов не носит этнической окраски и отражает влияние провинциально-римских мастерских. Третья группа отразила моду, распространившуюся в связи с готским вторжением. Вывод по второй группе - в Крыму сочетаются два типа погребальных сооружений - склепы и подбойные могилы. Об аланском влиянии говорят материалы первой группы, но И.Н. Храпунов при этом считает, что подбойные могилы могли принадлежать поздним скифам и/или сарматам.

В итоге этническая история этого периода реконструируется автором следующим образом. В середине III века появляются племена, входившие в готский союз (трупосожжения Чатыр-Дага и Харакса), с Северного Кавказа проникают аланы. На месте их поселения образуются коллективы, состоящие из местного этнического субстрата и мигрантов с Кавказа (Дружное, Нейзац, Перевальное, Озерное III, Инкерман). В итоге образовалось два этнических потока, совместившихся у Херсонеса (Черноречeнский могильник).

Сходные выводы сделаны и на основании анализа лепной посуды из одной из подбойных могил этого же (Дружненского) некрополя [Храпунов, Власов, 1998]: горшков, ковшей, кружек, кувшинов и мисок. По мнению авторов статьи, могильник образован двумя этническими компонентами - сарматами и поздними скифами: формирование археологической культуры шло на трех территориях - предгорный Крым, Боспор и Северный Кавказ [Храпунов, Власов, 1998. - С. 253-254]. Однако, из приведенных подробных описаний лепной посуды и их аналогий видно, что формирование их типов связано,

прежде всего, с Юго-Западным Крымом, при этом позднескифское влияние прослеживается все-таки слабо.

В своей монографии, посвященной публикации материалов раскопок могильника Дружное, И.Н. Храпунов специальный небольшой итоговый раздел посвятил этническим процессам в Крыму в римское время [Храпунов, 2004. – С. 78-80]. Все памятники конца II – начала III вв. он разделил на три группы. Первая из них – позднескифские поселения и относящиеся к ним могильники (Неаполь Скифский и Усть-Альма), представленные в основном склепами. Вторая группа – сарматские могильники Юго-Западного Крыма Скалистое II, III, Бельбек I, II, III, IV, Танковое, состоящие из плитовых, грунтовых, подбойных могил и «могил с заплечиками». Третья группа представлена также только могильниками: Нейзац, Дружное, Озерное III, Суворово, Инкерман, Черноречье, Перевальное, Совхоз-10, Красная Заря, Красный Мак [Храпунов, 2004. – С. 78]. Около середины III в. происходят серьезные этнические трансформации. Во второй половине III в. Южный берег заселяют германцы, в предгорьях продолжают жить уцелевшие сарматы, склепы особой конструкции приносят многочисленные аланы [Храпунов, 2004. – С. 79].

Еще одна книга (вариант докторской диссертации) И.Н. Храпунова [2004] специально посвящена этнической истории Крыма. Автор рассматривает ее в хронологических рамках раннего железного века (VIII в. до н.э. – IV в. н.э.), говоря о таврах, скифах, сарматах. Специальная глава посвящена историографии проблемы; отдельный раздел – населению Крыма второй половины III – IV вв. н.э. Работа основана на анализе археологического материала (погребальные сооружения и инвентарь могильников). Автор присоединяется, пусть и с некоторыми оговорками, к господствующему мнению в научной литературе о принадлежности погребений с кремациями германцам (готам) [Храпунов, 2004. – С. 145-146], а сочетание склепов и подбойных могил, по его мнению, говорит о двух этнических компонентах – мигрировавших с Северного Кавказа аланах и местных сарматах [Храпунов, 2004. – С. 129-130, 133, 149]. В результате рассмотрения всего комплекса материалов (и, погребального инвентаря в том числе) исследователь этническую историю населения предгорного Крыма представляет следующим образом. К середине III в. предгорья населяли сарматы и поздние скифы. И те, и другие были разгромлены готами, которые заселяют Южный берег, а уцелевшие сарматы – предгорья, к которым с конца III в. присоединяются переселившиеся с Северного Кавказа аланы и группы боспорского населения. Здесь сохранились и потомки поздних скифов. Заметное влияние на культуру населения оказали контакты с античными городами. Часть могильников перестала использоваться в гуннское время [Подр.: Храпунов, 2004. – С. 153-154, 159].

Возвратимся к лепной керамике, как, безусловно, одной из важнейших этнически значимых групп археологического материала. В этом случае нельзя не остановиться на диссертационной работе В.П. Власова, который на основании анализа лепной посуды реконструирует этнокультурные процессы в Крыму [Власов, 1999]. Автором впервые в таком объеме рассмотрена лепная керамика (ЛК) в широких хронологических границах. Однако хочется заметить, тем не менее, только на основании одной группы (пусть и очень важной) археологического материала (ЛК) достаточно рискованно делать выводы этноисторического плана. Кроме того, в работе недостаточно четко (насколько можно судить по автореферату) проработаны два важнейших вопроса. Первый из них - это обоснование этнической интерпретации конкретных материалов (типов) ЛК, и второй - выделение и хронологический анализ археологических комплексов, содержащих ЛК. И в этом случае, только на основании арифметического учета материалов ЛК, без рассмотрения всех остальных этнически значимых и археологически выраженных признаков (в том числе, например, погребальных сооружений и погребального обряда), картина этнических процессов выглядит несколько однобоко и не всегда убедительно.

На вычленении археологических материалов, связанных с различными этносами в Северном Причерноморье и Крыму построены многие работы Мишеля Казанского. Иногда это касается сармато-алан [Казанский, 1995], но чаще - германцев. При этом большее внимание он уделяет характеристике отдельных групп находок (фибул, украшений и т.д.) и меньше - комплексам, в которых они найдены [Казанский, 1997]. По его мнению, восточные германцы, прослеженные по находкам из погребений (например, ангискиры) могли появиться на полуострове с гуннами [Kazanski, 1996]. Другие возможные пути проникновения вещей связаны с византийскими отрядами или пленниками из Италии [Kazanski, 1996. - С.336-337]. Эти выводы, к сожалению почти совершенно не касаются Юго-Западного Крыма. М. Казанский попытался определить также культурную принадлежность и происхождение германцев Крыма и Приазовья [Казанский, 1997]. В Юго-Западном Крыму, как он считает, присутствовало три германских компонента: вельбарско-черняховский, скандинавский и дунайский. Вельбарский элемент (герулы, готы?) связан с трупосожжениями на сармато-аланских некрополях (Скалистое III, Бельбек I, Черная речка, «Совхоз-10», 220/230 - 260/270 гг. существования), где две общины использовали некрополь совместно. Вторая хронологическая группа германских находок (310 - 320/340 гг.) появилась в результате второй волны переселения IV - начала V вв. (готы); к первой половине - середине V в. относятся серии вещей дунайского происхождения. По мнению М. Казанского, скандинавские элементы представлены могильниками Ай-Тодор и Чатыр-Даг, напоминающие погребения римского времени в Южной и Средней Норвегии [См.: Казанский, 1997. - С. 50-51], при этом, однако, не приводятся конкретные материалы, которые бы позволили совершить корректное сопоставление данных.

Как мы видим, почти все авторы, занимающиеся из-

учением археологических памятников, в той или иной степени выходят и на уровень историко-этнокультурной интерпретации. Это же относится и к работам, построенным преимущественно на материалах письменных источников, но с привлечением археологических материалов. В этом ряду назовем диссертационное исследование В.В. Лаврова [1997], где реконструируется история германоязычных племен Причерноморья III - IV вв. В работе рассмотрены многие вопросы, важные для нашей темы: военно-политические события 230-270 гг. [Лавров, 1997. - С. 7]; роль германцев в этнических процессах середины III в. - термин «готы» следует рассматривать как собирательный для определенной группы племен; практика морских походов связывается с наличием выходцев из Скандинавии; структура готского общества (в Нижнем Подунавье) [Лавров, 1997. - С. 12,13,17]. Что касается Крыма, то цитируем: «Появление готов в Крыму связано прежде всего с морскими вторжениями в Империю с боспорских берегов. Под обобщенным названием готы подразумевается несколько этнических групп, обитавших в Крыму в III - VI вв. н.э., в том числе готы области Дори, готы-тетракситы и евдусиане» [Лавров, 1997. - С. 21].

В.В. Лавров, наряду с письменными источниками, проанализировал и данные археологии в контексте проблемы этнического состава племен носителей черняховской культуры. Вполне обоснованным кажется его вывод (вслед за М.Б. Щукиным) об участии в формировании этой культуры выходцев из Центральной Европы, а также западных районов Германии. Материалы из раскопок Танаиса и поселений Нижнего Подонья-Приазовья [См.: Гудименко, 1994] позволяют, по его мнению, сделать вывод о присутствии в этом регионе носителей Черняховской культуры [Лавров, 1997. - С. 22]; несомненно, они присутствовали и в Крыму [См.: Симонович, 1975; Юрочкин, 1996].

* * *

Подводя итоги историографического обзора, необходимо сказать следующее. В 1988 году мной была предложена предварительная периодизация этапов разработки этнической истории Крыма эпохи Великого переселения народов [Ушаков, 1988]. Она потребовала некоторого уточнения и в итоге выглядит следующим образом.

1. На первом этапе (работы средневековых авторов XIII-XVI вв.) сообщения о событиях тысячелетней давности являются неясными и довольно путанными. Позднеантичных авторов, на сведения которых они опирались, средневековые послы и путешественники знали довольно слабо.

2. Значительное число описаний Древнего и Средневекового Крыма появляется со второй половины - конца XVIII в. Чаще всего это - рассказы о путешествиях (иногда с научной целью), с многочисленными экскурсами в события древней и средневековой истории. Хотя авторы и начинают обращать внимание на развалины археологических памятников, их рассказы построены почти исключительно на знании письменных источников.

3. К середине XIX в. появляются первые историко-архитектурно-археологические работы [П. Кеппен, Дюбуа де Монпере]. Однако, до конца XIX в. основным материалом для исторических построений остаются сообщения древних и средневековых авторов, что сказывалось на некоторой односторонности выводов.

4. В конце XIX - начале XX вв. появляются работы полностью археологического плана. Это статьи и отчеты Ж. де Байе, Э.Р. Штерна, Ф.А. Брауна [1899], Н.И. Репникова, Ю.А. Кулаковского, Н.М. Печенкина [1910]. В науке прочно утвердилось положение о готской принадлежности могильников Юго-Западного Крыма III-VII вв. Подчеркивалась роль миграций. По прежнему для решения вопроса о готах в Крыму широко использовались письменные источники, которые оказались собранными воедино у А.А. Васильева, в его работе «Готы в Крыму». До начала 30-х годов в нашей стране продолжались сохраняться и развиваться научные традиции предшествующего времени.

5. Однако, в 30-е - начало 60-х годов в отечественной науке, в отличие от зарубежной, возобладала автохтонная теория. «Право на миграции» оставалось, в лучшем случае, за славянами, причем основным материалом для выводов служила археология.

6. Наконец, с середины 60-х годов начался постепенный отход от этих представлений. Произошел возврат (на новом источниковедческом уровне) к идее о готской и аланской принадлежности основных памятников Юго-Западного Крыма III-VII вв. [См.: очерк истории Крыма IV-VII вв. – Могаричев, 2005. - С. 16-22; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007. - С. 30-34]. Была признана роль миграций готов, аланов и гуннов в изменении этноса Крыма, возобладал комплексный подход к проблеме с использованием всех доступных источников. Сложилась, в основных своих чертах, концепция этнической истории Крыма в эпоху Великого переселения народов, нашедшая свое отражение в работах А.Л. Якобсона, Е.В. Веймарна, А.К. Амброза, А.И. Айбабина, И.С. Пиоро и нового, молодого поколения исследователей. Эта концепция далека от полного завершения, требует проверки («верификации») и уточнения на достигнутом в настоящее время современном уровне развития науки.

7. В настоящее время мы находимся на стадии формирования нового синтетического этапа историографии проблемы. Как мы видели, практически все авторы стараются, если не демонстрировать, то хотя бы декларировать комплексный подход к анализу памятников.

Продемонстрируем это на примере последних работ В.Ю. Юрочкина. В концентрированном виде представления симферопольского исследователя об этнической истории региона отразилась в докладе на конференции в Херсонесе [Юрочкин, 1997а]. Автор специально выделяет ряд памятников (могильников) Центрального и Юго-Западного Крыма в отдельную группу, названную

первоначально по двум базовым памятникам группой Озерное-Инкерман (ОИ), а позднее – Инкерманской культурой (рис. 43) [Юрочкин, 2004. – С. 160]. Их картографирование позволило В.Ю. Юрочкину выделить три основные зоны распространения этих памятников: Центральный, Юго-Западный Крым и Инкерманская долина [Подр. см.: Юрочкин, 1997а. - С.129]. Это деление представляется несколько искусственным, так как Инкерманская долина, несомненно, как географически, так и этно-исторически должна быть включена в Юго-Западный Крым, как и территории, где расположены могильники Дружное, Заречное и Перевальное; хотя все эти памятники (и Нейзац в том числе) совершенно справедливо связываются с проникновением в Крым нового населения. Свой концептуальный подход к проблеме варварского населения полуострова, как мы видим, В.Ю. Юрочкин выразил в нескольких публикациях, среди которых он сам выделяет работу «Крым в эпоху великих миграций: проблемы этноса и культуры» (2005). Исследователь подчеркивает, что готы в Крыму представлены оригинальными культурами инкерманской и Суук-Су, а своеобразие этих культур определено участием в их формировании аборигенного населения, связанного со скифо-сарматским и северо-кавказским миром [Юрочкин, 2005. – С. 395-396].

Концептуальные подходы его научного оппонента А.И. Айбабина выглядят несколько иными – он в большей степени, как мы видели выше, уделяет внимание миграциям готов и алан на полуостров. При этом делая выводы на основе хронологизации комплексов, которая, в свою очередь, все больше и больше вызывает вопросов у специалистов. Если считать А.И. Айбабина явным сторонником миграционной теории, то позиции В.Ю. Юрочкина выглядят более сбалансированными. Правда, я не могу полностью разделить его скепсис по отношению к этническим возможностям археологии (см. ниже).

Наконец, еще раз упомянем, что в настоящее время появились обобщающие работы, где на широком историческом фоне, с использованием всего комплекса источников, рассматривается и проблема истории готов Крыма [Магомедов, 2001; Щукин, 2005].

Таким образом, при всей условности историографических этапов и периодов в итоге они выглядят следующим образом:

I. 1) XIII-XVI вв.;
   2) вторая половина XVIII в. - середина XIX в.;
II. 3) середина – конец XIX в.;
   4) конец XIX – начало XX вв.;
   5) начало XX вв. – середина 30-х гг.;
III. 6) вторая половина 30-х – середина 60-х гг. XX в.;
IV. 7) вторая половина 60-х – конец 80-х гг. XX в.;
V. 8) конец 80-х гг. XX в. – по настоящее время.

ГЛАВА 2
ЕСТЬ ЛИ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ?

Прежде чем обратиться к доступным нам материалам (источникам) по этнической истории Юго-Западного Крыма III - первой половины IV вв., необходимо хотя бы вкратце, рассмотреть общие проблемы этнических (этногенетических) исследований, связанных с рассматриваемой темой, хотя эта связь может быть и опосредованной. Общий обзор работ по этногенетическим вопросам становиться неизбежным и необходимым в том случае, если необходимо выбрать не только направление исследования, но и конкретные способы, «механизмы» работы, в том числе и решения проблемы последующего отбора необходимого материала.

2.1. ОБ ЭТНОСАХ (НАРОДАХ) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОЛОГИИ (ЭТНОГРАФИИ)

Проблемы этноса ранее разрабатывались, как известно, прежде всего, в отечественной этнографии (этнологии). Сам термин «этнос» восходит к античности [См.: Поплинский, 1973. - С. 128-134]. Анализу этого понятия посвящено значительное число научных работ [См.: Бромлей, 1983. - С. 7-14]. В отечественной науке уже стало традиционным представление об этносе (этнической общности) как об исторически возникшем типе социальной группы, которая характеризуется общностью территории, языка, специфическими элементами материальной и духовной культуры, особенностями психологии, а также самосознанием, выраженном в самоназвании, с заключением браков внутри его (эндогамией) [Бромлей, 1987. - С. 12-14][1].

Среди признаков этноса выделяют собственно этнические черты. Применительно к нашей теме можно вспомнить, что этнические признаки впервые были выделены В.Ф. Генингом, который делил их на две группы. Первая группа - общность территории, единство социально-экономической структуры; вторая группа - общность языка, культурно-бытового уклада, наличие этнического самосознания [Генинг, 1970. - С.23-32]; их можно назвать и этнообразующими. Этнические признаки свойственны тому или иному этносу в противоположность его другим этническим общностям - это этнокультурные черты и самосознание [Бромлей, 1987. - С. 13]. При этом самосознание выступает также результатом существования этнической общности, ее внешним проявлением [Арутюнов, Чебоксаров, 1972. - С. 11]. Этнообразующие черты (этностимулирующие) выступают условием формирования и развития этноса [Крюков, 1986. - С. 66]. К ним относят, прежде всего, территорию, а также язык и социальные факторы [Павленко, 1981. - С. 108]. Наряду с этническими чертами выделяют и собственно черты этноса.

На этническую характеристику территории внимание обратил в свое время еще П.И. Кушнер [1946, 1947]. Для определения этнической территории необходимы комплексные данные [Кушнер, 1946. - С. 15-21]. Этническая территория невозможна без этнической границы. Возможно существование нескольких типов этнической границы [Кушнер, 1947. - С. 31-32]. Этнические границы по рекам и горным хребтам часто совпадают с государственными границами [Козлов, 1969. - С. 30-31]. При этом этническая граница может быть проницаема для одних этносов и непроницаема для других, образуя своеобразную этническую мембрану [См.: Арутюнов, 1982. - С. 76-77].

Говоря об этносе, всегда имеют в виду его культуру. В литературе существует огромное количество определений термина «культура» [См.: Бромлей, 1983. - С. 88-96]. Большинство этнографов, часть философов понимают под культурой, вслед за Э.С. Маркаряном, специфический способ деятельности людей и ее результат [Маркарян, 1969. - С. 57]. К материальной части культуры относятся орудия труда, оружие, средства передвижения, жилища, одежда, пища, а также культурные растения и домашние животные; особую разновидность составляют раскраска тела, нанесение рубцов, татуировка, косметика и парфюмерия [Бромлей, 1983. - С. 107].

Этническую функцию культуры выполняет совокупность ее этнодифференцирующих и этноинтегрирующих свойств [Бромлей, 1983. - С. 109]. Одной из важнейших ее свойств является передача этнокультурной информации [Арутюнов, Чебоксаров, 1972. - С. 8-30]. Так, если часть этноса живет отдельно от его основного массива, не имея синхронной связи, то осознание себя частью этноса возможно только в том случае, если сохраняются диахронные связи (между поколениями), «... когда же прерывается такая связь, наступает переход индивида, или группы из одного этноса в другой» [Арутюнов, Чебоксаров, 1972. - С. 20]. Для этноса, таким образом, основной является диахронная межпоколенная связь [Арутюнов, Чебоксаров, 1972. - С. 21].

Существенны различия между устойчивыми и неустойчивыми элементами культуры. Именно устойчивые компоненты культуры («традиции») особенно важны для изучения ее этнической окраски. Обряды (ритуалы) - важная часть этих традиций [Бромлей, 1983. - С. 129, 134].

В этнографии (этнологии) понятие «этнос», как правило, разграничивают. Этнос в узком значении слова

---

[1] Ср.: «...этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп» [Широкогоров, 1923. - С. 13; Цит. по: Итс, 1991. - С. 8]. Различные определения этноса см.: Павленко, 1982. - С. 75-77.

(этникос), это: «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а так же сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме). Характерной чертой этой общности является также преимущественное заключение эндогамных браков» [Бромлей, 1987. - С. 14].

В случае, если этникос входит в состав «социального организма» (сопряжен с государством, по выражению Р.Ф. Итса [1991. - С. 59]), то возникает этносоциальное образование (этносоциальный организм - ЭСО), который, таким образом, кроме этнической общности, характеризуется также общностью территорий, социально-экономической жизни и государственного образования [Павленко, 1982. - С. 44-46, 55-57; Бромлей, 1983. - С. 63; 1987. - С. 16].

Этносом же на первобытно-общинном уровне должно считаться скорее не племя, а племенная группа (соплеменность) - образования более широкие и менее дискретные, так как для первобытности характерен часто процесс так называемой этнической текучести. Для соплеменности характерно некоторое единство языка, территории, хозяйственно-культурного типа, брачных связей, самосознания, культово-мифологическая и генеалогическая специфика [Арутюнов, Хазанов, 1979б. - С. 83].

Характеризуя этнические общности на определенной территории, всегда необходимо иметь в виду трудность отделения их от хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и историко-этнографических областей (ИЭО). [О ХКТ и ИЭО подр. см.: Толстов, 1932; Левин, Чебоксаров, 1955; Андрианов, Чебоксаров, 1972; Марков, 1979; Андрианов, Чебоксаров, 1975].

Хотя достаточно обоснованные списки признаков ХКТ пока не разработаны, отметим, что ХКТ характеризуется следующими элементами культуры: жилище (главные конструктивные особенности, строительные материалы, расположение очагов), пища (состав, способы приготовления, основные источники питания), орудия труда, транспорт. Эта концепция (ХКТ) уже нашла свое применение и в археологии [Балакин, 1985]. Сходными чертами характеризуют и историко-этнографические ареалы (как основная единица в системе ИЭО) [Подр. см.: Андрианов, Чебоксаров, 1975. - С. 19].

В свете сказанного становится ясно, что отдельные элементы духовной, но, прежде всего материальной культуры, связанной с этносом - те, которые фиксируются археологически, возможно будет подвергнуть анализу для последующей реконструкции этнической ситуации. Это, прежде всего погребальные традиции (обряды). Этнодифференцирующие свойства культуры могли проявляться и при изготовлении лепной керамики - гончарная посуда, в отличие от лепной, в эпоху Великого переселения народов отражала позднеримскую и ранневизантийскую традиции (как, впрочем, и украшения, и оружие). При этом теоретически остается неясным, чем этнические общности отличаются от ХКТ и ИЭО в области материальной культуры.

Для темы нашего исследования необходимо остановиться и на проблеме этнических (этногенетических) процессов, основное содержание которых и составляет суть этнической истории (и этногенеза как первого его этапа). Этнические процессы можно разделить на два основных варианта (типа): этноэволюционные - не приводящие к ломке этнической системы - и этнотрансформационные - приводящие к изменению этнической принадлежности населения. К ним относятся: этногенетическое разделение, объединение и интеграция, имеющие свои варианты [Подр. см.: Бромлей, 1983. - С. 233-243; Бромлей, 1987. - С. 74-85]. Одной из задач предложенной работы и является детальная характеристика этнических процессов (настолько, насколько это позволяют привлекаемые источники).

В этнических процессах велика роль миграций, особенно это касается эпохи «Великого переселения народов». Проблема миграций неоднократно рассматривалась в литературе, как в теоретическом плане, так и на конкретных примерах [Алексеев, Бромлей, 1968, 1973; Алексеев, 1979. - С. 183-185; Бромлей, 1983. - С. 280-283]. Взаимодействие пришельцев с местным населением (синтез суперстрата и субстрата) может проходить в различных темпах, с различной интенсивностью и в различных направлениях [Подр. см.: Алексеев, 1979. - С. 183-190]. Дать характеристику ситуации с этой точки зрения - также одна из конкретных задач настоящего исследования.

2.2. О ЧЕМ ГОВОРИТ ЯЗЫК

Язык играет роль своеобразного этнического определителя. Так, ясно, что родство языков говорит, как правило, о родстве их носителей. Язык выполняет как роль этнодифференцирующего, так и этноинтегрирующего фактора [Бромлей, 1983. - С. 111-113], а также функции этнического объединения. При этом на протяжении своего существования этнос не обязательно обслуживается только одним языком [Бромлей, 1983. - С. 114]. Формирование, и, нужно добавить, развитие этноса и его языка - одновременный процесс [Бромлей, 1983. - С. 114].

Лингвистические методы в изучении этнической истории на примере зарубежной литературы рассмотрены Г.С. Кнабе [1959]. Язык может служить, с одной стороны, как бы прямым источником данных об этнических процессах (сведения о древнем состоянии языка), так и косвенным, как дающий языковые данные о неязыковых фактах [ИПО, 1983. - С. 72]. Здесь имеют значение, прежде всего этимология слов, ономастика, антропонимика и топонимика.

В ряду же этнонимов необходимо различать эндоэтнонимы (самоназвания) и экзоэтнонимы (данные этносу другими народами). Предложено выделять также поли-

тонимы (самоназвания, сопряженное с государственностью), а также конфессионимы (названия по наименованию религии) и лингвонимы (по наименованию языков) [Бромлей, 1983. - С. 53].

В исторической ономастике разработан целый комплекс методов, гарантирующий известную степень надежности выводов [См.: Сокольский, 1985. - С. 25, там же приведена и основная литература]. При использовании лингвистических материалов необходимо учитывать, что, во-первых, переход на новый язык может и не сопровождаться сменой населения, кроме того, всегда ощущается неполнота данных. Так, значение топонимики снижается, в первых, тем, что ее данные трудно датировать, необходимо привлечение дополнительных данных [Алексеев, 1989. - С. 47-48]. И, во-вторых, наличие или отсутствие данных в топонимике может не говорить о таковых в действительности и т.п. [Арутюнов, Хазанов, 1979б. - С. 88].

После этого краткого обзора становится ясным, что данные языка, и топонимики в том числе, практически невозможно использовать для нашей темы.

2.3. ВСЕГДА ЛИ НЕМА АРХЕОЛОГИЯ?

Это одна из важнейших и сложнейших проблем (наряду с хронологизацией) в археологическом (шире - историческом) исследовании. Она имеет две стороны: во-первых, связана с характерными свойствами, чертами этноса, этнических образований, отражающихся в материальных остатках, и, во-вторых, - с характером самого археологического источника (археологической культуры - АК), процессом его образования и соотношением с этносом. Первая сторона вопроса нами уже затрагивалась. Теперь о второй.

Существует мнение, что археология - это «палеоэтнография», то есть как бы этнография, опрокинутая в прошлое [Алексеев, 1989. - С. 151]. Однако, к сожалению, это не всегда так, что вытекает из особенностей археологического источника и характера его образования.

Схематично работу археолога можно представить в виде следующих этапов или процедур: 1) добыча археологических материалов (полевая работа); 2) описание, систематизация и их датировка (научный полевой отчет); 3) интерпретация, характеристика основных отраслей жизни и т.д., а также теоретические обобщения [Шер, 1976. - С. 74;]. В целом же, таким образом, можно выделить два основных уровня познания: эмпирический и теоретический [Генинг, 1982. - С. 8-22; 1983. - С. 205].

Археологический памятник, даже если он представляет собой т.н. закрытый комплекс, сам уже является выборкой, частью существовавшей в древности культуры. По подсчетам Д. Кларка - даже менее 15% живой культуры [См.: ИПО, 1983. - С. 58-59]. Это происходит потому, что потеря информации неизбежна и увеличивается с течением времени. Кроме того, археологический источник несет в себе информацию не только одного горизонтального среза, он свидетельствует и о предшествующих видах деятельности. Информация теряется и искажается также в том случае, если мы имеем дело со случайными находками, если памятник раскопан не полностью, а также это происходит в процессе отбора вещей для описания и коллекции – здесь действует так называемый субъективный фактор.

Необходимо учитывать и специфику процесса превращения живой культуры в мертвую, которое проходит ряд этапов [Клейн, 1975. - С. 43-44]. Так, процент детей в обществе был во многих случаях, несомненно, ниже, чем процент детских погребений в могильниках, что объяснялось высокой рождаемостью и высокой детской смертностью [ИПО, 1988. - С. 57]. Редко встречающиеся вещи могут свидетельствовать о том, что их берегли, могло быть и намеренное изъятие тех или иных предметов [ИПО, 1980. - С. 58]. И еще один пример. Особенностью погребального обряда варварского мира является то, что в мужские и женские погребения однотипные вещи попадали в могилы в разном темпе [См.: Бажан, Еременко, 1992. - С. 16-17]. При определении хронологии погребений необходимо учитывать, что широко используемый в археологии метод П. Рейнеке позволяет определять не даты использования вещей в живой культуре, а даты прекращения использования вещей, близкие датам совершения погребения [Бажан, Еременко, 1992. - С. 19-20].

Все сказанное выше приобретает особое значение в том случае, если перед исследователем стоит задача этнической интерпретации (атрибуции) предметов или их комплекса (Археологической культуры - АК), а это как раз одна из главных задач предлагаемой работы.

Первые попытки выделения археологических культур относятся к концу XIX века. В основу их выделения брались различные признаки [См.: Смирнов, 1964. - С. 3-4]. Фундаментальным понятием АК стало в 40-60 гг. XX в. [Ганжа, 1985. - С. 75]. Вопрос о сущности АК нашел свое выражение в литературе [Брюсов, 1956. - С. 16-19; Каменецкий, 1970. - С. 19-214; Клейн, 1970. - С. 37-51; Клейн, Миняев, Пиотровский, Хейфец, 1970. - С.298-301; Монгайт, 1973. - С. 89-90; Ковалевская, 1984. - С. 25]. Краткая историография проблемы рассмотрена А.Н. Ганжой [1987. - С. 137, 141-143; 1991. - С. 60-63], А.Д. Пряхиным [1991. - С. 29-31].

Разные исследователи понимают по-разному сущность АК и соотношение ее с этносом. Распространенным среди археологов является представление, что АК соответствует, или должна соответствовать, при корректном ее выделении, этносу [Артамонов, 1949. - С. 12-14; 1969. - С. 6; Брюсов, 1956. - С. 6, 14-15; Генинг, 1983. - С. 32; Брайчевский, 1991. - С. 58-60]. Наиболее последователен здесь был В.Ф. Генинг, который считал, что АК отражает социальную систему - отдельное общество (социально-исторический организм - СИО), который, в свою очередь, является не чем иным, как ЭСО

[Генинг, 1987. - С. 6-32; 1991. - С. 65-71]. Однако, с отождествлением АК и этноса согласны отнюдь не все исследователи [См.: Монгайт, 1967; Арешян, 1978.; Клейн, 1970. - С. 49; Арутюнов, Хазанов, 1979а. - С. 141-146; 1979б. - С. 79; Аникович, 1991. - С. 40-48].

Если же мы обратимся к конкретным АК, уже выделенным и описанным археологами, то увидим, что они могут, как соответствовать этносу, так и охватывать часть его, быть частями двух и более этносов, а также соответствовать двум или даже больше этносам [Каменецкий, 1970. - С. 33; Ковалевская, 1984. - С. 29; Арутюнов, Хазанов, 1979б. - С. 81]. АК определенным образом соотносится и с ХКТ - может с ним совпадать в границах одного ХКТ, может укладываться в несколько родственных или неродственных АК; единая АК или ее варианты могут также принадлежать к разным ХКТ [Арутюнов, Хазанов, 1979. - С. 144-146]. В целом же содержание понятия АК может охватывать: общность хозяйства и географических условий древнейшего населения, ИЭО и ХКТ, этнические общности, социально-экономические области и т.д. [См.: Захарук, 1979. - С. 12].

Археология (АК) отражает, таким образом, преимущественно материальную (не всю) сторону культуры, поэтому вполне вероятны (и они есть) ситуации, когда локальные варианты культуры (этносов) отличаются только по тем параметрам, которые нельзя уловить археологически [Арутюнов, Хазанов, 1979б. - С. 80-82]. Так, привлекаемые Д. Кларком данные по североамериканским индейцам и банту показали, что нельзя безоговорочно отождествлять АК с конкретными этносами [См.: Холюшкин, Холюшкина, 1985. - С. 27-28]. К тому же такое отождествление часто бывает субъективно и произвольно [Третьяков, 1969. - С. 28].

Какой же выход из сложившейся ситуации? Ю.Н. Захарук предлагал определять, какой по объему и содержанию археологический источник отражает понятие АК, и уже потом, после его обоснования и сопоставления с такими понятиями, как ХКТ, ИЭО, ЭО, решать проблему, какому из этих понятий соответствует АК [Захарук, 1980. - С. 258]. Считается, что концепция соответствия АК этническим общностям наиболее перспективна [Захарук, 1980. - С. 259], заслуживает особого теоретического внимания [Артамонов, 1971. - С. 31]; она усиленно разрабатывалась в последних работах В.Ф. Генинга.

Однако с практической точки зрения мы не можем обойти стороной тот факт, что многие выделенные АК могут не соответствовать этносу. Важнее всего, в конце концов, не то, что каждый археолог подразумевает под понятием АК (хотя это тоже очень важно), а что действительно скрывается под уже известными АК. В итоге мы вынуждены согласиться с тем, что невозможно абсолютно достоверно отождествлять АК с предполагаемым этносом, может быть только вероятность такого отождествления [Арутюнов, Хазанов, 1979б. - С. 84]. Невозможно дать и общие, пригодные на все случаи рецепты такого отождествления, возможно, выделить лишь факторы, которые могут влиять на достоверность результата в сторону его понижения и повышения. Одним из таких факторов может быть комплексный подход к источникам и взаимопроверка данных. Все это в полной мере относится и к АК Юго-Западного Крыма III-VI вв., и, в том числе, к материалам могильников указанного региона. Археологические памятники, таким образом, здесь все-таки возможно сопоставлять с этносами, известными из письменных источников. При этом необходимо учитывать смешанный характер этих этнических объединений, связанный, несомненно, с характером переживаемой эпохи, особенностями этнических процессов и влиянием позднеантичной и ранневизантийской культур.

В этнической интерпретации археологического материала часто главную роль играют так называемые «этнизирующие факторы». Этот метод на материалах зарубежной научной литературы был рассмотрен в свое время еще Г.С. Кнабе [1959. - С. 248]. Он основан на выделении в археологическом материале особенностей, связанных с этносом. К ним относят обычно обряд захоронения, характер керамики, орнаментацию вообще и сосудов в особенности. Реже выделяют формы орудий, тип жилища и некоторые др. [Кнабе, 1959. - С. 248]. Г. Чайльд называет их «диагностирующими» признаками [См.: Кнабе, 1959. - С. 294]. У разных исследователей количество этнизирующих признаков и их состав может быть разным [См.: Щукин, 1977. - С. 81; Высотская, 1983. - С. 5-24]. В советской историографии этот метод также нашел свое место [Ганжа, 1987. - С. 146-149].

Иногда значение «этнизирующих» признаков отрицается вовсе. Кроме того, сложность этнических реконструкций на археологическом материале приводит к утверждениям, что археология не обладает методикой такого рода исследований, правда, эта сложность преодолевается в ходе работы над конкретным материалом [Храпунов, 2004. – С. 4]. Такой гиперкритический подход, как нам кажется, неверен. По сути своей «этнизирующие» признаки в археологии - это не что иное, как этнодифференцирующие свойства культуры в этнографии (этнологии). При анализе этнической принадлежности культуры ничего другого предложить пока невозможно. Поэтому необходимо признать важность отбора и анализа этих «этнизирующих» признаков, что надо делать с известной долей осторожности и понимания вероятностного значения полученных выводов. Именно этот подход, как я покажу ниже, и реализован в предлагаемой работе.

Наряду с обрядом захоронения, к таким признакам относят лепную керамику (особенно ее орнаментацию) и украшения, имеющие узкий ареал распространения [Смирнов, 1964. - С. 6-7]. В качестве примера упомянем также, что в специальных работах, посвященных этнической атрибуции самых разнообразных археологических памятников, анализировались именно эти черты. Так, на Елизаветовском поселении, расположенном в дельте Дона, И.Б. Брашинский, К.К. Марченко и В.П. Копылов

выделяют погребальный обряд, комплекс лепной керамики и особенности домостроительства [Брашинский, Марченко, 1984; Копылов, Марченко, 1986. - С. 24]. Эти же признаки относил к важнейшим при анализе славянских древностей и В.В. Седов [1989. - С. 13]. Необходимо подчеркнуть роль лепной керамики, особенно формы и орнаментации сосудов [Монгайт, 1973. - С. 81], т.к. именно домашнее производство содержит информацию об этнических связях [Гадло, 1973. - С. 269].

К этому можно добавить, что наряду с особенностями погребальных сооружений, одной из ведущих черт погребального обряда является ориентировка умерших по сторонам света, связанная с воззрениями древних на потусторонний мир. Был предложен простой, но эффективный метод определения древних традиций ориентировок в погребениях ямного времени [Генинг, 1987. - С. 186-209].

2.4. ИСТОРИЧЕСКАЯ (ЭТНИЧЕСКАЯ) АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОС

Важным источником по этнической истории являются данные, анализируемые антропологией. Впрочем, в мировой антропологической литературе нет общепринятого мнения о месте антропологии среди других наук [См.: Алексеев, 1979. - С. 39-49]. Одно из наиболее простых определений антропологии как биологической дисциплины, в понимании, сложившемся в отечественной науке, дал В.П. Алексеев: «Антропология - наука об изменчивости человеческого организма в пространстве и времени, законах этой изменчивости и факторах, ею управляющих» [Алексеев, 1979. - С. 39].

Традиционно определились три основных раздела антропологической науки: морфология человека, учение о происхождении человека (антропогенез) и учение о расах человека (расоведение) [Подр. см.: Алексеев, 1979. - С. 40-42]. К ним добавляется физиологическая антропология (современная отечественная концепция расоведения отражена в книге «Проблема расы в российской физической антропологии» [2002]). По своим целевым установкам: использование всех пригодных антропологических данных для самых разных исторических реконструкций [Алексеев, 1979. - С. 49-50], т.е. как «... совокупность антропологических знаний, из которых можно извлечь историческую информацию" [Алексеев, 1979. - С. 118], выделяется историческая антропология.

В.П. Алексеев привел перечень около десятка общеисторических проблем, в освещении которых наиболее велика роль антропологии, среди них наиболее важными для нашей темы представляются следующие: палеодемография, родство древних народов, миграции в истории первобытного общества, автохтонное происхождение современных народов, соотношение биологических и социальных общностей [См.: Алексеев, 1979. - С. 52-63; 1989. - С. 109-112]. При этом можно заметить, что антропологические материалы позволяют реконструировать как миграции, так и очаги автохтонного развития [Алексеев, 1989. - С. 190-202].

Один из важнейших принципов этногенетических исследований в антропологии был сформулирован в статье Г.Ф. Дебеца, Г.М. Левина и Т.А. Трофимовой, вышедшей в 1952 г. Он заключается в следующем: «... язык и культура могут распространяться и независимо от распространения антропологических типов, но **антропологические типы никогда не распространяются без культуры и языка**» (подчеркнуто нами - С.У.) [1952. - С. 4]. Эта идея является связующим положением, с помощью которого осуществляется переход от биологии человека к его истории [Алексеев, 1979. - С. 66].

Другим важнейшим принципом современной антропологии (и исторической в том числе) является популяционный подход [Алексеев, 1989. - С. 18, 112-119]. Дело в том, что популяционная и этническая структура человечества находятся в определенном соответствии. Основная единица в изучении популяции «дем» насчитывает 1,5 - 4 тыс. человек (при 80-90% эндогамных браков), соответствуя небольшим этносам, этнографическим группам или территориальным общинам крупных народов. Родственные демы объединяются в группы малых популяций, те - в состав больших популяций, которые включают целую систему демов и реликтовых изолятов (численностью менее 1,5 тыс. человек) и соответствует средним и крупным этносам [Арутюнов, Чебоксаров, 1972. - С. 18]. В связи с этим отмечалось, что необходимо полное исследование древних могильников со сбором всего палеоантропологического материала, включая скелеты детей и младенцев [Алексеев, 1989. - С. 119].

У каждого народа-этноса имеется свое сочетание (мозаика) антропологических типов [См.: Чебоксаров, 1951. - С. 306], что определяется конкретно-историческими условиями и отражает происхождение и этническую историю народа [Алексеев, 1989. - С. 152]. Именно поэтому антропология четко фиксирует примесь инородных этнических элементов и служит индикатором миграций, а также дает основание предполагать неизменность и преемственность населения, стабильность исторического развития, тогда как на самом деле произошла смена языка и культуры. Это может быть в двух случаях: смешивающиеся народы принадлежат к одному антропологическому типу, либо заимствование языка и культуры произошло без брачных связей [Алексеев, 1989. - С. 153].

Антропологический материал может говорить и о так называемой «диффузии» признаков, быть основанием для датировки конкретных этногенезов. Традиционно считалось, что важнейший показатель здесь - деформация черепа [Жиров, 1940. - С. 81-88] как стойкий этнокультурный признак, независимый от антропологического типа самостоятельный источник [Алексеев, 1986. - С. 50]. Однако на конкретных материалах, например, позднеантичного и средневекового Крыма этот постулат

практически не работает, а практика искусственной деформации черепов требует дополнительного исследования [Иванов, 2003. – С. 86].

Палеоантропологическому материалу присущ и ряд недостатков: мало массовых серий, лакуны образуются также в результате бытования обряда трупосожжения и т.д. Ну и главный из них - «немота» материала [ИПО, 1988. - С. 297].

В историко-антропологических исследованиях используется, кроме палеоантропологического материала, также иконография, письменные источники, антропометрические данные [Алексеев, 1979. - С. 72-93]. Методы могут быть измерительными, описательными, биохимическими и пр. Важнейший этап исследования - статистическая обработка материала [Алексеев, 1979. - С. 93-102].

Конкретные пути исторической (этнической) интерпретации палеоантропологических данных были показаны подробнее В.П. Алексеевым [1989. - С. 206-437]. Они могут состоять из следующих этапов: 1) отбор материала (могильников, давших достаточно представительный материал, нижняя граница которого условно определяется как 5 мужских и 4 женских костяка); 2) географическая, а также хронологическая изменчивость с выбором при-

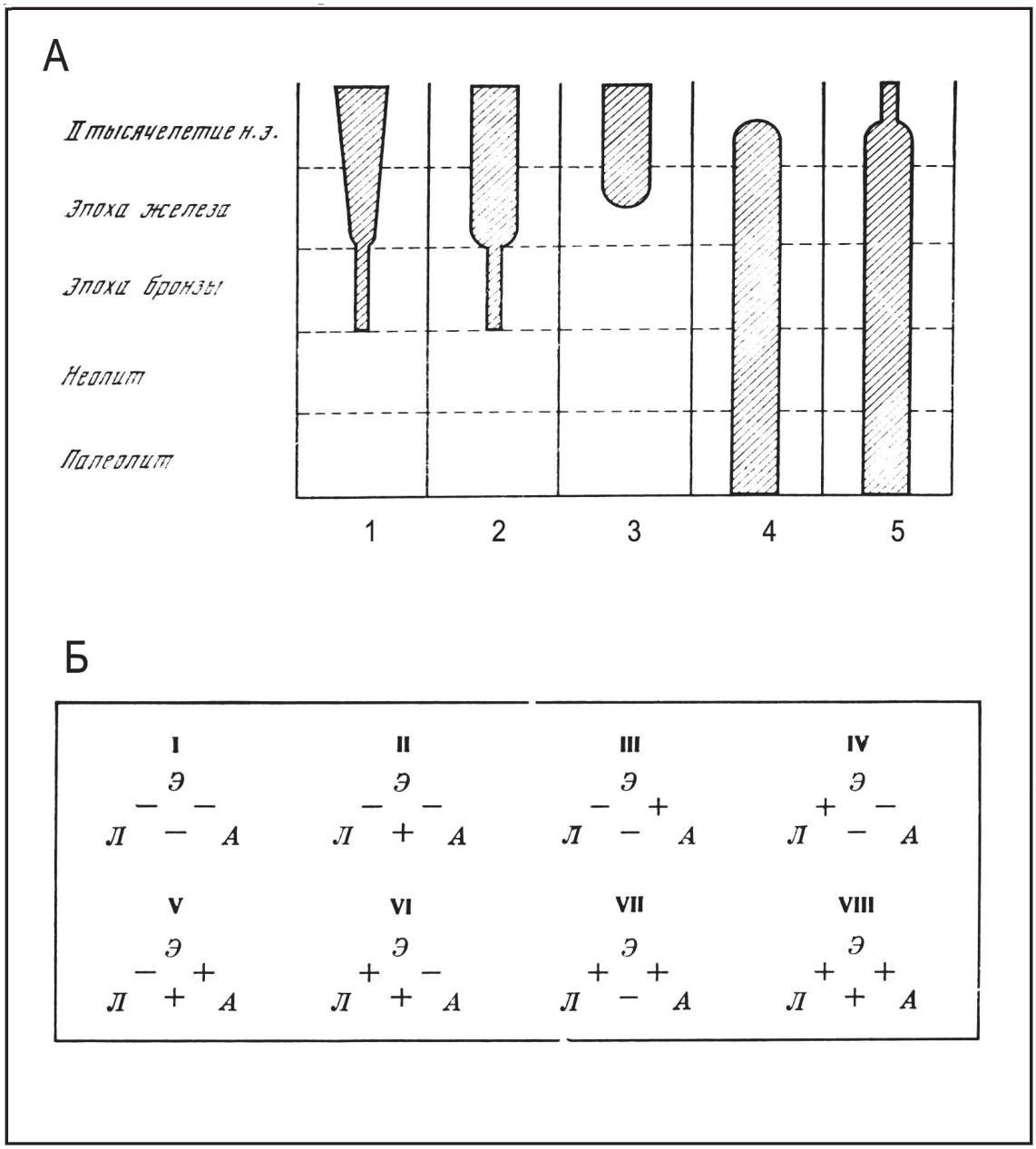


Рис. 9. А. Разрешающая способность разных видов источников (по Алексееву, 1989). 1 – этногенетические предания; 2 – языковые данные; 3 – этнографические данные; 4 – археологические данные; 5 – антропологические данные.
Б. Возможные соотношения между разными видами исторических источников (по Алексееву, 1989). Л – лингвистические данные; Э – этнографические данные; А – антропологические данные; + - совпадение данных; - - несовпадение данных.

знаков для картографирования; 3) расогенетическое истолкование (приложение к материалу общих принципов и положений), в том числе и выявление локальных расовых вариантов; 4) этногенетические итоги.

Примером может служить изучение палеоантропологического материала степей Евразии в скифское время. Оно позволяет поддерживать гипотезу о том, что скифосибирская общность не образует генетического единства и сложилась на базе нескольких разных по происхождению антропологически своеобразных компонентов, которые и этнически могли существенно отличаться друг от друга [Алексеев, 1989. - С. 234]. Что же касается скифской культуры Причерноморья, то она сложилась на базе срубной культурной общности [Алексеев, 1989. - С. 232]. Подобным образом, палеоантропологические материалы, с учетом конкретной специфики, возможно и необходимо использовать и в предлагаемой работе.

Палеоантропологические материалы лучше всего использовать наряду с другими видами источников: разрешительная способность данных антропологии, археологии и письменных источников различна, что хорошо показал в свое время В.П. Алексеев (см.: рис. 9А). Соотношения между различными видами источников (данные языка, антропологическими и антропологическими данными могут быть различными (там же: рис. 9Б).

2.5. МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ РЕШЕНИЯ КОНКРЕТНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Среди этих методов необходимо, прежде всего, назвать метод исторической ретроспекции. Он был обоснован О. Монтеллиусом, широко применялся Г. Коссиной [Монгайт, 1973. - С. 37-39; Седов, 1979. - С. 39-42; Васильев, 1990. - С. 37]. Суть этого метода заключается в поэтапном прослеживании (при наличии эволюционной преемственности), истоков основных элементов культуры, прежде всего материальной. Такое прослеживание имеет одну направленность - в глубь веков. Слабое место ретроспективного метода заключается в нерешенности проблемы соотношения АК и этноса; кроме этого, недостаточно разработаны способы использования других видов источников - языковых, антропологических, нарративных и т.д.

Один из важнейших принципов исследования, сформированный в отечественной [Удальцов, 1947а. - С. 3; Удальцов, 1947б. - С. 302; Артамонов, 1949. - С. 7; Токарев, 1949] и зарубежной науке [Кнабе, 1959. - С. 257] еще с 40-х гг. XX в. - комплексное использование всех видов источников - в настоящее время этот подход стал аксиомой [Алексеев, 1989. - С. 153]. Это положение стало необходимым условием и в классической археологии с внутрисистемной разработкой материала на первом этапе и синтетической на втором [См.: Виноградов, Доманский, Марченко, 1987. - С. 1]. Оно применялось, как отмечалось, уже Р. Хахманом при анализе «готской проблемы». Аналогичные подходы демонстрируют и специалисты, занимающиеся изучением проблем этнокультурной истории, в том числе и на Украине [См.: Сухобоков, 1998].

Далее, характеризуя население Юго-Западного Крыма эпохи Великого переселения народов надо отметить, что оно, в свою очередь, являлось системой этносов разной качественной характеристики. Здесь, таким образом, вполне применимы принципы системного подхода к анализу их взаимоотношений [См.: Блауберг, Юдин, 1973. - С. 61-63; Блауберг, Садовский, Юдин, 1978. - С. 47; Афанасьев, 1980. - С. 21-37; Павленко, 1989. - С. 53].

С этой точки зрения анализируемая этническая ситуация является частным случаем системы взаимоотношений между цивилизацией и первобытностью (варварским обществом) [См.: Первобытная периферия…, 1978; Хазанов, 1971. - С. 17-27; ИПО, 1988. - С. 471-535].

Подводя итоги изложенному в этой главе, следует назвать основные **принципы исследования**, которых автор будет придерживаться при рассмотрении этноса Юго-Западного Крыма.

1. Цель исследования - реконструкция этнической ситуации как обобщение накопленного эмпирического материала - создание так называемого имитативной модели [Черносвитов, 1991. - С. 6].

2. Эта ситуация - система взаимодействующих этносов разного происхождения и характера: позднеантичное население (греки, римляне) и варвары; местное население (автохтонное) и пришлое; оседлое и кочевники.

3. Комплексный подход к источникам. Основная триада их - письменные, археологические и антропологические. На первом этапе рассмотрения материалов - анализ их данных; второй этап - синтез (сопоставление) полученных результатов.

4. При изучении письменных источников необходимо уделить внимание этнической структуре варварских союзов, участвовавших в морских и сухопутных походах в бассейне Черного моря, времени и путям их проникновения в Юго-Западный Крым.

5. При рассмотрении археологических материалов основное внимание будет уделено анализу этнически значимых признаков: типам погребальных сооружений, особенностям погребального обряда и инвентаря (прежде всего лепной керамики). Поскольку погребения в настоящее время датируются с точностью примерно до 50-и лет [См.: Айбабин, 1990], данные археологии, возможно, рассматривать по хронологическим «срезам» через каждые полстолетия - точность вполне удовлетворительная с точки зрения этногенетического исследования, позволяющая проследить основные тенденции этнической истории.

6. Антропологические данные (после соответствующего отбора), точнее выводы антропологов также используются для реконструкции этнических процессов в юго-западной части полуострова.

7. Все перечисленные выше материалы для удобства сопоставления будут представлены в форме текстовых

и графических таблиц, а также карт.

8. Изложение выводов (собственно реконструкция этнической ситуации) будет сделано после сопоставления данных всех видов источников; особое внимание при этом уделено характеристике этнических процессов (См.: выше). Это позволит, в свою очередь, сделать вывод о репрезентативности источников и о степени достоверности реконструированной картины.

Перечисленные принципы исходят из следующего. Как показал историографический анализ, наиболее перспективным подходом к исследованию этнического состава населения и этнических процессов является комплексный подход с использованием информации всех видов источников, основная триада которых - письменные, археологические и антропологические. При этом главное - оперирование итогами их изучения [Герд, 1989. - С.8-9; Герд, Лебедев, 1991. - С. 73]. А это, как видно, предполагает необходимую «доработку» источников, с целью создания необходимых условий для их адекватного сравнения. Рассмотрение этнологической литературы позволило выделить и необходимые пути анализа материалов и реконструкции ситуации, а сопоставление этих рекомендаций с возможностями конкретных источников - скорректировать направление исследования. При этом необходимо использовать источники этнически информативные, значимые, исключив те, которые необходимых данных не содержат, или содержат в той малой степени, когда от них можно абстрагироваться (например, языковые, в том числе и топонимические, археологические о поселениях и т.п.).

Первые два этапа исследования заключались, как мы видели, в следующем.

I. Анализ историографии вопроса по двум основным направлениям: 1) источниковедческая база (опора на данные письменных, антропологических, археологических источников, или на их комплекс); 2) методика историко-генетических выводов.

II. Разбор этнологической литературы (методы и схемы анализа данных): 1) в исторической этнографии; 2) в исторической (этнической) антропологии; 3) в археологии.

Следующим этапом работы, следовательно, должен быть:

III. Отбор материалов по этнически значимым категориям: 1) данные письменных источников; 2) материалы археологии; 3) выводы антропологов.

Главнейшие из перечисленных источников - археологические данные, а среди них - погребальный обряд в широком смысле слова, основные элементы которого: а) погребальные сооружения, б) элементы погребального инвентаря (керамика, особенно лепная, отдельные виды принадлежности костюма - фибулы, пряжки и пр.)

Все эти материалы, возможно, использовать только в датированных комплексах при представлении их по хронологическим срезам в сопоставимом (табличном) виде. Представленные таким же образом новые материалы будут дополнять и уточнять выводы, которые могут измениться в том случае, если эти материалы приобретут «критическую массу». При такой схеме исследования достигается полная проверяемость выводов и реконструкция этнических процессов на основе первоначально анализа всех видов источников и затем их сопоставлении (синтеза).

ГЛАВА 3
СВЕДЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

3.1. ДРЕВНИЕ АВТОРЫ О ГОТАХ, АЛАНАХ И ГУННАХ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТАВРИКЕ

Как показал проведенный выше обзор научной литературы, свидетельства древних авторов о населении Крыма в эпоху перехода от античности к средневековью неоднократно рассматривались многими исследователями. Эти проблемы затрагиваются и в современной историографии.

Сведения эти немногочисленны, разрознены (особенно те, которые касаются непосредственно этнического состава населения). Попытаемся, тем не менее, опираясь на эти данные, представить этническую ситуацию с точки зрения современников, а также авторов, писавших по еще свежим следам двух крупных событий рубежа эпох, затронувших и юго-западную часть полуострова: готских («скифских») военных походов и вторжений гуннов. Таким образом, все источники можно разделить на две части: 1) те, которые связаны с германцами (готами) и 2) те, которые говорят о гуннах и влиянии гуннского вторжения на население Юго-Западного Крыма. При этом, заметим, что нас интересуют, прежде всего, упоминания в источниках этноса, как местного, так и пришлого; время и место появления новых волн варваров в регионе; состав их объединений и местожительство на новых для них землях.

Карта расселения народов полуострова эллинистического периода по письменным источникам была составлена В.С. Ольховским [1981. – С. 52-65]. Негреческое население тогда было полиэтничным [Ольховский, 1981. – С. 53]; тавро-скифы (скифо-тавры) при этом – смешанным. Кроме того, сами тавры могли состоять из нескольких племен. Может быть, это имел в виду и Аммиан Марцеллин, когда сообщал о разделенных на различные царства тавров, «между которых страшны своей чрезмерной грубостью арихи, синхи и напеи»? Со II в. до н.э. в северо-восточном Крыму живут оседлые сатархи, занимавшиеся скотоводством, меновой торговлей и мореплаванием [Ольховский, 1981. – С. 57]; рядом тафрии, покоренные скифами в период освоения Крыма [Ольховский, 1981. – С. 60]. На рубеже нашей эры основную массу варваров, по мнению В.С. Ольховского, составляли скифы и смешанное скифо-таврское население. Собственно таврское, греко-скифское и греко-таврское, а также чисто сарматское в это время было особенно многочисленным [Ольховский, 1981. – Карта. – С. 37] (рис. 10).

Попробуем представить теперь последующий основной событийный ряд и его итоги глазами древних.

В ряду важнейших источников, прежде всего, необходимо назвать «Готскую историю» («Getica») Иордана. Иордан использует в своем труде обширные сведения, в т.ч. и 12 недошедших до нас книг историка Кассиодора (490-575 гг.), в которых, тот, в свою очередь, изложил сведения «истории готов» Аблавия и старинные народные предания и саги [Люблинская, 1955. - С. 54].Очень высоко оценила труд Иордана Е.Ч. Скржинская, обоснованно считая его уникальным и стоящим в одном ряду с другими историческими памятниками раннего средневековья. По ее словам, Иордан «должен быть признан выдающимся историком», который донес до нас «достаточно полное отображение одной из важнейших эпох в истории Европы» [Иордан, 1960. – С. 57,58].

Родина готов, по Иордану - «обширный остров по названию Скандза» [Иордан, 10], который лежит против реки Вистулы... [17]. Оттуда, как из утробы, вышли готы во главе со своим королем Беригом [26]. При короле Филимере, пятом после Берига, готы вместе с семьями пришли в земли Скифии, «которые на их языке назывались Ойум» [72]. «Отсюда уже, как победители движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем» [29]. Этим событиям, забегая несколько вперед, можно отметить, имеются и археологические соответствия [Щукин, 1994. - С. 244-249].

Захлестнутые бурным потоком начавшегося Великого переселения народов, готы постоянно перемещаются. Об этом сообщает и Иордан: «мы считаем, что первое расселение готов было в скифской земле около Меотийского болота; второе - в Мезии, Фракии и Дакии, третье - на Понтийском море снова в Скифии» [38]. Как считает автор, именно в третьей области своего расселения готы разделились на везеготов и остготов [42, 82]. Это разделение могло происходить дважды: в 220-230 гг. (район Ойума) и в 250 г. (Подунавье), когда часть готов во главе с Химулом и расселилась на «Понтийском море» [Лавров, 1991.- С. 47-48].

Готы вместе с прочими варварами, вероятно, принимали уже участие в «Скифской войне» 232-238 гг. против империи [Буданова, 1982. - С. 163]. В результате этих событий, по сообщению Патрикия, римляне были вынуждены платить дань карпам и готам [Буданова, 1982. - С. 162].

В последующих военных походах (в основном на Мезию и Фракию) 40-х - начала 50-х гг. (См.: Табл. 22) участвовали ост - (Острогота) и вест - (Книва) готы, карпы, вандалы, маркоманы, тайфалы, певкины и другие племена.

Начиная с 255 (256) г., варвары совершают около десятка морских набегов на богатые земли в Малой Азии, Мезии и самой Греции: «когда же по исчезновении царского рода (на Боспоре) во главе правления стали недостойные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно, и воз-

вратились домой» [Зосим, 1948. - С. 278]. Древние авторы (Зосим, Иордан, Филосторгий, Поллиен, Аммиан Марцеллин и др.) называют участников этих вторжений чаще всего собирательным термином «скифы» [Хайрединова, 1994. - С. 76], означающим варваров в целом и готов, в частности. В.В. Лавров объясняет практику морских набегов присутствием среди варваров выходцев из Скандинавии [Лавров, 1997. - С. 11-12].

О «готских» («скифских») войнах и морских походах варваров существует уже обширная историография, о которой частично было сказано выше [См.: Pullman, 1863; Василевский, 1912; Кулаковский, 1906; Гайдукевич, 1949; Ременников, 1954; Буданова, 1990; Лавров, 1997 и др.] (См.: рис. 86-89).С этими вторжениями (набегами) трудно связывать заселение германцами южного берега Крыма. По крайней мере, письменные источники о поселении их в пределах Крыма в эпоху морских походов умалчивают.

Не проясняет ситуацию и Псевдо-Арриан (V в.). Среди населения Крыма он называет сарматов, аланов («ныне же Февдосия на аланском или таврском языке называется Ардабда, то есть Семибожный ...» [Псевдо-Арриан, 1948. - С. 235]) и тавров, в описании которых он придерживается античных традиций [Псевдо-Арриан, 1948. - С. 235].

Важные, хотя и отрывочные сведения о готах нам сообщает Прокопий Кесарийский. Готы, по его мнению, издревле жили «по ту сторону Истра (Дуная)». К готским племенам он относит, кроме готов, еще вандалов, визиготов и гепидов [Прокопий, 1950. - С. 385]. Пишет он и о готах-тетракситах, место проживания которых находилось «рядом с теми местами, откуда начинается устье «Болота» (Азовского моря)» [Прокопий, 1959. - С. 384, IV.4.9]. Готы были вынуждены покинуть эти места под натиском пришедших из Азии гуннов.

Прокопий – практически единственный из всех древних авторов, кто упоминает достаточно подробно позднее место жительства готов - страна (область) Дори. Интерпретации этих сведений и локализации «страны Дори» посвящена обширная литература, к рассмотрению которой еще предстоит обратиться. Здесь же необходимо привести отрывок из сообщения Прокопия о стране Дори полностью (он очень важен):

«(10)... Что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу (Эвксинского Понта) за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами, и находятся на краю земли римской, то застав их стены в совершенно разрушенном состоянии он сделал совершенно красивыми и крепкими.

(11) Он воздвиг там и два укрепления, так называемые Алуста и в Горзувитах.

(12) Особенно он укрепил стенами Боспор, с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян...

(13) Здесь же, на этом побережье есть страна Дори, где с давних времен живут Готы, которые не последовали за Теодорихом, направившимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами, отправляясь вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов, всякий раз когда императору это было угодно.

(14) Они достигают численности населения до 3 тысяч отменных бойцов, в военном деле они превосходны, и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны, гостеприимны они более других людей.

(15) Сама область Дори лежит на возвышенности и она не камениста и не суха, напротив, земля очень хорошая и приносит самые лучшие плоды.

(16) В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, т.к. эти люди не терпят быть заключенными в каких-либо стенах, но более они любят жить в полях.

(17) Так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император устроил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов. Таковы его были дела здесь» [Прокопий, 1939. - С. 250] (Перевод С.П. Кондратьева). Новый перевод В.А.Сидоренко, предпринятый с целью уточнить некоторые детали, не меняет общего смысла текста [Ср.: Сидоренко, 1994].

Кроме Прокопия, есть еще один источник, упоминающий Дори (но как город) - так называемый Перипл Анонима из Равенны. В пятой книге своей космографии неизвестный автор дает список всех прибрежных городов мира. Большинство названий, перечисленных в этом перипле, также встречается в предыдущих его частях, хотя плохая орфография часто затрудняет определение названий [Pekkanen, 1979. - S. 111].

Вот их списки:

I. Raven 59.

... (94) Poristenida, (95) Calipolis, (96) Cersona, (97a) Theodosia, (97b) Dosiopolis, (98) Careon, (99) Trapezus ...

II Raven 2, 17p. 29, 23.

... (94) Poristenida, (93) Olbiapolis, (95) Capolis, Dori, (96) Chersona, (97) Theosiopolis (98) Careon, (99) Trapezus ... [Pekkanen, 1979. S. 113, 114].

В контексте этих сведений упомяну здесь и фрагмент декрета времени Гонория, найденный в Херсонесе. М.А. Шангин предполагал, что он регламентировал торговые сношения Херсонеса с восточными областями [Шангин, 1938. - С. 82]. В.А. Сидоренко, в свою очередь, полагает, что декрет связан с расселением готов после 408 г. у восточных границ Византии - в данном случае это Херсонес с приморской округой. Перевод В.А. Сидоренко гласит: «... и согласно... на территориях (или «вглубь территорий»), которым солнцем... (вправо) приплывать к ... (император) цезарь Гонорий... и (в) Херсонес... (как прежде и Феодосий...» [Сидоренко, 1987. - С. 139; 1994. - С. 5]. Здесь отметим, что, вероятно, само переселение готов было относительно длительным про-

цессом, завершившимся (в основном) в годы правления Феодосия [Лавров, 1997. - С. 13].

От каких же врагов должны были защищать готов «длинные стены»? Не исключено, что и от кочевников-гуннов, появившихся в Северном Причерноморье (и в Крыму) после 70-х годов IV в.

Впервые упоминает о них Дионисий Периэгет (около 160 г. н.э.) как о соседях скифов: «Первые скифы, которые населяют побережье возле Кронийского моря по устью Каспийского моря, потом гунны, а за ними каспийцы» [Дионисий Периэгет, 1948]. Места их обитания отмечал и Агафий Миринейский: «Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотийского озера, которая обращена к востоку, и жили севернее реки Танаис... Все они называются гуннами или скифами. По племенам же в отдельности одни из них называются котригурами, другие утигурами, прочие вуругундами...» [Агафий Миринейский, 1953. - С. 147]. Клавдий Птолемей помещает их «между бастарнами и роксоланами...» [Клавдий Птолемей, 1948б. - С. 238] «... По Борисфену за аланами... «размещает их Маркиан из Гераклеи Понтийской [Маркиан, 1948в. - С. 279].

Источник сообщает: «…именно гунны, вторгшись в земли тех аланов, которые соприкасались с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора» [Аммиан Марцелин, 1949а. - С. 305]. Резко изменилась этнополитическая ситуация: «Хуны восстали на аланов, аланы на готов, готы на тайфалов и сарматов» [Амвросий, 1949б. - С. 233]. Это произошло, как сообщает Зосим, из-за того, что «... будто бы Киммерийский Боспор превратился в землю от нанесенного рекой Танаидом ила, дал им возможность переправиться из Азии в Европу» [Зосим, 1948, - С. 283]. Возможно, здесь имеется в виду устье Меотиды (Керченский пролив) всего лишь продолжение (второе устье) Танаиса (Дона) [Тортика, 2002. - С. 241]. Сначала они (гунны) небольшими силами попробовали бороться с готами, а потом совершили нашествие с огромным полчищем, победили готов и захватили их землю» [Зосим, 1948. - С. 305-306].

Иордан называет и племена, жившие за Меотидой, и покоренных гуннами - «... алпидзуров, алцидзуров и тимаров, тункарсов, боисков, сидевших на побережье этой самой Скифии» [Иордан, 1960. - С. 91, № 126]. Акациров - «народ скифский», покорившийся Аттиле, упоминает и Приск Панийский [1861, - С. 44].

Под властью гуннов оказались огромные территории, в том числе, вероятно, и степной Крым. В Северном Причерноморье с 370 по 420 гг. находилась ставка гуннских правителей [Засецкая, 1994.- С. 158]. Так, для того, чтобы послу Рима Олимпиодору прибыть в ставку гуннов, ему пришлось переправиться через Понт (Черное море) [Засецкая, 1975. - С. 9]. Подчиненные племена сохраняли определенную автономию. Об этом сообщает и Иордан: »[Баламбер]... властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но, однако так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и (соответственно) решению гуннов» [Иордан, 1960. - С. 115, № 250].

Далее, в 426 г. гуннский правитель - Руа двинулся непосредственно на Римскую империю. После похода гуннов на Балканы в 447 г. император Феодосий II был вынужден заключить с гуннами унизительный мир. В 451 г. гунны были остановлены на Каталаунской равнине войсками Аэция [Гумилев, 1993а. - С. 141]. Гунны (Аттила) совершают еще один поход - в Италию, и после получения выкупа уходят в Паннонию. Наконец, после смерти Атиллы (в 453 г.) и поражения при р. Недао, гунны отходят назад, в Причерноморье (Рис. 1), причем часть из них - утигуры, прошла через Крым [Артамонов, 1962. - С. 87]. Здесь они столкнулись с готами-тетракситами, «самыми сильными из тамошних варваров». Место столкновения, вероятно - Керченский полуостров - «недалеко от Меотийского болота» [Прокопий из Кессарии, 1950. - С. 387, IV.5.19]. Это северная часть полуострова, в районе современных поселений Верхнее-Заморское и Белинское [Ермолин, 2005. – С. 349-354. – Рис. 1, 2]. Прокопий называет и племена, жившие в Крыму: «За Меотийским болотом и рекой Танаисом большая часть лежащих тут полей, как было сказано, заселяли кутригуры-гунны. За ними всю страну занимают скифы и тавры, часть которой и ныне называется Таврикой...». «Если идти из города Боспора в город Херсон, который лежит в приморской области и с давних пор подчинен римлянам, то всю область между ними занимают варвары из племен гуннов» [Прокопий из Кесарии, 1959. - С. 388; ##4, 5 23, 27]. Название и местопребывание гуннского племени в Крыму уточняет Иордан: «... альциагиры - около Херсона, куда жадный купец возит богатства Азии; летом они бродят по степям... Зимой же переходят же к Понтийскому морю» [Иордан, 1960. - С. 72, #37].

Византия старалась пользоваться враждой кутригуров и утигуров, провоцируя войны между ними [Пигулевская, 1941. - С. 93]. Причем союзниками последних выступали готы (вероятно, крымские). Так, «утигуры, пригласив к себе на помощь из живших рядом с ними готов, которые назывались тетракситами, две тысячи воинов, они всем народом перешли Танаис» [Прокопий из Кесарии, 1959. - С. 435; 4, 5, 22]. В результате междоусобных сражений гунны «даже потеряли свое племенное имя. Гуннские племена дошли до такого бедствия, что если и сохранилась их часть, то, будучи рассеянной, она подчинена другим и называется их именем [Агафий Миринейский, 1953. - С. 164].

Расстановка сил в Северном Причерноморье существенно меняется во второй половине - конце VI вв.: в 576 г. тюркютами был взят Боспор [Артамонов, 1936. - С. 38], «... когда римский посол находился между турками» [Византийские историки, 1860. - С. 423]; в 580 г. тюркюты попытались захватить Херсонес, но неудачно.

* * *

Кратко резюмируя сведения древних авторов, отметим следующее: готы - народ северного происхождения - в результате массового переселения (расселения) они продвинулись от берегов Балтики до Северного Причерноморья. Воинственные готы включили в свой союз как германские (гепиды, бораны, руги) [Гумилев, 1993], так, вероятно, и сарматские (аланы) и другие местные племена. Нужно отметить, что прямых упоминаний в источниках о разгроме ими поселений «поздних скифов» в Юго-Западном Крыму, как, впрочем, и переселении в горную часть полуострова или на южный берег готов и других «варваров», отсутствуют. Несомненным является лишь то, что во время сухопутных и морских грабительских походов на Империю (вторая треть III в.) Крым ими уже был «освоен» и не представлял особого интереса - более привлекательными для грабежа казались богатые провинции Малой Азии и материковой Греции. Переселение началось, вероятно, немного позднее - с последней четверти III в. Вместе с готами и другими германцами поселяются аланы, тяготея к степной восточной («Ардабда») и юго-западной предгорной частям полуострова.

После гуннского вторжения (375 г.) Причерноморские степи оказались заняты новыми кочевниками (тюрки и угры); оседлое население юго-западной предгорной и горной части полуострова продолжает там жить. Гунны окончательно утвердились в степях после их возвратного движения из Европы на восток в середине V в. Гунны - альциагиры в ходе кочевок доходили и до Херсонеса - Херсона, утигуры вступали в союзные отношения с готами - тетракситами, которые жили в это время в Восточном Крыму (и на Тамани?); готы размещались и в юго-западном горном районе полуострова. Часть населения именовалась по-прежнему скифами и таврами, что, однако являлось не более чем данью традиции [Пиоро, 1990. - С. 12-17; 1998].

Таким образом, повторим еще раз, что составить достаточно точную карту расселения варварских племен в Крыму, в том числе и в его юго-западной части, опираясь только на сообщения древних авторов, затруднительно. Обзор военных походов варваров позволяет говорить лишь о племенном составе союзов и направлениях и датах их вторжений, но не о поселении в Юго-Западном Крыму. На основании этих сведений можно только утверждать, что в степном Крыму расселились кочевники-гунны, некоторые из них (племя альциагиров?) позднее доходили и до Херсона. Аланы локализуются преимущественно в предгорьях, а готы (страна Дори) – дальше в глубине горного Крыма. И эта картина в большей степени соответствует реалиям, вероятно, конца V-VI вв.

3.2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

3.2.1. Источниковедческая база исследования: поселения и могильники.

При обращении к археологическим материалам сразу возникает вопрос о том, использовать ли для анализа максимально большее число найденных памятников, или ограничиться представительной выборкой? Просмотр публикаций и доступных архивных материалов показал, что многие археологические памятники, попавшие в поле зрения исследователей, отразились в полевой документации не полностью; часто отсутствуют необходимые чертежи и подробное описание объектов. Все это делает невозможным их полноценное сопоставление. Это станет возможным только в будущем, после всестороннего, проведенного по единой программе, описания, как могильников, так и поселений, исследованных с возможно большей полнотой.

Сейчас же выбор методов исследования между статистическими и традиционными в пользу последних определялся также рядом других обстоятельств. Как показал пример статистического анализа погребений черняховской культуры, объем выбора доброкачественно исследованных погребений на могильнике должен быть не менее 20 [Никитина, 1985. – С.25]. Кроме того, важно, чтобы могильник был исследован полностью, или, по крайней мере, его раскопки были завершены. Наконец, необходимо, чтобы материалы могильников имели полноценные исходные данные и были доступны для исследования. Строго говоря, этим критериям не соответствует почти ни один из рассматриваемых памятников, особенно, если рассматривать их по функционированию в избранных хронологических рамках (III – середина VI вв.).

Так, в публикациях по могильникам Бельбек I и Харакс нет данных по сопроводительному инвентарю, по Инкерманскому и Чернореченскому не представлены все погребальные комплексы, для некрополей Сахарная головка и Скалистое насчитывается малое количество погребальных сооружений, функционировавших до середины VI в. Среди материалов могильников Нейзац, Красная Заря, Суворово и у с. Лучистого опубликованы только отдельные погребальные сооружения; полные данные по Килен-балке готовятся к публикации, раскопки могильника у с. Перевального описаны суммарно.

Все это предопределило отказ от полноценного статистического анализа материалов при опоре на традиционные методы, хотя статистические данные, сведенные в таблицы, и применяются для сопоставлений в тех случаях, когда это возможно и необходимо.

Исходя из вышеизложенного, мы использовали для анализа только материалы по опубликованным базовым памятникам III-VI вв. н.э., расположенным в Юго-Западном Крыму – своеобразном историко-географическом регионе. Именно здесь, в Юго-Западном горном и предгорном Крыму, а также на Южном берегу, наблюдается наибольшее сосредоточение археоло-

гических памятников, в том числе и переходной эпохи от античности к средневековью. Они представлены в основном могильниками. Однако общее количество зафиксированных поселений III-VI вв. не только не уступает единовременным могильникам, а может быть и превосходит их по численности. Об этом красноречиво говорят результаты археологических разведок. В качестве примера назовем многочисленные работы, проведенные под руководством О.Я.Савеля в низовьях рек Бельбек, Черной и в районе пос. Верхнесадовое [Савеля, 1979]. Если верить отчетам, таких поселений насчитывается достаточно много; среди них только в 1967 году у Верхнесадового зафиксировано около десятка поселений II-VII вв., на Мекензиевых Горах - 9 поселений, 4 - в окрестностях д. Терновки и т.д. [Савеля, 1968]. При этом в отчетах развернутые доказательства наличия такого количества поселений отсутствуют.

Возможно ли использовать все эти материалы для анализа этнической ситуации? Чтобы лучше ответить на этот вопрос, в качестве примера приведем описание, выполненное в полевом отчете, некоторых из них. Так, на одном из раскопов в районе п. Верхне-Садовое (поселение II-IV вв.) зафиксированы строительные остатки - двухпанцирные кладки, сложенные на суглинке из крупных плит известняка с забутовкой камнем толщиной 1,2 - 1,45 м (сохранившаяся высота - один ряд камня) [Савеля, Черных, 1978. - С. 8]. Среди других объектов были открыты: полуземляночное сооружение и несколько погребений, среди которых - детское захоронение в амфоре и трупосожжение [Савеля, Черных, 1977-1978. - С.12-16]. В полевой документации присутствует только краткое словесное описание и отдельные фото этих и других комплексов, что не позволяют, к сожалению, использовать все эти материалы для полноценного анализа.

Подобная концентрация поселений этого времени наблюдается и в отдельных районах южного берега Крыма. Так, только в Алуштинской долине В.Л. Мыцом зафиксировано десяток поселений III - V вв. [Мыц, 1989], что позволило сделать ему вывод о погребении там в указанное время готов-трапезитов. Среди новых памятников можно назвать и поселение в районе так называемого Кучук-Ламбатского «каменного хаоса» [Лысенко, 2005. – С. 230-236]. Разведками в указанных районах зафиксировано и изрядное количество погребений, как по обряду трупоположения, так и трупосожжения. К сожалению, там почти не велось долговременных стационарных раскопок поселений, однако то, что они существовали, несомненно. Раскопки их - одна из возможных приоритетных задач будущего. Пока же можно повторить, что те постройки, которые раскапывались, сохранились настолько фрагментарно, что их реконструкция «затруднительна и возможна лишь с большой долей фантазии» [Щукин, Шаров, Руссев, Фокеев, Бейлекчи, Ткачук, 1997. - С. 14]. Таким образом, привлечь к анализу материалы раскопок поселений не представляется возможным, и в данном случае придется опираться на информацию, связанную почти исключительно с могильниками.

Можно говорить о трех основных территориальных группах этих памятников: 1) ближняя и дальняя округа Херсонеса-Херсона (могильники Бельбек-I, Сахарная головка, Инкерман, Черноречье, Совхоз-10, Килен-балка); 2) в глубине Горного и Предгорного Крыма (Нейзац-Нейзацкие склепы, Озерное III, Карши-Баир, Красный Мак, Скалистое); 3) на южном берегу (Харакс - Ай-Тодор, Чатырдаг) и другие (рис. 4, 7, 8). Здесь были упомянуты, в основном, те могильники, результаты раскопок которых в той или иной степени опубликованы.

При сопоставлении и выводах, как правило, используются только те погребения, даты которых можно установить достаточно точно (в пределах, по крайней мере, полустолетия). Все данные, по возможности, сведены в иллюстративные и графические таблицы, проиллюстрированы схемами и картами.

Большинство упоминаемых выше могильников расположены в долинах рек, на береговых террасах (Бельбек-I, Нейзац, Инкерман, Совхоз-10), на склонах холмов (Озерное III, Красный Мак, Сахарная головка), гор (Харакс, Чатырдаг) и балок (Килен-балка). При этом нужно иметь в виду, что почти все они исследованы не полностью, многие погребальные сооружения были разрушены грабителями или при несанкционированных строительных работах (См.: Табл. 1).

3.2.2. Методы хронологии погребальных комплексов. Монеты в погребениях.

Краткий обзор хронологии погребальных памятников необходим с целью определения базы исследования. Здесь отнюдь не стоит задача создания своей хронологической схемы; как представляется, уровень и качество обработки данных в археологической литературе и предложенные даты в целом соответствуют современному этапу исследования этих памятников. Поэтому, исходя из задач настоящей работы, достаточно будет охарактеризовать степень разработки хронологических проблем и определить, как и в каком объеме можно будет использовать как отдельные погребальные комплексы, так и в целом археологические памятники (могильники) для оценки этнической ситуации в регионе (например, могильник Карши-Баир у Верхнесадового).

В качестве примера общего обзора методов хронологических исследований могильников можно сослаться на исследование О.В. Шарова (по материалам черняховской культуры) [1992. – С. 161-164]. В общем виде эти методы заключаются в следующем:

1. Метод горизонтов.

(а) Выделение хронологических горизонтов сходных комплексов по материалам всей культуры.

(б) Оперирование закрытыми комплексами находок.

2. Метод планиграфии или горизонтальной стратиграфии.

3. Корреляционный метод (метод хроноиндикаторов). Его основные принципы процедуры (этапы) заключаются в следующем:

Таблица 1. Краткое описание могильников

п/п	Название	Условие расположения, размеры	Литература
1	**Бельбек-1 (Б.-1)**	На левом берегу р. Бельбек в 4-5 км от его устья, на кромке террасы между с. Поворотное и с. Вавилово.	Печенкин, 1905. - С.31-37; Мосберг, 1946. - С. 113-119; Гущина, 1968. - С. 217; Гущина, 1974. - С. 32-33.
2	**Нейзацкие склепы (Нейзац-Н)**	На правом берег-у реки Зуя в урочище Тау-Кипчак.	Высотская, Махнева, 1983. - С. 73-80; Храпунов, 1997.
3	**Озерное III (Оз. - III)**	На северо-западной окраине пос. Озерный Бахчисарайского р-на (теперь с. Скалистое).	Лобода, 1977. - С. 236-252.
4	**Чатырдаг (Ч.-Д.)**	На юго-восточном склоне г. Чатырдаг.	Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006.
5	**Харакс (Х.), Ай-Тодор**	На обращенном к горной гряде северо-западном склоне мыса Ай-Тодор.	Блаватский, 1951. - С.242-274; Орлов, 1987. - С.106-133.
6	**Инкерман (И.)**	На правом берегу р. Черной на расстоянии 1.5 км от ее устья, на широком и пологом склоне холма. Размеры - 72 тыс. м2, более 2 тыс. погребений.	Веймарн, 1963. - С. 15-42.
7	**Черноречье (Ч. Р.)**	У с. Хмельницкое (Чоргунь) на Восточном склоне второй Федюхиной высоты, напротив г. Гасфорт. Площадь - 4.2 – 4.5 тыс. м2.	Бабенчиков, 1963.- С. 90 -123; Рыжов, 1972; Айбабин, 1988.
8	**Сахарная Головка (С. Г.)**	На западном склоне высоты Сахарная Головка - на правом берегу р. Черной, на расстоянии 3 км от её устья. Площадь – более 5 тыс. м2.	Борисова, 1959. - С. 169-190; Веймарн, 1963. - С. 15-42.
9	**Скалистое (Ск.)**	На гребне второй гряды крымских гор, с восточной стороны села Скалистое, на территории Альминского карьера. Площадь 4 га.	Веймарн, Айбабин, 1963.
10	**Килен-балка (К.-б.)**	На северо-восточном склоне одноименной балки.	Савеля, 1969, 1992.
11	**Красный Мак (Кр. М.)**	На юго-восточной окраине одноименного населенного пункта, справа от асфальтовой дороги на Бахчисарай, на холме высотой 3 м.	Лобода, 1992. - С. 210-215; 2005.
12	**Совхоз -10 (С.-10)**	В Инкерманской долине на правом берегу р. Черной к юго-востоку от горы С.Г. на расстоянии 400 м от её подножия. Площадь - более 4 га.	Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004.
13	**Дружное**	В Ц. Крыму, в 20 км к юго-востоку от г. Симферополя, в 1 км к юго-востоку от с. Дружное. На крутом склоне одного из отрогов Долгоруковой яйлы. Исследовано > 3 тыс. м2.	Храпунов, 2002.
14	**Перевальное**	В 2 км к северо-востоку от с. Перевальное у развалин бывшей татарской деревни Кучук-Янкой. Пл. около 5000 м2, ограниченная склонами балок.	Пуздровский, 1994а. - С. 55 - 56.
15	**Суворово**	На водоразделе двух безымянных балок (южных притоков р.Кача) в 350 м к югу от окраины населенного пункта с. Суворово и в 380 м. к востоку от вала городища Вишневое.	Зайцев, 1997. - С. 102-114; Юрочкин, 1996. - С. 304-310.
16	**Лучистое**	У юго-западного подножия г. Демерджи у с. Лучистое. Открыто несколько разновременных участков некрополя V-XVIII вв.	Айбабин, 1999. – С. 229.
	Карши-Баир (КБ)	На левом берегу р. Бельбек, в одном километре к ю-в от железнодорожной станции Верхнесадовая, в с-в части безымянной долины, находящейся в межгорье отрогов плато Мекензиевых гор.	Ушаков, Филиппенко, 2006.

(а) Выбор хроноиндикаторов (ХИ) (1 уровень – типы вещей, существующие короткое время и имеющие выходы на абсолютные даты; 2 уровень – типы вещей, не имеющие выхода на абсолютные даты, но могущие их получить в процессе корреляции).

(б) Построение таблицы совстречаемости типов вещей (ХИ с ХИ).

(в) Построение корреляционной таблицы совстречаемости типов вещей в погребениях с выделением фаз и периодов [Подр. см.: Шаров, 1992. – С. 161-163].

Обычно эти фазы и периоды представляют в виде квадратов и прямоугольников. М.Б. Щукин предложил другой вариант – в виде ромбов, когда они «перекрывают» друг друга [Щукин, 1999. - С. 15. - Рис. 5; 2004. – С. 269-273]. Исследователь исходил из того, что новые типы вещей зарождаются еще в пределах существования предыдущих, получают свое массовое распространение в течение наибольшей жизнеактивности одного поколения и лишь затем, понемногу выходят из употребления [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006. – С. 148 и сл.].

Таблица 2. Хронология памятников Крыма III - VI вв.

Могильник, памятник	III в.	IV в.	V в.	VI в.
1. Бельбек I				
2. Нейзац				
3. Озерное III				
4. Чатыр-Даг				
5. Харакс				
6. Инкерман				
7. Черноречье				
8. Сахарная Головка				
9. Скалистое				
10. Килен-балка.				
11. Красный Мак				
12. Совхоз-10				
13. Дружное				
14. Перевальное				
15. Суворово				
16. Лучистое				
17. Тенистое				
18. Вишневое				
Карши-Баир				
19. Суук-Су				
20. Беляус				
21. Колх. им. Калинина				
22. Пос. Чикаренко				
23. Изобильное				
24. Марфовка				
25. Коклюк				

Метод горизонтов и планиграфический метод реже использовались при рассмотрении крымских материалов, в научной литературе имеются только отдельные упоминания об их планиграфии; значительная часть погребений датировалась преимущественно по аналогиям (См.: ниже).

Корреляционный метод введен в отечественную науку П.П. Ефименко [Айбабин, 1990. – С. 10]; в основе его лежит метод П. Рейнеке [См.: Бажан, Еременко, 1992. – С. 14]. Основы хронологии могильников Юго-Западного Крыма разработаны А.К. Амброзом. Он кратко описал всю историю их исследования и выделил археологические комплексы по периодам, проиллюстрировав все подробными таблицами [Амброз, 1984]. В полном объеме этот метод стал использовать А.И.Айбабин [1990, список его работ – С. 73]. Для корреляции он отбирал комплексы с небольшим числом костяков и не перемешанным инвентарем, проверяя их достоверность; кроме

Таблица 3. Хронология погребальных комплексов могильника Карши-Баир

Погребальные сооружения	V в.		VI в.		Перв. пол. VII в.
	Перв. пол.	Втор. пол.	Перв. пол.	Втор. пол.	
КБ-I					
Скл. 1.					
Скл. 2					
Скл. 3.					
Скл. 4.					
Скл. 5.					
Гр. мог. 1.					
КБ-II					
Скл. 1.					
Скл. 2.					
Скл. 3.					
Скл. 4.					
Скл. 10.					
Пб. 1.					
Пб. 2.					
Пб. 3.					
Пб. 4.					
Пб. 6.					
Пб. 7.					
Пб. 8.					
Пб. 9.					
Пб. 14.					
Гр. мог. 1.					
Хронология могильника					

того, в качестве самостоятельного комплекса он рассматривал инвентарь каждого погребенного в могиле; в таблицу взаимовстречаемости не включал захоронения с одной коррелируемой находкой. В единой таблице автором проанализированы комплексы как Юго-Западного, так и Степного Крыма, а также Боспора – в рамках второй половины III – первой половины VIII вв. (всего 217 комплексов) [Айбабин, 1990. – С. 10-11]. Из этого количества погребений к юго-западной части полуострова (без Херсонеса) он отнес первоначально всего 52 ком-

плекса, датируемые второй половиной III – первой половиной VI вв. [Айбабин, 1990. – С. 176-177].

Позднее этот список А.И. Айбабин значительно дополнил комплексами второй половины III-IV вв. [Айбабин, 1996]. Это в основном подбойные и грунтовые могилы, а также отдельные сожжения Чернореченского (Черная речка) могильника, а также материалы из склепа №1 и подбойной могилы №2 (1994 г.) могильника Дружное. Кроме того, в статье 1996 г. упомянуты также могила №6 некрополя Танковое и материалы могильника Скалистое III, относимые А.И. Айбабиным ко второй половине III в. н.э. С сожалением, необходимо отметить и отдельные (в основном небольшие) недочеты в этой статье – на рис.2 и рис. 4,5 нет вещей, упомянутых в тексте; датировка второй группы погребений (первая половина IV в.) основывается на монетных находках [См.: Айбабин, 1996. – С. 293]. Наконец, циклы функционирования погребальных комплексов разделяются строго исключительно по полустолетиям, что представляется невероятным. Однако, несмотря на вышесказанное, приведенные данные вполне можно использовать для этногенетических реконструкций – главные тенденции автором, как представляется, выявляются верно, с основами датировки подавляющего большинства погребений могильников можно согласиться.

Корреляционный метод использовал и В.Ю. Юрочкин, первоначально для датировки погребальных комплексов только одного, Суворовского могильника [Юрочкин, 1997]. Большая часть из них отнесена им ко второй половине III и/или к первой половине IV вв.; два склепа (№ 26 и № 27) были сооружены, по его заключению, немного позднее – во второй половине этого столетия; в склепе №38 тогда же было совершено еще два захоронения (№ 4 и № 5) [См.: Юрочкин, 1997. – С. 308]. В.Ю. Юрочкин начал важную работу по анализу хронологии инвентаря IV в. на памятников Крыма [Юрочкин, 2004. – С. 159-166; Юрочкин, Труфанов, 2007].

Этот же способ датировки погребальных комплексов на примере двух некрополей на Южном берегу Крыма - Чатыр-Даг и Харакс – применили О.А. Гей и И.А. Бажан [1997. – С. 31-35, Табл. 33]. В качестве хроноиндикаторов, среди прочего материала, они используют находки монет и гладкостенных стаканов [Гей, Бажан, 1997. – Табл. 8, 13]. Однако известно, что датировка комплексов по монетам достаточно проблематична; что же касается стаканов, то хронология этой группы инвентаря определяется ссылками на работу К.К. Орлова [1987. – С. 112, 119. – Рис. 6, 3], который, в свою очередь, датирует могилы 34 и 35 Харакса, в том числе и по… монетам. Даты большинства других хроноиндикаторов подробно авторами не обосновываются, что заставляет осторожно относиться к их хронологическим выкладкам.

Этими тремя примерами (работами А.И. Айбабина, В.Ю. Юрочкина, О.А. Гей и И.А. Бажана) практически и исчерпывается применение методов хроноиндикаторов к материалам могильников Юго-Западного Крыма второй половины III – первой половины VI вв. Работа же А.А. Труфанова [1997], о чем говорилось выше, построена на данных могильников поздних скифов – эти материалы в нашей работе будут рассмотрены отдельно, вне общей схемы памятников, существовавших со времен «готских» и гуннских походов до середины VI в.

Монеты в погребениях.

Как видно из хронологического обзора материалов могильников, очень часто для выхода на абсолютные даты по методу хроноиндикаторов используются монеты. При этом очень часто упоминается их «хорошее состояние». Точно также при датировке отдельных погребений монеты служат опорой при выведении даты их совершения; при этом утверждается, что монеты совсем не были в ходу, то есть почти сразу после чеканки могли попасть в могилу. Подобным образом выводились даты могил и раньше, в конце XIX – начале XX вв., что как неоднократно уже указывалось, приводило к неоправданному их удревнению [Айбабин, 1990. – С. 7].

А.К. Амброз специально интересовался этой проблемой, и он доказал, что монеты, находимые в могилах, чаще всего не являются хронологическим определителем времени их совершения погребений [Амброз, 1980. – С. 11-12; 1994/1995. – С. 34]. По его твердому мнению, сами по себе монеты из комплексов могут указывать только год, ранее которого комплекс не мог попасть в землю. При этом он приводит массу примеров, когда монеты могли обращаться в течение столетий после их выпуска [Амброз, 1980. – С. 11].

На материалах черняховской культуры аналогичную работу провела М.А.Тиханова. Учет массы захоронений, сопровождавшихся монетами, привел ее к сходным выводам [Тиханова, 1979. – С. 34-44]. Учет закономерностей монетного обращения, и анализ совстречаемости римских, ранневизантийских монет и керамики в погребальных комплексах Херсонеса Таврического позволил и В.М. Зубарю сделать вывод о том, что их не всегда можно рассматривать в качестве надежного датирующего материала при определении времени захоронения или строительства погребального сооружения [Зубарь, 1991. – С. 17-18]. Если так, то и к датам совершения захоронения в варварской среде, определяемым по монетам, надо относиться очень осторожно. Использовать монеты в качестве датирующего материала можно тогда, когда они выполняют, как об этом сказал С.И. Болдырев [2004. – С. 176], свою изначальную функцию, то есть денег. Хотя А.К. Амброз и считал, что среднестатистические добавки к дате монет не помогают в определении даты захоронения [Амброз, 1980. – С. 11], учет этого «запаздывания» может быть полезен. В таблице № 4 представлен краткий список находок монет в погребениях рядом с датировками могил по корреляционному способу. В результате удалось еще раз подтвердить факт «разрыва» в датах выпуска монет и совершения погребения. Эти данные служат дополнительным основанием против датировки могил по находкам монет – в каждом конкретном

Таблица 4. Монеты в погребениях могильников Юго-Западного Крыма

Могильник	Количество	Диапазон	Датировка	Разрыв в датах (лет)
Бельбек I				
М. 13	2	23-241	2п. IIIв.	-
М. 19	1 ?	249-251	2п. IIIв.	-
Озерное III				
СКЛ.1		238-337	П/п. IV в.	-
СКЛ.2		308-327	2п. IV в.	23-83
Чатырдаг				
М. 1/1877	6	232	V в.	168-268
М. 2/1980	1	308-311		
ТС 5	15	284-323	п/п. IV в.	-
ТС 8	?	308-311	п/п. IV в.	-
Харакс				
ТС 6	6	101-337		
ТС 10	3	314-337		
ТС 14	1	?		
ТС 16	5	291-335		
ТС 22	1	308-324	п/п. V в.	76-126
ТС 28	?	238-305	п/п. V в.	95-145
ТС 29	4	320-325	п/п. V в.	75-125
ТС 27	12	после 287		
ТС 34	1	211-217	Вт. чт. III в?	8-33
Инкерман				
Пб.37	2	306-337	п/п. IV в.	
Пб.13	1	308-324	2п IV в.	26-76
СКЛ.6/1941	1	379-395	п/п. V в.	5-55
Черноречье				
Пб.3	1	238-244		
Пб.35	2	211-244	2п III в.	-
Пб.45	2	161-180	2п V в.- п/п. VI в.	270-370
Пб.54	1	223		
Пб.56	?		п/п. III в.	

случае нужно учитывать обстоятельства их находок и весь вещевой комплекс (См.: Табл. 4).

3.2.3. Погребальные комплексы.

Таким образом, основа для хронологизации погребальных памятников Юго-Западного Крыма позднеантичного-раннесредневекового периода имеется: она представлена в работах А.И. Айбабина. Ее необходимо существенно дополнить материалами по исследованию погребений, проведенных различными авторами за последнее время. Удобнее всего представить эти данные по конкретным некрополям, придерживаясь, по-возможности, списка могильников (См.: Табл. 1).

1. Бельбек I. (Рис. 4, 12; 7, 8). (Речь идет только о западной части могильника, раскопанной Н.М. Печенкиным [1905]). Из открытых 22 погребений более или менее точную хронологическую привязку имеют девять из них. Так, к первой половине – середине III в. предположительно можно отнести погребение №4 (по амфоре типа D) и погребение №7 (также по амфоре). Ко второй половине этого же столетия относим захоронения в разграбленной могиле №13 (учитывая находки двух монет Гордиана III 238-241 гг. и неизбежное их «запаздывание»), трупосожжения 14,15(?) и 21 и трупоположения в ямной (?) могиле 19. Чуть позже, уже в первой половине IV в. было совершено захоронение в могиле №1 – дату можно установить по пряжке [См.: Айбабин, 1990. – С. 28] и в могиле № 5 – по совместной находке амфоры и стеклянного сосуда типа ГД (по Н.П. Сорокиной).

2. Нейзац. (Рис. 4, 2; 7, 8). Из шести зафиксированных в прежние годы (1927 г.) земляных склепов [Высоцкая, Махнева, 1983. – С. 73-79], два (№ 5 и № 6) относятся в первой половине IV в. [См.: Айбабин, 1987. – С. 169, 170. – Рис. 2; 1990 – С. 176. – Рис. 2]. Планомерные раскопки начались в 1996 г. экспедицией под руководством И.Н. Храпунова, которым изучено 299 погребальных сооружений второй половины II-IV вв. (склепов, подбойных и грунтовых могил). Причем подбойные и грунтовые могилы использовались а ранний период существования могильника [Храпунов, 1998. – С. 230-235; Храпунов, 2006. – С. 194], позднее стали хоронить преимущественно в склепах [Стоянова, 2005. – С. 153-154]. Так же датируются и многие другие могилы этого некрополя, раскопанные в последующие полевые сезоны.

3. Озерное III. (Рис. 4, 9; 7, 8). Раскопанные погребальные комплексы относятся к IV в. К первой половине столетия – ямная № 2 и подбойная могилы, а также склеп № 1; ко второй половине этого же века – склепы № 2 и № 3 [Айбабин, 1987. – С. 170; 1990. – С. 176]. Тогда же, вероятно, были совершены погребения в могилах № 1 и № 3 [Лобода, 1977. – С. 237. – Рис. 1,1 - 6; С. 240. – Рис. 3; С. 241. – Рис. 4; С. 243. – Рис. 5], хотя материалов для их, безусловно, точного отнесения к этому времени (лепной горшок в могиле № 1, кольцо, удила и меч в могиле № 3) и маловато.

4. Чатыр-Даг. (Рис. 4, 21; 7, 8, 11, 12). Исследование некрополя в настоящее время, вероятно, завершено почти полностью. Раскопано всего 55 захоронений. Захоронения стали совершать там в первой половине III в., перестают использовать некрополь во второй трети IV в. (рис. 29) [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006. – С. 170, 172-173]. Авторы итоговой публикации материалов некрополя обоснованно считают, что в V в. он не функционировал [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006. – С. 172. – Рис. 18, 19].

5. Харакс (м. Ай-Тодор). (Рис. 4, 22; 7, 8, 13). Точное хронологическое определение погребений из раскопок В.Д. Блаватского встречает известное затруднение – в настоящее время в нашем распоряжении только фото и рисунки находок, которые были им опубликованы [Блаватский, 1938. – С. 321-335, 1951. – С. 250-291]. В результате можно установить даты только трети из общего числа раскопанных могил. Первой половиной V в. датировал некоторые из них (№ 15, № 28, № 29, № 33) А.И. Айбабин [См.: 1990. – С. 175-176]. Определение даты погребения усложняет то обстоятельство, что монеты, найденные при раскопках В.Д. Блаватского, не могут быть датирующим материалом: как видно по совместным находкам монет и керамики (например, в погребениях 22, 28, 29) монеты (См.: Табл. 4) «запаздывают» в среднем на 75-100 лет. К перечню могил первой половины V в., опубликованному А.И. Айбабиным можно добавить и еще – это могилы 3, 7, 8, 21, 22, 25, 26, погребения в которых также были совершены, скорее всего, в это же время, что видно по находкам в них амфор (по А.Л. Якобсону, 1979), краснолаковой чашки и стеклянного сосуда.

К.К. Орлов предложил датировать четыре вновь открытые им трупосожжения (№№ 34-37) более ранним временем – около середины III в. [Орлов, 1986. – С. 126]. Однако находки из этих погребений находят аналогии в могильнике Черная речка (могилы 11, 35, 45) и могут быть датированы несколько более поздним временем – второй половиной III – первой половиной IV в. [См.: Айбабин, 1990. – Рис. 5,13; 1996. – Рис. 2,6; Рис. 3,9; Рис. 6,5], что позволяет, в частности, отнести могилу № 34 к первой половине IV в. [Айбабин, 1996]. И другие погребения (№ 35-№ 37), скорее всего, были совершены во время, близкое к этой дате.

6. Инкерманский могильник (Инкерман). (Рис. 4, 15; 7, 8, 14). Раскапывался Инкерманской экспедицией под руководством Е.В. Веймарна, который опубликовал практически все изученные материалы. Начал использоваться еще в III в., а большинство захоронений было сделано на протяжении IV в., использовался он еще и в начале – первой половине V в.

7. Чернореченский могильник (Черноречье – Черная речка). (Рис. 4, 19; 7, 8, 15, 16). Изучался той же экспедицией, впоследствии сотрудниками НЗХТ (С.Г. Рыжов) и А.И. Айбабиным. Основные материалы опубликованы В.П. Бабенчиковым. Занимает примерно ту же хронологическую нишу, что и могильник в Инкермане.

8. Сахарная головка. (Рис. 7, 8, 17). Памятник исследовался В.В. Борисовой и Е.В. Веймарном. Большинство захоронений этого некрополя были совершены в VI-VIII вв. Однако около десятка погребений можно датировать в рамках второй половины V – первой половины VI вв.

9. Скалистое. (Рис. 7, 8, 18). Могильник функционировал примерно в то же время, что и Лучистинский, материалы опубликованы, насколько это возможно, полностью [См.: Веймарн, Айбабин, 1997]. Хронологически его ранние комплексы распределяются следующим образом: первая половина V в. – склеп № 101, склеп № 421 (?), подбойная могила № 431; вторая половина V в. – склеп № 190; первая половина VI в. – склепы №№

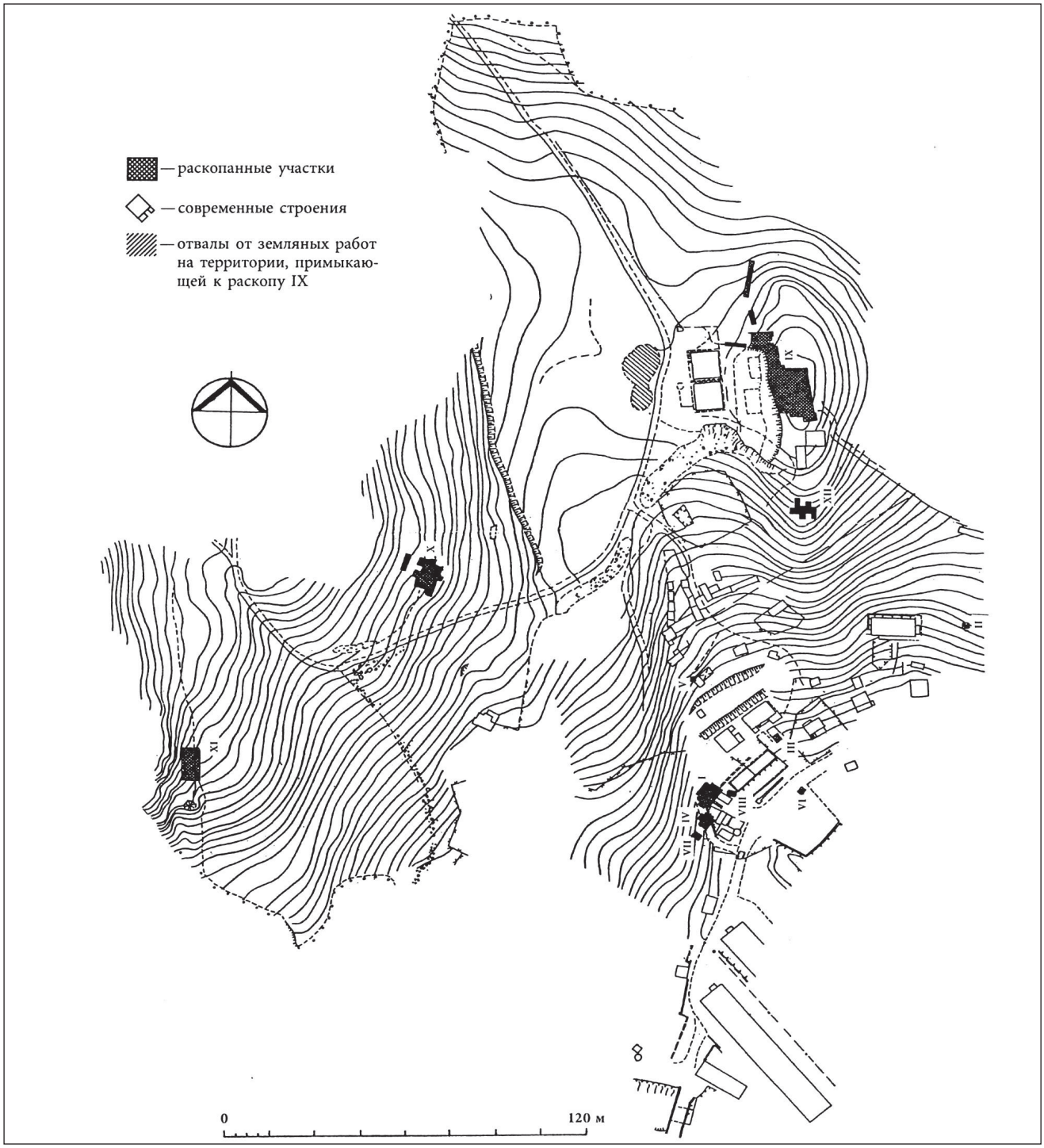
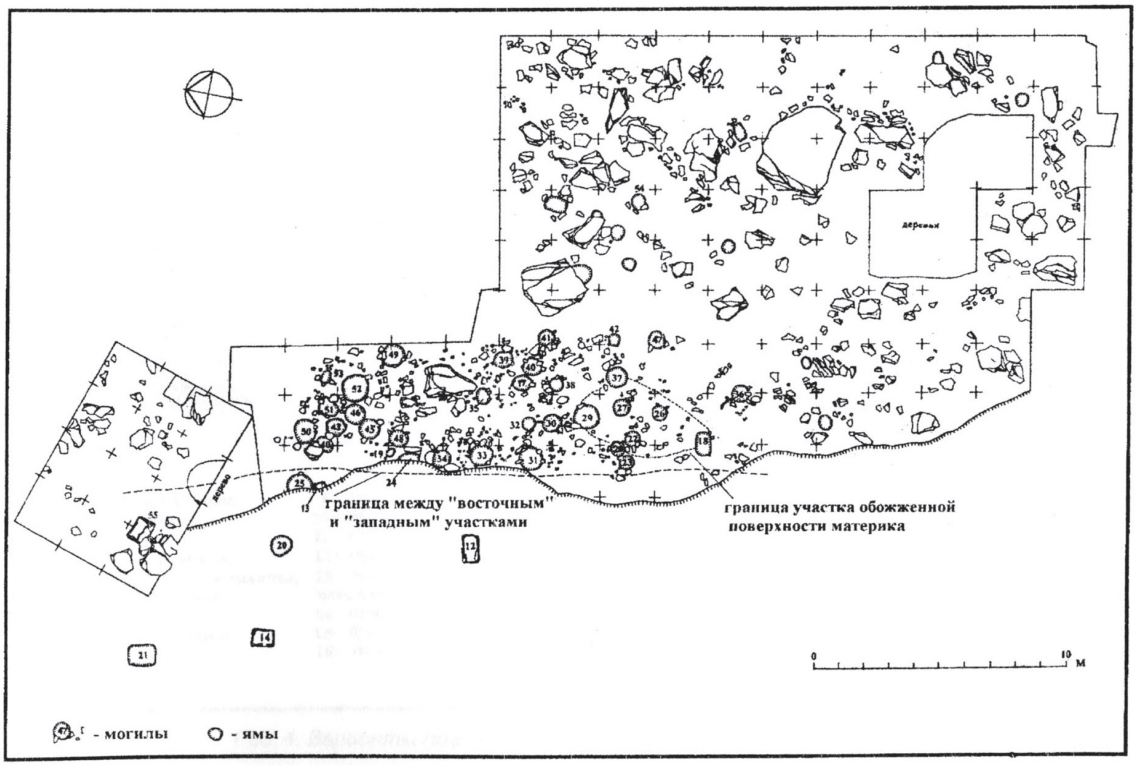


Рис. 11. Схематический план расположения Чатырдагского некрополя (по Мыцу, Лысенко, Щукину, Шарову, 2006).

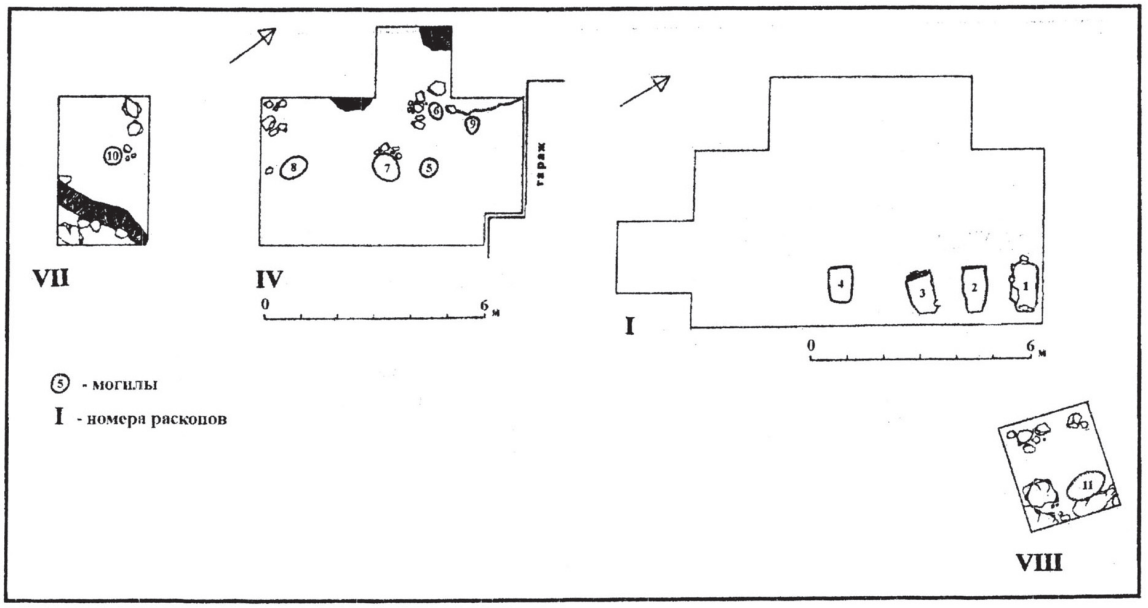
350, 419(?), 447(?), 449(?), 465, 480, 495, подбойная могила № 445. Как видно, о дате некоторых из них можно говорить предположительно. Добавим, что узкую дату невозможно предложить для материала из склепа № 457 (конец IV – первая половина VI вв.), достаточно спорно датируется подбойная могила № 481 (вторая половина IV в. (?)).

10. Килен-Балка. (Рис. 4, 36; 7, 8, 19). Что касается данных по этому могильнику, то эти материалы остаются в целом пока неопубликованными (автор благодарит О.Я. Савелю за любезное разрешение их использовать хотя бы в качестве упоминания), и до полной их публикации придется придерживаться даты совершения большинства погребений, (сугубо предварительной), которая была предложена автором раскопок (вторая половина IV в.) [Савеля, 1991].

11. Красный Мак. (Рис. 4, 13; 7, 8, 20). Из 16 исследованных на могильнике погребальных сооружений, в соответствии с анализом материалов, проведенных И.И. Лободой, хронологически они распределяются



А



Б

Рис. 12. Северный и южный участки Чатырдагского некрополя (по Мыцу, Лысенко, Щукину, Шарову, 2006).

следующим образом. Три склепа (1, 10 и 11) относятся к середине – концу IV в.; шесть склепов (2, 6-8, 13 и 16) и могила с двумя подбоями (№ 12) – к первой половине V в.; четыре склепа (3-5, 15) и подбойная могила № 9 датируется V в. в целом [Лобода, 2005. – С. 223].

12. «Совхоз-10». (Рис. 4, 16; 7, 8, 21, 22). Недавно опубликованы многочисленные и разнообразные материалы раскопок этого биритуального некрополя [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004]. Раньше данные по этому могильнику можно было использовать выборочно и только как археологический «фон» [См.: Айбабин, 1990. – Рис. 2; 1996; Высотская, 1998. – С. 271]. Авторы публикации считают, что он функционировал в достаточно широком хронологическом диапазоне с конца I в. по начало V в. н.э. [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004. – С. 188] в течение четырех фаз»: 1) I-II вв. н.э.; 2) III в. н.э.; 3) III-IV вв. н.э. и 4) конец IV – начало V вв. н.э. Большая часть комплексов относится к третьей фазе. [Подр.: Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004.

– С. 189-194]. Всего там открыто 30 каменных ящиков с 55 оссуариями и 107 урнами с прахом умерших, 357 урн в поле; кроме них – грунтовые могилы, каменные ящики, подбойные могилы, склепы, курган, кенотаф и

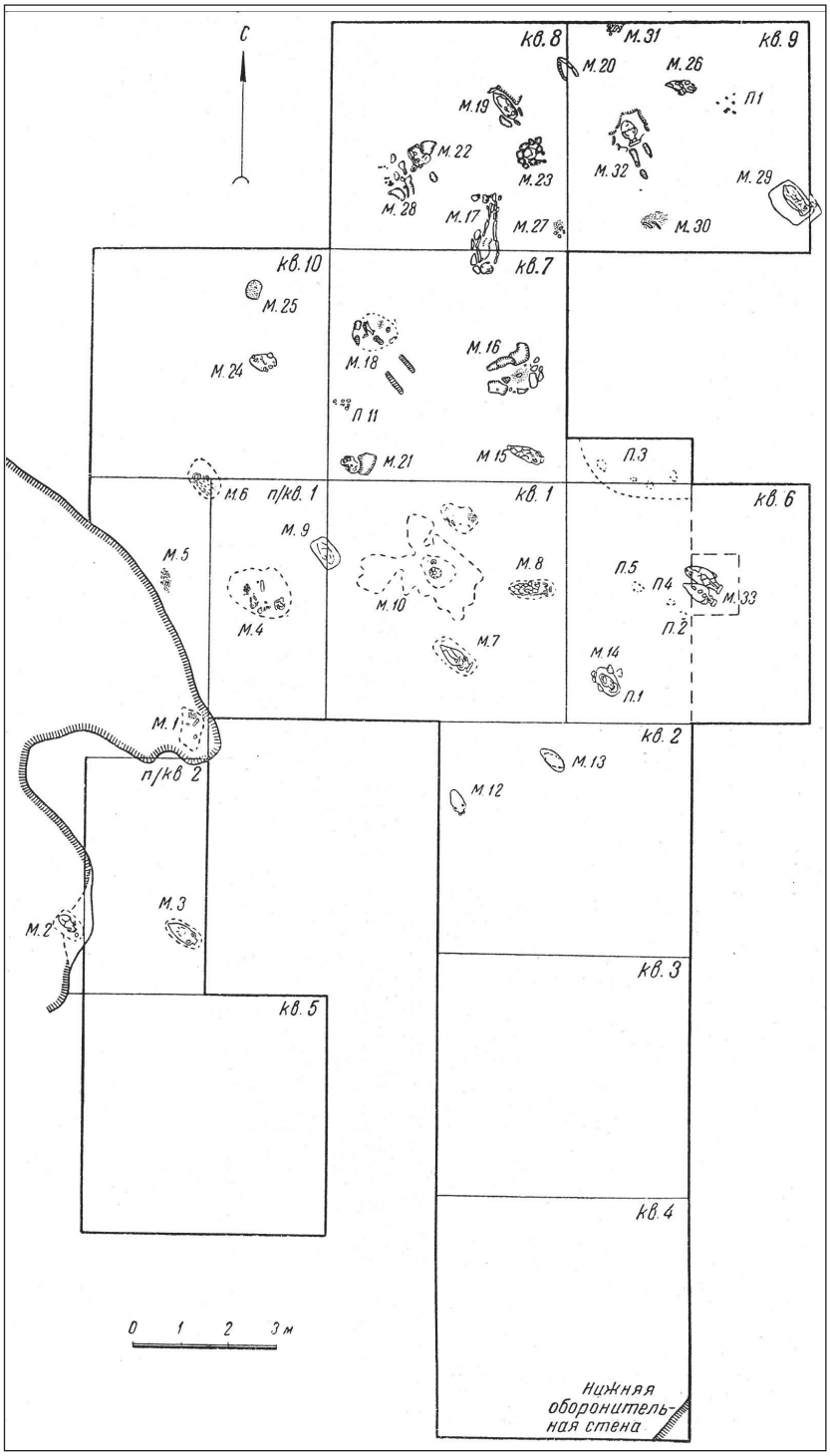


Рис. 13. Участок некрополя на Ай-Тодоре (Харакс) (по Блаватскому, 1951).

тризна [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004. – 31-32]. Не менее 110 урн было разрушено при распашке поля [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004. – С. 48].

13. Дружное. (Рис. 4, 4; 7, 8, 23). Материалы раскопок опубликованы полностью. Могильник функционировал со второй четверти III до конца IV вв. [Храпунов, 2002. – С. 67-72]. Именно в такие хронологические рамки укладывались ранее опубликованные погребальные комплексы. Так, в склепе № 1 хоронили на протяжении всего этого времени; всего там обнаружено 11 погребений [Айбабин, 1995]. Самое раннее погребальное сооружение – подбойная могила № 67 (вторая четверть III в.). Склеп № 87 – возможно, последнее погребальное сооружение этого некрополя [Храпунов, Мульд, 1997. – С. 261; Храпунов, 2002. – С. 72]. В подбойных могилах хоронили как во второй половине III в. (№ 2 и № 24) [Храпунов, 1995], так и в IV в. [Храпунов, Власов, 1998. – С. 243] – в последнем случае имеется в виду могила № 73 с двумя подбоями, по три захоронения в каждом из них.

14. Перевальное. (Рис. 4, 8; 7, 8). Могильник стал функционировать примерно в то же время. По заключению А.Е. Пуздровского, к первой половине III в. относятся захоронения в двух склепах и подбойных могилах, большинство погребений были совершены в третьей четверти III-IV вв. [Пуздровский, 1994. – С. 56].

15. Суворово. (Рис. 4, 7; 7, 8, 24). Из всей массы погребальных комплексов часть из них относится ко II (могила № 57) [Зайцев, Мордвинцева, 2003. – С. 63] и III в. (первая половина – середина III в. – грунтовая могила № 9, подбойная могила № 23; середина III в. – плитовая могила № 6; последняя четверть III в. – грунтовая могила № 5; несколько погребений датированы в целом III в. – плитовая (?) могила № 7, детская грунтовая могила № 22, подбой № 24 с детским захоронением) [Зайцев, 1994. – С. 102-108]. IV в. датируются и большинство захоронений могильника (первая половина - середина – детские могилы № 1, 11, 20 с заплечиками, большая могила с заплечиками № 25, склепы № 26, 29, 30, могила № 28 с двумя подбоями; IV в. в целом – детская могила № 10 с заплечиками, могилы № 12, 25 с заплечиками, могила № 14, плитовая гробница № 19, склеп № 27) [Подр.: Зайцев, 1994. – С. 108-110], [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001. – С. 33]. Один из склепов (№ 38) Суворовского могильника, как это показали В.Ю. Юрочкин и А.А. Труфанов, относится к второй-третьей четверти столетия [Юрочкин,

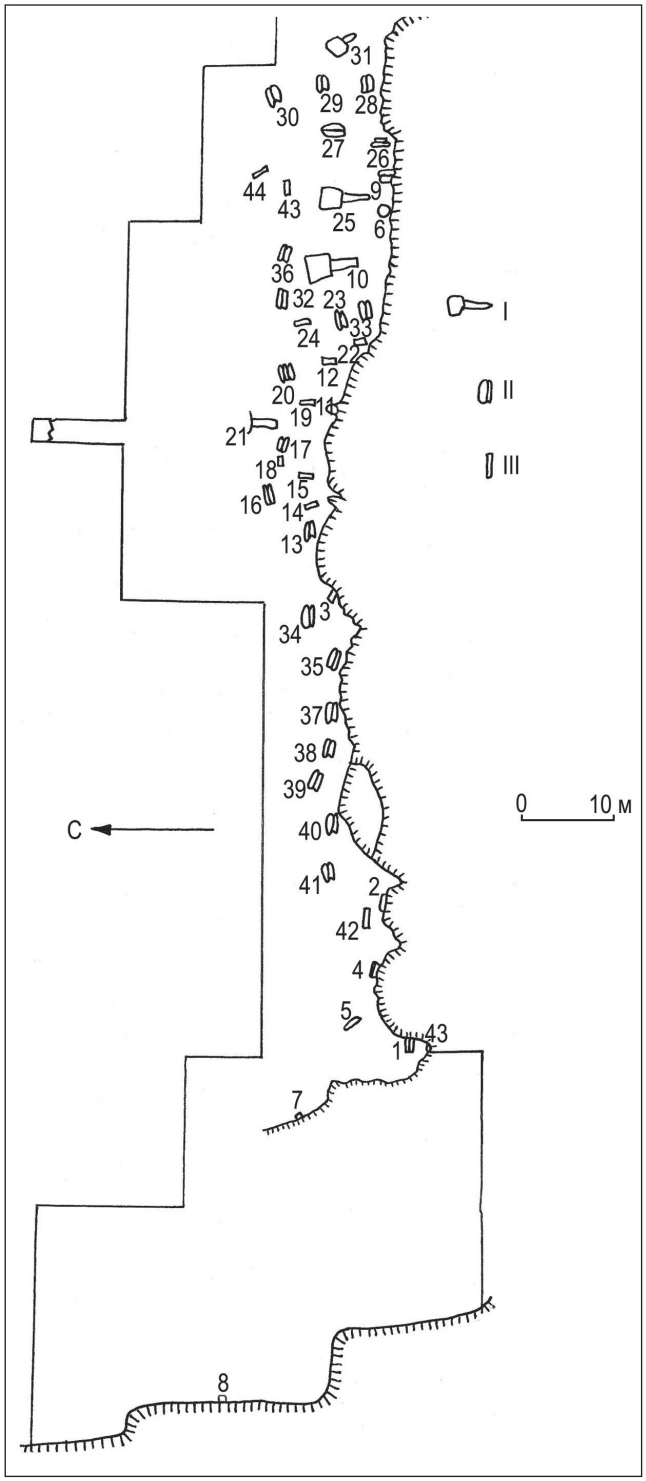


Рис. 14. Инкерманский могильник. План (по Веймарну, 1963).

Труфанов, 2003. – С. 218]. В 2001 г. были исследованы погребальные комплексы с условными №№ 51-57 (склепы, плитовая и детская могилы [Подр.: Зайцев, Мордвинцева, 2003. – С. 57-77].

16. Лучистое. (рис. 7, 8, 25). Занимает несколько иную (более позднюю) хронологическую нишу. Хоронить там начали в V в.: к первой половине столетия относятся, например, склепы №№ 41,52,54а,55 некоторые другие [Подр. см.: Айбабин, Хайрединова, 1998]; склеп № 75 был сооружен и функционировал во второй половине V – первой половине VI вв. [Айбабин, Мульд, Хайрединова, 1997. – С. 14]. К V в. относится еще несколько погребальных комплексов этого некрополя (могила № 91, погребения третьего, нижнего слоя склепа № 100, подбойная могила № 101, могила № 103, склепы 103, 109, могила № 112) [Айбабин, Хайрединова, 2001. – С. 78-79].

Танковое. (Рис. 4, 31; 7, 8). Из шести раскопанных могил 5 - это могилы с заплечиками и одно трупосожжение [Вдовиченко, Колтухов, 1994]. Авторы раскопок относят время совершения погребения № 1 и № 6 к первым десятилетиям III в. на основании находок монет, не бывших в обращении, и амфоры III в. [Вдовиченко, Колтухов, 1994. – С. 86]. Дата – также первые десятилетия этого столетия – остальных могил устанавливается по аналогиям краснолаковой керамики.

Карши-Баир. (рис. 7, 8, 26, 27). Некрополь расположен на левом берегу реки Бельбек, в одном километре к юго-востоку от железнодорожной станции Верхнесадовая, в северо-восточной части безымянной долины, находящейся в межгорье отрогов плато Мекензиевых гор, носящих тюркские названия Кымыр-Кая, Кая-Баш, Узун-Сырт, Баш-Кая, Карши-Баир. Некрополь состоит из двух частей (участков), которые получили условные наименования Карши-Баир I и Карши-Баир II. Исследовался в 1998-2000 гг. Погребальные сооружения представлены грунтовыми склепами с длинными дромосами (входными ямами) трех вариантов с подвариантами, подбойными и простыми грунтовыми могилами. Из общего числа погребальных комплексов исследовано около трех десятков. Хронологические рамки могильника – первая половина V вв. – конец VI – начало VII вв. [Ушаков, Филиппенко, 2006. – С. 315].

Другие погребальные памятники. К середине – второй половине IV вв. – началу V вв. можно отнести захоронения в среднем течении р. Черной, на так называемом **могильнике Бертье-Делагарда** (№ 17 по Кацуру), известном давно, а исследованном летом 2005 г. (экспедиция НЗХТ под руководством А.А. Филиппенко при моем участии). На могильнике **Красная Заря** (Рис. 8) зафиксированы ограбленные склепы, один из которых с тремя захоронениями (№ 22) по сохранившемуся инвентарю относится к IV в., точнее к первой половине – третьей четверти этого столетия [Неневоля, Волошинов, 2001. – С. 141-143], так же, как и грунтовая могила № 37 [Неневоля, Волошинов, 2001. – С. 143, 146]. Раскопщики к этому времени отнесли и другие склепы этого некрополя [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001. – С. 32].

Несколько сот погребальных сооружений ограблено на некрополе **Вишневое** (рис. 7, 8), многие из которых также можно отнести к этому же времени, среди которых опубликованы, например, материалы склепов № 1 и № 2, могила 3 [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001. – С. 33-34. - Рис. 10, 11, 12]. Точно таким же

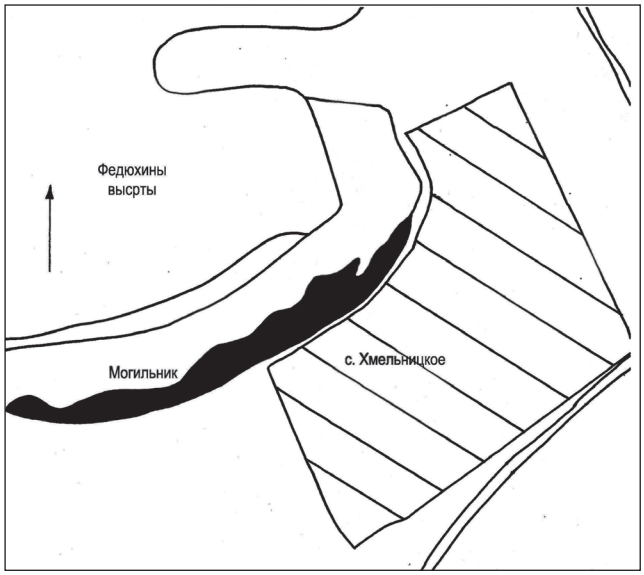


Рис. 15. Чернореченский могильник. Схематический план.

«фоном», можно повторить, служат материалы недатированных (или дата некоторых слишком широка) и безинвентарных погребений. В данном случае имеется в виду изрядное количество могил таких некрополей, как Бельбек-I, Инкерманский, Чернореченский, Харакс.

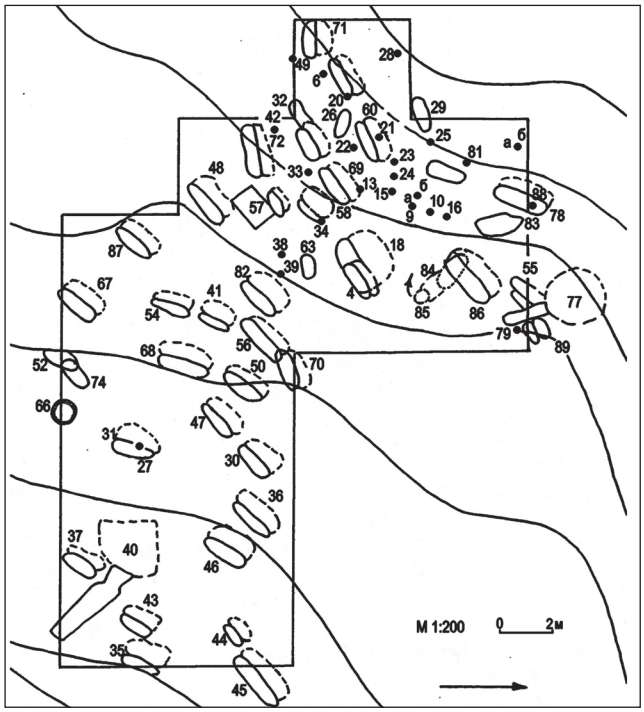


Рис. 16. Чернореченский могильник. Погребения в его центральной части (по Бабенчикову, 1963).

Таким образом, при представлении итоговых выводов, основанных на упоминаемых «массивах» информации необходимо будет сделать поправки, учитывая существование большого количества захоронений в могильниках этого времени.

Хронологические реперы прочих могильников, не упомянутых здесь отдельно, содержатся в статьях публикаторов, уточнялись неоднократно в работах многих авторов, и останавливаться специально на этом вопросе нет необходимости. В итоге, строго говоря, при анализе меняющейся ситуации можно оперировать примерно следующим количеством погребальных комплексов, распределяя их, как было оговорено выше, все-таки по полустолетиям. Перечислим их (список, конечно, сугубо предварительный):

1. Середина – вторая половина III в. (рис. 94, I). Бельбек I – 6 погребений, два из которых трупосожжения; Нейзац – 2 комплекса; Инкерман – 2 могилы (одна из них – № 28 – с заплечиками); Дружное – две подбойные могилы и погребения из склепа № 1; Перевальное – два склепа и подбойные могилы; Суворово, – по крайней мере, восемь погребений (грунтовые и плитовые могилы; Черноречье – около двух десятков погребений

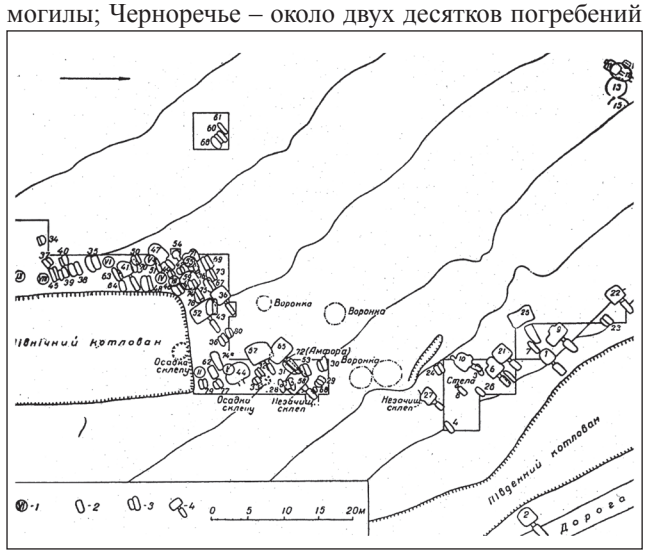


Рис. 17. Могильник Сахарная головка. План (по Веймарну, 1963).

в подбойных могилах и склепе № 77. Наконец, нужно отметить материалы, найденные в некрополе Скалистое III. К первой половине столетия уже хоронили на Чатыр-Дагском некрополе (могилы № 14, 20, 30, 48, 52) [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006. – С. 172], а на некрополе Совхоз-10 – еще раньше.

2. Первая половина IV в. (рис. 94, II). Бельбек I – одно трупоположение, совершенное в каменном ящике (№ 1); Озерное III – погребальные сооружения 1-5 (грунтовые и подбойные могилы и склеп); Танковое – могила № 6; Нейзац – склеп № 5, а также, возможно, ряд детских захоронений в могилах №№ 26, 121, 145, 156 [Храпунов, 2006. – С. 1194]. Этим временем датируются и другие погребальные комплексы: Дружное – погребения № 7 и № 8 в склепе № 1 (1984 г.); Суворово – семь комплексов (погребения в могилах с заплечиками, склепах и подбоях); Черноречье – шесть погребений по обряду трупоположений и два трупосожжения (№ 16 и № 38 (19)); Инкерман – 8 погребений; Чатырдаг – шесть трупосожжений (№ 1, 4, 15, 16, 21, 35) (точнее, они мо-

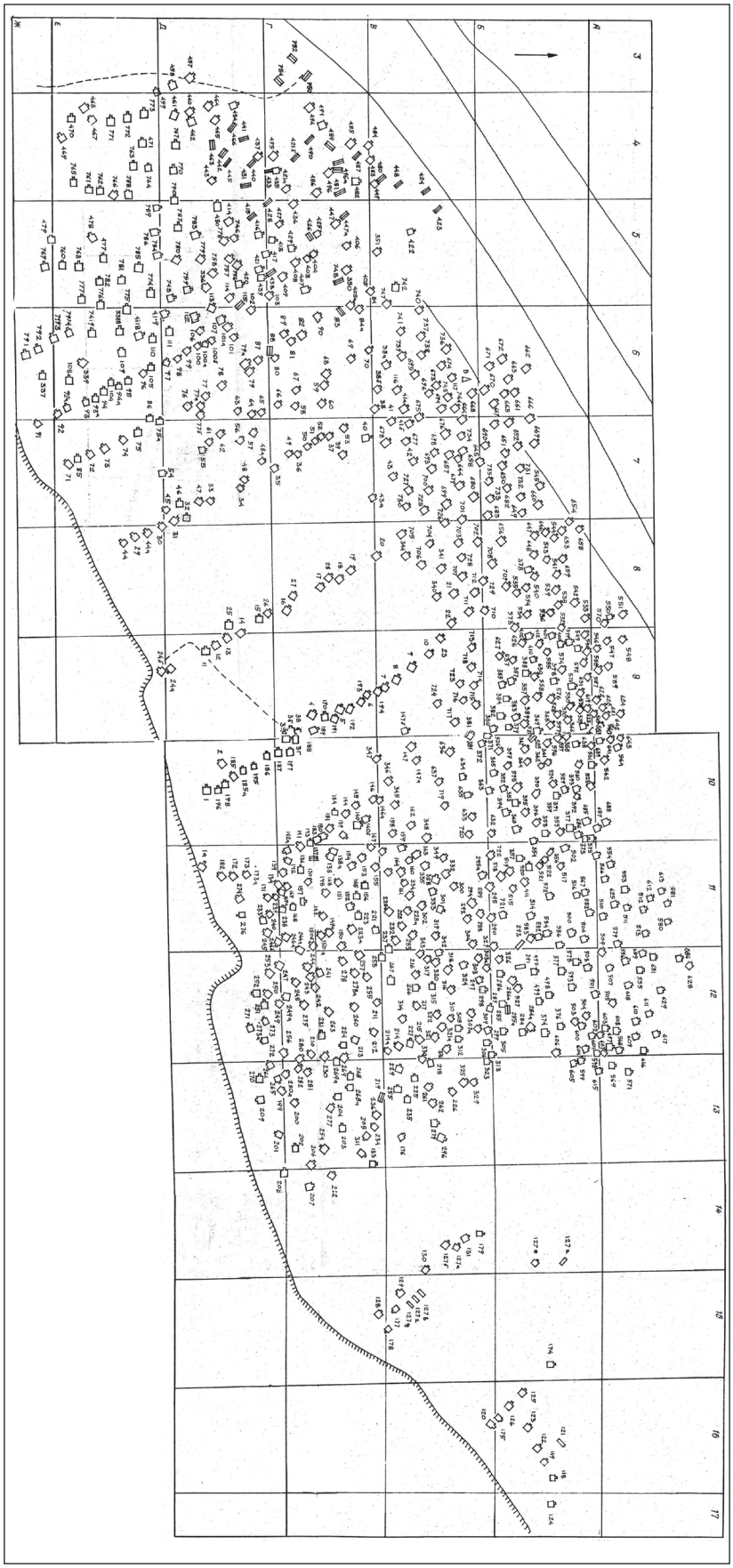


Рис. 18. Скалистинский могильник. План (по Веймарну и Айбабину, 1993).

гут относиться к рубеже III-IV вв.); Харакс – трупосожжение № 34; Совхоз-10 – кроме двух могилы (№ 559 и № 228) и другие погребальные комплексы, так как в это время этот могильник использовался особенно активно, как впрочем, и во второй половине этого столетия.

3. Вторая половина IV в. (рис. 94, III). Бельбек I – захоронение в каменном ящике № 5; Озерное III – склепы № 2 и № 3; Суворово – склепы № 26, № 27 и № 38 (погребения № 4 и № 5); Дружное – погребение № 5.3 склепе № 1 (1984 г.) и подбойной могиле № 73; Скалистое – склеп № 481 (?); Инкерман, – по крайней мере, 9 погребений в подбойных могилах и склепах; Черноречье – десять погребений, из которых два трупосожжения (11(3) и 38); Харакс – могила № 17; Сахарная головка – подбойные могилы № 36 (12) и № 53(21); Красный Мак – три склепа. Так как значительное число погребальных комплексов многих могильников, как об этом говорилось выше (Красная Заря, Суворово, Тенистое, Тас-Тепе, Вишневое и др.) трудно отнести точно к первой или второй половине IV столетия, то обозначенный выше перечень, без сомнения, нужно увеличить, причем, значительно. Из более чем 30 погребальных комплексов некрополя Дружное более двух десятков склепов и подбойных могил использовались в течение IV в. К этому еще можно добавить дополнительно, что Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева продатировали несколько склепов (№ 51, 53, 54, 55) Суворовского могильника концом IV – началом V вв. [Зайцев, Мордвинцева, 2003. – С. 57-77].

4. Первая половина V в. (рис. 94, IV). Инкерман – три погребения (могила с заплечиками № 2 (4), грунтовая могила № 19 (12) и склеп № 31 (5)); Черноречье – также три погребения – в подбойных могилах; Скалистое – четыре склепа (№№ 101, 421, 431, 457); Лучистое – семь склепов и одна грунтовая могила; Харакс – десять (?) трупосожжений и одно трупоположение (№ 7). На некрополе Красный Мак, как указывалось выше, к этому времени относится не менее пяти склепов и подбойная могила.

5. Вторая половина V в. (рис. 94, V). Скалистое – девять погребальных комплексов (склепы и подбойные могилы); Сахарная головка – три (?) подбойных

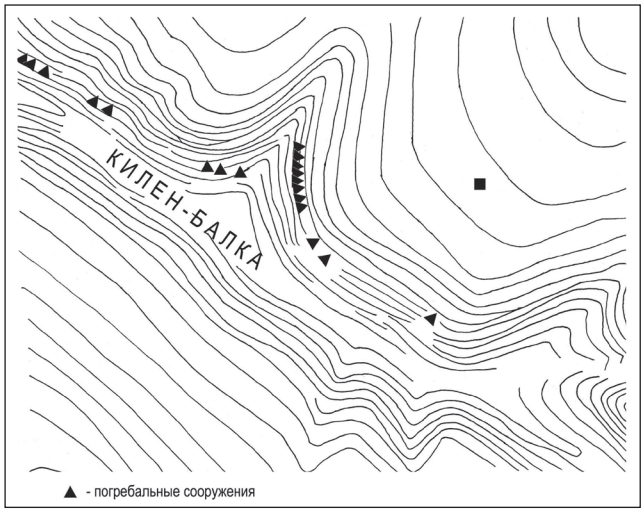


Рис. 19. Могильник Килен-балка. Схематический план (по Савеле).

могилы; Лучистое – вероятно захоронение в склепе № 75. С определенной долей условности к этому времени захоронения в четырех склепах и одной подбойной могиле могильника Красный Мак. Второй половиной этого столетия или первой половиной следующего могут датироваться несколько склепов и подбойных могил некрополя Карши-Баир (См.: Табл. 3).

6. Первая половина VI в. (рис. 94, VI). Скалистое –

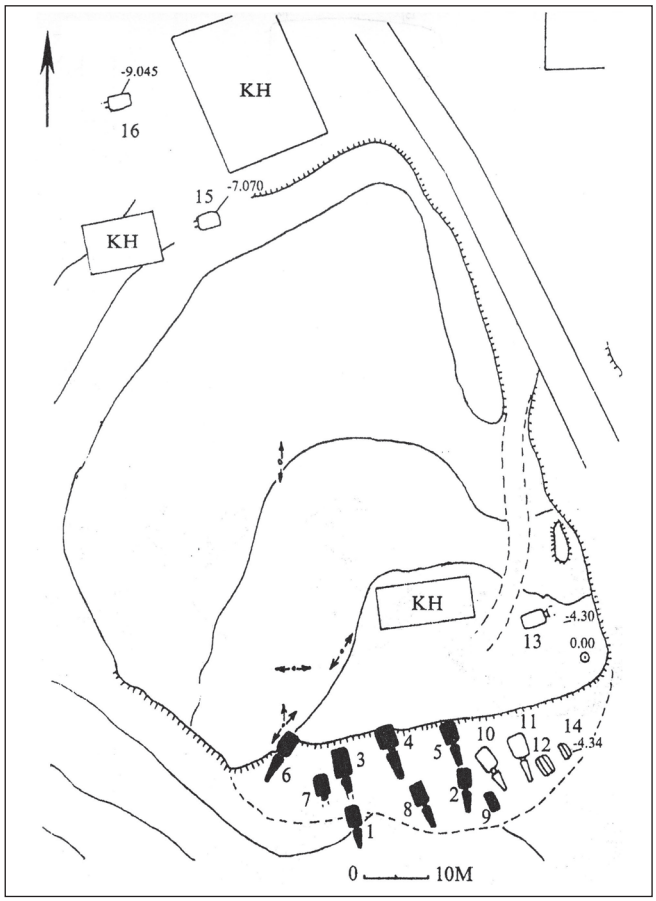


Рис. 20. Могильник Красный Мак. План (по Лободе, 2005).

три склепа (№№ 350, 419, 447) и одна подбойная могила (№ 445); Сахарная головка – два подбоя (№ 13 (3) и № 34 (7)) и один склеп (№ 1); к этому количеству можно добавить, правда, только предположительно, семь погребальных комплексов Чернореченского могильника, раскопанных А.И. Айбабиным в 1988 г., отдельные погребения из Карши-Баира (Табл. 3).

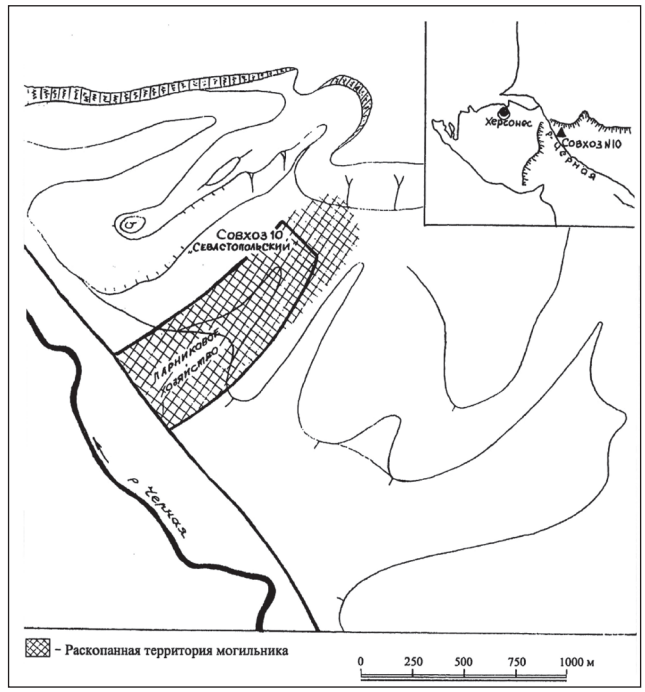


Рис. 21. Могильник «Совхоз-10». Ситуационный план (по Стржелецкому, Высотской, Рыжовой, Жестковой, 2003-2004).

Из этого, хотя и неполного, перечня можно заключить, что очень сложно разделить VI в. на две половины, выделив при этом материалы первой его части. В то же время несомненно, что именно со второй половины века наблюдается значительное увеличение количества могильников в юго-западной части полуострова. Можно сказать, что VI в., таким образом, в археологическом и, соответственно, этнополитическом смысле, является разделительной вехой эпох.

Можно говорить и о переломном значении III в. – времени смены археологических культур, напрямую связанной с бурными событиями столетия. Дробное разделение III в. для Юго-Западного Крыма (составление хронологических колонок и горизонтов) пока не представляется возможным. Особенно это касается материалов конца II – середины III вв. Это одна из причин того, что эти данные и анализ этнической ситуации этого времени будет проведен специально и отдельно от всего последующего времени (вторая половина III – середина IV вв.).

Таким образом, большая часть могильников появляется во второй половине III или в начале IV вв.; прекращают они свое существование в основном в начале или середине V в. (См.: Табл. 2). На Черной речке хоронили еще, вероятно, до середины VI в., а в Скалистом и на

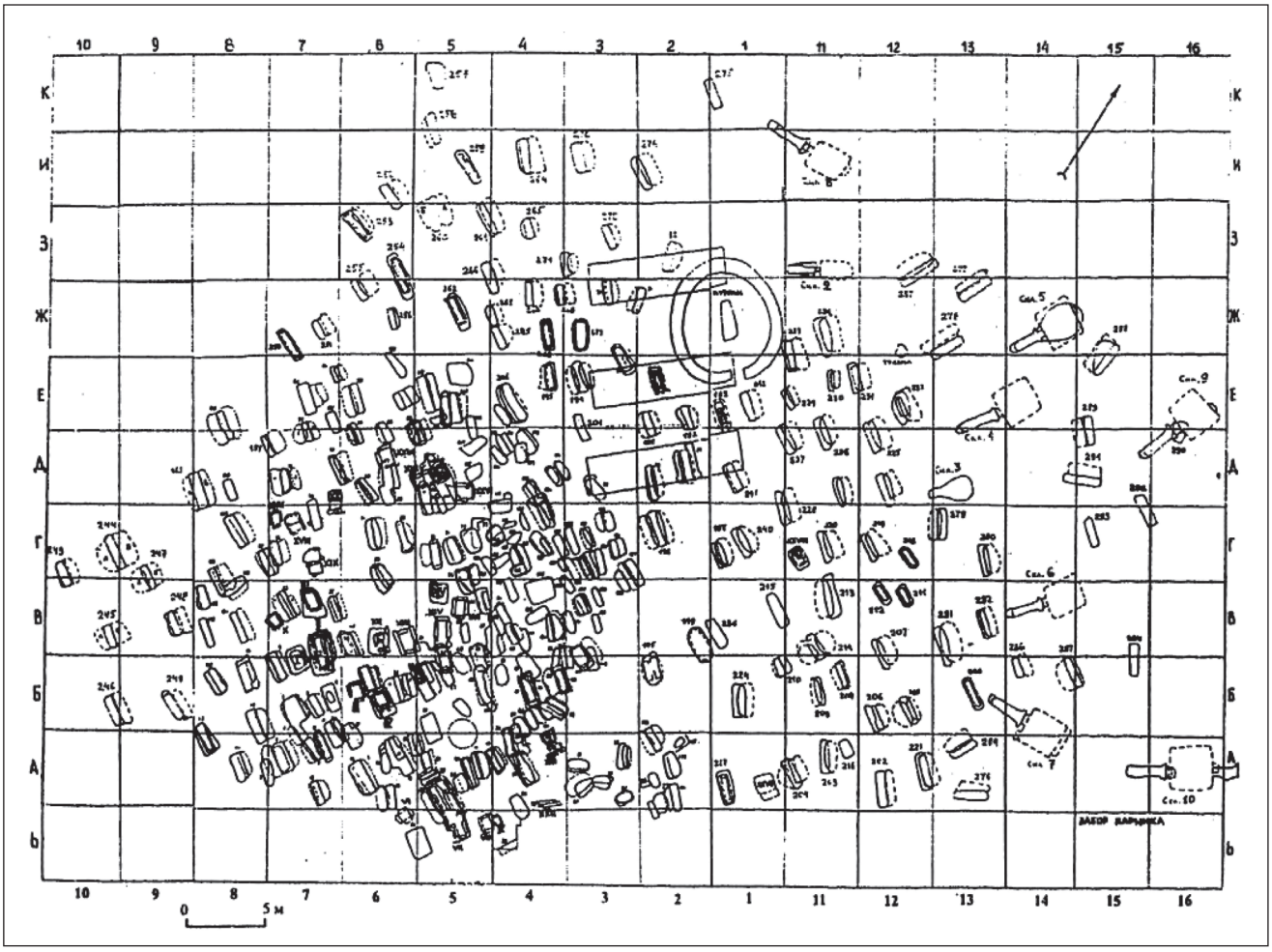


Рис. 22. План могильника «Совхоз-10» (без погребений в урнах)
(по Стржелецкому, Высотской, Рыжовой, Жестковой, 2003-2004).

Сахарной Головке и значительно позднее. Синхронные им памятники предгорий и степи - отдельные захоронения кочевников и клады изделий полихромного стиля (Рис. 3, 7, 20-25; Табл. 2, 20-25), связаны, очевидно, с другой историко-культурной реальностью - гуннским племенным союзом, и остаются за рамками нашего рассмотрения.

Что касается датировок отдельных погребальных сооружений, то необходимо отметить, что трупосожжения появляются раньше всего, еще в III в. (Скалистое III, Бельбек-I и, возможно, Танковое и Харакс); немного позднее, в основном уже в IV в. стали сооружать склепы, массово продолжили хоронить в подбойных и простых грунтовых могилах (Табл. 9). Кремация как обряд прекращает существование в конце V в. В целом же, наибольшая концентрация погребальных сооружений относится к первой половине IV в. и к первой половине V в.

О хронологической ценности находок монет в погребениях мы уже говорили выше. Отметим, что они (в виде найденных кладов) могут иметь и самостоятельное значение - как индикаторы вторжений варваров в юго-западную часть полуострова. Большая их часть была зарыта не позднее первой трети III в. [См.: Пиоро, Герцен, 1974. - С. 81]; и связаны они, вероятно, еще с вторжениями сармат. К середине III в. относится клад антониниан, найденный в окрестностях села Долинное (рис. 4, 11) [Пиоро, Герцен, 1974. - С. 81-90]. Этот клад содержит, по определению М. Казанского, карподакийскую фибулу [Казанский, 1997. - С. 51]. Авторы публикации клада - И.С. Пиоро и А.Г. Герцен - считали, что он мог являться военной добычей, полученной во время войны 250-251 гг. на Дунае [Пиоро, Герцен, 1974. - С. 83]. Можно осторожно предположить, что если и не монетная часть клада, то фибула могла принадлежать воину-варвару (карпу или даку?), уроженцу Подунавья, попавшему затем в Крым.

Уже концом IV в. - началом V в. датируется клад монет у подножия г. Ай-Тодор с подражаниями «лучистого» типа [Сидоренко, 1987. - С. 135]. Клад, несомненно, принадлежал варварам, вероятно (как и предполагал В.А. Сидоренко), переселенцам из Центральной Европы во втором десятилетии V в. [Сидоренко, 1987. - С. 136].

В предварительном плане нужно заметить, что для успешных хронологических штудий на основе крымских материалов необходимо привязать крымские памятники к сложившейся системе европейской хроноло-

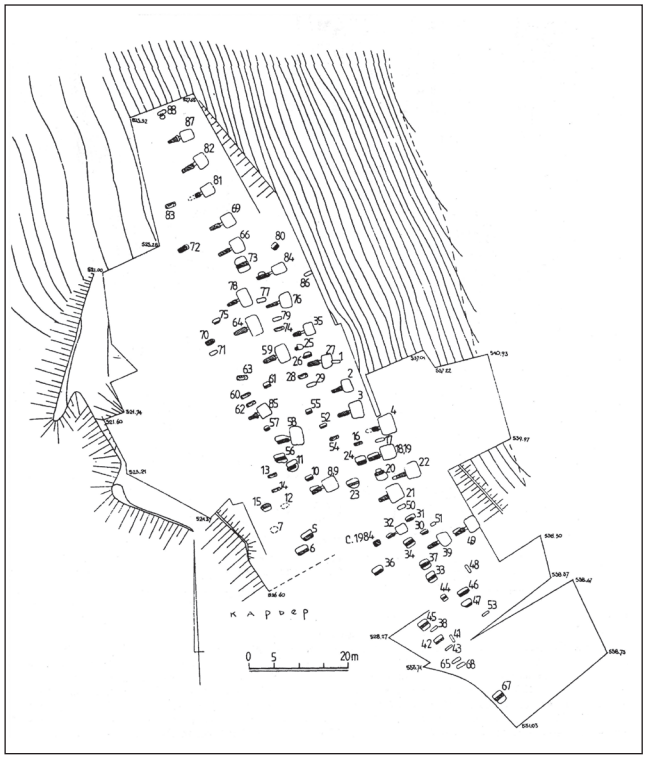


Рис. 23. Могильник Дружное. План (по Храпунову, 2002).

гии (См.: рис. 28), тем более, что это уже делается на примере отдельных памятников, в том числе и упомянутых выше (рис. 29).

Возвращаясь к рассмотрению погребального обряда, снова подчеркнем, что именно он и является основным этнодиагностирующим признаком. Отметим при этом, что в узком смысле слова погребальный обряд включает в себя обряды как до момента погребения (подготовка места погребения, сооружение могилы, подготовка самого умершего к путешествию в «мир иной» и т.п.), так и действия в процессе погребения и после совершения погребального акта (тризна и т.п.). В широком смысле слова под погребальным обрядом можно понимать также и характерные черты и особенности погребальных сооружений, набор и место расположения погребального инвентаря, характер напутственной пищи, способ помещения останков в землю (в том числе - наличие гроба, погребальных урн), подсыпки мела, песка, угля. Именно эти материальные остатки возможно подвергнуть анализу, т.к. они фиксируются археологически [См.: Никитина, 1985. - С. 3].

Всесторонний комплексный анализ всего погребального обряда, без сомнения, требует отдельного специального исследования. В настоящей работе мы фиксируем только некоторые основные (этноопределяющие) черты обряда: 1) типология и особенности погребальных сооружений, их хронологическое и территориальное распределение; 2) особенности размещения погребенных - наличие подсыпок, гробов, положение рук и ног, ориентация по сторонам света; 3) погребальный инвентарь - соотношение гончарной и лепной посуды, особенности лепной керамики (форма, пропорции, орнамент, характер оформления ручек, закраин и т.п.), украшения и бижутерия (застежки-фибулы, пряжки, подвески) и другие детали костюма, отражающие этнографические особенности населения; сюда же примыкает напутственная пища.

3.2.4. Основные типы погребальных сооружений.

Среди перечисленных выше некрополей Юго-Западного Крыма выделяются биритуальные (с трупосожжениями и трупоположениями) - Бельбек I, Чатырдаг, Харакс, Черноречье и Совхоз-10. Причем в трех из них - Бельбек-I, Чатырдаг и Харакс отсутствовали такие типичные здесь погребальные сооружения, как склепы и подбойные могилы (См.: рис. 30, 31). В свою очередь, во всех некрополях, где обнаружены склепы и подбойные могилы, отсутствовали погребения с сожжениями (за исключением могильника на Черной речке и Совхоз-10). Только в Инкерманском могильнике обнаружены грунтовые могилы с заплечиками. В Бельбекском могильнике двое умерших были захоронены сидя, в могильнике Совхоз-10 обнаружено захоронение в кургане [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004. – Рис. 8, 1] (Табл. 5). Для этого некрополя, вообще, характерны исключительно разнообразные погребальные сооружения (рис. 32).

Подбойные могилы, ориентированные в основном по линии Север-Юг, имели, как правило, один или, реже, два подбоя, вход в которые закрывался плитами или камнем (рис. 35). Иногда имелись ступеньки. Один из самых массовых типов погребальных сооружений. Так, в некрополе Совхоз-10 к ним отнесено 75 % от общего числа открытых могил (Рис. 32 В) [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004. – С. 37]. Известны и уникальные подбои с нишами (Дружное), и могилы с тремя подбоями (Левадки, Совхоз-10), грунтовые могилы с пазами в вертикальных стенках [Мульд, 1999. – С. 185-187]. Во входных ямах шести могилах некрополя Совхоз-10 (№№ 38, 58, 81, 83, 156, 257) располагались каменные ящики (рис. 33).

Две подбойные могилы известны в Перевальненском могильнике [Пуздровский, 1994. - С. 116], одна такая могила зачищена на некрополе Чатырдаг. Такие погребальные сооружения обнаружены в крымских предгориях (могильник Карши-Баир). Подбойные могилы подобной конструкции имели широкое распространение по всему Северному Причерноморью в областях расселения сармато-аланского этноса, хотя в предшествующее время в могилах с подбоями хоронили и поздние скифы [Дашевская, 1984. - С. 53-60; Мульд, 1996.- С. 280-281, 284-285].

Вероятно, сарматам могли принадлежать и относительно редко встречаемые могилы с «заплечиками» (См.: рис. 6, 5). В одном случае в некрополе Совхоз-10 обнаружена могила (№ 177) с «заплечиками», а позднее в ее северо-восточной стороне был сделан подбой (рис. 32 А, 5) [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова,

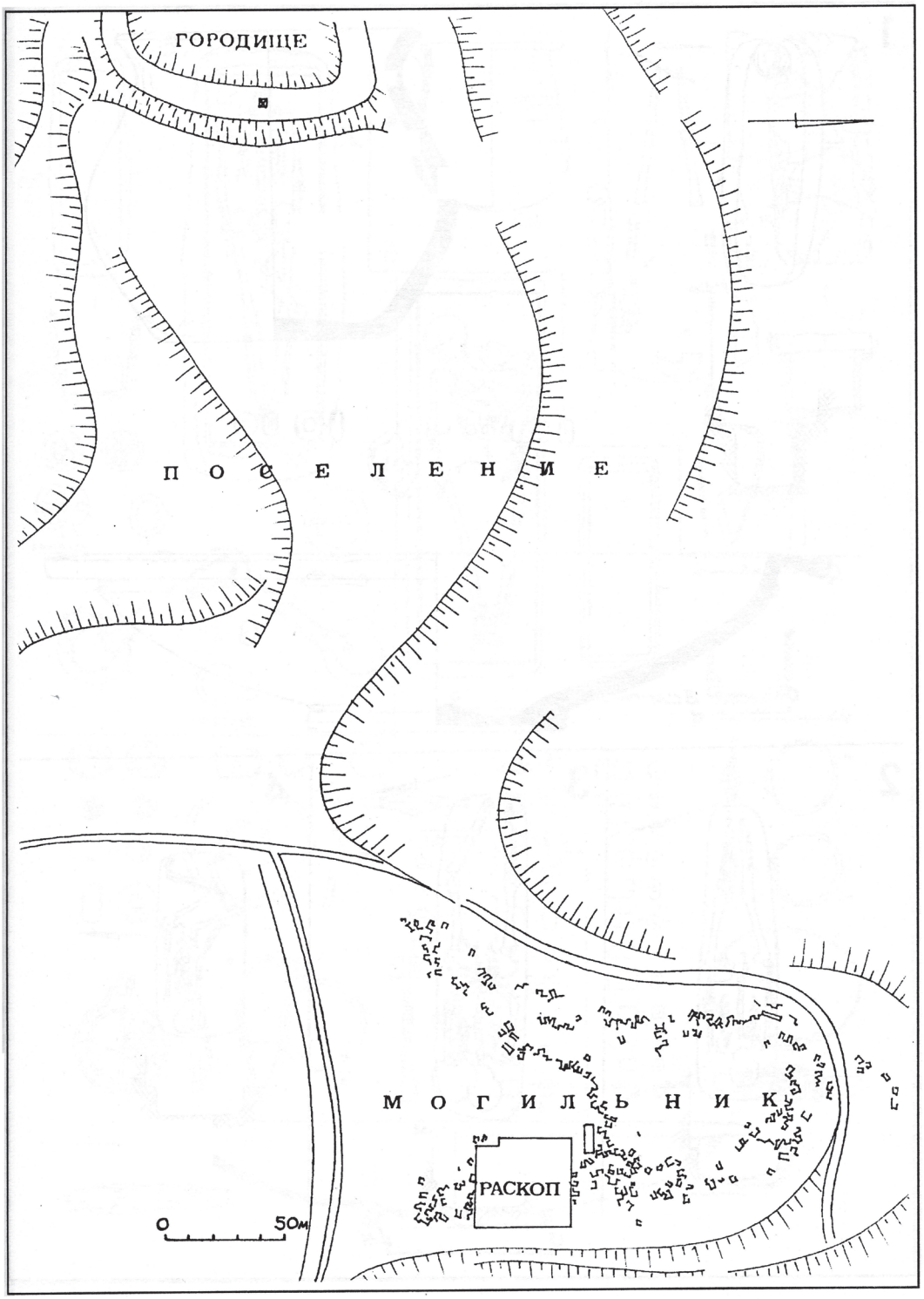


Рис. 24. Могильник Суворово. Схематический план (по Зайцеву, 1997).

2003-2004. - С. 34. - Рис. 4, 5].

Редки **захоронения младенцев в амфорах** (количество которых едва составляет 0,5% от общего числа исследований погребений). В 11 подбоях некрополя Совхоз-10 были совершены погребения младенцев в амфорах, а в одной из могил (Пб. 89) было найдено 9 амфор [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004. – С. 37].

Простые грунтовые ямы - один из самых распространенных типов погребальных сооружений. В плане они прямоугольные, заполнение грунтовое.

Особого внимания заслуживает рассмотрение ориентация погребенных: в подбойных и простых грунтовых могилах она достаточно разнообразна (Табл. 6) и будет подробнее рассмотрена ниже, как и этот показатель по некрополю Совхоз-10 (Табл. 7).

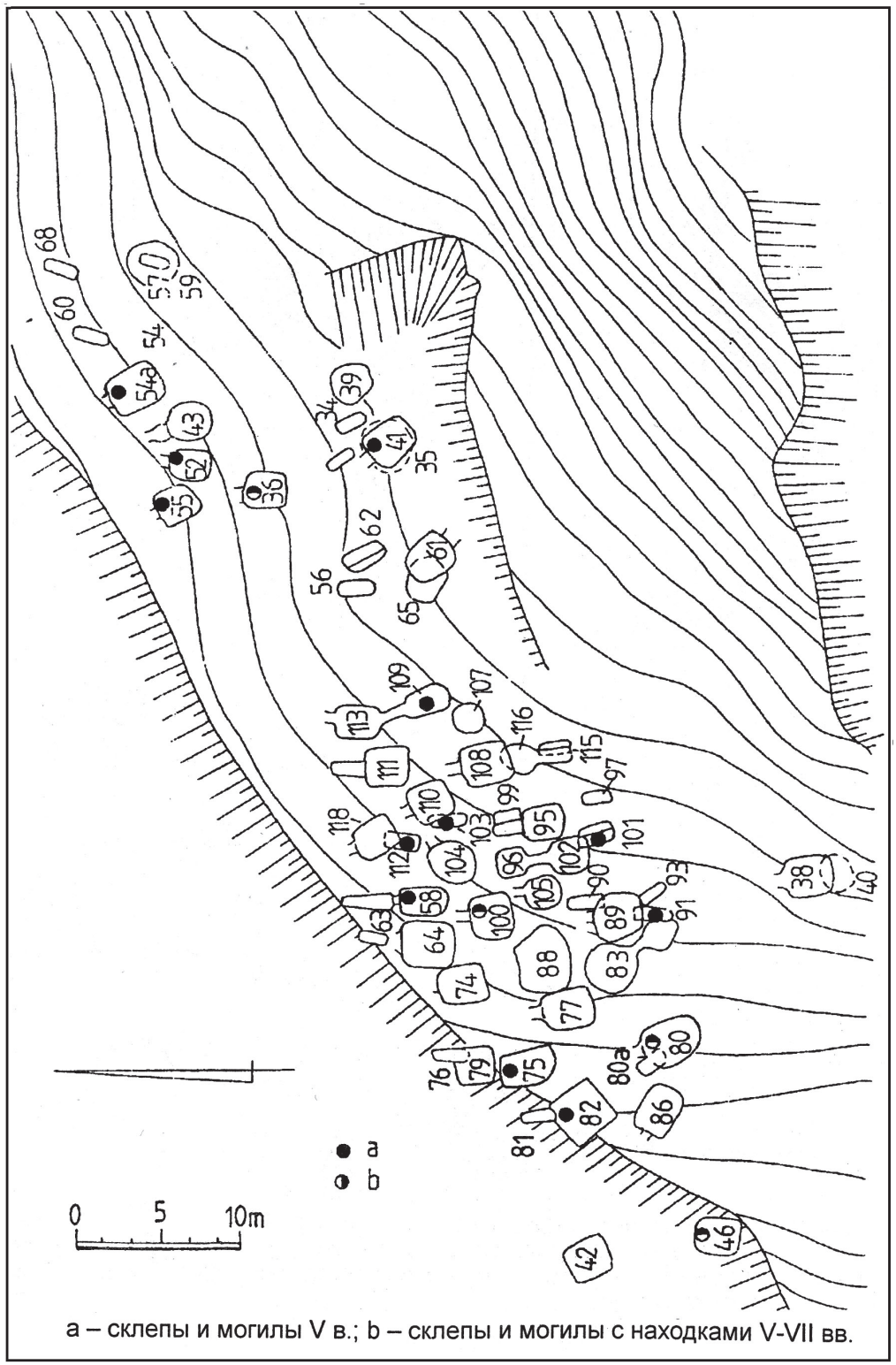


Рис. 25. Могильник Лучистое. Ранние погребальные комплексы (по Айбабину и Хайрединовой, 2001).

В могильнике Совхоз-10 обнаружены, как отмечалось, **курган** [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жестокова, 2003-2004. – Рис. 8, 1] и **кенотаф**.

Анализ встречаемости двух основных типов погребальных сооружений – трупоположений (ТП) и трупосожжений (ТС) показывает значительное численное (более чем в 2 раза) преобладание трупоположений (См.: Табл. 5). Оно будет только увеличено в том случае, если мы учтем то обстоятельство, что в склепах, как правило, было похоронено по несколько человек, некоторые подбойные могилы имели два подбоя, а иногда в погребении было захоронено даже по 2-3 человека. Этот вывод не может поколебать и то обстоятельство, что иногда в одном погребении с ТС могли быть останки нескольких

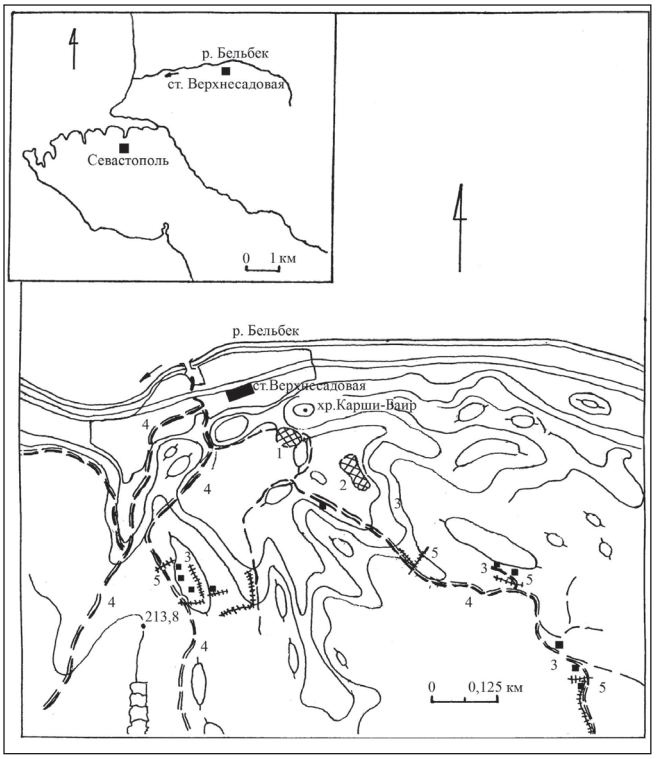


Рис. 26. Могильник Карши-Баир. Ситуационный план.

человек. Среди погребений с трупоположениями преобладают подбойные могилы, многочисленны склепы и обычные простые грунтовые могилы, редки плитовые могилы и могилы с заплечиками, захоронения в амфорах – уникальны.

Далее, каждый могильник характеризуется своим

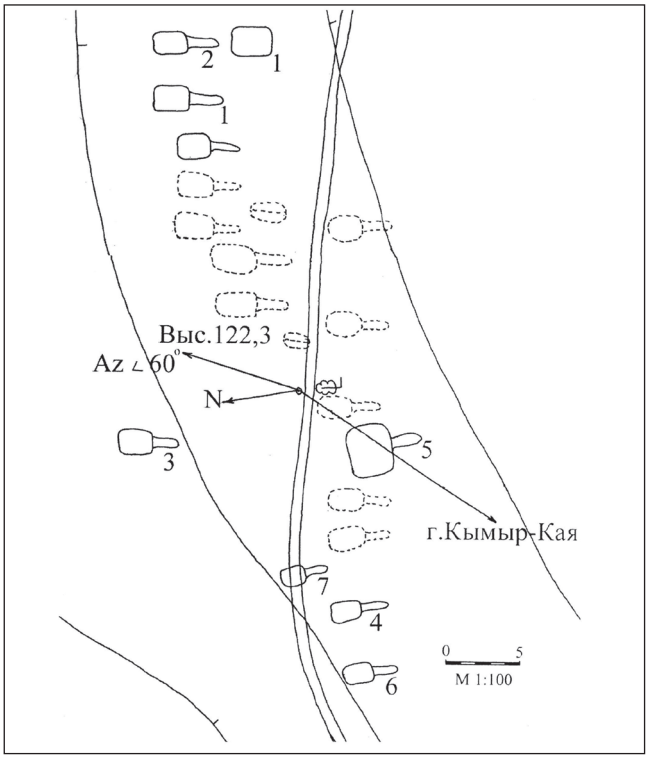


Рис. 27. Могильник Карши-Баир I. Схематический план.

собственным «набором» погребальных сооружений, о чем немного говорилось выше. Можно заметить, что, например, единственный сельский некрополь, где использовались каменные оссуарии, был могильник Совхоз-10 (рис. 34). В Озерном III преобладали склепы и простые грунтовые могилы, в Инкерманском и Чернореченском – подбои, в Килен-балке и Скалистом – склепы. Разнообразные погребальные сооружения, как уже отмечалось, зафиксированы на некрополе Совхоз-10 (рис. 32, 33), а также, в могильнике Карши-Баир (рис. 35).

Типология склеповой архитектуры.

Что касается типологии склепов, то А.И. Айбабин выделял первоначально пять их типов (вариантов) [Айбабин, 1987.- С. 190-192], позднее – три: 1) Т-образные в плане, состоящие из длинного дромоса-входной ямы, заложенного плитой более узкого входного коридора и погребальной камеры; 2) с таким же дромосом и входом, с прямоугольной в плане камерой с лежанками, вырубленными в боковых стенах; 3) с коротким и широким дромосом со ступеньками и камерой такой же ширины [Айбабин, 2003. – С. 19]. С.А. Мульд представил общую схему конструктивных особенностей склепов, без соотношения их с конкретными памятниками [Мульд, 1996. - Рис. 6а, 6б].

При сопоставлении чертежей основной массы склепов IV-VII вв. выделяются два основных критерия для характеристики их конструктивных особенностей: (1) соотношение размеров дромоса и погребальной камеры и (2) конфигурация самой погребальной камеры. Как можно заметить, именно они являются наиболее показательными в архитектурно-археологическом отношении. При этом соотношение размеров дромоса и погребальной камеры, как двух основных частей этого погребального сооружения, характеризует общий облик (тип), а конфигурация погребальной камеры (главной части склепа) - его особенности. Основываясь на этих двух показателях, все склепы в Юго-Западном Крыму можно разделить на три основных типа с вариантами и подвариантами (См.: рис. 31; Табл. 8). Известно, что ту часть склепа, которую мы именуем дромосом, называют также входной камерой, а собственно дромосом – небольшой коридорчик перед погребальной камерой. (Последняя особенность характерна именно для аланских склепов [Мульд, 1996. – Рис. 6а, 6б]). Исходя из сказанного, в общем виде типология склепов представляется следующей.

Тип I. Склепы с длинным дромосом (дромос длиннее или равен по длине камере). Представлен четырьмя вариантами.

1). Погребальная камера прямоугольная в плане (боковые продольные стены длиннее поперечных). В передней поперечной стене часто устраивались ниши. Свод в разрезе чаще овальный.

2). Трапециевидная в плане погребальная камера (передняя поперечная стена длиннее задней). Продольные стены длиннее поперечных.

3). Прямоугольная в плане погребальная камера (по-

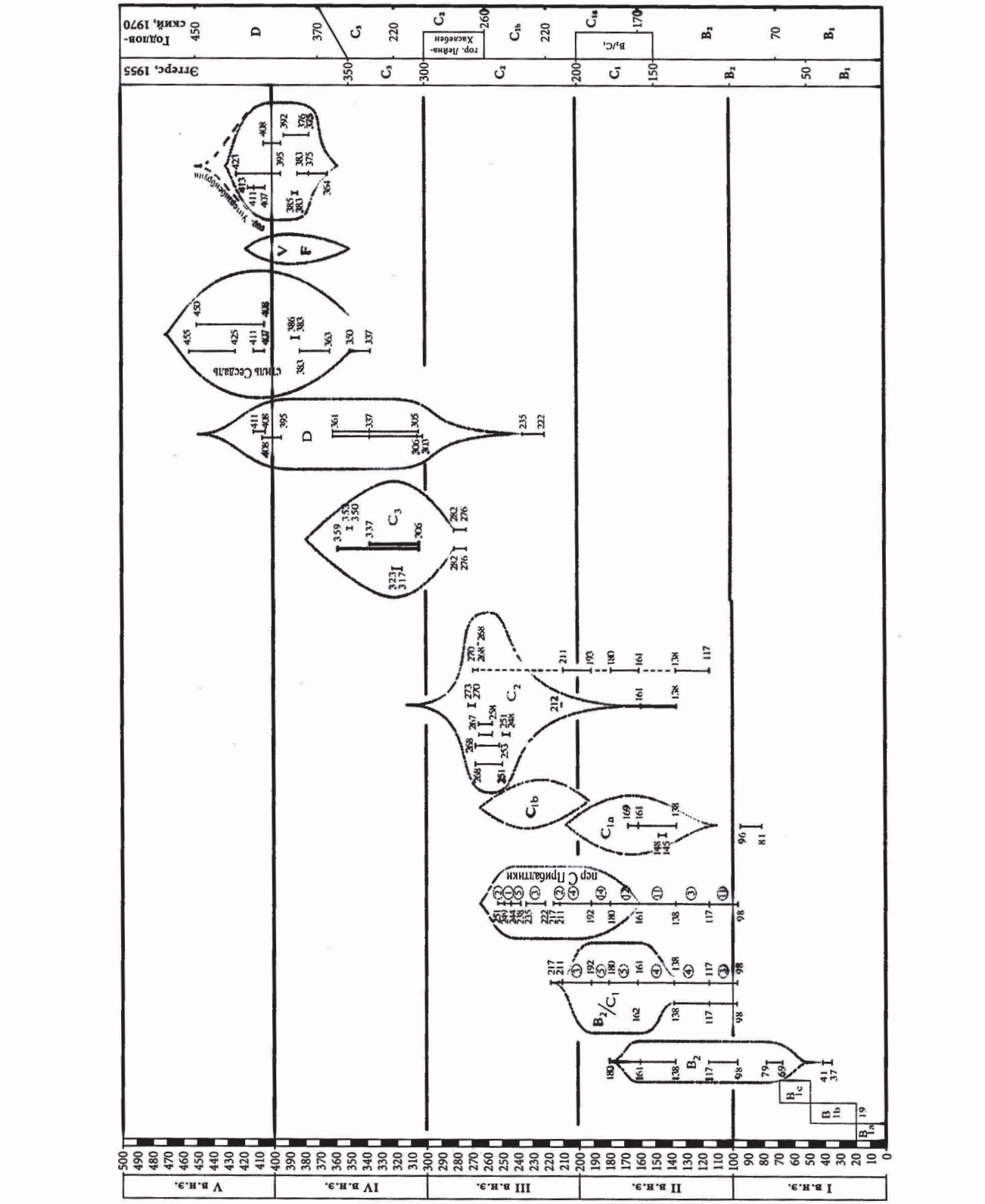


Рис. 28. Положение ступеней относительной хронологии Центральной Европы позднеримского времени с учетом монетных находок (даты чеканки указаны полосками и цифрами) по данным К. Годловского и Я. Тейрала (Godlowski, 1970, Tejral, 1973) для стиля Сёсдаль и горизонта Унтерзибенбрунн. Цифры в кружках означают количество монет на памятниках культуры западных балтов (по Мыцу, Лысенко, Щукину, Шарову, 2006).

перечные стены длиннее продольных).

4). Погребальная камера неправильной формы (такие памятники характерны в основном для могильников Совхоз-10 и Инкерман). Здесь можно говорить о четырех подвариантах ее конструктивных особенностей: а) камера трапециевидная в плане со скругленными углами

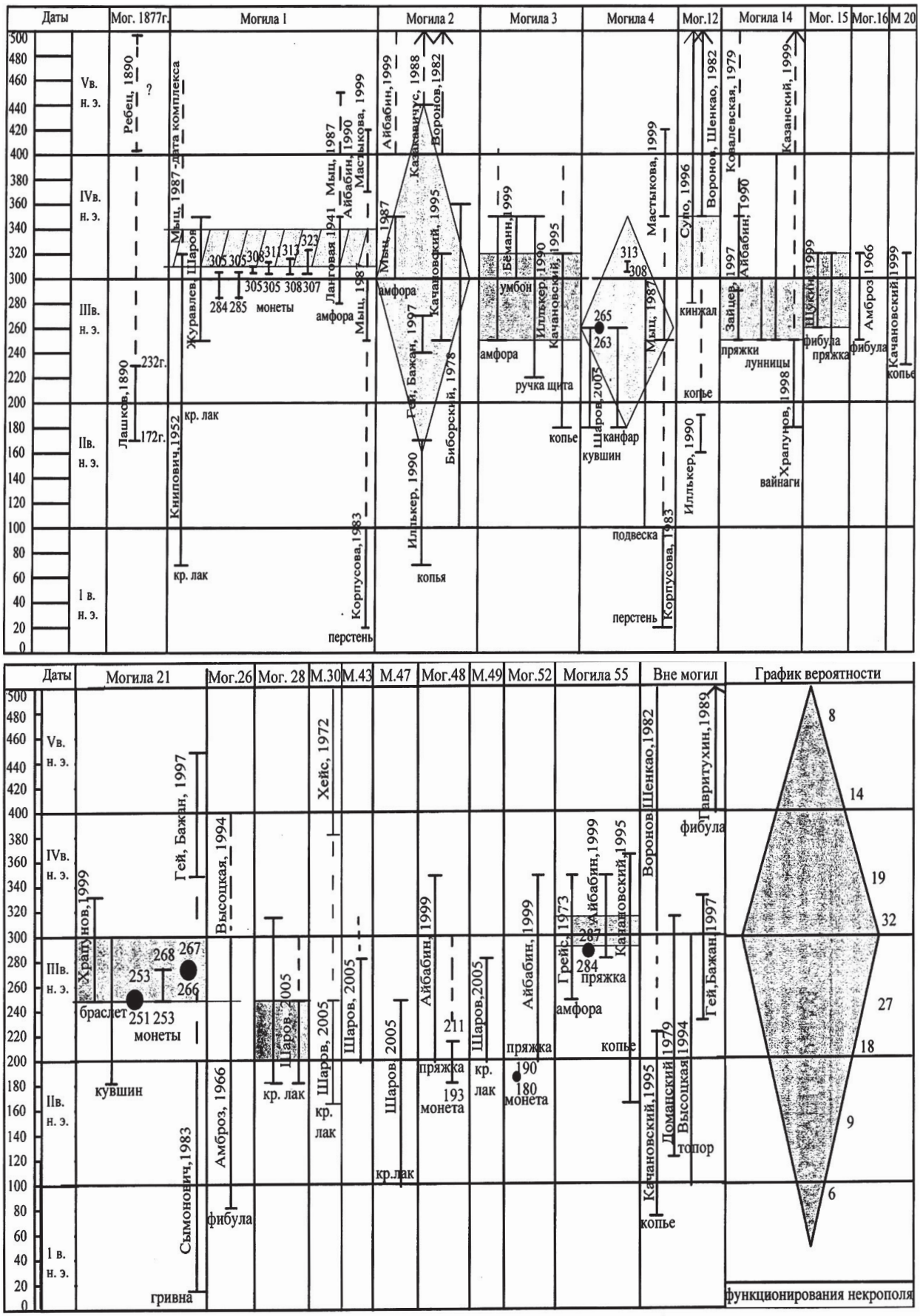


Рис. 29. Хронология погребений некрополя Чатыр-Даг (по Мыцу, Лысенко, Щукину, Шарову, 2006).

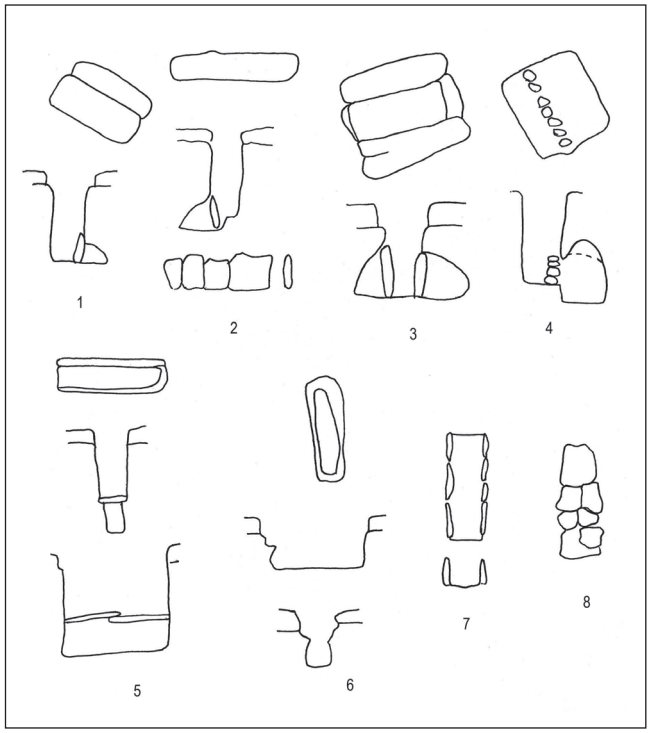


Рис. 30. Типы могил Юго-Западного Крыма. 1-4 - подбойные; 5, 6 - с заплечиками; 7, 8 - плитовые. 1-3 - Инкерманский могильник (по Веймарну, 1963); 4 - Скалистое (по Веймарну, Айбабину, 1993); 7, 8 - Бельбек I (по Высотской).

(продольные стены и передняя поперечная стена короче задней); б) передняя часть камеры овальная в плане; в) камера овальная или почти круглая в плане; г) камера грушевидной формы в плане.

Тип II. Склепы с коротким дромосом (дромос

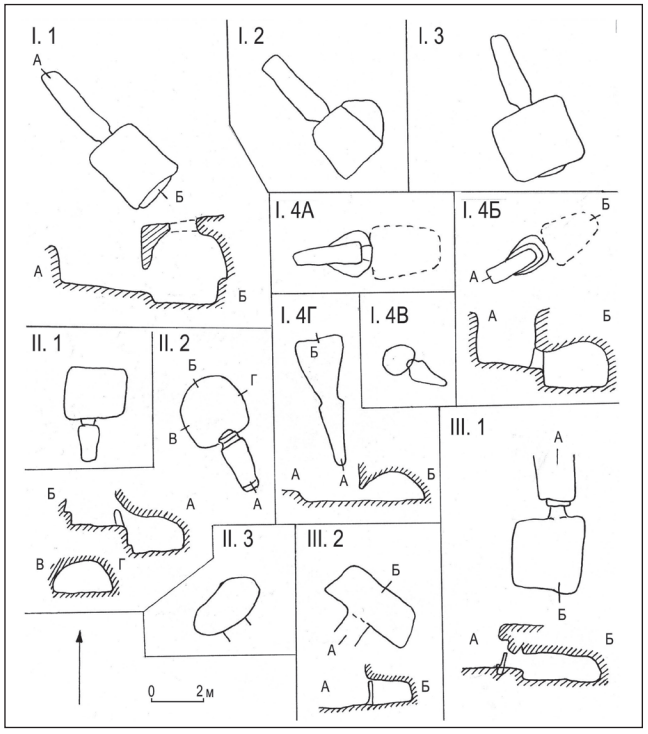


Рис. 31. Типы и варианты склепов Юго-Западного Крыма (по Ушакову, 1999).

короче погребальной камеры). Представлены тремя вариантами.

1). Погребальная камера в плане приближается к квадрату, с овальным в плане сводом.

2). Погребальная камера со скругленными углами, с овальным сводом.

3). Камера неправильной формы.

Тип III. Склепы, вырубленные в скале на склоне балок. Они имеют очень короткий дромос (или входной коридорчик). Свод погребальной камеры - коробовый. Выделяется два варианта этого типа склепов.

1). Почти квадратная в плане погребальная камера. Имеется небольшой входной коридорчик. Дно камеры ниже дна дромоса.

2). Трапециевидная форма погребальной камеры (передняя погребальная стена короче задней). Продольные стены короче поперечных.

Склепы этого типа характерны для некрополя в Килен-балке. Основная масса склепов в других могильниках относится к I и II типам - в основном это первые варианты. Время сооружения их - с первой половины (II тип 1 вар) IV в. (См.: Табл. 8, 9). Несомненно, все они справедливо связываются с сармато-аланами [Айбабин, 1987. - С. 193], имея многочисленные аналогии в зоне расселения сармато-аланских племен, в том числе и на Северном Кавказе. Отдельные склепы похожих конструкций сооружались в Херсонесе (см.: рис. 8), что может говорить о проникновении туда сарматов. В последнее время опубликованы и склепы необычных конструкций, в том числе, с подбоем во входной яме – в могильниках Дружное и Нейзац [Мульд, 1999. - С. 181-185].

На некрополе Совхоз-10 склепы составляют позднюю хронологическую группу (рис. 32 Г). На могильнике Карши-Баир обнаружены склепы нескольких типов (вариантов), рассмотрение которых позволит уточнить и расширить основную типологию этих погребальных сооружений.

Вариант 1. Представлены подпрямоугольными в плане камерами с боковыми стенками, образующая коньковый свод. Наличие таких погребальных камер говорит о том, что все-таки стрельчатые своды есть в крымских склепах, что отрицал И.Н. Храпунов [Храпунов, 2004. – С. 139]. Камеры отделены от входной ямы (дромоса) небольшим входным коридорчиком. Разделяются на несколько подвариантов.

Вариант 1а. Склепы с имитацией кровли дома (рис. 36, 1а). В склепе № 6 (КБ-I) от конька (длиной 2,87 м) к полу камеры в боковых стенках были прорезаны 17 параллельных полос, как своеобразных «ребер жесткости». В склепе в задней стенке имеются ниши-полки для установки погребальной посуды. Такую же конструкцию имели склепы 4, 7 (КБ-I).

Вариант 1б. Конструктивно такие же склепы, но на боковых стенах отсутствуют прорезанные желобки (Рис. 36, 1б). Имеются полки-ниши. Входные ямы (дромосы) у этих склепов, как правило, небольшой длины

Таблица 5. Типы погребальных сооружений

Могильник, памятник*	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1. Бельбек	-	-	-	-	1	15	-	3	3	22
	-	-	-	-	5	68,2	-	13,6	13,6	100
2. Нейзац	5	-	-	-	-	-	-	1	-	6
	83,3	-	-	-	-	-	-	16,7	-	100
3. Озерное III	3	1	3	-	-	-	-	-	-	7
	42,9	14,3	42,9	-	-	-	-	-	-	100
4. Чатыр-Даг	-	-	-	-	-	1	-	3	11	15
	-	-	-	-	-	6,7	-	20,0	73,3	100
5. Харакс	-	-	1	-	-	-	1	1	34	37
	-	-	2,7	-	-	-	2,7	2,7	91,9	100
6. Инкерман	8	25	10	7	-	-	-	1	-	51
	15,7	49,0	19,6	13,8	-	-	-	2	-	100
7. Черноречье	13	38	11	-	-	-	-	-	33	95
	13,7	40	11,6	-	-	-	-	-	34,7	100
8. Сахарная Головка	1	8	-	-	-	-	1	-	-	10
	10	80	-	-	-	-	10	-	-	100
9. Скалистое	12	5	-	-	-	-	-	-	-	17
	70,6	29,4	-	-	-	-	-	-	-	100
10. Килен-балка	7	-	1	-	-	-	-	-	-	8
	90	-	10	-	-	-	-	-	-	100
Всего	49	77	26	7	1	16	2	9	82	269
11. Совхоз 10**	20	147	51	8		171	3	1	282	638
	3,1	23	8	1,3			0,5	1,6	44,2	100
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X

*В числителе - количество, в знаменателе - %.
**Посчитано по Отчетам о раскопках, в монографии [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004] – другие цифры.

I - склепы;
II - подбойные могилы;
III - простые грунтовые могилы (М);
IV - грунтовые могилы с заплечиками (ЗПЛ);
V - грунтовые могилы, забитые камнем;
VI - плитовые могилы (ПЛ);
VII - захоронение в амфоре;
VIII - неопределенный тип;
IX - трупосожжения (ТС);
X – всего.

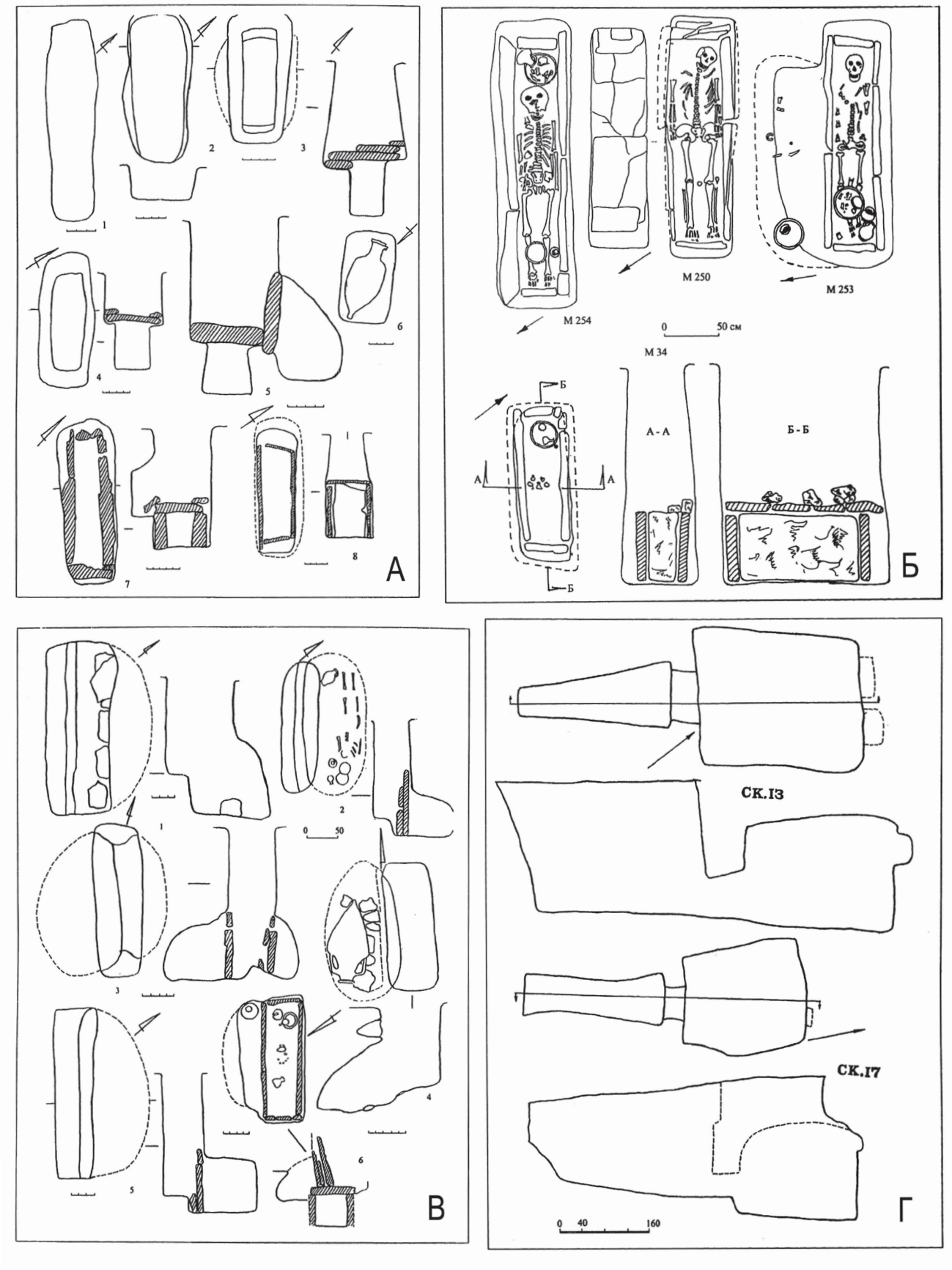


Рис. 32. Погребальные сооружения некрополя “Совхоз-10” (по Стржелецкому, Высотской, Рыжовой, Жестковой, 2003-2004).
А – грунтовые могилы; Б – могилы с каменными ящиками; В – подбойные могилы; Г – склепы.

(1,9-2,2 м). Дромосы глубоких склепов располагались на глубине до 6-7,5 м от дневной поверхности до уровня дна погребальной камеры и достигали 3,5-4,1 м длины (КБ-II, скл. 1-3, 6).

Вариант 1в. Склепы схожей конструкции (рис. 36, 1в). Но погребальная посуда устанавливалась не на полках-нишах, (они отсутствовали), а вдоль задней (реже боковых) стенок погребальной камеры склепов (КБ-I, скл. 1, 2, 3, 5; КБ-II, скл. 4, 5, 6, 8, 10).

Первоначально в камерах склепов первого варианта погребенные укладывались у левой стенки, остальные – рядом с ними в том же направлении (КБ-I, скл. 1, 2; КБ-II, скл. 3, 10), а самые поздние погребения – у входа, поперек камеры, головой к правой стенке (КБ-I, скл. 1; КБ-II, скл. 10).

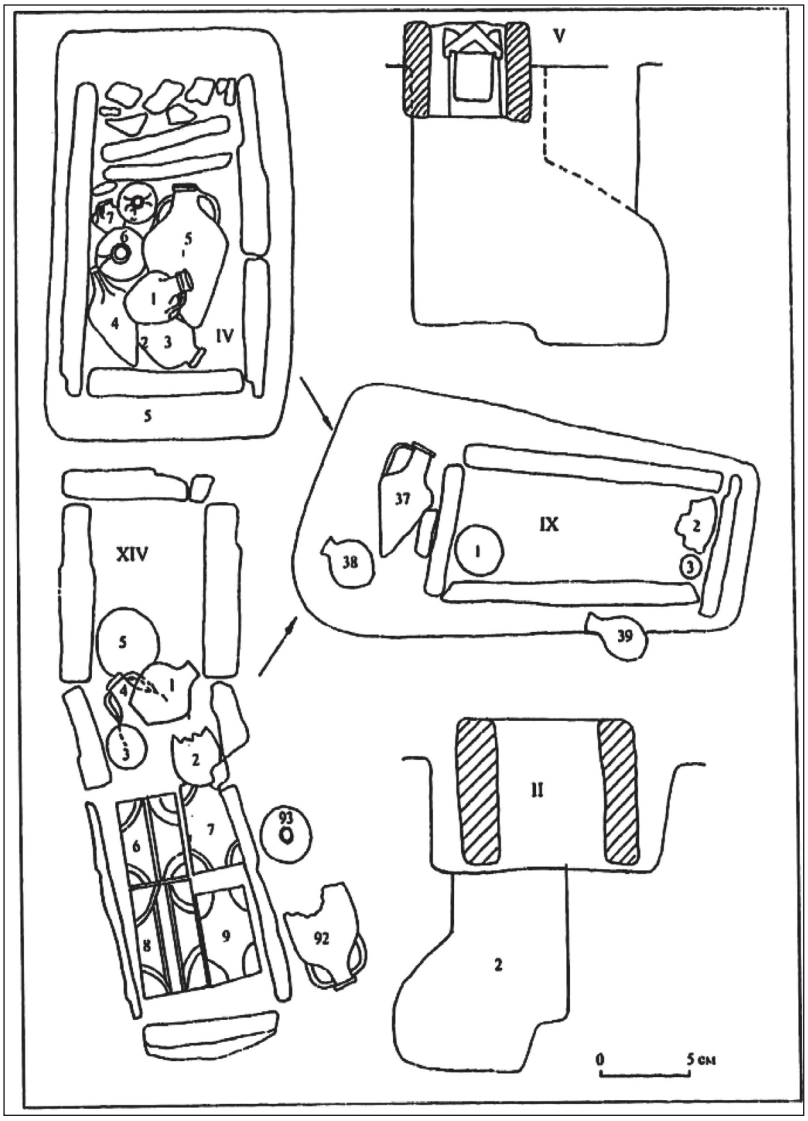


Рис. 33. Каменные ящики II, IV, V, XIV некрополя «Совхоз-10» (по Стржелецкому, Высотской, Рыжовой, Жестковой, 2003-2004).

Вариант 2. Склепы конструктивно напоминают только что описанные (вариант 1), но погребальная камера у них в ширину больше, чем в длину (рис. 36, 2). Зафиксирован один склеп (КБ-I, скл. 5).

Вариант 3. Представлен одним склепом (рис. 36, 3) (КБ-II, скл. 4), у которого, предположительно, был коробовый свод. В склепе было совершено одно погребение в гробу, поставленном вдоль дальней стенки погребальной камеры.

Таким образом, представленная частная классификация склепов одного из некрополей дополняет общую характеристику этого типа погребальных сооружений Юго-Западного Крыма.

Отметим, что склепы всех так называемых сельских некрополей отличаются от склепов позднеантичного Херсонеса (рис. 37).

Классификация и типология трупосожжений.

Со второй проловины III - первой половины IV вв. в Юго-Западном Крыму появляется еще один тип погребений – трупосожжение (кремация). По мнению большинства исследователей, это не связано с влиянием позднеантичных центров, в том числе и Херсонеса [Зубарь, 1982. - С. 58; Айбабин, 1987. - С. 188], - в это время там почти перестали применять этот способ погребения.

Скорее всего, в таком случае нужно говорить о круге европейских древностей т.н. «полей погребальных урн». В Крыму позднеантичного времени этот обряд был достаточно широко распространен (рис. 8; 38). Описание и классификация их у разных авторов различны. И.С. Пиоро выделял 3-5 групп погребений [Пиоро, 1990. - С. 94-99]. А.И. Айбабин разделил трупосожжения первоначально на четыре варианта [1987. - С. 188], позднее – на семь (1 - урны с прахом в каменных ящиках, 2 - урны с прахом в ямах, перекрытых бутовыми камнями, 3 - урны в ямах с каменными бортами, 4 – урны в маленьких ямках, 5 – урны с прахом в склепах или в подбойных могилах с трупоположениями, 6 – жженые кости в небольших ямках, 7 – жженые кости в ямках, забросанных камнями [Подр.: Айбабин, 1999. – С. 224-245; 2003. – С. 20]. Детально исследуя погребальный обряд Чатыр-Дагского некрополя, А.В. Лысенко выделил там IX вариантов обряда трупосожжения (рис. 39, 40, 41) [Лысенко, 2004; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006. – С. 95-106]. Для могильника Бельбек-I типичны **плитовые могилы** (с захоронением по обряду трупосожжения) (их 15 от общего числа раскопанных - 22).

Погребальными урнами обычно служили амфоры, лепные и столовые кувшины, специальные сосуды или каменные саркофаги (оссуарии) (рис. 34). Горла урн закрывались небольшими лепными сосудами или их

Таблица 6. Ориентация погребенных в могильниках Юго-Западного Крыма

	С	С-В	С-З	Ю	Ю-В	Ю-З	З	В	Неопр	**Всего**
А. В подбойных могилах										
Озерное III			1							**1**
Инкерман				2	1	1		15	7	**26**
Черноречье	2	27	3		1	1		2	2	**38**
Скалистое				1	4					**5**
Сахарная головка						7	1			**8**
Б. В грунтовых могилах										
Озерное III	1		2							**3**
Харакс				1					1(№4?)	
Инкерман	5		2 (зпл)*	1		1 (зпл)	1	2 (зпл)	2 (зпл) 2	**17**
Черноречье	3	4					3		1	**11**
Килен-балка								1		**1**

* Могилы с заплечиками

обломками.

Останки погребенных могли сжигаться на стороне - на специальных площадках или в погребальной яме. В ходе работ Инкерманской экспедиции 1952 года на склонах горы «Сахарная головка» (руководители экспедиции Е.В. Веймарн и С.Ф. Стржелецкий) [Веймарн, 1952] под четырьмя слоями грунта общей мощностью до 3,2 м в толще древней дневной поверхности было обнаружено несколько печей, выше которых располагались подбойные могилы и склепы. В разделе отчета, написанном С.Ф. Стржелецким [Веймарн, 1952. - С. 94 и сл.], они интерпретированы как таврские гончарные печи; при этом указывалось, что там не найдено никаких фрагментов бракованной продукции, обоженной керамики или шлака. Печи сохранились фрагментированно, в плане они округлой или неправильной формы с диаметром до 2,5 м и даже немного более. В печах зафиксировано 2-4 последовательно устроенных пода, иногда с каменными вымостками с глиняной обмазкой; в печах, кроме того, наблюдались тонкие прослойки золы по 10 - 30 мм каждая. По незначительным обломкам керамики, по видимому, из слоя разрушения и из заполнения печей (в том числе и между подами), С.Ф. Стржелецкий датировал все печи X - VIII вв. до н.э., связывая их с таврским поселением на этом месте [Веймарн, 1952. - С. 100].

Однако участвовавший в этих раскопках Е.Н. Жеребцов отметил, что среди находок в печах были найдены и единичные фрагменты сосудов черняховского облика и обломок бронзового браслета с утолщенными краями, аналогичные предметам из раскопок могильника Совхоз-10, расположенного неподалеку. (Эти предметы в Отчете о раскопках на склоне «Сахарной головки» не указаны). На основании своих наблюдений Е.Н. Жеребцов и предположил, что печи, о которых идет речь, были именно кремационными печами (его устное сообщение). Если Е.Н. Жеребцов прав, и перед нами действительно печи для сжигания погребенных (а эта идея принадлежит ему), то, вероятно, они имеют отношение именно к могильнику Совхоз-10, изобилующим трупосожжениями. Кроме того, они стратиграфически и хронологически предшествуют двум основным ярусам погребений на склонах горы «Сахарная головка» (подбои и склепы) и где, кстати, не обнаружено ни одного трупосожжения. Настораживает, что аналогии подобным печам, в том числе и в Крыму, не известны и, таким образом, вопрос о том, были ли они производственными печами, но только не таврского, а позднеантичного времени, остается открытым.

Чаще всего все трупосожжения делят на урновые и безурновые, т.е. по способу помещения останков в могильные ямы, которые достаточно разнообразны (См.: Табл. 10). Если за основу классификации взять характер устройства погребального сооружения, то она приобретет другой вид (Табл. 11). Если сопоставить эти

Таблица 7. Ориентация умерших в некрополе «Совхоз-10» по количеству и в процентах (по Стржелецкому, Высотской, Рыжовой, Жестковой, 2003-2004)

Дата	ЮВ	В	ВЮВ	ЮЗ	Ю	ЗЮЗ	С	СЗ	СВ	Всего
	Количество костяков по векам									
I в.	4							1		5
I-II вв.	15							1	1	17
II в.	15		1		1	1	1	1	3	23
II-III вв.	18		1					2	1	22
III в.	45		2		1			3	1	52
III-IV вв.	16			1						17
IV в.	49	2						1	2	54
IV-V вв.	5								1	6
Дата неизв.	36	1			1		1	5		44
Всего	203	3	4	1	3	1	2	14	9	240
В %	85	1,25	1,6	0,4	1,25	0,4	0,8	5,8	3,7	1
Горловины амфор	16							3		19

две системы классификации, то типы трупосожжений, как нам представляется, нужно выделять по характеру устройства погребального сооружения, а варианты - по способу помещения праха в могиле (рис. 42).

Здесь уместно будет подчеркнуть еще раз следующее. Вся работа по сопоставлению и анализу материала изначально была построена таким образом, чтобы в итоге основную содержательную часть можно было бы представить в графической форме (схемы, таблицы и рисунки, логически связанные друг с другом и с текстом). При этом словесное описание становится возможным свести до минимума, оно, таким образом, только лишь дополняет и поясняет графическую часть работы.

В данном случае описание типов и вариантов трупосожжений выглядит следующим образом (рис. 42; Табл. 11; 12).

Тип I. ***Грунтовые ямы, засыпанные землей.***

Варианты.

А. Жженые кости компактно помещаются в небольшую ямку.

Б. Одиночные урны располагаются в небольших ямках.

В. Несколько десятков урн, уложенных рядами в большой яме.

Тип II. ***Грунтовые прямоугольные ямы (могилы).***

А. Жженые кости без урны.

Б. Одиночные урны.

Тип III. ***Жженые кости в грунтовой могиле с заплечиками.***

Тип IV. ***Подбойные могилы с поставленными в них урнами.***

В могилах могли находится как одиночные урны (Вар. Б), так и скопление урн (Вар. В).

Тип V. ***Сожжения в ямах, перекрытых камнями.***

Представлены тремя вариантами.

А. Жженые кости без урны.

Б. Одиночные урны.

В. В могильной яме несколько урн.

Тип VI. ***В неглубоких ямах расположены урны, обложенные камнями.***

Встречаются как одиночные урны (Вар. Б), так и скопление урн (Вар. В).

Тип VII. ***Могилы, обложенные плитами.***

Варианты самые разнообразные.

А. Жженые кости в могиле.

Б. Урна, поставленная в небольшой каменный ящик: 1) в роли погребальных урн используются различные сосуды; 2) погребальные урны - каменные саркофаги (оссуарии).

В. В плитовых могилах (каменных ящиках) могли находиться: 1) несколько урн - сосудов для праха; 2) урны - сосуды и оссуарии помещались вместе; 3) в каменных ящиках - несколько оссуариев; 4) большие каменные ящики заполнены разнообразными сосудами и оссуариями с прахом.

К этому типу погребений нужно отнести и оссуарии, поставленные в грунтовую яму, не обложенную камнем. Погребения с оссуариями характерны для могильника Совхоз-10 (рис. 33; 34). Хотя оссуарии и сделаны из местного известняка, но они не встречаются больше нигде в Юго-Западном Крыму, кроме этого могильника. Однако оссуарии известны в могильниках Паннонии [См.: Зубарь, 1994. - С. 125 - Примечание]. Каким образом в среде варваров, оставивших могильник Совхоз-10, оказались представители позднеантичного населения, помещавшие прах умерших в оссуариях? Только, вероятно, в том случае, если они были частью высшего социального слоя, – например, офицерами, командовавшими варварами-федератами у границ Херсонеса. Отметим также, что одна из подбойных могил (№ 87) на этом же некрополе, кроме трупосожжения в амфоре, помещенного в подбое, имела также захоронение ребенка в основной могильной яме, совершенное по обряду трупосожжения. Если же говорить в целом о могильнике «Совхоз-10», то отметим его уникальный характер.

Остальные типы и варианты трупосожжений, как

мы уже отмечали, характерны для прочих крымских биритуальных могильников. Основная масса их датируется первой половиной V в. (См.: Табл. 12). В целом, обряд захоронений с трупосожжениями напоминает по-

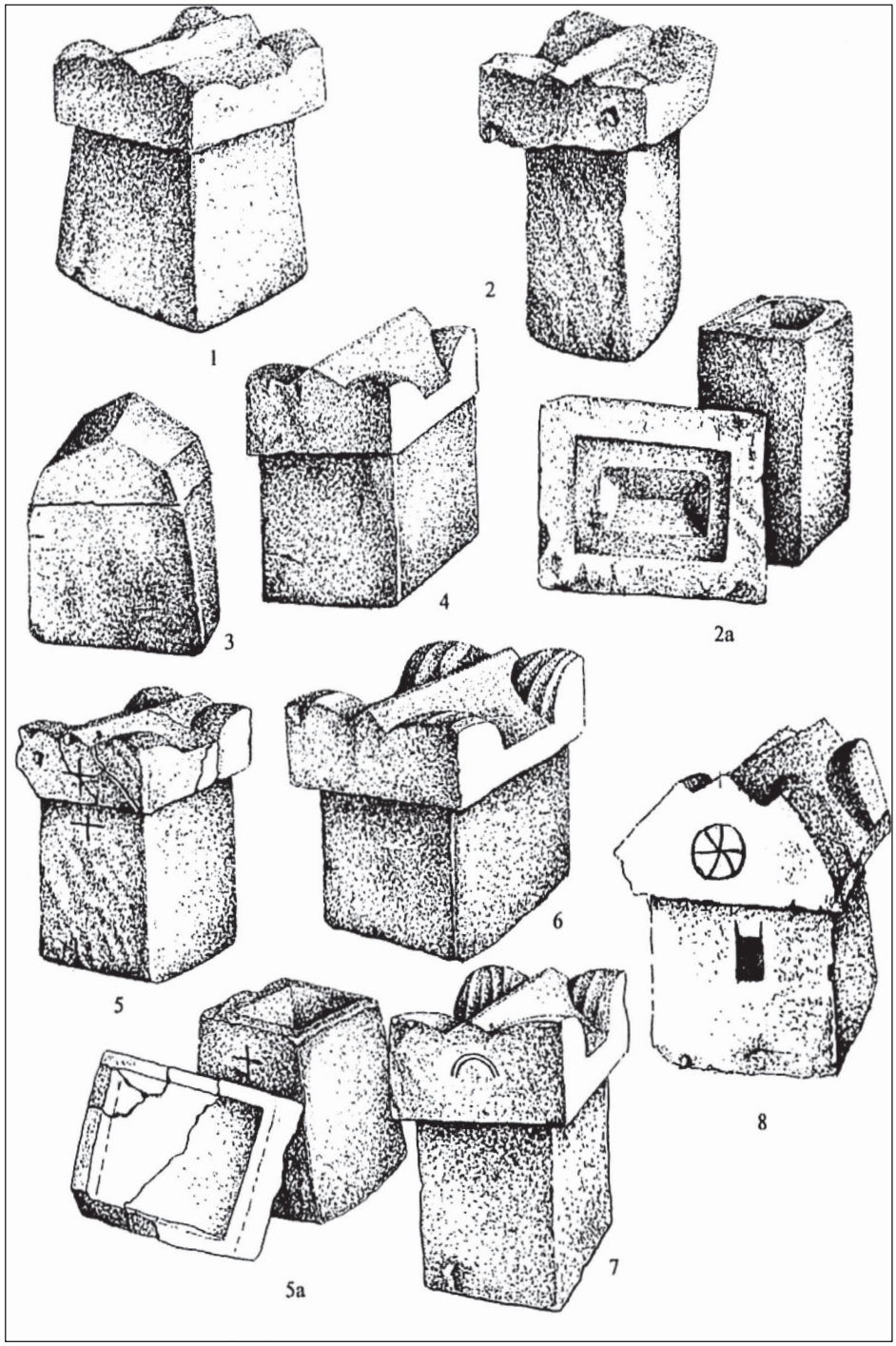


Рис. 34. Типы оссуариев некрополя “Совхоз-10” (по Стржелецкому, Высотской, Рыжовой, Жестковой, 2003-2004).

добные в могильниках вельбарской, пшеворской, черняховской, и других, преимущественно германских по составу, культур, что не вызывает, похоже, у исследователей сомнений [Айбабин, 1987. - С. 188; 1990. - С. 66; Мыц, 1987. - С. 160. - Там же см. ссылки на литературу; Пиоро, 1999. – С. 231-233] в их германской принадлежности. Однако полных аналогий оказалось до сих пор найти невозможно. В связи с этим М. Казанский обратил внимание на погребения римского времени в Южной и Средней Норвегии - наиболее близкие, по его мнению, к южно-крымским [Казанский, 1997. - С. 51]. Кстати, и В.В. Лавров, рассматривая письменные источники о германцах в Северном Причерноморье, писал о выходцах из Скандинавии [Лавров, 1997. - С. 11-12].

Остается присоединиться к высказанным предположениям и считать, что какая-то часть варваров-переселенцев могла принести свои погребальные традиции из Южной Скандинавии и Северной Германии в Горный Крым, несколько видоизменив их уже здесь, на новом месте поселения.

3.2.5. КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОГРЕБЕНИЙ. ЛЕПНАЯ ПОСУДА.

Керамика из всех трех территориальных групп могильников очень разнообразна и довольно многочисленна. Так, в десяти наполовину раскопанных и, как правило, ограбленных некрополях, было найдено более 400 сосудов. Это: амфоры, вазы, блюда, миски, чашки, кувшины, горшки, кубки. Из них посуда, сделанная на гончарном круге составляет более двух третей от общего количества сосудов (Табл. 13).

Эта, предварительная типология, в достаточной степени условна - разные авторы по-разному именуют сосуды; это относится как к посуде открытого типа, так и закрытого. К тому же, в таблице (Табл. 13) учтены только находки из комплексов, опубликованных сравнительно давно, однако эта выборка, как почти случайная, показательна. Кроме того, самой важной, этнически показательной части керамического комплекса могильников - лепной посуде,

будет еще посвящен специальный раздел работы. Здесь же пока следует сказать, что среди сосудов открытого типа (блюда, миски и чашки) преобладает гончарная керамика; лепных кувшинов примерно в два раза меньше, чем гончарных, горшков же, наоборот, лепных в пять раз больше, чем гончарных.

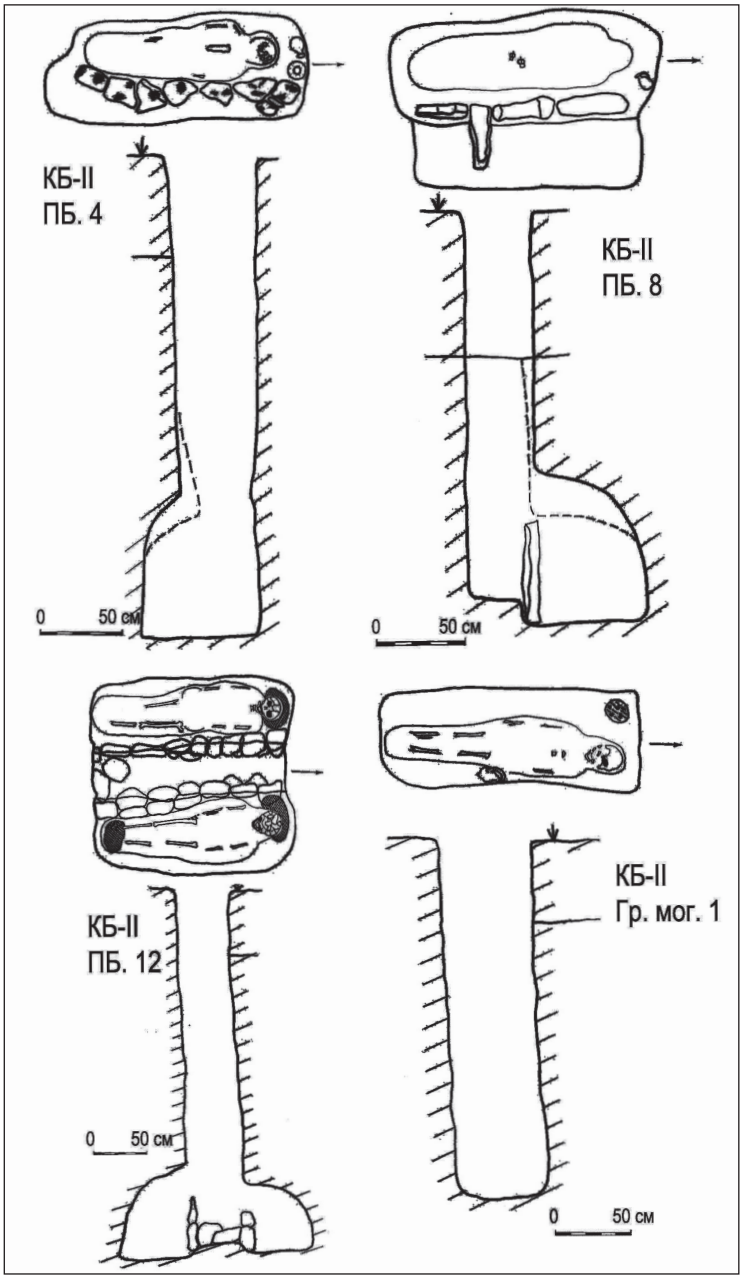


Рис. 35. Подбойные и простая грунтовая могилы некрополя Карши-Баир.

По соотношению гончарной и лепной керамики выделяются три могильника. Это: Нейзац, Озерное-III, Скалистое - в них соответственно - 45, 55,9, 69,7 % % лепной керамики от общего числа сосудов. Гончарная посуда, вероятно, почти вся импортная, привезена из античных центров Причерноморья; большей частью, несомненно, из Херсонеса. Об этом обстоятельстве косвенным образом говорит и тот факт, что в могильниках, которые расположены ближе к Херсону, увеличивается и процент гончарной посуды.

Это не относится к посуде т.н. «черняховского» типа - горшкам, кувшинам и вазам из серой глины [Ср., напр.: Магомедов, 1999. – Рис. 1-4]. Эта группа материала послужила одним из основанием выделения этнокультурных групп в Северном Причерноморье (См.: рис. 43). Почти вся она найдена в могильнике Совхоз-10 (рис. 56-58) [См.: Юрочкин, 1996. - Рис. 13. А, № 1-4, 6-9; Б, № 3,5,8,9,10; В: 1,3,5,8]. Другие находки этого типа сосудов обнаружены в могильниках на Черной речке, Хараксе, Озерном-III и в Инкермане [Подр. см.: Юрочкин, 1999; Пиоро, 1999. – Рис. 2, 3, 4, 1-7] (рис. 44-47). Есть они и в погребальных комплексах Краснозорьиского некрополя (склеп № 22, могила 37) (рис. 61) [Неневоля, Волошинов, 2001. – Рис. 5, 1; 6; 7, 2], интересные коллекции происходят из раскопок некрополей Красный Мак (рис. 62), Чатыр-Даг (рис. 63), Лучистое (рис.64), Карши-Баир (рис. 65). Больше всего такой посуды в могильнике Дружное (См. напр.: рис. 66, 67). Как представляется, керамика этого типа могла появиться в Крыму не только вследствие экономических контактов с населением черняховской культуры [Симонович, 1975. - С. 186], но, прежде всего контактов этнокультурных, в том числе и в результате единовременной миграции [Пиоро, 1999. – С. 234] (около середины IV в.), хотя носители этой культуры были относительно немногочисленны [См.: Юрочкин, 1999. – С. 266]. Характер глиняного теста позволил утверждать В.Ю. Юрочкину о его местном производстве в подражание черняховским прототипам [Юрочкин, 2003. – С. 208].

Что же касается достаточно многочисленных находок краснолаковой посуды, то она, не являясь свидетельством этнических связей, тем не менее, образует своеобразный культурный «фон». Она широко употреблялась варварами, как в быту, так и в погребальных обрядах. Как показали исследования последних лет, многие формы этой посуды производились в Херсонесе, о чем красноречиво говорят находки там бракованных сосудов [Золотарев, Коробков, Ушаков, 1997. – С. 18-22; Ушаков, 1997. – С. 120-123; 2004. – С. 285-296; 2005. – С. 61-74]. Это позволило, в свою очередь, говорить об этой группе сосудов как о херсонесской sigillat'e [См.: Zhuravlev, 2000. – P. 155].

Лепная керамика из погребений.

Посуда, сделанная без применения гончарного круга (лепная), как уже неоднократно отмечалось, является одним из важнейших элементов материальной культу-

Таблица 8. Взаимовстречаемость типов склепов в могильниках

Тип	Вариант	№№ склепов										
		Красный Мак	Нейзац	Озерное	Инкерман	Ч.р.	Совхоз 10	Килен-балка	С.Г.	Скалистое	Дата	Количество
I	1	8		3,1	1,3	5/88, 4/88, 77, 40	10, 14(13), 17(12), 20(17)			101,190, 195,390, 449,457, 465,485	Конец IV - п/п. VI вв.	22
	2				2					439,447	2 пол. IV в.	3
	3		1,3								п/п. IV в.	3
	4а						3					1
	46						2					2
	4в											1
	4г					6/88					п/п. IV в.	1
II	1		4			4(а), 2/88	13(19), 19(16), 1X10, 1967, 11(15), 12(14), 18(20)	2/71, 1/714/91	3.5		п/п. IV в.	15
	2		5			5(6)					2 п. IV- п/п. V вв.	2
	3					1						1
III	1							1/91,2/91			2 п. III-п/п. V вв.	2
	2							3/71			2 п. III-п/п. IV вв.	1
Всего склепов		**1**	**4**	**2**	**4**	**9**	**12**	**6**	**2**	**11**		**54**

ры, в которых «зашифрована» информация об этносе ее изготовителей. К сожалению, такая керамика из могильников Юго-Западного Крыма в настоящее время не только не изучена в достаточной степени, но и даже не вся опубликована. В качестве предварительного «фона» отметим, что лепной посуды достаточно много было зафиксировано еще на считавшихся когда-то «позднескифскими» (рис. 48) могильниках. Они были учтены в свое время О.Д. Дашевской (См.: рис. 49-51).

Полномасштабное специальное ее изучение в целом - задача будущего, наша цель значительно скромнее: опираясь на существующие датировки погребений из крымских некрополей, представить типы и варианты лепной посуды III - VI вв., что позволило бы судить и об этносе их изготовителей. Предварительно, в порядке постановки проблемы такая работа автором уже была проведена [Ушаков, 1998].

Чтобы разгрузить основной текст, не буду описывать незначительные детали морфологии сосудов, и указывать их размеры. За основу типологии можно принят общий «зрительный» образ (модель) сосудов, построенный именно на их визуальном восприятии. Критерии их типологии и классификации содержатся в самой системе описания, при этом обращается внимание на соотношение основных частей сосудов – тулова, горла и поддона, характер оформления закраин, места прикрепления и формы ручек, орнамент. Можно заметить, что при этом все сосуды до сведения их в итоговые таблицы

Таблица 9. Датировка погребальных сооружений

Дата		III в.		IV в.		V в.		VI в.		Всего датир.	Всего
Типы погр. сооружений	Могильники	п/п	2/п	п/п	2/п	п/п	2/п	п/п	2/п		
I. Склепы	Нейзац			2						2	6
	Озерное III			1	2					3	3
	Инкерман			1	2	1				4	8
	Черноречье		1		4			5		10	13
	Скалистое					4	1	5		10	12
	Сахарная головка							1		1	1
Всего			1	4	8	5	1	11		**30**	**43**
II. Подб. могилы	Озерное III			1						1	1
	Инкерман			6	5	1				12	25
	Черноречье		6	2	4	3	1			16	38
	Скалистое				1	1		3		5	5
	Сахарная головка				2?		3	2		7	7
Всего			6	9	12	5	4	5		31	76
III.Грунт. могилы	Озерное III			3						3	3
	Харакс										1
	Инкерман		1(ЗПл.)			1(ЗПл.)				3	17
	Черноречье							2		2	11
Всего			1(ЗПл.)	3		1(ЗПл.)		2		8	32
Итого			8	16	20	12	5	18		79	151

были вычерчены в одном масштабе, чтобы можно было определиться с их типологией. По мере необходимости, для сравнения, привлечены находки с сопредельных территорий - с Северо-Западного Причерноморья (черняховская культура), из Центральной и Юго-Восточной Европы (вельбаркская, фракийская культуры и т.д.), из Боспорского региона, Подонья и Северного Кавказа. В графических таблицах (рис. 52-54) сосуды выстроены в типологические и хронологические ряды. В первой таблице (рис. 52) показаны открытые сосуды, условно именуемые мисками (называемые в некоторых публикациях также блюдами, чашками и тарелками) без более дробной классификации; на этой же таблице помещены и горшки. Распространение сосудов с вертикальными ручками - (кувшины, кувшинчики и кружки) показано на отдельной таблице (рис. 53). Наконец, еще в одну таблицу (рис. 54) сведены двух - и трехручные вазы и сосуды (кувшины) с зооморфными ручками.

Конкретные места находок всех учтенных сосудов отмечены в подписях к графическим таблицам. Дата, которая там указана - это дата погребального комплекса; там же имеется точная ссылка на литературу, откуда

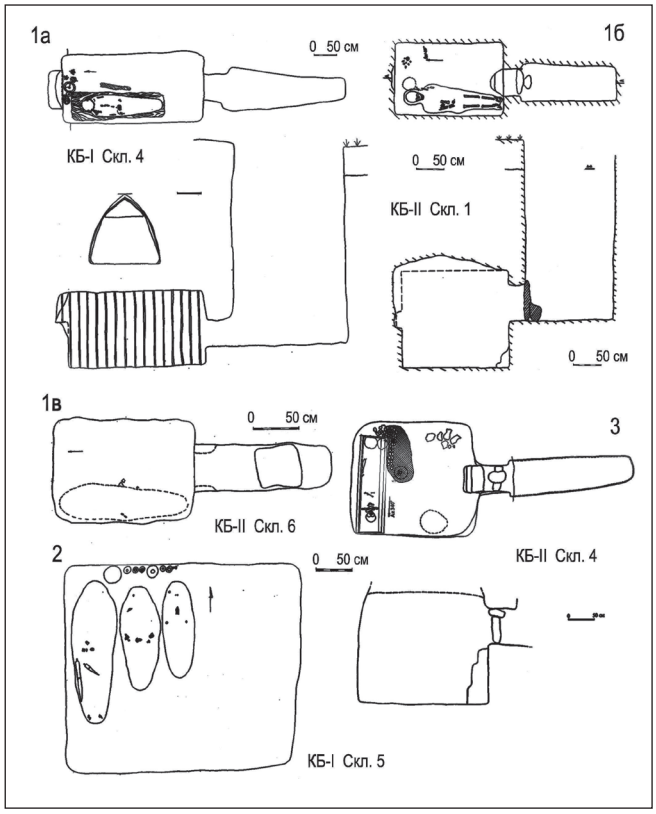


Рис. 36. Типы склепов некрополя Карши-Баир.

взято то или иное изображение сосуда. Наконец, в специальной таблице дополнительно показано распространение (взаимовстречаемость) всех описанных типов

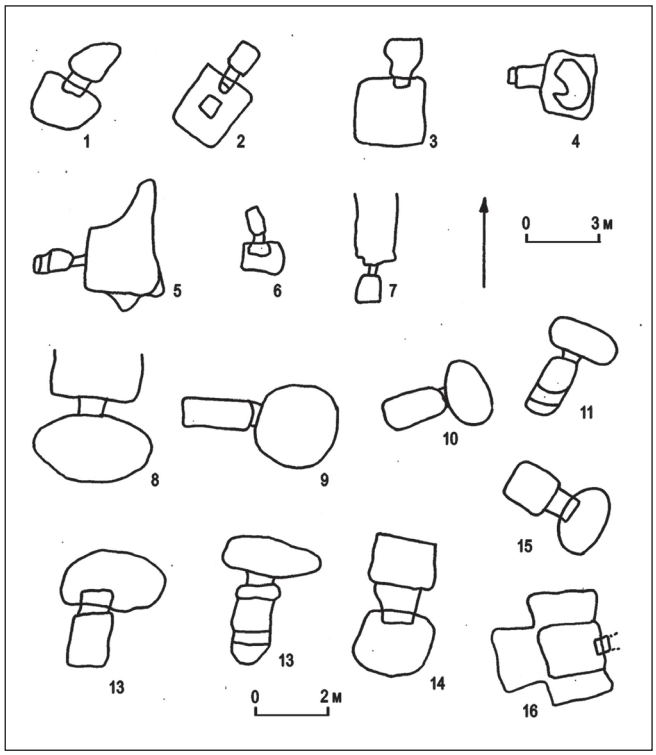


Рис. 37. Некоторые типы склепов Херсонеса Таврического. 1-15 - по Зубарю, 1982; 16 - склеп в Карантинной балке (по Ушакову, 1993).

лепной керамики по конкретным погребениям могильников с указанием количества найденных экземпляров сосудов и датами комплексов (См.: Табл. 14). Это сделано для удобства последующего оперирования находками и «прозрачности» описания и выводов. Таким образом, описание, графические таблицы керамики, подписи к этим таблицам и сама таблица взаимовстречаемости дополняют друг друга и могут быть показательны только в комплексе.

Итак, словесное описание лепной керамики, выполненное по материалам опубликованных раскопок, выглядят следующим образом. (См.: Рис. 52-55; Табл. 14).

I. Миски (рис. 52, 1А, 1-8) многочисленных вариан-

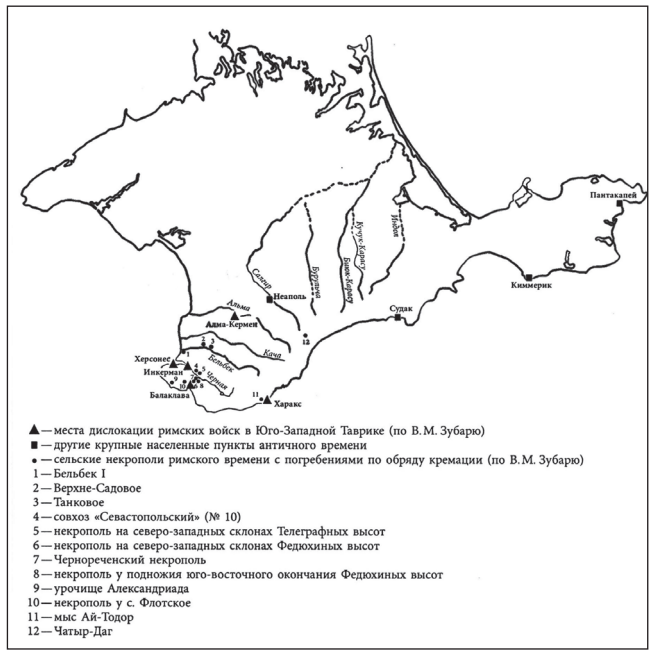


Рис. 38. Некрополи римского времени с погребениями по обряду кремации (по Мыцу, Лысенко, Щукину, Шарову, 2006).

тов. (№№ в тексте совпадают с номерами в таблицах).

1А. Глубокая тонкостенная миска с округлыми стенками, слегка загнутым краем, на кольцевом поддоне.

1. Тонкостенные, высокие, с плоским дном, плавно переходящим в наклонную стенку.

2. С более толстыми стенками, высота их ниже, дно плоское.

3. С наклонными тонкими стенками, в месте перехода от стенки к плоскому дну имеется заметный выступ.

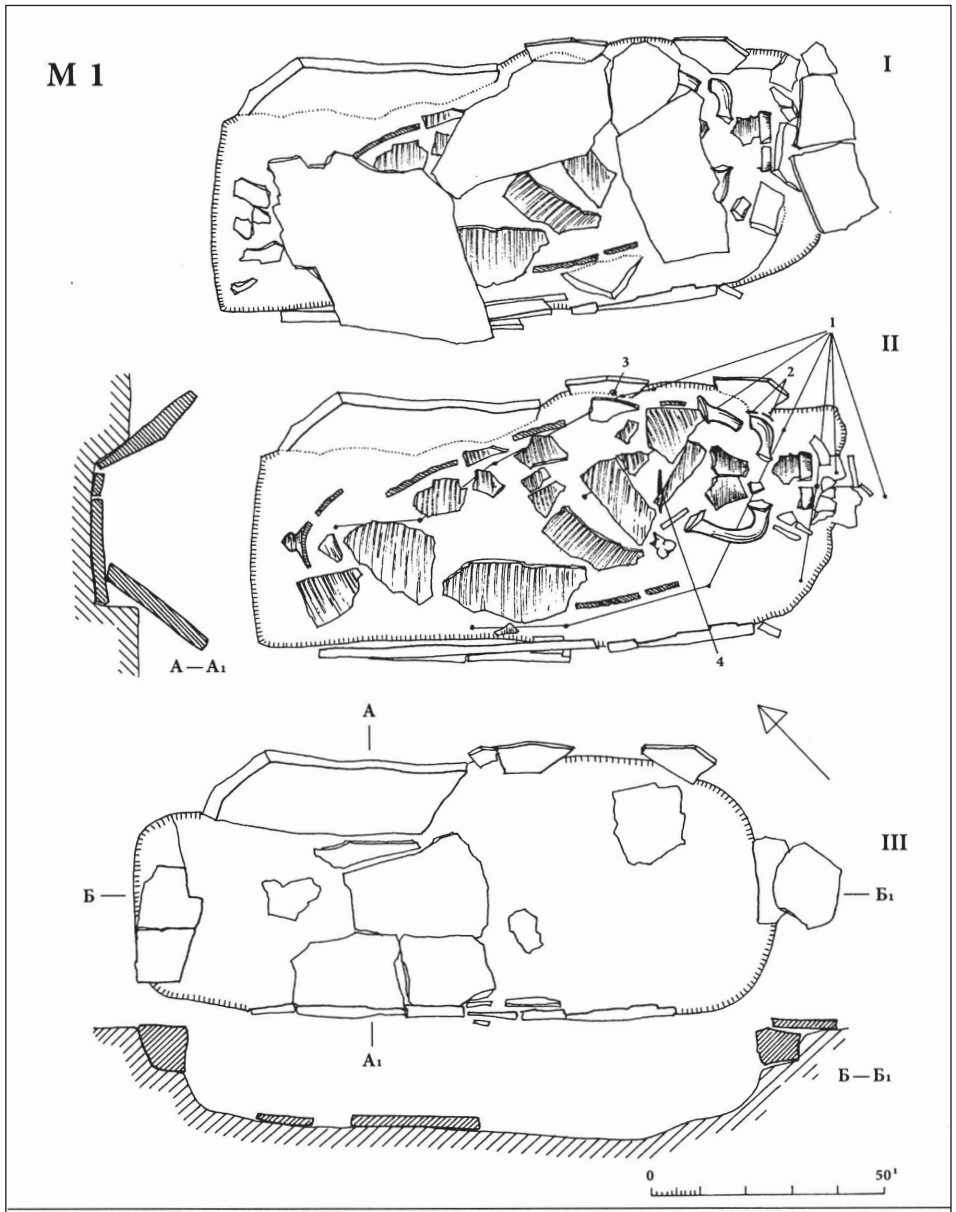
4. Меньшего размера, стенки расположены почти вертикально, край слегка отогнут, дно - плоское.

5. Высокие, с наклонными (от плоского дна), а затем почти вертикальными стенками, закраина может слабо отгибаться.

6. Низкие, как бы уплощенные, с плоским дном, плавно переходящим в почти вертикально расположенные стенки. К закраине прикрепляются горизонтально отогнутые подтреугольные в плане ручки, их может быть как 2, так и 3 (№ 6А).

7. Высокие (высота равна или больше диаметра сосудов), тонкостенные, с утолщенным дном и почти вертикальными стенками.

8. Равной или меньшей высоты тонкостенные сосуды, приближающиеся по своим пропорциям к стаканам, с уплощенным дном небольшого диаметра.



I — план могилы на момент ее обнаружения;
II — план могилы после удаления плит перекрытия;
III — план могилы после разборки заполнения;
1 — медные монеты;
2 — обломки бронзового браслета;
3 — бронзовый перстень;
4 — нож;
5 — краснолаковая чашка.

Рис. 39. Могила 1 некрополя Чатыр-Даг (по Мыцу, Лысенко, Щукину, Шарову, 2006).

II. Горшки (рис. 52) трех вариантов.

1. Шаровидное тулово, верхняя часть сосуда слегка вытянута, с почти вертикально расположенной закраиной. Плоское дно. Почти посередине тулова расположены три налепные ручки-держаки (рис. 52, 13, 14). По облику напоминают дакийские сосуды.

2. Шаровидное тулово, со слегка отогнутой воротникообразной закраиной (рис. 52, 15).

3. Вытянутое удлиненное тулово, расширяющееся кверху, плоское дно (рис. 52, 16).

Аналогичные по форме сосуды связаны с кругом пшеворских древностей [Баран, 1981. - Тип L XXIV. - Рис. 12,13].

III. Кувшины (Рис. 53) четырех групп с вариантами.

Группа 1. Небольшие кувшины. Четыре варианта.

1. Шаровидное, слегка сужающееся книзу тулово, плоское дно, как правило, круглая в сечении ручка, широкое горло. Этот тип сосудов иногда называют кружками или кубками. Можно разделить на четыре подварианта: А) слегка отогнутая закраина, небольшая петлевидная ручка прикреплена «не под самое горло» (рис. 53, 1); Б) горло и верхняя часть тулова украшены врезным орнаментом чередующихся волнистых и прямых линий (рис. 53, 2); В) петлевидная ручка прикреплена к закраине, венчик почти прямой или слегка отогнут (рис. 53, 3, 4, 5, 6, 7 - с выделенным поддоном); Г) высота сосуда меньше его ширины, горло слабо выделено (рис. 53, 8). Подвариантом можно считать сосуд совсем небольшого размера (рис. 53, 9).

2. Шаровидное тулово, плоское дно, четко выделенное сравнительно узкое прямое горло, петлевидная ручка прикреплена под венчиком (рис. 53, 10). На тулове - врезной орнамент из вертикальных линий.

3. Плоское дно, шаровидное тулово, сужающееся кверху, выделенное сравнительно небольшое прямое горло, петлевидная ручка, прикрепленная под венчиком (рис. 53, 11).

4. Яйцевидное, выделенное тулово, высокое узкое горло, петлевидная ручка, прикрепленная к краю венчика. Два подварианта: А) плоское дно (рис. 53, 13); Б) кольцевой поддон (рис. 53, 14).

Группа 2. Кувшины «средних размеров». Три варианта: 5) вытянутое, стройное тулово, четко выделенное,

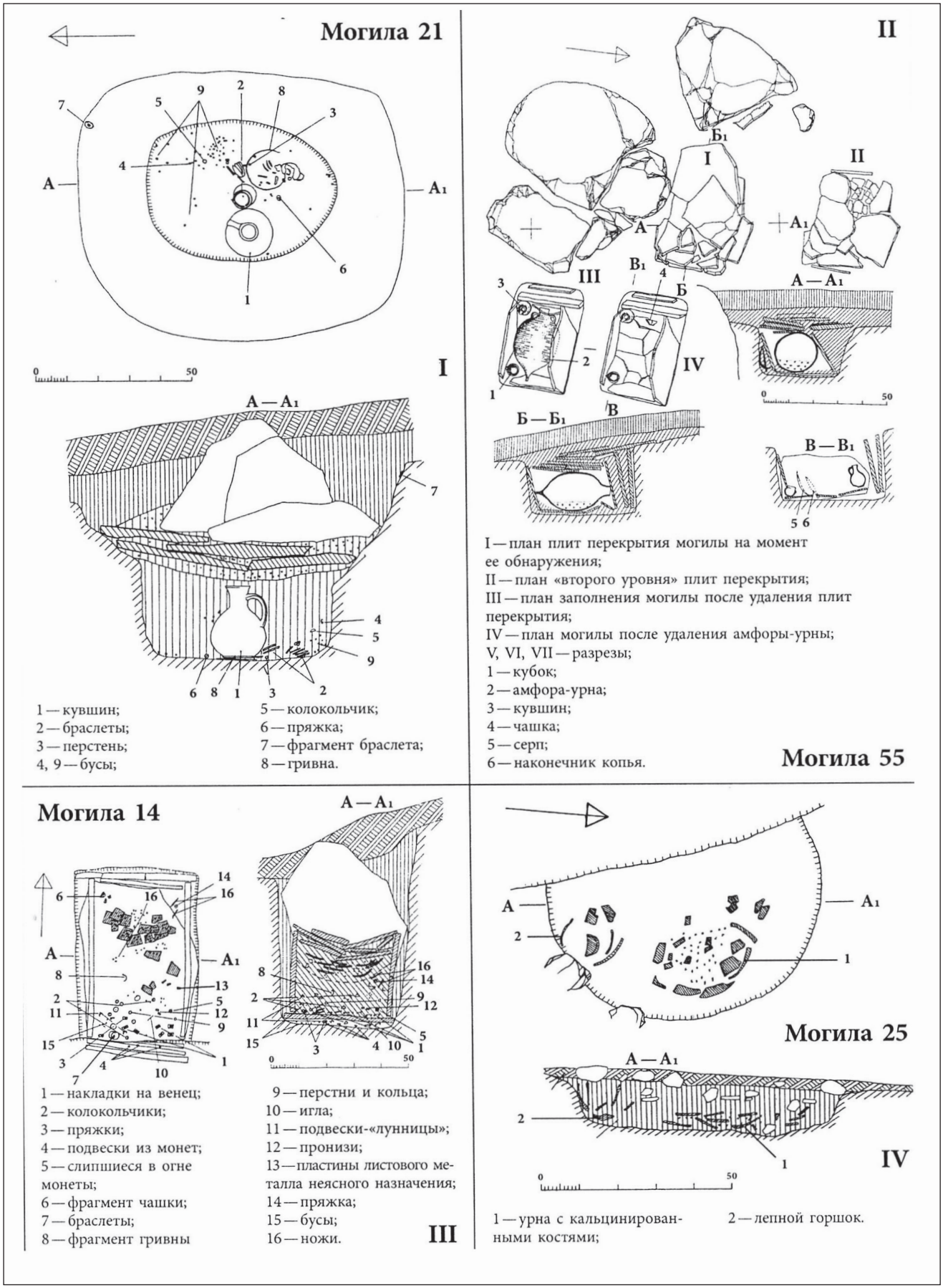


Рис. 40. Типы трупосожжений (I-IV) некрополя Чатыр-Даг (по Мыцу, Лысенко, Щукину, Шарову, 2006).

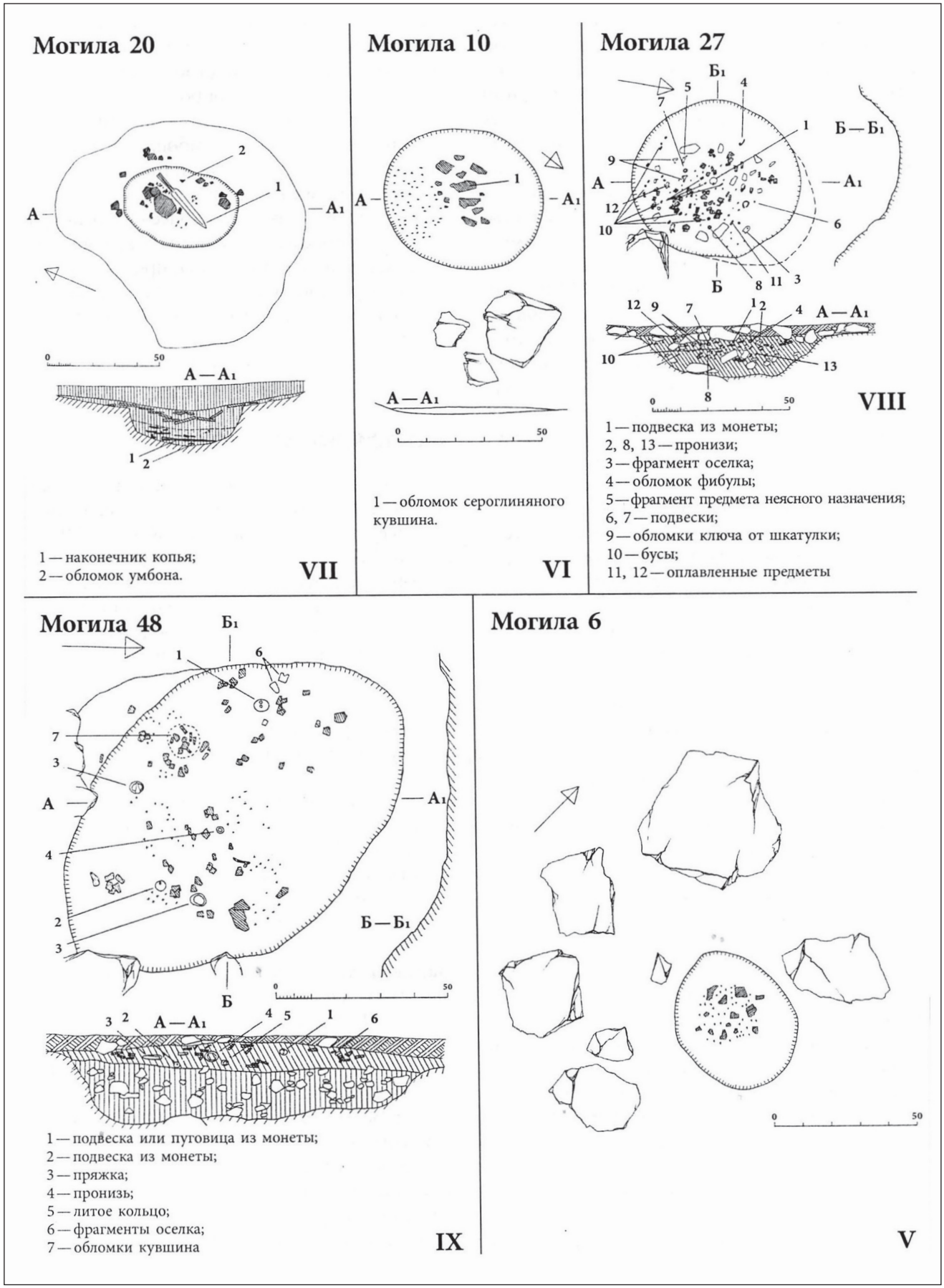


Рис. 41. Типы трупосожжений (V-IX) некрополя Чатыр-Даг (по Мыцу, Лысенко, Щукину, Шарову, 2006).

Таблица 10

Классификация трупосожжений по способу помещения праха в могилу

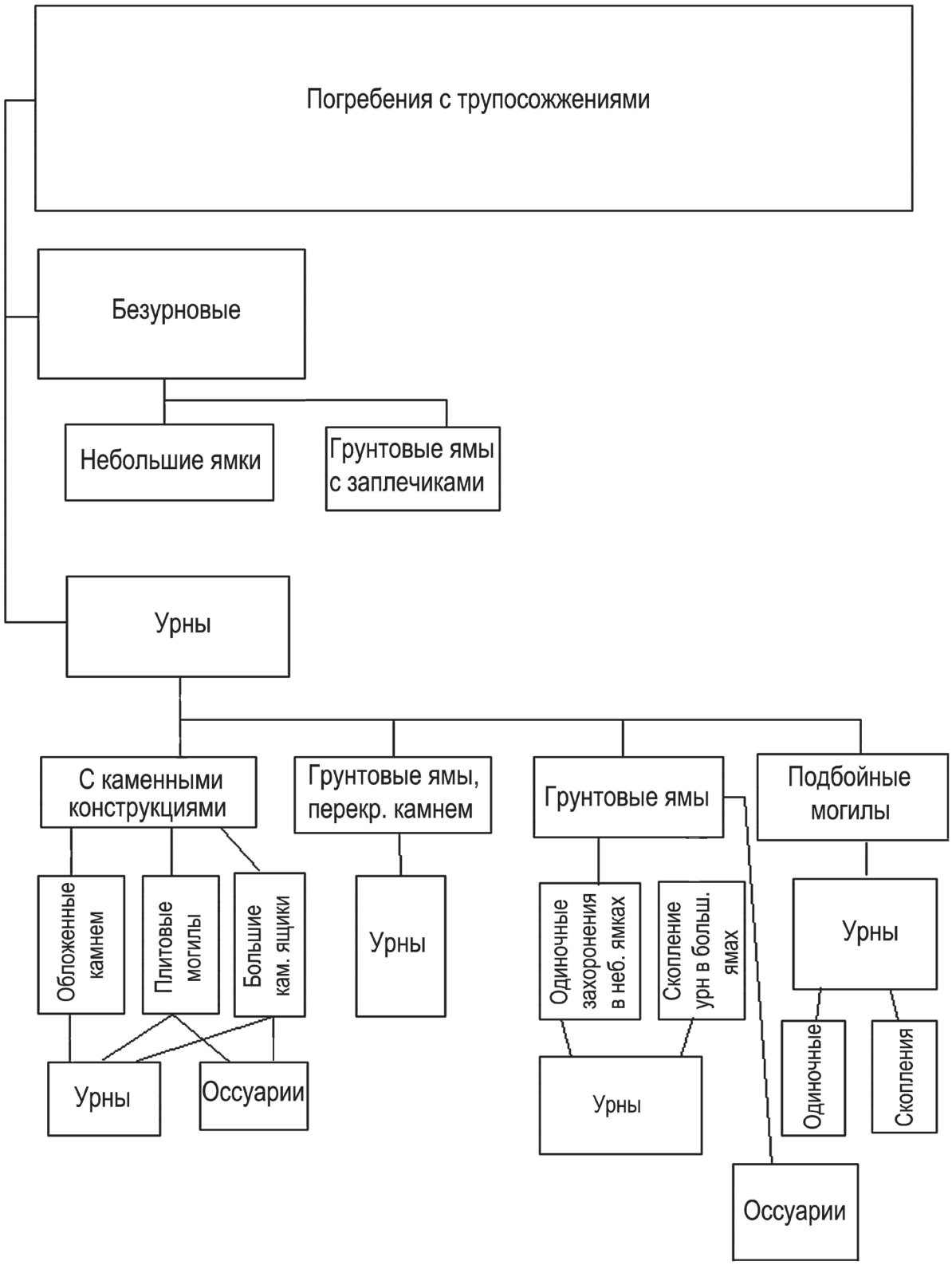
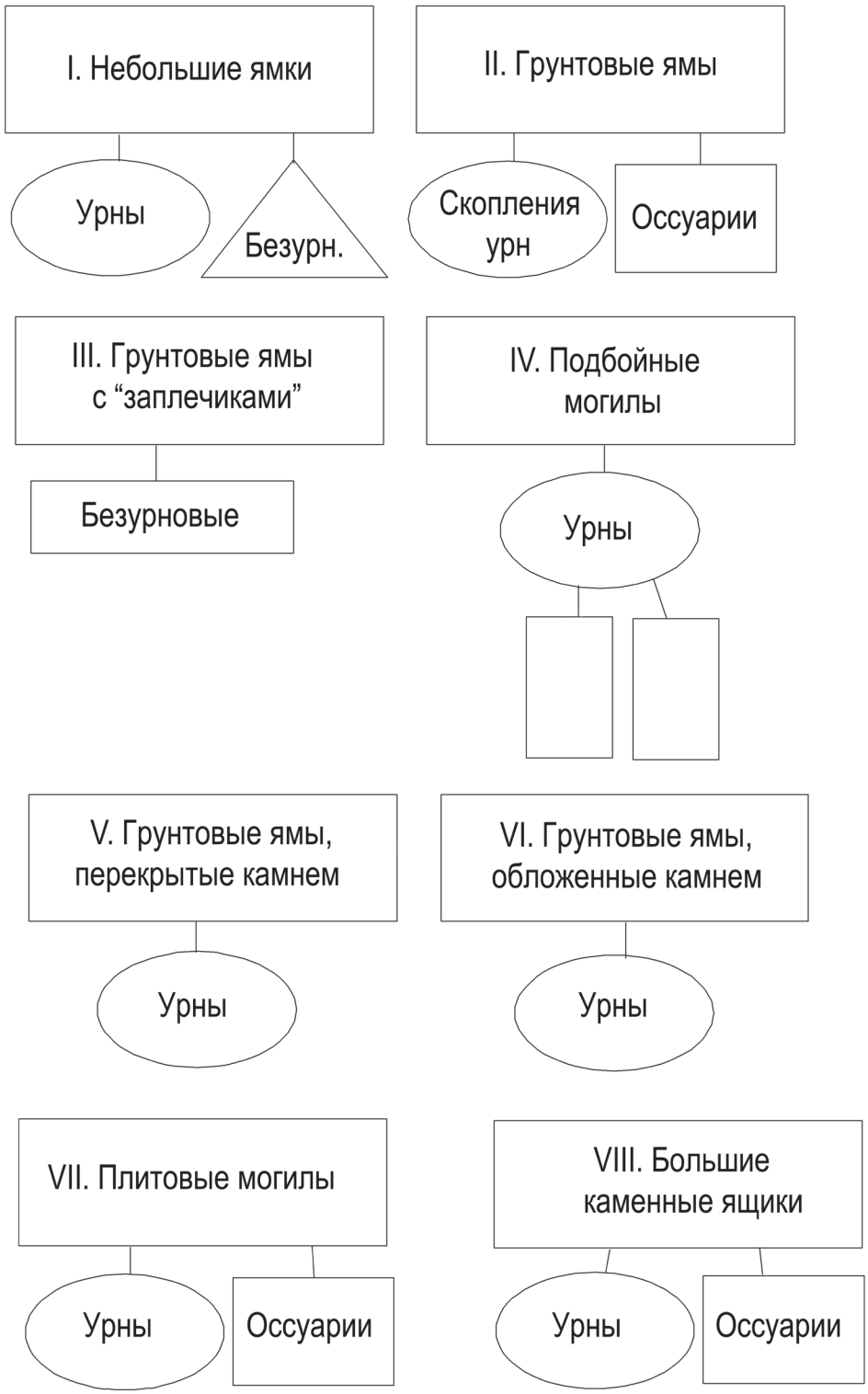


Таблица 11

Классификация трупоссожений по характеру погребального сооружения



почти прямое горло (рис. 53, 15); 6) сосуд более приземистых очертаний, у него сравнительно широкое горло, слегка отогнутая закраина, ручка верхним прилепом прикреплена посередине горла, резко «падает» вниз к месту наиболее широкой части тулова (рис. 53, 16); 7) слегка отогнутый край венца, прямое горло, тулово, довольно резко сужающееся книзу от середины. Ручка прикреплена от середины горла к тулову в его наиболее широкой части (рис. 53, 17).

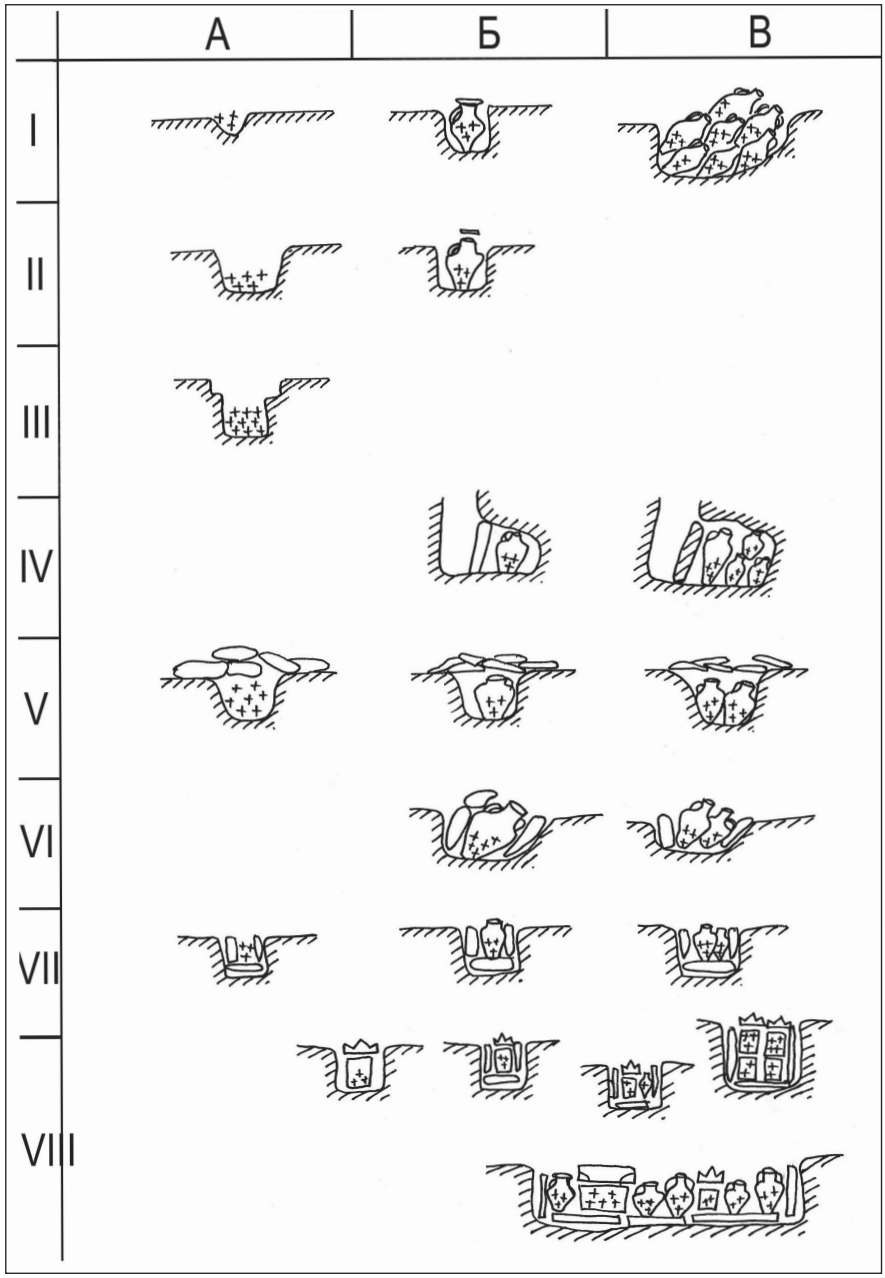


Рис. 42. Типы и варианты трупосожжений из могильников Юго-Западного Крыма (по Ушакову, 1998). I-VIII – типы; А-В – варианты.

Группа 3. «Большие» кувшины. Вариантов можно выделить два: 8) плоское дно, широкое биконическое тулово, короткое, слегка отогнутое горло, небольшая, круглая в сечении ручка (Рис. 53, 18); 9) плоское дно, вытянутое яйцевидное тулово, сравнительно широкое, почти прямое горло, маленькая петлевидная ручка (рис. 53, 19).

Кроме этих сосудов, упомянем отдельно еще три находки.

1. Кувшинчик-кружка на кольцевом поддоне с шаровидным туловом, широким горлом, слегка отогнутой закраиной, петлевидной ручкой с выступом в верхней части, имитирующим голову животного (рис. 54, 1).

2. Кувшинчик с биконическим туловом, тонким дном, прямым, слабо выделенным горлом и ручкой в виде животного (рис. 54, 2).

3. Ручка кувшинчика в виде животного (рис. 54, 3).

Наконец, еще один тип сосудов, выделяемый, правда, достаточно условно.

IV. «Вазы», напоминающие по форме горшки. С 2 или 3 уплощенными или овальными ручками.

1. Небольшой по размерам сосуд. Имеет плоское дно, наклонные стенки, диаметр закраины превышает высоту. Две небольшие петлевидные ручки (рис. 54, 4).

2. Большие по размерам сосуды. Для них характерны плоское дно, биконическое тулово, высокий, в виде стоячего воротничка «венчик». Они могут быть: а) двуручные (Рис. 54, 5), б) трехручные (рис. 54, 6).

Еще большее многообразие форм лепных сосудов мы наблюдаем в могильнике Совхоз-10. Основные типы сосудов следующие: I) миски, тарелки, блюда (рис. 55, 1-4); II) горшки (рис. 55, 5-10, 24); III) Кружки и небольшие кувшинчики (рис. 55, 11-15, 17); IV) кувшины (рис. 55, 16, 18-23). Авторы последней публикации материалов этого некрополя [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004] разделили лепную посуду на две большие группы, к первой отнесли сосуды различного назначения, а ко второй – погребальные урны.

В ***первой группе*** они выделили **Тип I – миски** трех вариантов: 1 – конические неглубокие (рис. 56, 3, 4), 2 – полусферической формы (рис. 56, 5-7), 3 – конической формы с немного отогнутым венчиком (Рис. 56, 8, 9, 11). **Тип II** представлен **блюдами** (рис. 56, 10), **Тип III – солонками** (рис. 56, 12, 13 – с ритуальными изображениями, в том числе свастики, растения, животных), **Тип IV – кружками** конической или усеченно-

Таблица 12. Типы и варианты трупосожжений (распределение датированных комплексов по могильникам)

Типы		I			II		III	IV		V			VI		VII			Дата				
		Варианты																				
Могильник	№ погр.	А	Б	В	А	Б		Б	В	А	Б	В	Б	В	А	Б	В	IIIв.	IV в.		V в.	
Бельбек 1	14				+													+				
	15				+													+				
	21				+													+				
Чатырдаг	1															+			+			
	2															+			+			
	3															+			+	+		
	4														+				+			
Харакс	3		+																		+	
	8		+																		+	
	10									+												
	15										+										+	
	16							+														
	21	+																			+	
	22										+										+	
	24					+															+	
	25		+																		+	
	26					+															+	
	28		+																		+	
	29					+															+	
	33											+										
	9а,9б (1)													+								
Ч.Р.	3(11)												+							+		
	19(38)		+																			+
Совхоз-10				+																		
							+															
								+														
									+													
															+							
																+						
																	+					

конической формы (рис. 56, 21, 22). **Тип V – кубки** двух вариантов: 1 – небольшие сосуды с шаровидным туловом и небольшой петлевидной ручкой (рис. 56, 18), 2 – стаканоообразные с ручками (рис. 56, 19, 20); **Тип VI – горшки** без ручек четырех вариантов: 1 – тюльпановидной формы (рис. 56, 23), 2 – со слегка отогнутым венчиком, шаровидным туловом (рис. 56, 27) или слегка вытянутым (рис. 56, 24, 26), 3 – с плавным профилем (рис. 56, 28, 29), 4 – с высоким цилиндрическим горлом (рис. 56, 25); **Тип VII – горшки** с ручками (4 экзем-

Таблица 13. Типы керамики в могильниках

Могильник		Бельб. I		Н.		Оз.III		Ч. – Д.		Харакс		Инк.		Ч.р.		Сах. Головка		Скалист.		Килен-балка		**Всего**	
Типы сосудов[1]		Г	Л	Г	Л	Г	Л	Г	Л	Г	Л	Г	Л	Г	Л	Г	Л	Г	Л	Г	Л	Г	Л
Амфоры		6[2]		1		3		4		20		11		24		2				2		74	
		42,9[3]		3,4		7,9		43,7		28,6		17,7		17,0		66,6				3,0		100	
Вазы						1						1						1				3	
						2,6						1,6						3,0				0,7	
Блюда		3		8	6	2		1		2	1	13		8	1					12	1	46	8
		21,5		27,6	20,7	5,3		6,3		2,9	1,4	21		7,0	0,7					18,2	1,5	11,1	1,9
Миски						3	1			5	3	3		2	1			4	9	19		17	14
						7,9	2,6			7,1	4,3	4,8		1,4	0,7			12,1	27,3	28,8		4,1	3,4
Чашки				4		4		5	2	6	2			39	13				1	4		71	25
				13,8		10,5		31,3	12,5	8,6	2,9			27,7	9,2				3,0	6,1		15,5	6,0
Кувш.		2		1	1	4	6			13	2	5	6	34	3	1		4	1			9	46
		14,3		3,4	3,4	10,5	15,8			18,6	2,9	8,0	9,7	24,1	2,1	33,3		12,1	36,4	40,9	1,5	15,5	7,2
Горшки			3		6		14		1	5	11		2	3	9			4	1			9	46
			21,5		20,7		36,9		6,3	7,1	15,8		3,2	2,1	6,4			12,1	3,0			2,2	11,1
Кубки				2								1		1								4	
				6,9								1,6		0,7								1,0	
Кружки														3								3	
														2,1								0,7	
Итог	Кол	11	3	16	13	17	21	13	3	51	19	47	15	114	27	3		10	23	64	2	291	123
%		78,6	21,5	55	45	44,8	55,3	81,3	18,87	2,9	27,1	75,8	24,2	80,9	19,1	100		30,3	69,7	97	3	100	100

[1] Г – гончарная, Л – лепная.
[2] Количество.
[3] Проценты.

пляра) (рис. 57, 1-3). **Тип VIII** – это **кувшины** семи вариантов: 1 – с высоким, чуть расширенным кверху горлом, вытянутым туловом, массивной, квадратной в сечении ручкой и вогнутым дном (рис. 57, 4, 5); 2 – с невысоким, немного расширяющимся кверху туловом, овальной в сечении ручкой и плоским дном (рис. 57, 6-8); 3 – два кувшина с немного расширяющимся венчиком и сужающимся туловом (рис. 57, 9); 4 – тоже два сосуда с воронковидной горловиной (рис. 57, 10); 5 – небольшие кувшины с воронковидной горловиной и биконическим туловом (Рис. 57, 12, 13), в одном случае с каннелированным туловом (рис. 57, 11); 6 – с расширяющейся горловиной и валиком в нижней части горла (2 экземпляра) (рис. 57, 14); 7 – небольшой кувшин с цилиндрическим горлом, слегка отогнутым венчиком, почти шаровидным туловом и профилированной ручкой с отростком (рис. 57, 15) Представленные аналогии происходят с территории, занятой племенами черняховской культуры и, в большей степени, с Поволжья, Северного Кавказа и Боспора (сарматские племена), датируются они преимущественно III-IV вв. н.э. [Подр. см.: Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004. – С. 130-136].

Вторая группа лепных сосудов некрополя Совхоз-10. **Тип I – урны** для захоронения праха представлены двумя вариантами сосудов: 1 – четыре горшка без ручек (рис. 58, 1, 2); 2 – горшки со сферическим туловом, короткой шейкой и петлеобразной ручкой (рис. 57, 3, 4, 5); **Тип II – кувшины** авторы разделили на шесть вариантов: 1 – с раздутым и как бы сплюснутым в центре эллипсовидным туловом, плоским дном, расширяющейся горловиной, плоской или круглой в сечении ручкой (рис. 57, 6, 7); 2 – шаровидной формы с цилиндрическим, немного расширяющимся кверху горлом (рис. 57, 8); 3 – большие сосуды с короткой, чуть расширяющейся кверху горловиной и яйцевидным туловом (рис. 57, 9); 4 – с овальным туловом, высокой, чуть расширяющейся кверху шейкой (рис. 57, 11); 5 – с овальным, почти яйцевидным туловом, короткой расширяющейся кверху шейкой и петлеобразной ручкой (Рис. 57, 12-14); 6 – высокий кувшин с шаровидным туловом и двумя петлеобразными ручками, высокой горловиной с валиком (рис. 57, 15). Почти все аналогии этим сосудам (62 урны) происходят с территории, которую тогда (II-IV вв.) занимали сарматы [Подр. см.: Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004. – С. 136-139] и почти 60 % всех сосудов относятся к III- IV вв. н. э. [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004. – С. 140. – Табл. Г]. По материалам лепной керамики отчетливо прослеживаются связи населения, оставившего этот могильник в округе Херсонеса прежде всего с сарматским (рис. 59) и, во вторую очередь, с гето-дакийским (рис.

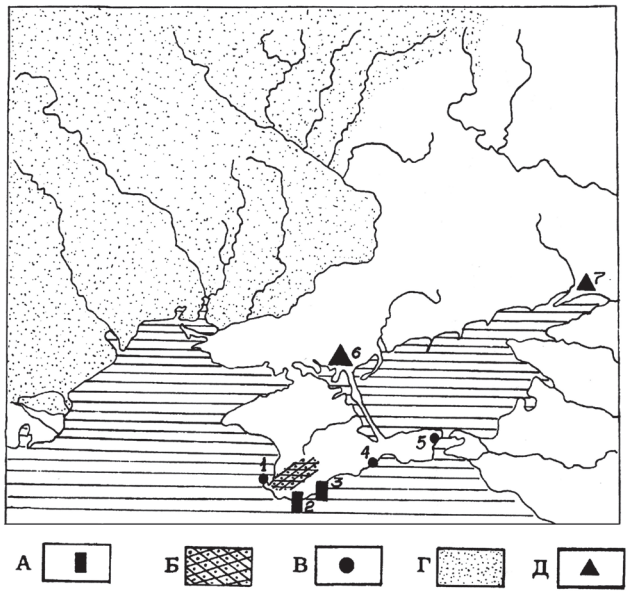


Рис. 43. Этнокультурные группы в Северном Причерноморье (по Юрочкину, 1999). А – могильники типа Ай-Тодор; Б - могильники типа Озерное-Инкерман; В – античные города; Г – Черняховская культура; Д – памятники типа Рогожкино. 1 – Херсонес; 2 – Ай-Тодор; 3 – Чатырдаг; 4 – Феодосия; 5 – Пантикапей – Боспор; 6 – Геническая Горка; 7 – Рогожкино.

60) мирами.

Говоря в целом обо всей этой группе керамики (лепной посуды) из могильников Юго-Западного Крыма, можно отметить, что открытые сосуды (миски) имеют определенное морфологическое сходство с находками как с территории к востоку (Боспор, Северный Кавказ), так (в меньшей степени) и к северо-западу от нашего региона. Миски позднескифской культуры (Ср.: рис. 49; 50) более массивные и утверждать о морфологическом родстве их с керамикой подобных форм, но более поздних, оснований, по-видимому, нет. Впрочем, этот тип посуды имел стабильные формы в течение довольно длительного времени на территории всего Причерноморья у носителей хоть и соседних, но генетически разных по происхождению культур и, вероятно, не может являться этнодифференцирующим признаком.

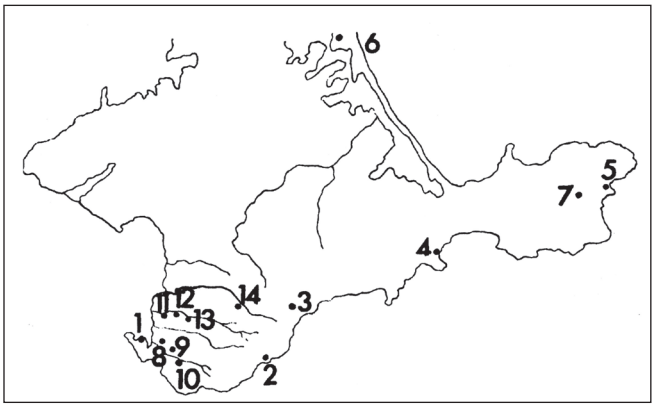


Рис. 44. Места находок черняховской керамики в Крыму (по Юрочкину, 1999). 1 – Херсонес; 2 – Ай-Тодор; 3 – Чатырдаг; 4 – Феодосия; 5 – Пантикапей; 6 – Геническая Горка; 7 – Илурат; 8 – Инкерман; 9 – Черноречье; 10 – совхоз «Севастопольский» (10); 11 – Суворово; 12 – Тас-Тепе; 13 – Красная Заря; 14 – Озерное III.

Следующий тип лепной посуды - горшки - представлен практически единичными находками. Некоторые из них - большие сосуды с налепными ручками (из могильников на Черной речке и Совхоз-10) – действительно слегка напоминают гето-дакийские формы, давно уже исчезнувшие к этому времени (IV в.). В.Ю. Юрочкин [1999. – Рис. 7. – Группа 1] относит их к аланским сосудам. Более простые формы найденных фрагментов горшков не позволяют определенно судить об этносе их изготовителей. Один из горшков из склепа № 1 могильника Дружное имеет аналогии из погребений Нижнего Поволжья, куда они могли поступать из Прикубанья и Нижнего Дона [Власов, 2001. – С. 19. – Рис. 1, 5]. Небольшие горшочки из Дружненского некрополя напоминают сосуды из Неаполя Скифского, Булганакского и Южно-Донузлавского городищ (рис. 49; 51) [Ср.: Власов, 2001. – С. 19. - Рис. 2, 1-4].

Кружки и кувшины - наиболее часто встречающиеся находки в погребениях. Подавляющее большинство их связано с сармато-аланским миром. Причем появляются они в нашем регионе достаточно рано - с конца III - начала IV вв. В.П. Власов привел аналогии кружкам из слоя II-III вв. н.э. Неаполя Скифского [Власов, 2001. – Рис. 1, 10], сарматских погребений Прикубанья, Северо-Западного Кавказа (сираки) и нижнеднепровской Золотой Балке (поздние скифы) I в. н.э. [Власов, 2001. - С. 20-21]. Это массовый материал в могильниках Дружное, есть они и в некрополе Нейзац [Власов, 2001. – Рис. 1, 14-16]. Аналогичные находки из аланских могильников Северного Кавказа датируются временем, как правило, не ранее VI в. Лишь единичные находки обнаруживают сходство с аналогичными сосудами дакийского мира, например маленький кувшинчик из могильника Совхоз-10 (Ср.: Рис. 53, 24. - Рис. 55, 13).

Еще более определенно о сармато-аланском этносе можно говорить, рассматривая очень характерные небольшие кувшинчики с ручками в виде животных или с шишечками, всего лишь имитирующих их. Впрочем, как показала М.П. Абрамова [1984. - С. 15-20], сосуды этого типа по происхождению связаны с местным населением не столько Северного Кавказа, и даже Закавказья, сколько Ирана и Южного Азербайджана. Эти традиции и были восприняты в конечном итоге сарматами. Вероятно, аланам принадлежали не только могильники Нейзац, Дружное и Скалистое, но аланы, возможно, входили в состав населения, оставившего и могильник на Хараксе.

Эти выводы подтверждаются также формами лепной керамики из могильников Юго-Западного Крыма, найденные в последние годы (напр.: рис. 61-65). Лепная посуда Красномаковского некрополя, как можно видеть, представляет собой типичный для могильников Юго-Западного Крыма керамический набор: кувшины, кружки, миски и горшки (рис. 62) [Лобода, 2005. – Табл. I].

Здесь прежде всего необходимо также упомянуть лепную керамику из могильника Дружное [Храпунов, Мульд, 1997. - С. 259-261; Храпунов, Мульд, Власов, 1998. - Рис.6, 7, 8]. В.П. Власов, специально изучивший ее [Власов, 1999. – С. 322-371], предложил свою классификацию этой категории керамики. Он выделил, в частности, следующие типы сосудов: горшки (77 экз.), ковши (10 экз.), кружки (88 экз.), кувшины (94 экз.) и миски (137 экз.), а также кубки (11 экз.), блюда (2 экз.), блюдца (2 экз.), «солонки» (4 экз.), чашу (1 экз.) с подтипами и вариантами [Подр. см.: Храпунов, Власов, 1998. - С.244-252; Власов, 1999]. Значительная часть из них повторяет типы сосудов, описанные выше. Это прежде всего миски [Ср.: рис. 52, 1, 2, и Храпунов, Власов, 1998.- Рис. 6, 2, 3; Рис. 8, 4; Храпунов, Мульд, 1997.- Рис. 148, 8, 9; Рис. 150, 5], кувшины и кружки [Ср.: рис. 53. и Храпунов, Власов, 1998. - Рис. 6, 5, 8; Рис. 8, 6, 8, 9; Храпунов, Мульд, 1997. - Рис. 148, 5, 7]. Два сосуда из склепа № 87 немного напоминают, если не по пропорциям, то по типу дуговидных ручек-прилепов сосуды из подбойной могилы № 9 Чернореченского некрополя [Ср.: Храпунов, Мульд, 1997. - Рис. 148, 2, 6 и рис. 52, 13, 14].

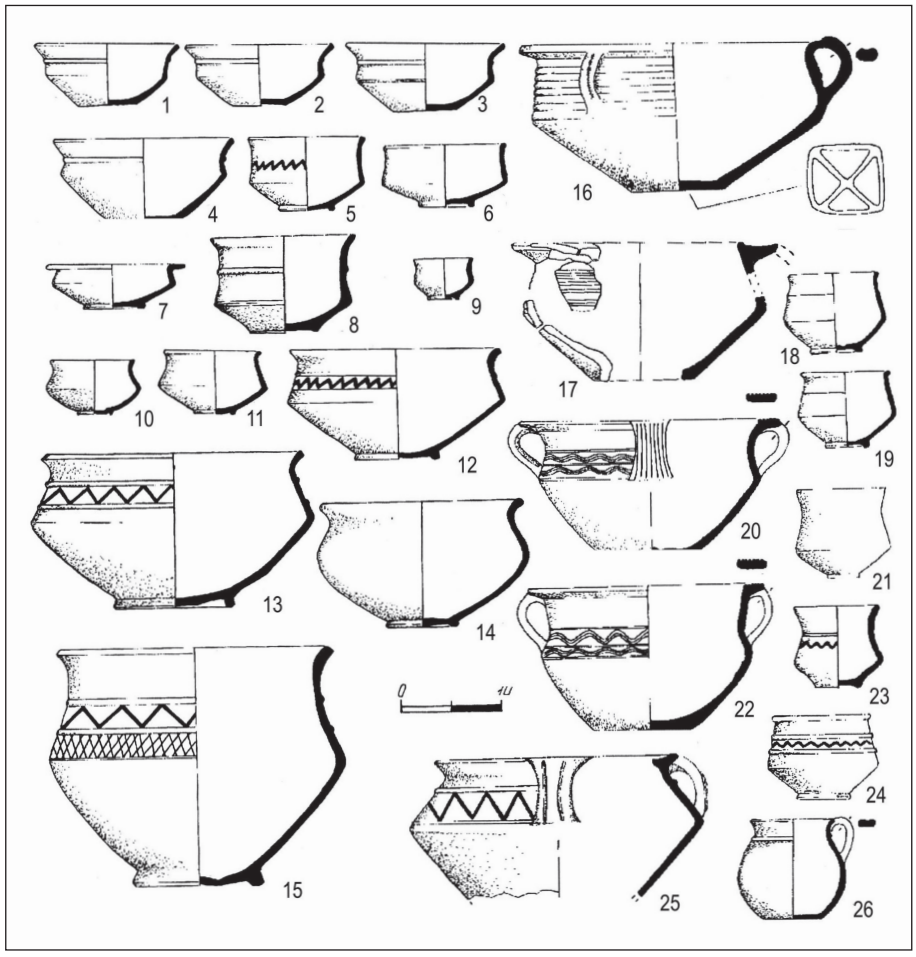


Рис. 45. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма (по Юрочкину, 1999). 1-4, 6, 9 – совхоз «Севастопольский» (1-4 – кенотаф, 6 – могила 217, 9 – могила 55); 7, 8, 13 – Инкерман (разведки 1941 г.); 10-11 – Ай-Тодор (10 – могила 22, 11 – могила 28); 12, 14 – Тас-Тепе (12 – склеп 11, 14 – склеп 6); 15 – Суворово, склеп 30; 16 – Озерное III, склеп 1; 17, 19, 23 – Суворово (17 – склеп 41, 19 – могила 11, 23 – склеп 29); 21 – Черноречье (могила 17 по А.И.Айбабину); 20, 22, 24, 26 – совхоз «Севастопольский» (5-7, 10 – кенотаф, 22 – могила 260, 24 – могила 196); 25 – Красная Заря, склеп 22.

Своеобразие комплексу лепной керамики Дружненского некрополя придает оформление ручек сосудов в виде четко выраженных рельефных отростков, отходящих от верхних или нижних концов ручек [Храпунов, Мульд, 1997. - Рис. 148, 1,3; Рис. 149, 12; Рис. 150, 4; Храпунов, Власов, 1998. - Рис. 7, 2, 5; Рис. 8, 5] (рис. 66, 67). Кроме того, в Дружном найдены специфические трехручные сосуды с процарапанным орнаментом врезными линиями [Храпунов, Мульд, 1997. - Рис. 148, 1, 3]; иногда подобный орнамент может быть на ручке кувшина [Храпунов, Мульд, 1997. - Рис. 148, 5]. В целом в этом же морфологическом ряду находятся многие лепные сосуды из могильника Лучистое. Прилепы ручек многих кувшинов оформлены также в виде отростков [Айбабин, Хайрединова, 1998. - С. 309]. В целом лепная керамика Дружного (432 экземпляра находок) представляет собой уникальное явление и не сводится ни к одной из известных керамических традиций [Власов, 1999. – С. 352], но позволяет, по мнению В.П. Власова, выделить несколько разнородных по происхождению групп, среди которых (перечислены в порядке убывания): этнически нейтральная (20,8 %), северокавказская (11,3 %), Европейского Боспора (8,6 %), позднескифская (6,52 %), Нижнего Дона и Прикубанья (меоты – 5,8 %), сарматская (4,65 %), пшеворская, вельбаркская и черняховская (3 %), античная (3,25 %), смешанная (11,1 %), в том числе сочетающая сарматские и германские традиции, неопределенных традиций (3,25 %) [Подр. см.: Власов, 1999. – С. 351-354]. Недавно В.П. Власов привел дополнительные аргументы к северокавказским параллелям крымской керамике, проиллюстрировав образцами находок и составив небольшой историографический обзор вопроса [Власов, 2003. – С. 98-124]. Он показал, что и на Северном Кавказе значительную часть керамики из погребальных комплексов можно идентифицировать как лепную (в том числе и сделанную с использованием поворотного столика [Власов, 2003. – С.

98-101]. Эти северокавказские параллели удалось проследить на основе сопоставления морфологии разнообразных типов сосудов, в том числе – кружек (68 экз.), кувшинов (35 экз.), ковшей (9 экз.) [Власов, 2003. – С. 104-109, 111, 112].

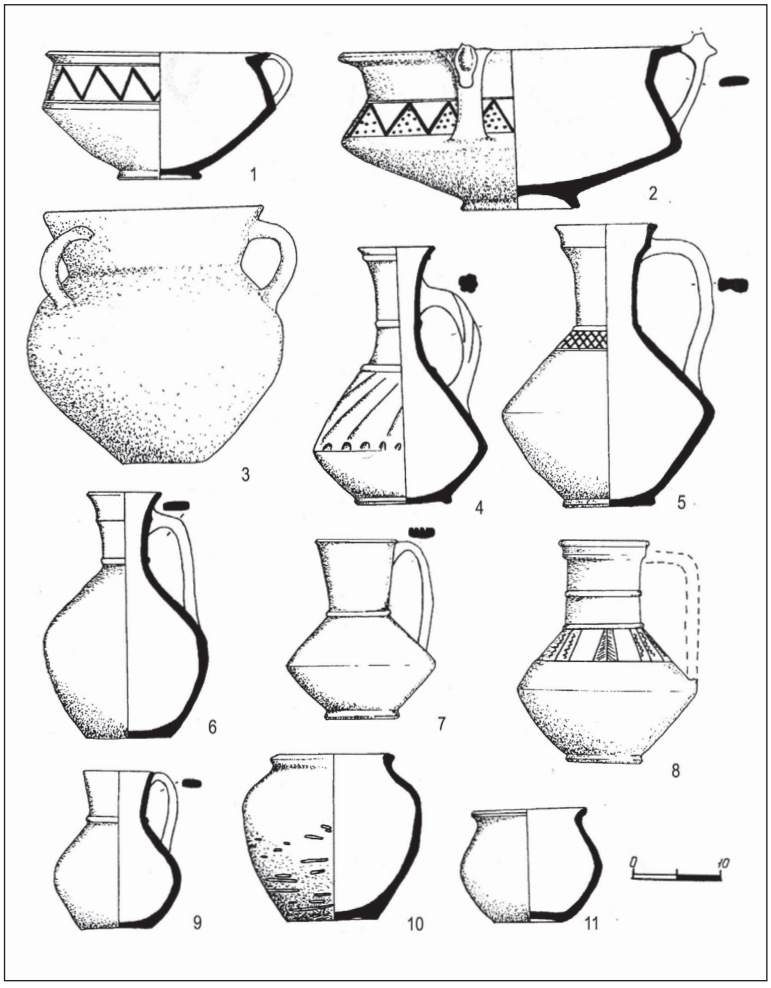


Рис. 46. Керамика из Юго-Западного Крыма (по Юрочкину, 1999).
1 – Инкерман, могила 37; 2 – Красная Заря, склеп 22;
3 – Скалистое, склеп 495 (по Веймарну и Айбабину); 4, 6, 7, 9, 11 – совхоз «Севастопольский» (4 – каменный ящик I (VII), 6, 9, 11 – кенотаф, 7 – могила 55; 5, 7 – склеп 41); 8 – Черноречье, могила 55.

Лепную посуду, обнаруженную в погребениях могильника Карши-Баир, можно разделить на шесть основных типов: миски, горшки, кубки, кувшины разных форм и размеров.

(1) Миски. Среди открытых сосудов (мисок) выделяется четыре варианта: 1) небольшая по размерам мисочка с заостренным краем и плоским дном (рис. 65, 1); 2) миски плоскодонные большего размера с наклонными стенками (рис. 65, 3, 4); 3) глубокие миски с округлыми стенками и плоским дном (рис. 65, 6, 9); 4) миска на невысоком кольцевом поддоне (рис. 65, 5). Аналогии этому типу сосудов представлены в крымских могильниках Дружное, Скалистое, Лучистое, Черноречье, Инкерман, Совхоз-10, расположенных в юго-западной части полуострова. Относятся там они к V-VI вв. Можно наблюдать определенное морфологическое сходство этих мисок с находками изделий того же времени на Боспоре и Северном Кавказе и (в меньшей степени) в Северо-западном Причерноморье.

Следующий тип лепной посуды – **(2) горшки.** Как всегда, как в аналогичных крымских, так и в нашем могильнике, их считанные находки (два экземпляра) (рис. 65, 10, 14). Эти, достаточно простые по морфологии изделия, также не позволяют определенно судить об этнической принадлежности их изготовителей.

(3) Кубков - два типа сосудов. Один из кубков – биконический (рис. 65, 12), два другие (иногда их называют кружками) - с шаровидным туловом, воротникообразной, слегка отогнутой закраиной и петлевидной уплощенной ручкой несколько разные по пропорциям (рис. 65, 13, 15). Подобные сосуды известны по находкам в Юго-Западном (Инкерманский, Чернореченский) и Центральном (Нейзацкий) могильники Крыму.

Кувшины (4, 5) представлены сосудами большего и меньшего размеров (рис. 65, 7, 8). Типичны для многих крымских погребений V-VI вв. Очень вероятна их связь с сармато-аланским миром. Причем появляются они в нашем регионе достаточно рано - с конца III-начала IV вв., возможно, с очередной волной заселения аланами этой территории. Подобные сосуды на Северном Кавказе широко распространяются позднее - с VI в. н.э.

Аналогии лепной посуде этого могильника, как мы видели, легко можно найти на достаточно обширной территории разных регионов Северного Причерноморья. Наибольшее сходство при этом она обнаруживает с керамикой сармато-аланских могильников Крыма позднеантичного-раннесредневекового времени. Что касается близлежащих могильников Крыма, таких как Нейзац, Дружное и Скалистое, то сейчас в научной литературе стало господствовать мнение (основанное на всем комплексе находок) также об их преимущественно сармато-аланской принадлежности. Хронологически более поздними по сравнению с Дружным, но совпадающими по датировкам с находками из Карши-Баира, в этом «сармато-аланском» морфологическом ряду являются некоторые лепные сосуды из могильника Лучистое. Отнесем к сармато-аланской культурной традиции лепную керамику из Карши-Баира и мы.

Эти наблюдения в какой-то степени соответствуют общим выводам по всему комплексу лепной керамики из могильников Юго-Западного Крыма. В итоге становиться ясно, что утверждать определенно о значительном позднескифском этническом компоненте [См.: Храпунов, Власов, 1998. - С. 253] по материалам лепной керамики все-таки не представляется возможным.

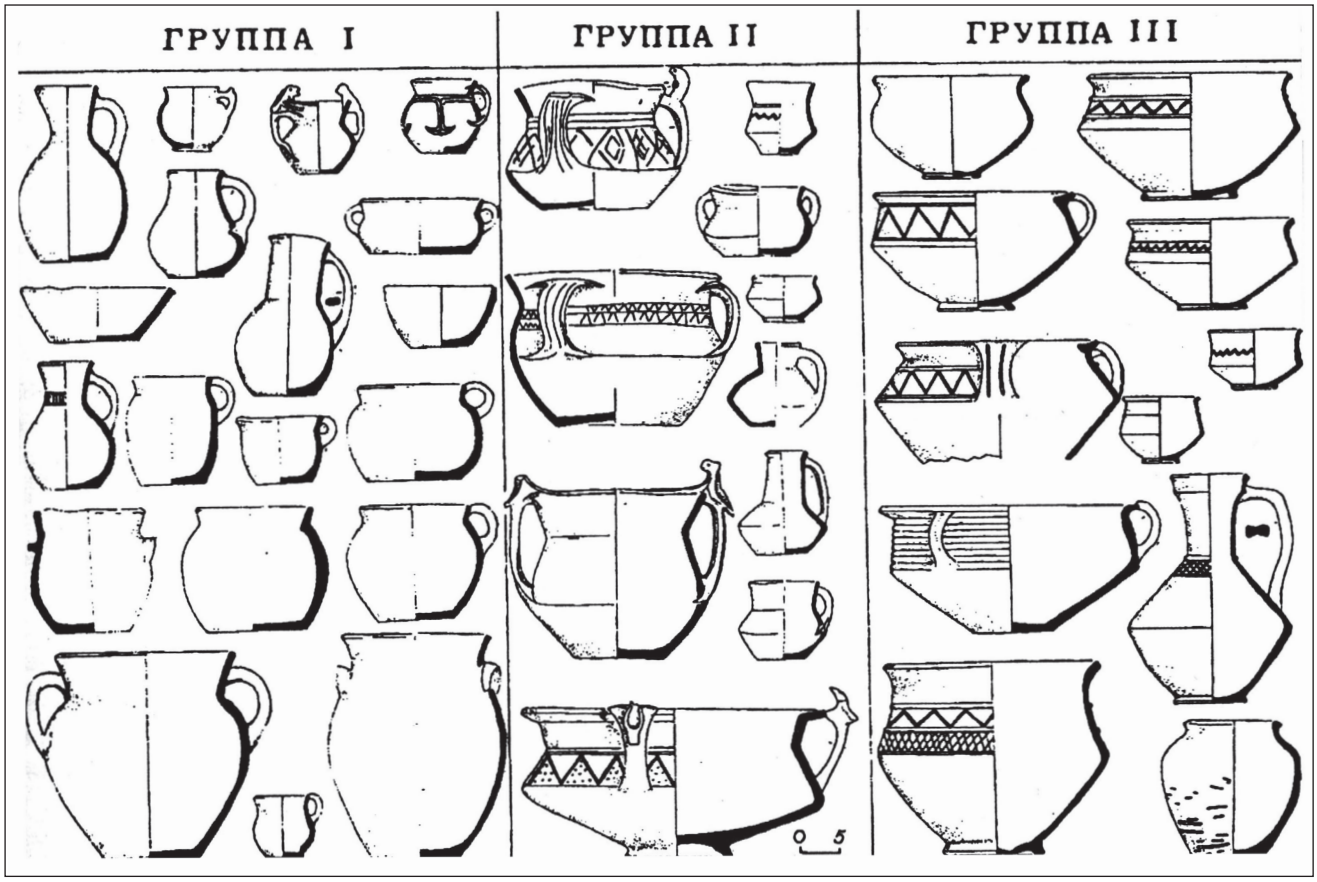


Рис. 47. Посуда памятников типа Озерное-Инкерман (по Юрочкину, 1999).

Есть небольшое сходство с керамическим комплексом лепной посуды позднеантичных центров Крыма: Боспора [Ср.: Кастанаян, 1981. – Табл. VII, 1-8; Табл. VIII, 1,2,7; IX, 1-10; XIV, 7-9; XIX, 4,6-11; XX; XXIII; XXV; XXVI; XXVIII; XXX и др.] и Херсонеса [Зубарь, 1982. – Рис. 53, 54]. В качестве дополнительного примера можно привести находки лепной посуды из цистерны и колодца в Северо-восточном районе города. Они достаточно своеобразны и находят параллели прежде всего из раскопок памятников позднеантичного времени на Гераклейском полуострове [Ушаков, Макаев, Струкова. - С. 212-214] (рис. 68, 69). В большей степени связаны с носителями черняховской культуры двух - и трехручные лепные вазы, хотя не преминем заметить, что эта культура, несомненно, была полиэтнична (в сложении ее участвовали среди прочих этносов и сармато-аланы). В.П. Власов, специально рассматривая лепную керамику нижнедонского-прикубанского облика, пришел к выводу о том, что в позднеримское время произошел всплеск инфильтрации нижнедонско-прикубанских варваров, связанный как раз с приходом в Крым аланов [Подр. см.: Власов, 2001].

Говоря о хронологическом распределении описанных выше типов лепной керамики надо отметить, что большая часть из них бытовала во второй половине III - первой половине V вв., что может дополнительно говорить об относительной густоте населения в это время, и как видно, о преобладании сармато-аланского этноса.

3.2.6. ФИБУЛЫ И ПРЯЖКИ.

Эти категории погребального инвентаря всегда выделялись исследователями, считаясь хронологическими и этно-культурными индикаторами присутствия в регионе готов (германцев). В частности, обычай ношения парных больших двупластинчатых фибул и орлиноголовых пряжек - это, по определению А.К. Амброза [1974. - С. 24], непременная принадлежность готского женского костюма.

Оставляя в стороне анализ изделий так называемого полихромного стиля гуннской эпохи, найденных преимущественно в степной части Крыма и в Керченских склепах [См.: Айбабин, 1993. - С. 206-211], заметим, что выводы об этнической принадлежности этих предметов носят только вероятностный характер - можно говорить о центрах их происхождения и производства. Несомненно, вещи полихромного стиля являлись отражением вариантов общей моды, свидетельствуя об этнокультурных заимствованиях, взаимовлияниях и т.д. Несомненно, однако, что они принадлежали кочевым племенам, входившим в гуннское объединение [См.: Айбабин, 1994. - С. 209-210; Засецкая, 1994. – С. 50-67].

Набор и характер инвентаря в могильниках Юго-западной части полуострова принципиально отличен от упомянутых выше изделий полихромного стиля, что естественно - они принадлежали оседлому населению

другой этнокультурной среды.

Для этого инвентаря характерны три группы фибул (находки фибул и пряжек в погребениях - Табл. 15. – Ср.: Пиоро, 1999. – Рис. 5, 6). Перечислим их (по сводке А.И. Айбабина): 1) двучленные прогнутые подвязные [Айбабин, 1990. - Рис. 8. - С. 187, далее без указания фамилии автора и года издания]; 2) двухпластинчатые I и II групп [Рис. 9. - С. 188], а также с кербшнитовой резьбой; 3) пальчатые [Рис. 14. - С. 193].

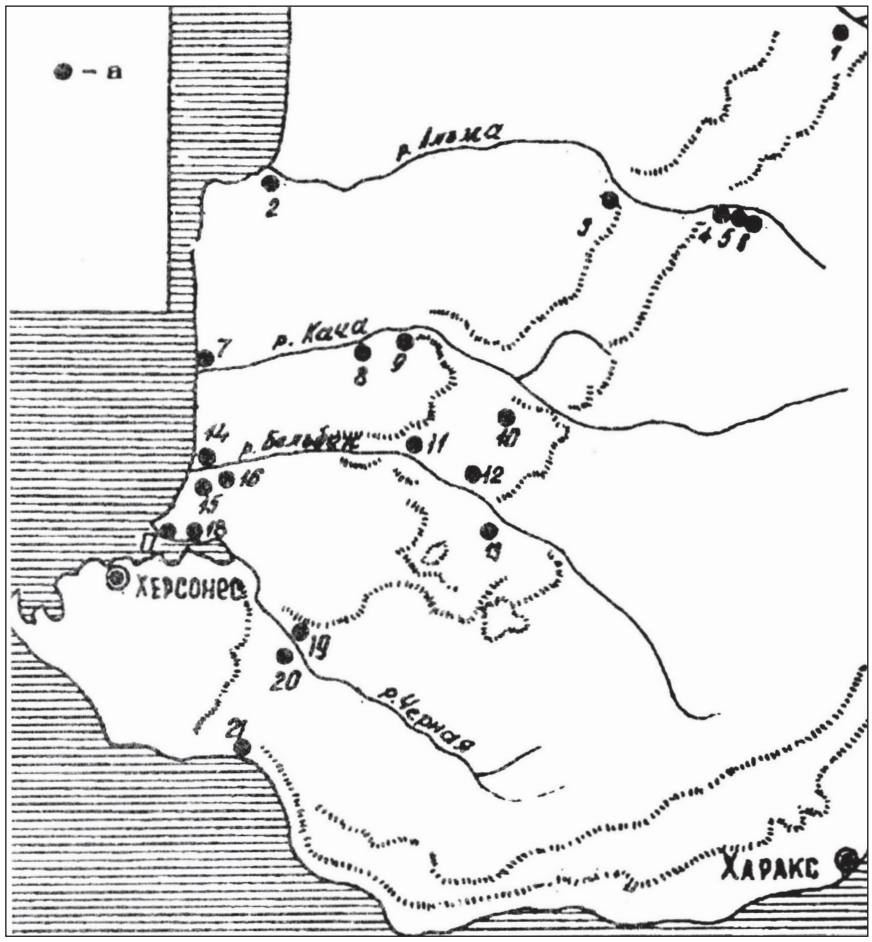


Рис. 48. Могильники Юго-Западного Крыма III - начала V вв. (по Высотской). 1 - Неаполь Скифский; 2 - Мангуш; 3 - Бельбек-I; 4 - Верхне-Садовое; 5 - Инкерманский; 6 - Эски-Кермен; 7 - Черкез-Кермен; 8 - Терновка; 9 - Передовое; 10 - Узень-Баш; 11 - Харакс; 12 - "Сахарная головка; 13 - совхоз "Севастопольский"; 14 - могильник на западных склонах Телеграфных высот; 15 - Чернореченский; 16 - могильник у подножья юго-восточного окончания Федюхиных высот; 17 - могильник на северо-западных склонах Федюхиных высот; 18 - Кефоло-Вреси; 19 - у подножья Сапун-горы. Условные обозначения: а - местоположения могильников.

Кроме фибул назовем также пять групп пряжек (по общей нумерации фибул и пряжек): 4) IV - первой половины V вв. [Рис. 22. - С. 201]; 5) V в. [Рис. 23. - С. 202]; 6) с прямоугольным щитком [Рис. 24. - С. 203]; 7) с овальной рамкой [Рис. 37. - С. 216]; 8) В-образные пряжки [Рис. 39. - С. 218].

Описание всех этих материалов давалось в литературе многократно. Здесь же достаточно сказать о выводах исследователей об этой группе предметов. Фибулы первой группы наиболее многочисленны, найдены как в склепах и подбойных могилах, так и в погребениях с трупосожжениями (Харакс). Они характерны для черняховской культуры [Айбабин, 1990; Амброз, 1994. - С. 44; Щукин, 2005. – С. 191-193]. Именно они могли быть заимствованы у переселившихся с северо-востока готов и гепидов, как предполагал А.К.Амброз, готов - в конце II - начале III вв. и гепидов - в конце III - IV вв.; в округу Херсонеса прогнутые подвязные фибулы принесены также варварами [См.: Амброз, 1966. - С. 94-95]. Дополнительно об этом говорят и анализы металла, из которого они были сделаны [Черных, Барцева, 1972. - С. 64, 88-92]. Двухпластинчатые фибулы генетически связаны с Подунавьем, как и пальчатые, которые, по определению А.К. Амброза, создавались там позднеантичными мастерами специально для варваров в середине и второй половине V в. [Амброз, 1966. - С. 66]; готскими и гепидскими мастерами эти фибулы впоследствии были освоены и упрощены [Амброз, 1994. - С. 45]; характерны они именно для черняховской культуры [Щукин, 2005. – С. 194].

И.П. Засецкая посвятила специальную работу проблеме датировки и происхождения пальчатых фибул из боспорского некрополя [Засецкая, 1998]. Там упомянуты и находки из Горного Крыма. Она еще раз подчеркнула то обстоятельство, что они могли быть принесены на Боспор готами, так как они являются непременным атрибутом женской германской одежды. Распространение их на Боспоре могло быть связано с двумя основными событиями - возвращением в Северное Причерноморье гуннов в середине V в. (и их союзников - германцев) и падением остготского государства и переселением готов на другие территории (вторая половина VI в.). Распространение (и изготовление на месте) их могло быть только в том случае, если в местном населении присутствовала прослойка готов [Подр. см.: Засецкая, 1998. - С. 437]. Все сказанное, безусловно, относится и к Юго-Западному Крыму, причем отмеченные здесь фибулы найдены даже в Скалистом (склеп 190), близ Херсонеса («Сахарная головка», подбойная могила 2; «Совхоз-10») и в погребениях городского некрополя [См.: Айбабин, 1990. - Рис. 14, 4,8,11; Засецкая, 1998.- Каталог. №№ 45-46, 96-97, 98-99, 100, 101]. В перечне И.П. Засецкой упомянуты также находки фибул в Лучистом (склеп 54,

женские захоронения № 1, 2, 6 и 7 - №№ каталога - 47-48, 51-52, 86-87, 88-89).

В Лучистинском некрополе, кстати, обнаружены и фибулы первой и второй групп - подвязные прогнутые и двухпластинчатые [Айбабин, Хайрединова, 1998. - Рис. 5,6 - скл. 52; Рис. 8, 3 - скл. 55; Рис. 8, 17, 18 - скл. 58; Рис. 13, 12 - квадрат 1; Рис. 21, 18 - скл. 88].

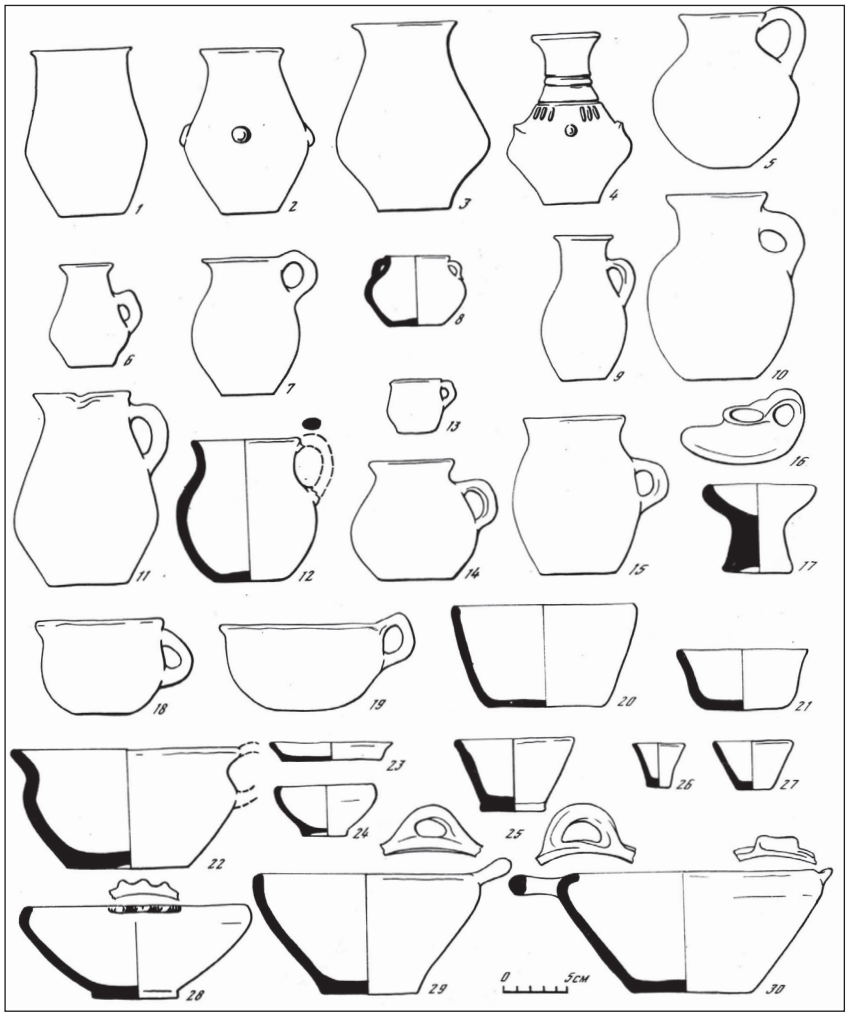


Рис. 49. Лепные сосуды Неаполя Скифского (по Дашевской, 1999).

Среди этих, достаточно типичных фибул, есть и отдельные оригинальные находки: в могиле № 15 Чатырдагского некрополя обнаружены фрагменты большой бронзовой «перекладчатой» фибулы восточно-прибалтийского происхождения [Щукин, 2002. – Рис. 1]. М.Б. Щукин посвятил анализу этой фибулы специальное исследование. Он считает, что группы германцев-наемников, продвигаясь с севера в Крым, могли «прихватить» с собой балтов или балто-славян [Щукин, 2002. – С. 13].

Все эти наблюдения позволяют говорить о явном присутствии в среде сармато-аланского населения германцев, вероятно, готов, среди которых могли быть и другие жители севера. Предположительно можно говорить о смешанных браках мужчин-алан и женщин германского происхождения. Ведь, напомним еще раз, упомянутые выше почти все фибулы - непременная принадлежность именно женского готского населения, о чем многократно упоминал и А.К. Амброз [1994. - С. 61, 68, 69], на конкретных примерах проиллюстрировала Э.А. Хайрединова [Хайрединова, 1999. – С. 203-230; 2002А. – С. 34-47; 2002Б. – С. 53-118], которая привлекая также письменные источники, реконструировала женские костюмы варваров Юго-Западного Крыма в целом (рис. 70) [См. подр.: Хайрединова, 2006. – С. 585-601] и обуви, в частности.

Что же касается пряжек, то известно, что многочисленные пряжки 4 группы носили варвары по всему Северному Причерноморью, пряжки с прямоугольным щитком похожи на готские и гепидские изделия Северной Италии и Подунавья, могли они и изготовляться в Крыму по придунайским образцам [Айбабин, 1990. - С. 30]. Пряжки 7 группы связаны с византийским кругом производства, носили их и федераты [Айбабин, 1990. - С. 35]. А.И. Айбабин опубликовал поясной набор центральноевропейского происхождения с пуансонным орнаментом из могилы 168 некрополя у с. Лучистое [Айбабин, 2002. – С. 37-52]. Могила была продатирована первой половиной V в.

Орлиноголовые пряжки распространяются в Крыму достаточно поздно (См.: Рис. 70 Г). Изготовлялись они и на месте, по придунайским образцам (12 типов); самые ранние датируются уже третьей четвертью VI в. [Сидоренко, 1994. - С. 17-18].

Что касается других предметов, связанных с германским кругом древностей (гребни, стекло, лунницы, ведеркообразные и другие подвески) из могильников Юго-Западного Крыма [Кропоткин, 1978], то обзор аналогичных находок из Центральной и Восточной Европы [Щукин, 2005. – С. 175-190] позволяет говорить о настоящем балто-черноморском культурном единстве, сложившемся в это время.

3.2.7. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД.

Используя приведенные выше сведения, а также данные, содержащиеся в публикациях и отчетах, можно попытаться дать целостную характеристику погребальной обрядности населения.

О сложности этого понятия, теоретических проблемах интерпретации погребального обряда свидетель-

ствуют, например, материалы дискуссии в «Российской археологии» (1993, №1; 1995, №2). Наша задача состоит в том, чтобы представить общий облик погребальной обрядности населения, оставившего могильники, выделить основные черты погребального обряда с тем, чтобы можно было затем провести сравнение этих данных с погребальной обрядностью синхронных культур Северной, Центральной и Восточной Европы.

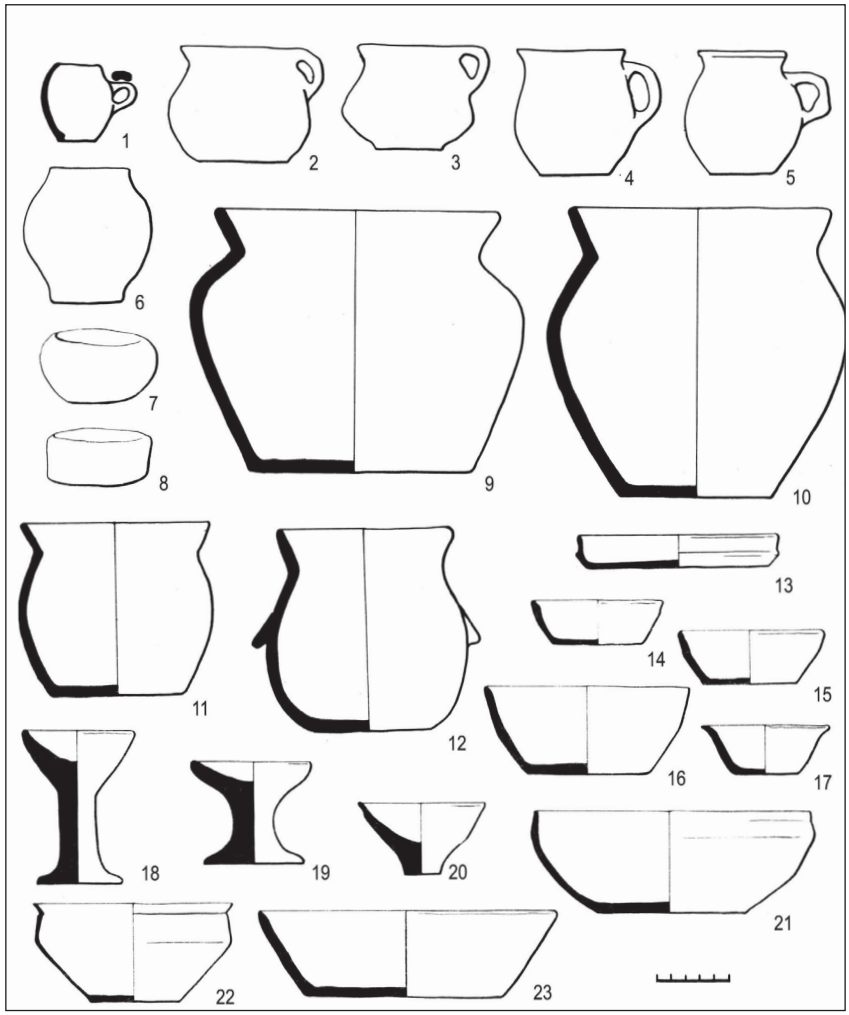


Рис. 50. Лепная керамика из позднескифских могильников Юго-Западного Крыма (по Дашевской, 1999). 1, 13, 17-20 - Усть-Альма; 2, 3, 10, 15, 16, 21, 22 - Мангуш; 4, 6-8, 12 – Бельбек IV; 5 - Скалистое; 9, 11, 23 - Заветное; 14 – Черноречье.

Погребальный обряд (цикл) включает в себя несколько этапов. Главнейшие из них следующие: 1) от момента смерти индивидуума до его погребения; 2) предание останков земле; 3) обряды и ритуалы после акта захоронения.

При анализе погребального обряда археологу доступны только некоторые (вещественные) элементы обрядности, дошедшие до него во фрагментарном виде. Таким образом, об обряде можно судить только на основании сугубо косвенных данных, восстанавливая его целиком только предположительно.

Первый из перечисленных этапов состоит из действий по подготовке умершего к загробной жизни: обряжение покойного в специальные или обычные одежду, обувь, украшение бижутерией, специальными подвесками, накладками и т.п.; отбор сопроводительного материала (посуда, заупокойная пища, орудия труда, оружие, предметы туалета и т.д.), а при необходимости и жертвенных животных. Тогда же (а иногда и заранее) происходит выбор места погребения и подготовка его к обряду, заключающаяся в сооружении могилы, склепа или иного погребального сооружения в соответствии с бытующими традициями, а также подготовка, если в этом была необходимость, места кремации.

Если говорить о погребальных одеждах, то прямых данных о них у нас практически нет - только в могильнике в Килен-балке зафиксированы сохранившиеся ее остатки. Косвенным образом о характере одежды можно говорить на основании находок фибул, которые располагались чаще всего на груди погребенных. Фибулами застегивалась верхняя одежда (типа плаща), их носили как мужчины, так и женщины. В качестве примера приведем погребения женщин в подбойных могилах № 36 и № 37 Чернореченского некрополя; всего на 16 случаев находок фибул в женских погребениях этого могильника известна только одна находка фибул в мужском погребении (подбойная могила №71, где был похоронен подросток). В некрополе в Килен-балке в погребении престарелого мужчины (один из подбоев могилы 5/1991г.) также найдена фибула. Фибулы чаще всего были бронзовые или железные, реже серебряные - как, например, два экземпляра в погребении ребенка склепа №485.3 Скалистом; кроме того, одна серебряная фибула находилась в паре с железной в склепе №1 в могильнике на склоне Сахарной Головки. Еще один пример такого рода - находка серебряной фибулы в погребении человека преклонного возраста в четвертом горизонте склепа № 421 Скалистинского могильника. Кроме погребений с трупоположениями (подбойные могилы, склепы, плитовые и грунтовые могилы) фибулы находили и в погребениях с трупосожжениями (Харакс). Зафиксирован случай нахождения фибулы в разрушенной могиле с заплечиками (Инкерман, могила №43). Одной фибулой могла застегиваться распашная женская одежда спереди (рис. 70 А). Вероятно, так использовалась фибула, найденная в склепе 2, погребение 1 (женское) могильника Карши-Баир-I (рис. 72, 4) и в склепе 5, погребение 2 (девочки) (рис. 74, 2). Пальчатые и двухпластинчатые фибулы носили, как правило,

попарно, примеры такого ношения есть как в Херсоне (рис. 70 Б), так и в сельских могильниках (рис. 70 В). Одежда украшалась парными фибулами, имитирующими цикад (рис. 80, 2, 3). Почему-то находки фибул редки в простых грунтовых могилах, в склепах и подбоях же обычны: в богатом погребении женщины (подбой №45 Чернореченского могильника) наряду с другими довольно многочисленными находками было найдено 12 фибул. Не исключено, что здесь главную роль играл социальный фактор - малоимущего погребенного могли заворачивать просто в саван, без применения каких либо застежек.

Наряду с фибулами, обычным элементом одежды (поясов) и обуви были пряжки - также бронзовые, иногда железные, реже серебряные. В отдельных случаях пряжек могло быть много, как в подбойной могиле № 35 Чернореченского могильника (19 штук). Те, что крупнее размерами и найденные в области таза, относились, несомненно, к деталям ремня. Иногда на прямоугольных щитках больших пряжек изображались кресты, как, например, в могильнике Карши-Баир I (склеп 2, погребение 1) [Ушаков, Филиппенко, 2001. – Рис. 1] (рис. 72, 3), или львы (склеп 4) [Ушаков, Филиппенко, 2001. – Рис. 2, 15], иконография которого, как отмечалось, уникальна [Ушаков, Филиппенко, 2004. – С. 309] и отличается от изображений кошачих хищников на пряжках, найденных в некрополях Суук-Су [Амброз, 1994. – С. 83] и Лучистое [Айбабин, 1990. – С. 207. – Рис. 7, 4; 1999. – Рис. 53, 4].

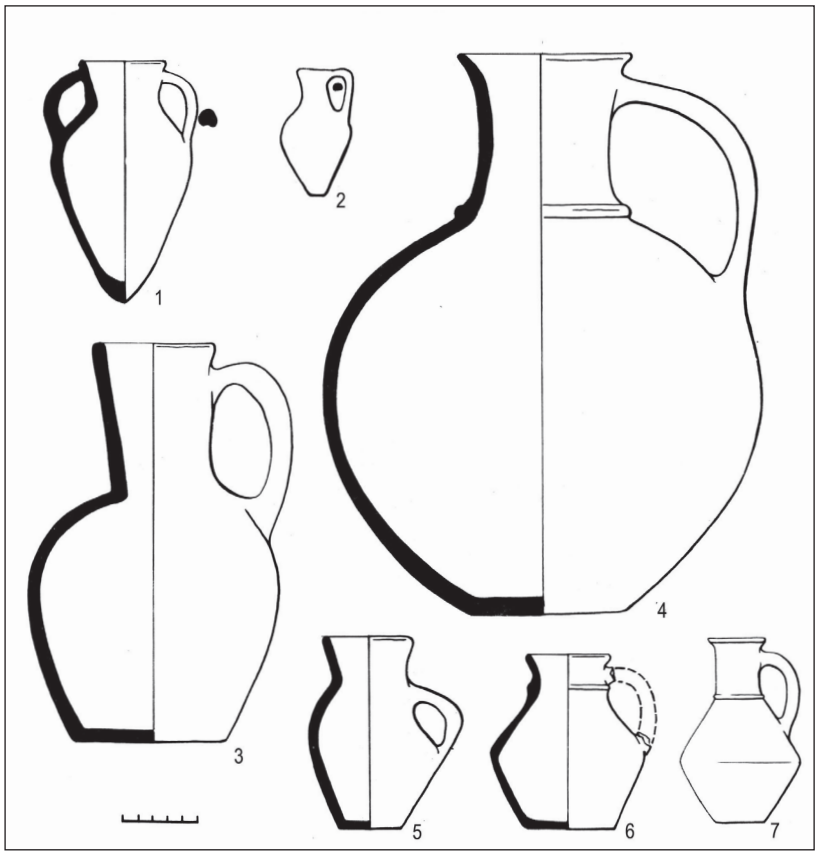


Рис. 51. Лепная керамика из позднескифских могильников Юго-Западного Крыма (по Дашевской, 1999). 1, 2, 6 - Усть-Альма; 3, 5 - Заветное; 4, 7 - Мангуш.

Находимые в ногах погребенных пряжки – это, как правило, небольшие обувные застежки. Мягкая кожаная обувь, перетянутая застегнутыми на небольшие пряжки ремешками – обычная принадлежность тогдашнего костюма, которая фиксируется археологически [Подр. см.: Хайрединова, 2003. – С. 125-160]. Есть они в склепах некрополя Дружное IV в. и Лучистое первой половины V в. (рис. 71 А, Б, В), Скалистом, Карши-Баир и Лучистое первой половины VI в. (рис. 71 Г). Кроме опубликованных комплексов Карши-Баира в качестве дополнительных примеров можно привести находки таких пряжек в склепе 5 (КБ I) (рис. 73, 1-4), которые дополняются накладками в виде «пропеллеров» и ременными наконечниками (рис. 73, 5-8), грунтовых могилах (рис. 77, 3, 4), склепе 1 (рис. 78, 2, 3), склепе 2 (рис. 79, 1-6), склепе 3 (рис. 73, 1, 4, 10, 16-22), подбойные могилы № 8 (Рис. 82, 29, 30), № 1-3 (Рис. 83, 1-6, 9, 10) (КБ II).

В набор женских украшений входили серьги-колты, часто парные. Примеры - склеп № 2 Нейзацского могильника, склепы 1 и 2 Озерного III, склеп № 25 Инкерманского могильника, подбойные могилы №№ 3, 4, 45, 48 Чернореченского могильника, склепы № 2 (рис. 72, 5), № 5 (рис. 76, 3, 6, 9), № 3 (Рис. 80, 24) могильника Карши-Баир. В одном случае серьга была найдена в погребении с трупосожжением (Харакс, ямное погребение № 21). В редких случаях серьги находили и в мужских погребениях, как в погребении подростка в подбойной могиле № 71 в могильнике на Черной речке; там же было найдено и височное кольцо, а также четыре браслета. Может быть, в этом случае мы имеем дело с ошибкой в определении пола погребенного, и здесь была похоронена девочка, а не мальчик?

Относительно редки в погребениях кольца и перстни, которые находили как в подбойных могилах (Инкерман, Пб. 5/1941, 7; Черноречье, Пб. 2,3), склепах (КБ I, склеп № 2) (рис. 72, 7), (КБ I, склеп № 5) (рис. 74, 3) (КБ II, склеп № 3) (Рис. 80, 5). Кольца и перстни есть и в сожжениях (Харакс, ТС 9, 19, 23, 28, 29, 30, 34). Для женских погребений (в подбоях и склепах) обычны бусы и пронизи (КБ I, склеп № 2) (КБ I, склеп № 2) (рис. 72, 8-26) (КБ I, склеп № 5) (рис. 74, 10; 75, 1-32) (КБ II, склеп № 3) (Рис. 80, 11-14), браслеты (КБ I, склеп № 5) (рис. 74, 5, 6, 12, 13; 76, 4, 5, 7, 8, 10-12) (КБ II, склеп № 3) (Рис. 80, 7, 8). Реже там находили пряслица (КБ I, склеп № 5) (рис. 75, 41), ключи, замки, иглы.

В склепе № 4 (КБ I) в женском погребении в дере-

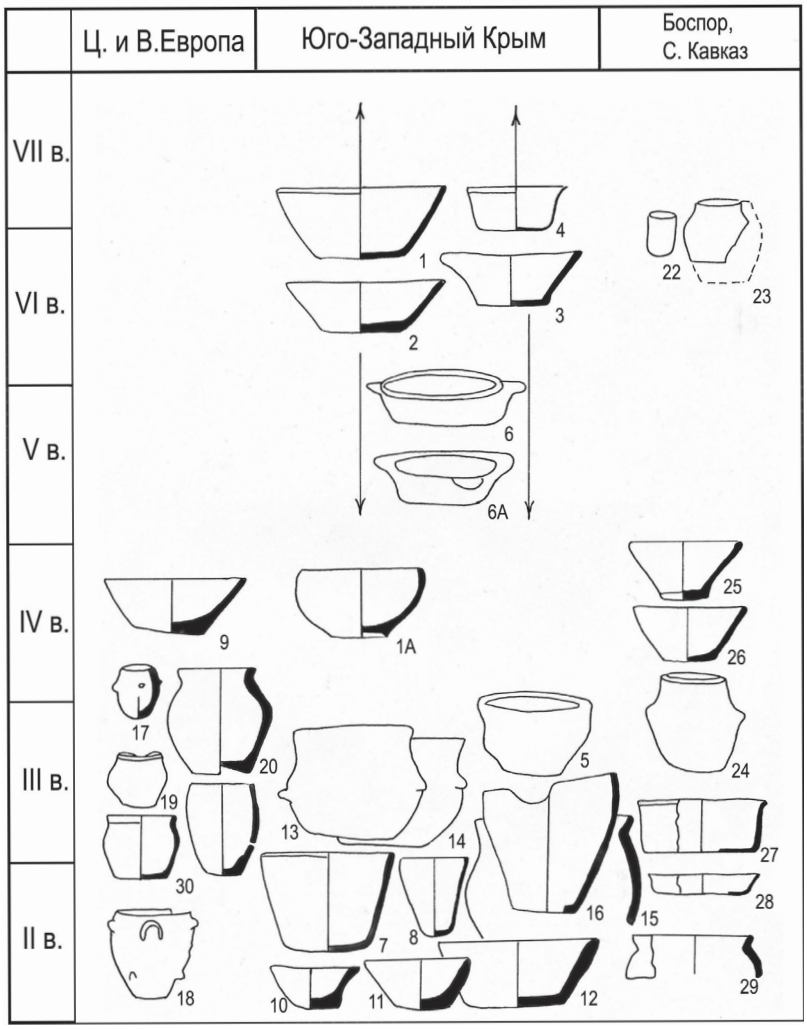
Таблица 14. Взаимовстречаемость типов лепной керамики в могильниках

		Тип	Миски								Горшки			Кувшины																										Вазы						Дата (погребения)												
														Группа 1											Группа 2					Груп, 3			Зоом.																													
		Вар.	1а	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	А	Б	В	Г	2	3	А	Б	5	А	Б	6	7	8	9	1	2	3	1	А	Б	2	III в. п/п	III в. 2/п	IV в. п/п	IV в. 2/п	V в. п/п	V в. 2/п	VI в. п/п												
Б1		М4									1																																																
		М7								1																																																	
Н.		Скп1																												1							6																					
		Скп2																																			+																					
		Скп5		1																															1		+																				
		Скп6													1	1																			1																					
Оз-III		М1													1		1																																									
		М2																			1																																					
		Пб																																																							
		Скп1																	1							1																																
		Скп2	1	1													1	1				1																																			
		Скп3																					1																																		
Ч-Д		тс9											1																																												
		тс11																																																						
		тс5																																																						
Хар		тс1																																																						
		тс2																																																						
		тс3																																																						
		тс4																																																						
		тс10																																																						
		тс13																																																						
		тс15																																																						
		тс22																																																						
		тс28																																																						
		тс31																																																						
		тс34											1																																												

Таблица 14. Продолжение таблицы.

	Г	П624	М9	М12	Скл2	Скл3	Скл5	Скл7	П62	П63	П65	П68	П69	П622	П625	Скл1	Скл5	Скл1988	Тс1	Тс6	Тс7	Тс10	Тс13	Тс20	Тс25	Тс27	Тс29	Скл101	Скл190	Скл350	Скл419	Скл421	Скл101	Г6431	Ск434	Ск485	Ск495	Всего	Итого
И								1																															1	
							1						1			2																							3	
						1		1					1																										3	
					1																																		2	
				+	+	+					+	+			+				+		2	+	+	+	+	+	+	+											
Ч									1																	1														
										1	1																		1											
										1			1	2																										
													2																											
																2																								
																	1																							

Рис. 52. Миски и горшки



Условные сокращения:
Оз. III - Озерное III, Ск. - Скалистое, И. - Инкерман, Ч.р. - Черноречье, Б.-I - Бельбек I, Н.Ск. - Неаполь Скифский, Х. - Харакс, Ч-Д. - Чатыр-Даг, Н. - Нейзац, Скл. - Склеп, Пб. - подбойная могила, М - грунтовая могила, ТС - трупосожжение. В скобках даны датировки погребальных комплексов (по Айбабину, 1987, 1990).

1А. Оз. III – скл. 2 [Лобода, 1977. – Рис. 6, 6. В тексте сосуд упомянут, как имеющий плоское дно]*.
1. Ск., скл. 101 (перв. пол. V), [Веймарн, Айбабин, 1993. – Рис. 4, 17]. Ч.Р., Пб. 3 (вторая половина VI в.) [Бабенчиков, 1963. – Табл. V, 10]. Н., скл. 5 (перв. пол. V) [Высоцкая, Махнева, 1983. Рис. 5, 3].
2. Ск., скл. 101; Ск., скл. 421 (перв. пол. V), скл. 495 (2 экз. – перв. пол. VI в.), Пб. 431 (перв. пол. V) [Веймарн, Айбабин, 1993. – Рис. 4; 11; 92; 12; 76; 106] Ч.Р. Пб.3 (вторая половина VI в.) Пб. 5 (вторая половина VI в.) Пб.5 (вторая половина VI в.) [Бабенчиков, 1963].
3. Ск. скл. 190, (вторая половина V в.), скл. 350 (перв. пол. VI в.) [Веймарн, Айбабин, 1993. – Рис. 18, 37; 54, 1]. Ч.Р., скл. 2 [Бабенчиков, 1963, Табл. V,11].
4. Ск., скл. 421 (перв. пол. V в.) [Веймарн, Айбабин, 1993. – Рис. 74, 4]. Ч.Р., М. 5 [Бабенчиков, 1963, Табл. V,8]. И. Скл.5 (первая половина IV в.) [Веймарн, 1963. – Рис. 7, 23].
5. Ч.Р. Пб. 9 (вторая половина Ш в.) [Бабенчиков, 1963, Табл. V,13; Табл. X,1].
6. Ч.Р. Скл. 1 (2 экз.) [Бабенчиков, 1963, Табл. V,9; Табл. X, 5].
6А. Ч.Р. Пб.9 (первая половина Ш в.) [Бабенчиков, 1963, Табл. V,12; Табл. X, 2].
7. Б.-I. М. 7. (вторая половина Ш в.) [Гущина, 1974. – Рис. 1, 15].
8. Б.-I. М. 7. (вторая половина Ш в.) [Гущина, 1974. – Рис. 1, 16].
9. Привольное [Никитина, 1966. – Рис. 3;21].
10, 11, 12. Н. Ск. [Сымонович, 1983. – С. 101].
13. Ч.Р. Пб. 9 (вторая половина III в.) [Бабенчиков, 1963, Табл. V,7; Табл. XI,1].
14. Ч.Р. Пб. 9 (вторая половина III в.) [Бабенчиков, 1963, Табл. V, 8; Табл. XI, 2].
15. Х. М. 34 [Орлов, 1987. – Рис. 3].
16. Ч. Д.: М.9 [Мыц, 1987. – Рис. 6;8].
17. Индепеденца (гетская) [Никитина, 1966. – Тип. 4, подтип 3. – Рис. 2, 7].
18. Томы. Гетский сосуд III-II вв. до н.э. [Федоров, Полевой, 1973. – С. 168].
19. Будешты [Никитина, 1966. – Тип. 5, подтип 1. – Рис. 2, 9].
20. Гавриловка [Никитина, 1966. – Тип. 1. – Рис. 2, 11].
21. Черепин [Никитина, 1966. – Тип. 1. – Рис. 2, 18].
22. Мокрая балка [Афанасьев, 1980. – Группа III. Тип 8. – Рис. 5, 39. – Вторая половина VI – рубеж VII – VIII вв.].
23. Мокрая балка [Афанасьев, 1980. – Группа III. Тип 8. – Рис. 5, 36. – вторая половина VI – рубеж VII – VIII вв.].
24. Тиритака [Костанаян, 1955.- Рис.17, 1. – С. 400].
25. Боспор [Кругликова, 1954. – Табл. III, 12 – III – IV вв.].
26. Боспор [Кругликова, 1954. – Табл. III, 13].
27. Боспор [Кругликова, 1954. – Табл. II, 14].
28. Боспор [Кругликова, 1954. – Табл. II, 10].
29. Боспор [Кругликова, 1954. – Табл. II, 6].
30. Пшеворская культура [Баран, 1981. – Табл. LXXIV, 13].

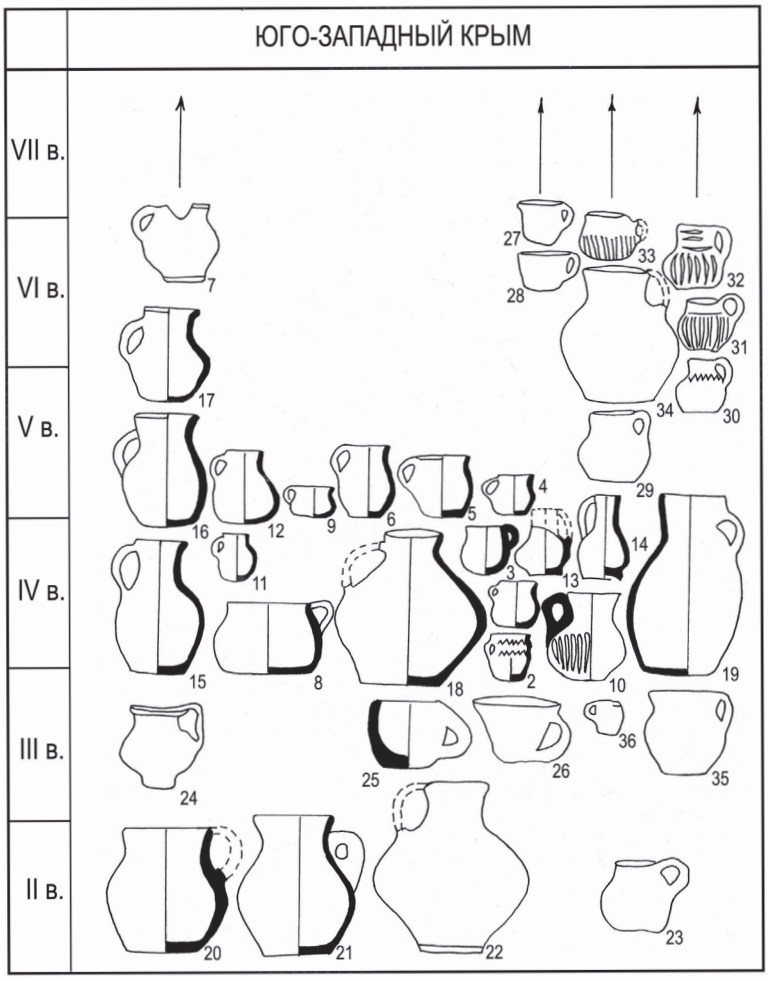


Рис. 53. Кружки и кувшины

Условные сокращения:
Оз. III - Озерное III, Ск. - Скалистое,
И. - Инкерман, Ч.р. - Черноречье,
Б.-I - Бельбек I, Н.Ск. - Неаполь Скифский,
Х. - Харакс, Ч-Д. - Чатыр-Даг, Н. - Нейзац, Скл. - Склеп, Пб. - подбойная могила,
М - грунтовая могила, ТС - трупосожжение.
В скобках даны датировки погребальных комплексов (по Айбабину, 1987, 1990).

1. Н., скл.6 (первая половина IV в.) [Высотская, Махнева, 1983, - Рис. 6, 5]. Оз., М.1 (первая половина IV в.) [Лобода, Рис.1;1].
2. Н., скл.6. [Высотская, Махнева, 1983. - Рис. 6, 4].
3. Оз., скл.2. (вторая половина IV) [Лобода, 1977. - Рис. 6,10].
4. Ск., скл. 431 (первая половина V в.) [Веймарн, Айбабин, 1993. - Рис. 76, 25]. Оз. III, скл.2 (3 экз.)
5. Ск., скл. 421 (перв. пол.V в.) [Веймарн, Айбабин, 1993. - Рис. 74, 9];Оз., скл.2 [Лобода, 1977 - Рис. 6, 8]. И., [Веймарн, 1963. Рис.14, 8].
6. Ск., скл. 434 (перв. пол.V в.) [Веймарн, Айбабин,1993. - Рис. 76, 32]. И., м.7 (?); скл. 13 (5). [Веймарн, 1963].
7. Ск., скл.449 (первая половина V в.) [Веймарн, Айбабин, 1993. - Рис. 82, 14].
8. Оз., скл. 1 (2 экз. – перв. пол. VI в.) [Лобода, 1977. – Рис. 5, 8,14].
9. Ск., скл. 421 (перв. пол. V в.) [Айбабин, Веймарн , 1993. – Рис. 74, 5]; Оз., М. 2 (первая половина IV в.) [Лобода, 1977. – Рис. 1;2].
10. Оз. скл.1 [Лобода, 1977. – Рис.5, 7].
11. Ч.р., скл. 53, (вторая половина VI в.) [Айбабин, 1984. – Рис. 6, 7].
12. Ск., скл. 421 (перв. пол. V в.) [Айбабин, Веймарн, 1993. – Рис. 74, 6].
13. Оз., М. 2 [Лобода, 1977. – Рис.1, 3].
14. Оз., скл. 2 [Лобода, 1977. – Рис.6, 7].
15. Оз., скл. 3 (вторая половина VI в.) [Лобода, 1977. – Рис. 7, 11].
16. Оз., скл. 1 [Лобода, 1977. – Рис. 5, 9], Ск., скл. 421 (перв. пол. V в.) [Айбабин, Веймарн, 1993. – Рис. 74, 3].
17. Ск., скл. 101 (перв. пол. V в.) [Айбабин, Веймарн, 1993. – Рис. 82, 14].
18. Ч.Р. ТС. 10 [Бабенчиков, 1963, Табл. V,12; Табл. XI, 4].
19. Ч.Р. ТС. 25 [Бабенчиков, 1963, Табл. V,12; Табл. XI, 5].
20. Н. Ск. [Сымонович, 1983. – Тип. III, 9. – II в. до н.э. – I в. н.э.].
21. Н. Ск. [Сымонович, 1983. – Тип. III, 9. – II в. до н.э. – I в. н.э.].
22. Субботовский могильник [Щукин, 1994. – Рис. 63, 8. – С.198].
23. Предкавказье [Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР, 1989. Табл. 109, 40].
24. Кашолц. Дакия [Никитина, 1966. С. 99].
25. Вельбаркская керамика [Баран, 1981. – Тип. LXXXI, 15. - С. 256].
26. Кашолц [Федоров, Полевой, 1973. – С. 199. – II в. н.э.].
27. Мокрая балка [Афанасьев, 1980. – Группа III. Тип 9. – Рис. 5, 37. – вторая половина VI – первая четверть VII вв.].
28. Мокрая балка [Афанасьев, 1980. – Группа III. Тип 10. – Рис. 5, 38. – вторая половина VI – первая четверть VII вв.].
29. Мокрая балка [Афанасьев, 1980. – Группа III. Тип 4, подтип 1. – Рис. 5, 12. – вторая половина VI – первая четверть VII вв.].
30. Кудинетово [Кузнецов, 1962. Центральный локальный вариант. – Рис. 24, 1].
31. Гиляч [Кузнецов, 1962. Западный локальный вариант. – Рис. 5, 1].
32. Кумбулта [Кузнецов, 1962. Восточный локальный вариант. – Рис. 27, 2].
33. Мокрая балка [Афанасьев, 1980. Тип 5, подтип 1. – Рис. 5, 30. – вторая половина VI – конец VII вв. – С. 60)
34. Мокрая балка (Афанасьев, 1980,Тип 3, подтип 1. – Рис. 1, 7. – вторая половина VI – конец VII вв. – С. 60].
35. Боспор [Кругликова, 1954. – Табл. III. – III – IV вв.].
36. Боспор [Кругликова, 1954. – Табл. II, 32 - III вв.].

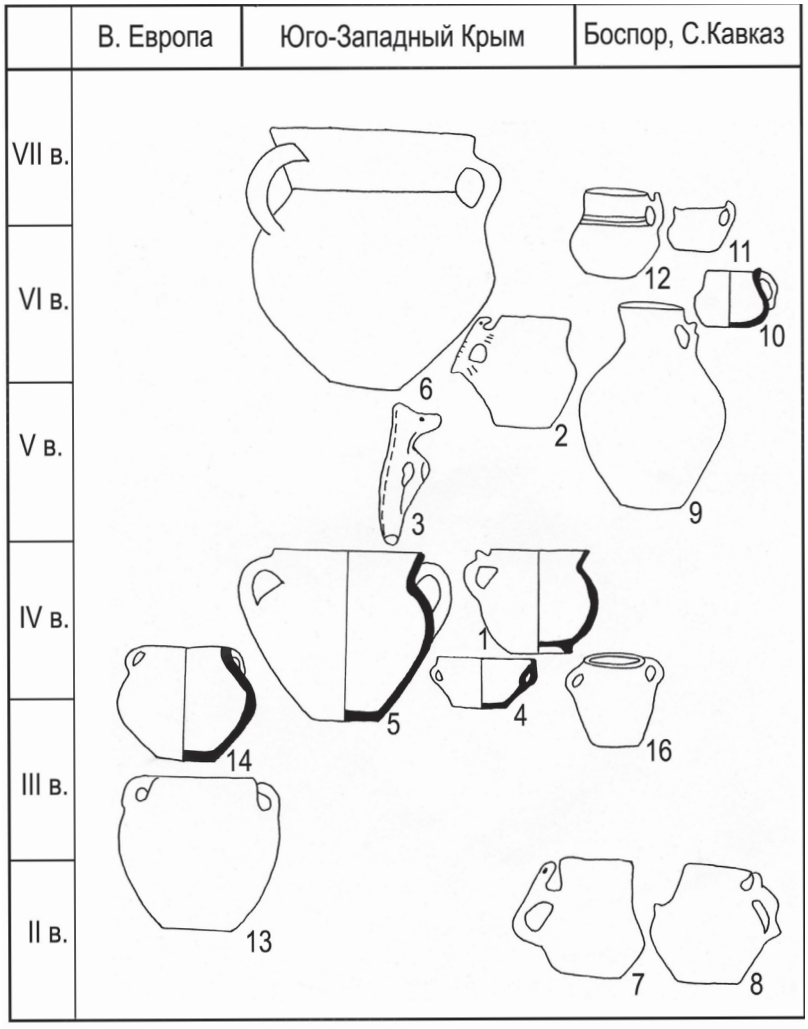


Рис. 54. Вазы и сосуды с зооморфными ручками

1. Н., скл. 5 (первая половина IV в.) [Высоцкая, Махнева, 1983 – Рис. 5, 2].
2. Ск., скл. 350 (первая половина VI в.) [Веймарн, Айбабин, 1993. – Рис. 54, 2].
3. Х. М. 15 (первая половина V в.) [Блаватский, 1951. – Рис. 14, 4].
4. Н., скл. 6 (первая половина IV в.) [Высотская, Махнева, 1983 – Рис. 6, 6].
5. Н., скл. 5 (первая половина IV в.) [Высотская, Махнева, 1983 – Рис. 5, 1].
6. Ск. Скл. 495 (первая половина IV в.) [Айбабин, Веймарн , 1993. – Рис. 92, 8].
7. Боспор [Кастанаян, 1955. – Рис. 19, 1 – I – II вв. – С. 401].
8. Боспор [Кастанаян, 1955. – Рис. 19, 2 – I – II вв. – С. 401].
9. Мокрая балка [Афанасьев, 1980 .– Рис. 1, 1. – До второй четверти VII в. – С. 66].
10. Кумбулта [Кузнецов, 1962. Восточный локальный вариант. – Рис.27,1. – IV –VI вв.].
11. Мокрая балка [Афанасьев, 1980. Группа III, Тип 1, подтип 1.– Рис. 5, 1. – Вторая половина VI – рубеж VII - VIII вв.].
12. Мокрая балка [Афанасьев, 1980. Группа III, Тип 2, подтип 2.– Рис. 5, 9. – Вторая половина VI – рубеж VII - VIII вв.].
13. Вельбаркская керамика [Баран, 1981. – Тип. LXXXI,13].
14. Лепесовка [Никитина, 1966. – Рис. 4, 6].
15. Тиритака [Кастанаян, 1955. – Рис.17, 2].

вянной колоде среди многочисленного типичного погребального инвентаря были и достаточно редкие находки. У правой ключицы погребенной на скрученном проволочном кольце была подвешена амулетница и туалетный набор [Ушаков, Филиппенко, 2004. - Рис. 2, 1-4, 14]. Амулетница представляет собой металлический пустотелый стержень длиной около 9 см., толщиной – 1,3 см. Он был изготовлен из белого металла, на внешней поверхности амулетницы сохранился орнамент из рельефных точек. Туалетный набор состоит из трех предметов, подвешенных на бронзовом проволочном кольце: ложечки, скребка и ситечка. Все они были сделаны также из бронзы (или из низкопробного серебра). Что касается туалетного набора, то это - не такая уже редкость в погребениях гуннской эпохи [Засецкая, 1994, табл. 13,13; Степи Евразии в эпоху Средневековья… - С. 179; Веймарн, 1979. - Рис. 2, 6]. Однако чаще туалетные наборы состоят из двух предметов - только ложечки и скребка, как, например, в могильнике Дюрсо [Дмитриев, 1982. С. 95. - Рис. 10, 2, погр. 516; Рис. 9, 12, погр. 483], где А.К.Амброз датировал их V в. [Амброз, 1989. С. 96, 103], или в могильнике Танаиса - так называемые ногтечистка и копоушка [Арсеньева, Безуглов, Толочко. – Табл. 8, 57. Каталог № 10].

Относительно редки зеркальца, находимые также в подбойных могилах и склепах (Пб. 38 Чернореченского могильника, Пб. 20 и 29 Инкермана; Пб. 481 Скалистого, Скл.1 в Красном Маке, Пб. 23 Дружненского некрополя). Зеркальце с центральной петлей было обнаружено в склепе № 1 некрополя Карши-Баир [Ушаков, Филиппенко, 2006А. – Рис. 2, 3, 18]. Оно было орнаментировано выпуклой концентрической незамкнутой и волнистой линиями. Такие зеркальца являлись обычным инвентарем в сармато-аланских погребениях в достаточно широких хронологических рамках: массово, как минимум с IV до начала VIII вв. [Археология СССР, 1981. - С. 179. - Рис. 62, 19-21. - V в., 97 - вторая половина VII в., 117 - начало VIII в.; Флеров, 1998. - С. 533. - Рис. 5, 227; Храпунов, 2002. - С. 41]. Абсолютно точную аналогию изображения на тыльной стороне зеркальца нам найти не удалось. Оно несколько напоминает рисунок на детали украшения из могилы 82 некрополя Лучистое [Айбабин, Хайрединова, 1998. - С. 280. - Рис. 4, 1;

Хайединова, 2002. - Рис. 15, 14]. Подобные зеркальца известны в Приазовье – танаисская находка относится авторами публикации к первой половине V в. [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. – С. 9. – Табл. 8, 63. Каталог № 12]. Широко они были распространены на Северном Кавказе, где, например, зеркальце из могильника у Лермонтовой скалы А. К. Амброз также продатировал V в. [Амброз, 1989. – С. 96. - Рис. 10, 5, 13]. Имеются такие зеркальца и в Центральной Европе времени Великого переселения народов – находка из Унтерзибенбрунна была отнесена этим же автором к первой половине V в. [Амброз, 1989. – С. 96. - Рис. 6, 11].

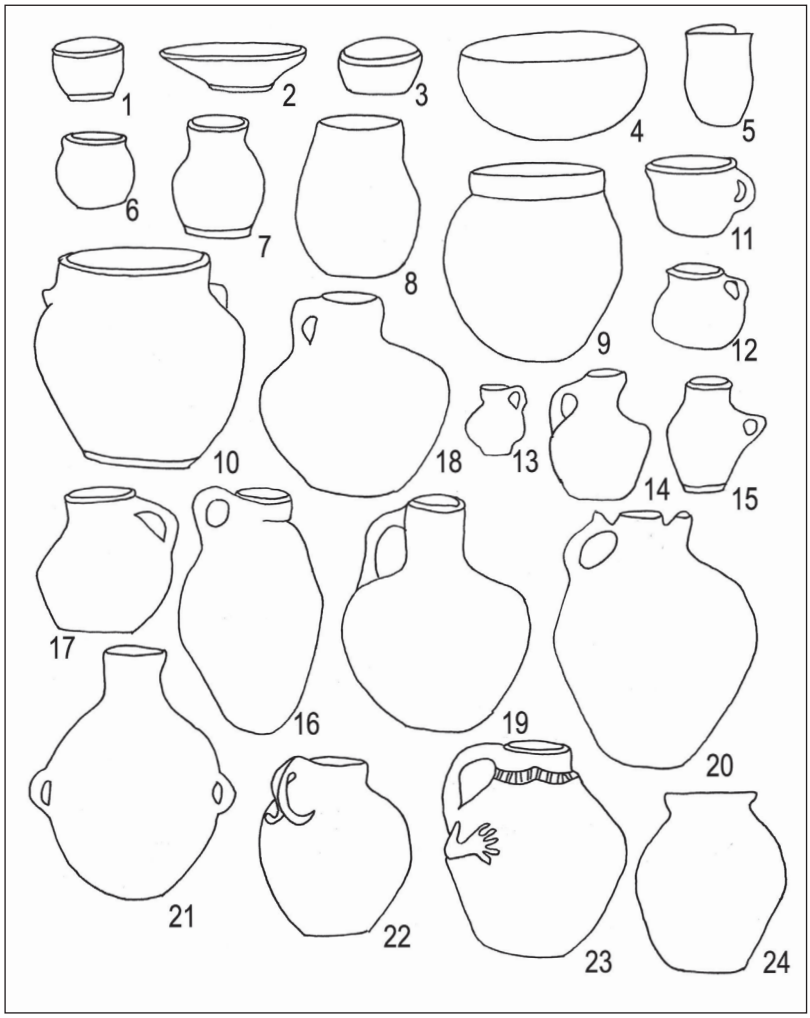


Рис. 55. Основные типы лепной керамики из некрополя “Совхоз-10” (по Ушакову, 1998).

Находят в женских погребениях костяные пиксидки. Одна из них – в склепе № 5 (КБ I) (рис. 73, 11-14) украшена врезным орнаментом из концентрических линий и кружочков, вместе с ней были найдены также три крышки или донышка. Среди аналогий назовем почти такую же пиксиду из могильника Лучистое [Айбабин, Хайединова, 1998. - С. 303. - Рис. 19, 3,4. - Склеп 88; Хайединова, 2002. – Рис. 14, 1-3]. Э.А. Хайединова считала пиксиду из Лучистого боспорской, думая, что их находят только там [Хайединова, 2002. – С. 74]. Однако много их и в Херсонесе. Так, крышка от подобной пиксиды с лепестковым орнаментом была найдена в цистерне, раскопанной в Северо-Восточном районе Херсонеса [Золотарев, Коробков, Ушаков, 1997. - С. 71. - Рис. 12]. Так что по происхождению пиксида из Карши-Баира может быть и херсонесской. В одном случае - в склепе 7/1941 Инкерманского могильника - в женском же погребении обнаружено 3 гребня. И совсем в редких, уникальных случаях погребенная женщина украшалась налобным венком (Нейзац, могила № 28).

В могильнике Карши-Баир в погребении девочки-подростка найдена антропоморфная фигурка (К-Б-I, скл. № 5, погр. 3) (рис. 74, 7). Материал – бронза. Подобные изделия, с выраженным фаллическим символом, достаточно часто встречаются среди кочевнических древностей VI-VII вв., особенно в Крыму [См.: Амброз, 1989. - С. 131. - Рис. 45, 8. - Погребения III степной группы. - Айвазовское; 1994/1995. - С. 78. - Рис. 3 - Керчь. - Склеп 154/1904; Засецкая, 1998. - С. 471. - Табл. XV, 6. - Керчь, склеп 78, погр. 5] и на Северном Кавказе [Степи Евразии в эпоху Средневековья…- С. 181. - Рис. 64, 11. - Лермонтовская скала. – VI - середина VII вв.]. Они не обязательно принадлежат тюркам, они обычны и для сармато-алан [Айбабин, 1990. - С. 180. - № 164. - VII в.].

Рассматривая женский костюм варваров Юго-Западного Крыма V – первой половины VI вв. Э.А. Хайединова недавно представила другие многочисленные примеры находок погребального инвентаря разных категорий вещей (пряжки, фибулы, украшения, бусы и подвески, украшения, предметы туалета, орудия труда) из могильников. Ей удалось реконструировать и тип одежды погребенных [Подр. см.: Хайединова, 2002. – С. 53-118]. По ее заключению, в распространении как германской, так и византийской моды в Юго-Западном Крыму большую роль играли херсонесские ремесленники, а сложившийся с середине VI в. местный женский костюм позволяет говорить о смешанном, готском и аланском населении этого региона [Хайединова, 2002. – С. 85].

Как уже отмечалось, одновременно с подготовкой умершего к обряду погребения происходил выбор места и там сооружалась могила, хотя и не исключено, что это происходило и заранее, особенно если речь шла таких относительно монументальных сооружениях, как склепы. Пока неясно, чем регламентировался выбор типа погребального сооружения - склеп, подбой или простая

грунтовая могила. Можно предположить, что в данном случае роль играли не столько этнокультурные, сколько социальные факторы, в отличие от выбора между обрядами трупоположения и трупосожжения. Косвенным образом об этом можно судить на основании отсутствия какого-либо сопроводительного инвентаря в простых ямных захоронениях, что наблюдается, а Инкерманском и Чернореченском могильниках. В подбойных могилах

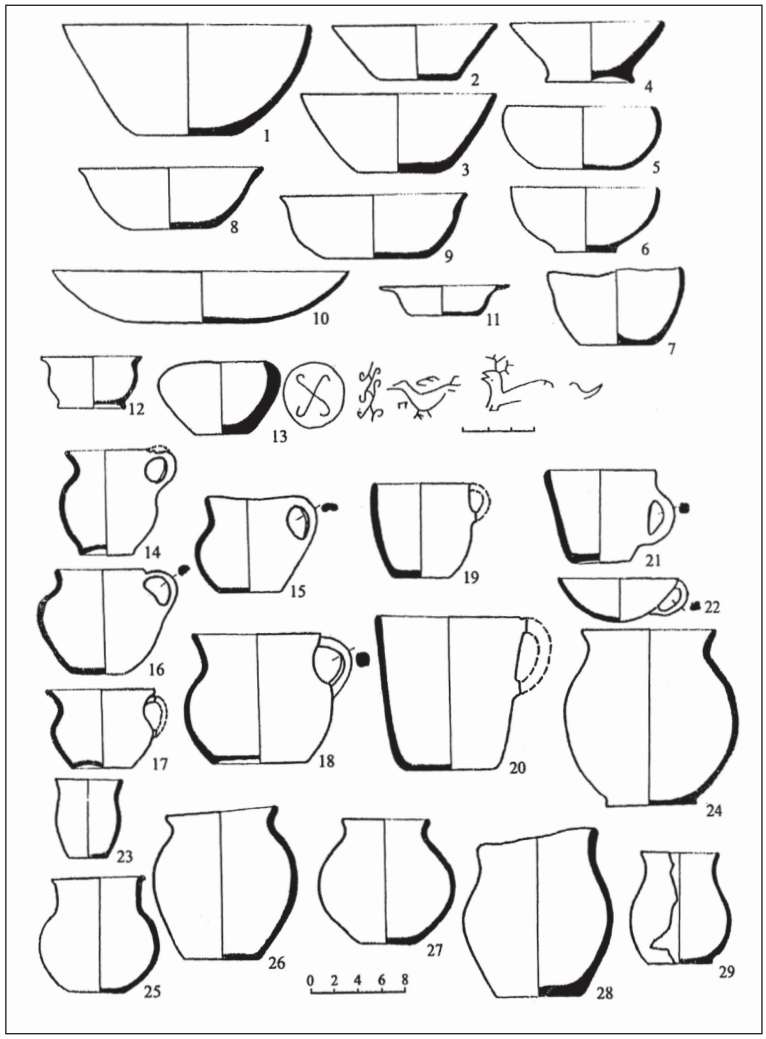


Рис. 56. Лепные сосуды некрополя “Совхоз-10” (по Стржелецкому, Высотской, Рыжовой, Жестковой, 2003-2004).

и, тем более, в склепах хоронили, таким образом, умерших более высокого ранга, вероятно не только по социальному, но и по имущественному положению. Ведь даже сооружение подбоя требовало больших усилий, чем вырыть простую могильную яму.

Некоторые подбойные могилы имели и по два подбоя, как, например, подбойная могила № 481 Скалистинского могильника, где в восточном подбое был захоронен ребенок, а в западном - взрослая женщина: в могиле были найдены, среди прочих вещей, зеркало, бронзовый браслет, подвеска и бусы. Иногда, в редких случаях, в одном подбое могли похоронить сразу двух человек (Пб. № 5/1991 Килен-балки) - старого мужчину и взрослого или двух взрослых - мужчину и женщину (Пб. № 35 Чернореченского могильника), возможно, мужа и жену, хотя говорить об этом без тщательного специального антропологического исследования о родственных отношениях в подобных случаях и невозможно. Двойные погребения обнаружены также в подбойных могилах № 3, № 6, № 6 Черноречья, Пб. № 22 Инкермана.

Вообще, погребальные ямы с подбоями - самый распространенный тип погребальных сооружений, реже хоронили в простых грунтовых ямах с вертикальными стенками и совсем редко - в ямах с заплечиками (могилы с заплечиками 1, 2, 3 Инкерманского могильника). В подбойных могилах похоронены мужчины: в могильные ямы были положены, кроме ножей и кинжалов, мечи. При этом надо заметить, что ножи обычны и для женских захоронений, а в одном из них была найдена даже кольчуга (Пб. 29 Чернореченского могильника). В целом же, оружие - не частые предметы в погребениях. Кроме мечей и кинжалов (Инкерманский могильник, Бельбек I, Карши-Баир I, склеп № 5) в могилах могли быть и копья (от них сохранились только наконечники), секиры (найдена в женском захоронении склепа 3/1991 Килен-балки).

С культом огня связано посыпание дна могильной ямы углем и золой (См.: Табл. 16). Кроме указанных в Табл. 16 погребений дополнительно отметим также, что угли были найдены и в подбойной могиле № 9 Красномаковского могильника. С какими-то особенностями культа огня может быть связан и обычай посыпания дна могильной ямы песком - такие случаи зафиксированы в трех погребениях Бельбекского могильника.

В процессе предания покойника земле в могилу клали, кроме перечисленных выше вещей, набор сосудов - гончарных и лепных, а также из стекла (См.: рис. 75, 35-40; 78, 7; 79, 7-9; 81 1-12, 15, 16; 82, 4, 19, 20, 27, 28; 83, 12-17), которые чаще располагали в головах и ногах умершего. В некоторые сосуды - преимущественно миски и тарелки была положена напутственная пища (мясо крупного и мелкого рогатого скота, птицы, куриные яйца, орехи) (См.: Табл. 17). Что касается куриных яиц, то по наблюдениям И.Н. Храпунова, они стали использоваться в качестве заупокойной пищи только в IV в. (по материалам могильника Нейзац) [Храпунов, 2005. – С. 194].

Для помещения останков в могильной яме часто использовались деревянные гробы - колоды. Их остатки встречены как в подбойных, так и в обычных грунтовых могилах, а также в склепах. Иногда гробы ставились на камни (См.: Табл. 16). Такой обычай был присущ и

населению, оставившему могильник в Карши-Баире и Килен-балке - практически во всех погребальных сооружениях этого некрополя найдены остатки деревянных гробов. Покойников могли заворачивать в кошму (Дружное, Черноречье - Пб. №№ 19, 24) или кусок ткани (Сахарная головка, Пб. № 3, Черноречье, Пб. № 1 8). В склепе № 7 (КБ I) были захоронены отрубленные части ног [Ушаков, Филиппенко, 2001. – С. 22. – Рис. 2, 1].

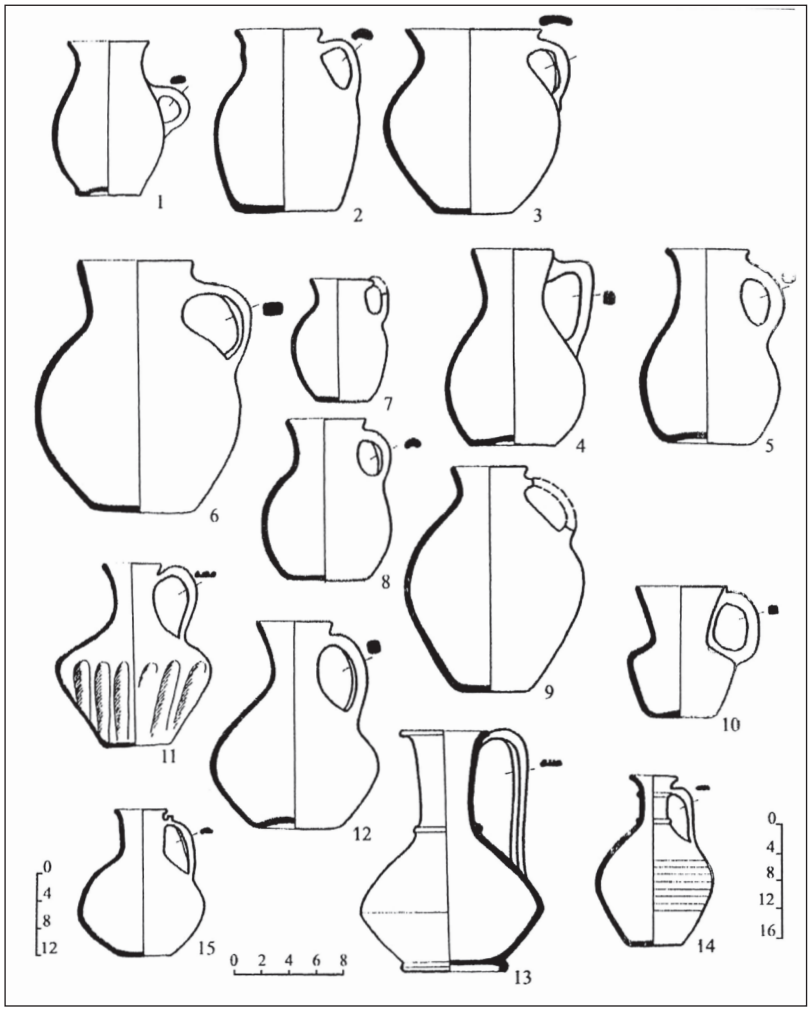


Рис. 57. Лепные сосуды некрополя “Совхоз-10” (по Стржелецкому, Высотской, Рыжовой, Жестковой, 2003-2004).

Если говорить о позах погребенных, то в большинстве случаев их укладывали вытянуто на спину. Отклонения от этого варианта довольно редки. Так, скорченная поза («сидя») была придана умершему в одной из могил (№ 3) Бельбекского некрополя, с поджатыми ногами на боку был захоронен мужчина в могиле № 17 Инкерманского могильника, скорченно на правом боку лежала женщина в подбойной могиле № 33 некрополя на Черной речке. При всем этом наблюдается большое разнообразие в положении рук и ног. У многих погребенных кисти обеих рук (или только одной) помещались в районе таза; ноги были перекрещены (возможно, связаны) (См.: Табл. 16). Как правило, такие позы исследователи связывают с сарматскими обычаями. О количественном соотношении этих поз при неполноте и ограниченности данных говорить очень сложно. Так, в Инкерманском могильнике такие позы зафиксированы как отдельные случаи в 26 подбойных могилах, а также в могилах с заплечиками и в 10 ямных погребениях. В Чернореченском же могильнике в подбоях и в ямных могилах число умерших с перекрещенными ногами колебалось от одной четверти до одной трети общего числа погребенных. Практически невозможно проследить и зависимость позы от ориентировки костяка. Так, в том же Чернореченском могильнике из 38 подбойных могил северо-восточная ориентировка зафиксирована в 28 случаях (среди которых 8 раз были перекрещены руки и ноги), северо-западная - 1 случай и восточная - также один случай (везде с перекрещиванием рук и ног). Другие ориентировки - единичны (См.: Табл. 6); часто от костяков сохранились только тлен или же даже и он не был зафиксирован вовсе. Своя система ориентации умерших прослеживается в могильнике «Совхоз-10» - практически вне зависимости от времени захоронения доминирует ориентация на юго-восток (Табл. 7).

Ориентация умерших в склепах заметно отличается от ориентации похороненных в подбойных и грунтовых могилах. Так, в склепах Озерного умершие лежали преимущественно головой ко входу - на юг, юго-запад или юго-восток, а в подбойных и в грунтовых могилах они были ориентированы головой на север и северо-запад. Аналогичным образом - головой ко входу лежали костяки и в склепе 1/1940 Инкерманского могильника; в Чернореченском же, напротив, некоторые умершие были положены поперек входа в склепы. Добавим, что похороненные в могильнике на склоне Сахарной головки лежали головами на юго-запад. Это локальное отличие, характерное именно для этого некрополя, а в Скалистом умершие были ориентированы головами на юго-восток.

Обратимся теперь к общей характеристике другого типа погребального обряда - трупосожжений. При этом мы исходим из наиболее вероятного предположения, что главное отличие двух типов погребальных обрядов - трупоположения (ингумации) и трупосожжения (кремации) является, прежде всего, этнокультурным, а не хронологическим или социальным фактором, хотя они могут быть и взаимосвязаны.

Сожжения проводились, вероятно, на стороне, однако следы кремации удалось зафиксировать всего несколько раз: на могильнике Ай-Тодора (Харакс) [Блаватский,

1951. - С. 274]; а на Чатыр-Даге – участок обожженной поверхности материкового грунта [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006. – Табл. 13. - С. 96]. Иногда сожжение могло проводиться и прямо в могиле, на месте погребения; об этом косвенно можно судить по тому факту, что дно одной из таких могил того же Харакского могильника (могила №11) устилал перегоревший грунт.

По материалам некрополя Чатыр-Даг удалось проследить все три стадии посмертного обращения с телами умерших: 1) предваряющие обрядовые действия – трупосохранение/трупоуничтожение; 2) завершающие обрядовые действия – погребение/выставление; 3) последующие обрядовые действия – поминание/непоминание. Во всех 55 могилах некрополя фиксировались следы сожжений, а в одном случае (могила № 21), кроме кремации зафиксировано трупоположение (жертвоприношение?) ребенка [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006. – С. 95]. Вместе с покойником сжигались некоторые предметы. В могилы клались и предметы, не побывавшие в погребальном костре, а оказавшиеся там в результате обрядовых действий – сосуды, орудия труда, оружие, украшения, некоторые преднамеренно испорченные; о поминальных обрядах свидетельствуют находки 11 поминальных ям, в том числе одна из них (№ 8) сохранились остатки деревянной плахи, предположительно от установленного там деревянного идола [Подр.: Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006. – С. 97-98]. Всего на этом некрополе, как уже говорилось выше, было выделено 9 основных вариантов погребального обряда (Рис. 39-41), а на разных его участках – локальные подварианты [См. подр.: Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006. – С. 99-106].

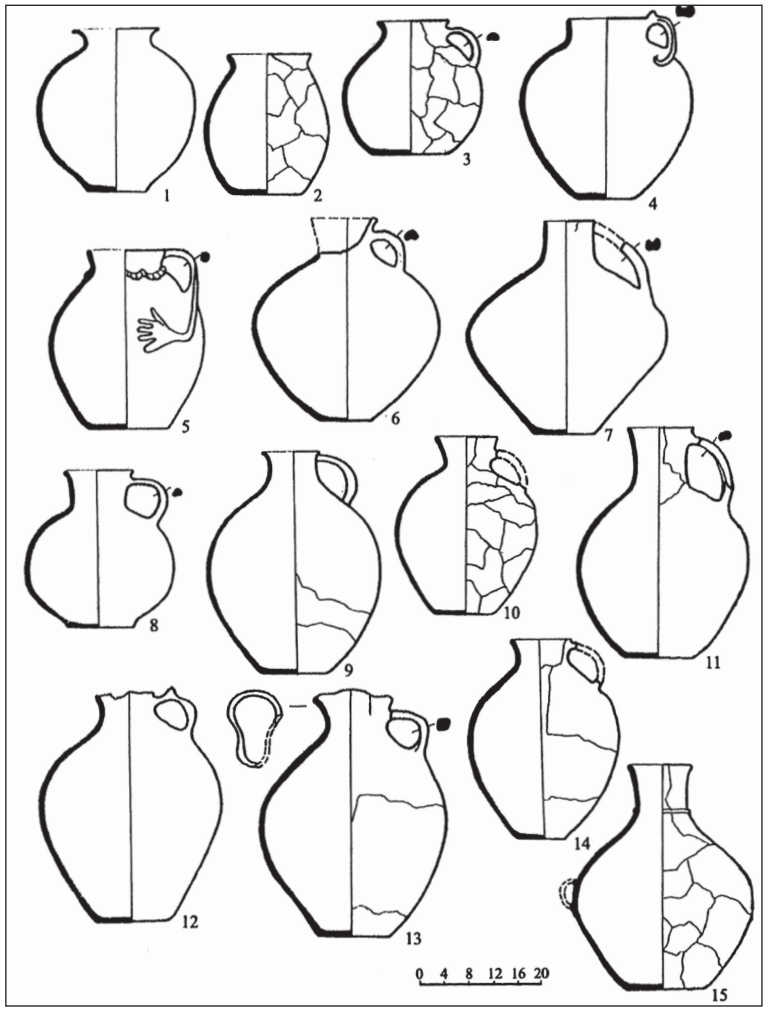


Рис. 58. Лепные урны некрополя “Совхоз-10” (по Стржелецкому, Высотской, Рыжовой, Жестковой, 2003-2004).

О разнообразии погребальных сооружений, использовавшихся для помещения праха в могильниках Юго-Западного Крыма, уже достаточно говорилось выше (Табл. 10-12). Теперь подчеркнем, что нужно говорить и о разнообразии сосудов, служивших погребальными урнами: прах мог помещаться в амфоры (целые или ее фрагменты), лепные урны, кувшины и т.д., многие из которых разбивались. Так, в некрополе Совхоз-10 амфорам принадлежало 47,7 % урн, лепным сосудам – 22,8 %, краснолаковым сосудам – 12,8 % и гончарным – 5,5 % [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004. – С. 48]. В подавляющем большинстве случаев погребальные урны клались на бок, ориентируясь горлом на юго-восток.

Горловины этих урн в свою очередь, закрывались целыми или фрагментированными сосудами (чаще мисками, гончарными или лепными, фрагментами стенок и доньев амфор), плоскими кирпичами, соленами или просто бутовым камнем. В урне помещался прах умерших, часто вместе с остатками сгоревших вещей, пеплом и углем. Внутрь погребальных урн помещались гончарные и стеклянные сосуды, при этом некоторые из них предварительно разбивались. Рядом с урнами клали предметы обихода, орудия труда, оружие, фибулы, пряжки, лепную или гончарную посуду. Многие из сопровождающих вещей - браслеты, фибулы, сосуды перед помещением в могилу разламывались или разбивались; здесь, отразился, вероятно, страх перед мертвыми.

Сосуды-урны могли обкладываться камнем, иногда могилы имели каменные заклады поверх могильной ямы. Эта яма могла перекрываться и щитами - об этом говорят находки умбонов от щитов: некрополь Чатыр-Дага, трупосожжение № 3 [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006. – С. 10. - Табл. 8, 4]; Харакс, могила № 11 [Блаватский, 1951. – С. 268. – Рис. 10]. Кости и пепел в безурновых погребениях, вероятно, могли помещаться и в органическую оболочку, однако до нас они не дошли. О следах тризны (какого-либо посмертного погребального обряда) можно судить только косвенным образом - по наличию в заполнениях ям битых сосудов

со следами повторного обжига (Чатыр-Даг, трупосожжения №№ 5, 6, 7).

Оба могильника на южном берегу (Харакс и Чатыр-Даг) обнаруживают значительное сходство. В обоих имеются как урновые, так и безурновые погребения, причем в большинстве случаев урнами служили амфоры, ориентированные горлами преимущественно на юго-восток. Два случая восточной ориентировки на Хараксе могут объясняться конкретными условиями микротопографии - имеющиеся скальные выступы диктовали форму могильной ямы [Блаватский, 1951. – С. 264]. В сожжениях обоих могильников, как и в некрополе Совхоз-10, имелся достаточно многочисленный сопутствующий материал. В большинстве же кремаций Чернореченского могильника каких-либо предметов, кроме сосудов, в которых находился прах погребенных, ничего не найдено.

О хронологической эволюции обряда трупосожжения говорить сложно. Пока лишь можно сказать, что обычай сооружения плитовых могил (или небольших каменных ящиков) мог существовать достаточно долго – в течении второй половины III – IV вв., сочетаясь или сменяясь затем упрощенным способом применения камня - в виде обклада могил и устройства каменных вымосток.

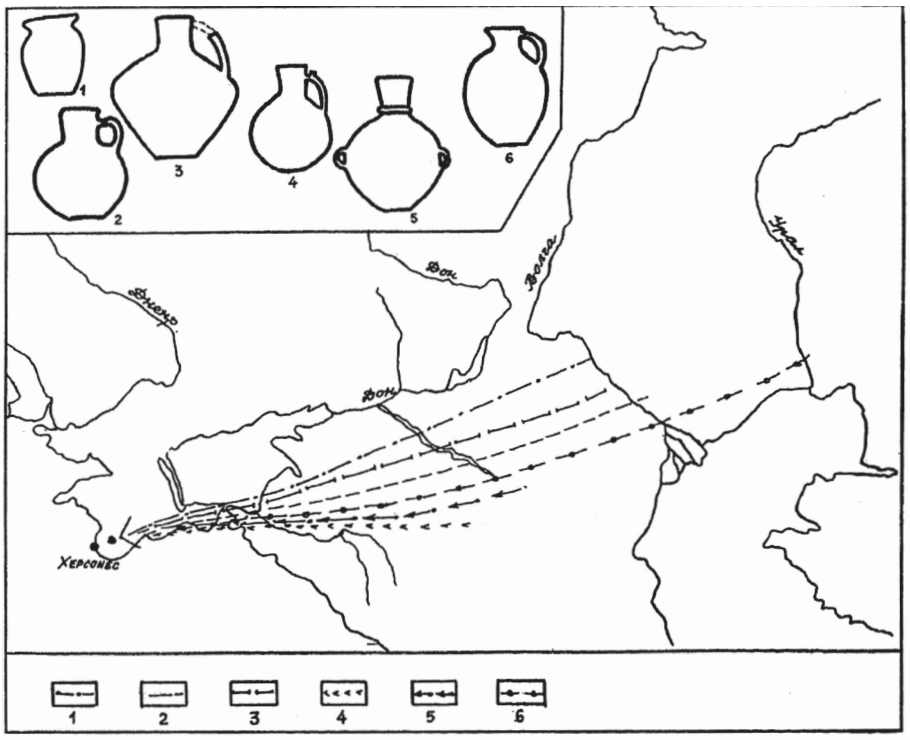


Рис. 59. Проникновение сарматской керамики в Юго-Западный Крым (по Стржелецкому, Высотской, Рыжовой, Жестковой, 2003-2004).

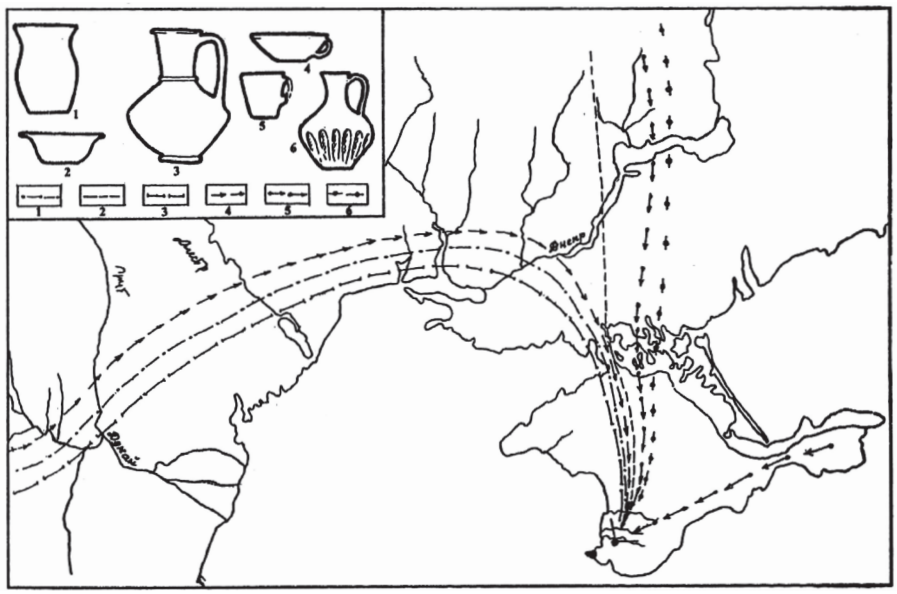


Рис. 60. Гето-дакийские связи (по Стржелецкому, Высотской, Рыжовой, Жестковой, 2003-2004).

Трудно представить и достаточно достоверную картину соотношения двух типов погребений - трупоположения и трупосожжения, опять же по той самой причине, что значительная часть кремаций из-за их фрагментарной сохранности и отсутствия датирующего материала остаются хронологически не стратифицированными. На основании же датированных погребений можно говорить об их хронологическом соотношении и территориальном распространении только в очень осторожной форме. Появляясь в III веке, погребения с сожжениями сосуществуют с погребениями по обряду трупоположения, концентрируясь в долине Бельбека. Чуть позже, во второй половине этого столетия и в IV веке трупосожжения появляются на Черной речке и на Южном берегу Крыма (под Чатырдагом). Затем довольно многочисленными становятся кремации в районе Харакса, и, наконец, в конце IV - начале V веков известны только единичные сожжения (на Черной речке). С этого времени обряд ингумации становится доминирующим во всем Юго-Западном Крыму.

В целом можно отметить сосуществование кремации и ингумации в хронологических рамках III - V вв. не только на ограниченном пространстве юго-запада полуострова, но и на одних и тех же

могильниках. Напомним еще раз, что они биритуальны, при этом на Бельбекском могильнике преобладают трупоположения, а на Чернореченском - трупосожжения. Отдельные захоронения по обряду трупоположения имеются на Хараксе и у Чатырдага. Факты некоторой синкретичности культуры наблюдаются в погребальных сооружениях могильника Совхоз-10, где в могилы, характерные для трупоположения, были поставлены урны с прахом. Это - могила с заплечиками № 218, где стояла еще одна урна и 9 урн с прахом найдено в подбойной

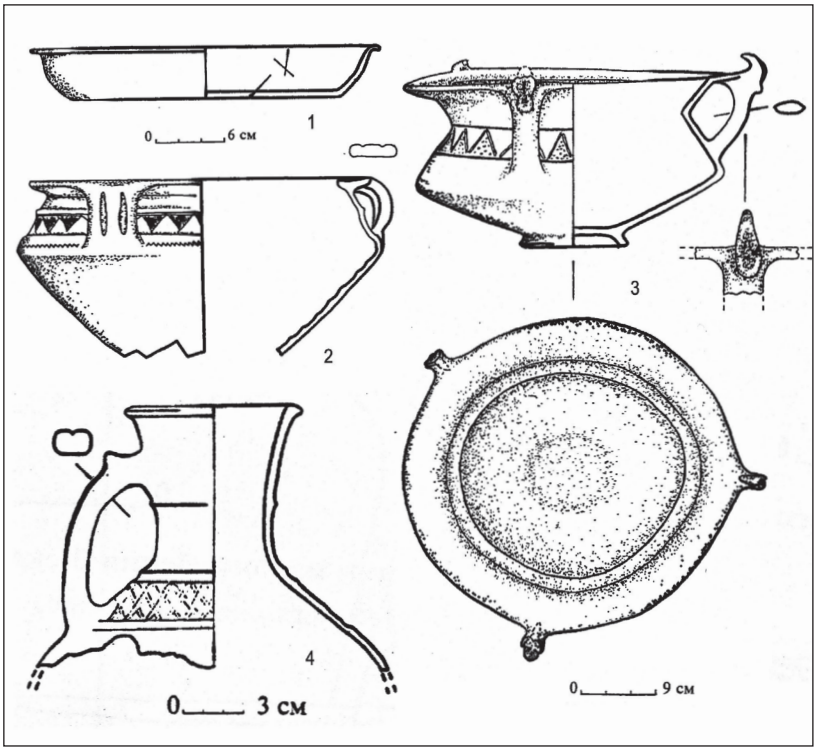


Рис. 61. Керамические находки из могильника Красная Заря (по Лободе и Волошинову, 2002). 1, 3 – склеп 22; 4 – могила 37.

могиле № 89 (См.: Табл. 11; рис. 42, IV В).

Большинство погребений с трупоположением, вероятно, связано с сармато-аланским миром, который здесь в значительной степени является наследием так называемой «позднескифской культуры» (См.: Табл. 18). Значительно сложнее определить этническую принадлежность погребений с трупосожжениями. Попробуем сопоставить этот тип погребального обряда с основными археологическими культурами Средней Европы конца I тыс. до н.э. - первой половины I тыс. н.э. Это тем более правомерно, что большинством исследователей они признаются за германские (или полиэтничные с преобладающим германским этносом). Напомним их краткую характеристику в хронологической последовательности.

Пшеворская культура. Общие хронологические рамки ее - I в. до н.э. - первая половина V в. [Никитина, 1974. - С. 58]. Урновые трупосожжения совершались на стороне. Предметы погребения носят следы пребывания в огне, керамика фрагментарна; имеются воинские погребения с оружием [Этнокультурная карта. - С. 26]. Основные детали погребального обряда характеризуются следующими чертами: 1) в погребениях - фрагментированная керамика, значительная часть которой обожжена; 2) сожжения с остатками костра; 3) урна, как правило, помещена в яму вниз дном; 4) покрытые урны единичны и чаще всего они накрыты мисками, перевернутыми вверх дном; 5) присутствие заупокойной пищи; 6) обычай вбивать оружие или орудия в землю, вызванный, вероятно, страхом перед мертвыми [Подр. см.: Никитина, 1974. - С.81-90].

Вельбаркская культура. (Вельбарк - Дитиничи, последняя четверть II - начало IV вв.) [Козак, 1985. - С. 73]. Погребальный обряд характеризуется бескурганными могильниками, трупосожжения совершались на стороне, преобладают ямные захоронения, урновые немногочисленны. Большая часть предметов погребения носит следы пребывания в огне. Керамика в основном лепная [Подр. см.: Козак, 1985. - С. 69-70; Археология УССР. Т. 3. - С. 130-131].

Черняховская культура. В своем развитии прошла ряд хронологических этапов. По мнению большинства отечественных исследователей, она возникает около 230 г. и исчезает около 430 г. [Гороховский, 1988; Магомедов, 2001. – С. 146], но произошло это не сразу – элементы культуры существовали до 475 г. [Магомедов, 1999]. При этом процесс образования ее (220-270 гг.) не был одномоментным [Щукин, 2005. – С. 133]. Возникновение культуры связано и с варварскими походами, которые охватили и побережье Черного моря, о чем уже пришлось говорить выше, рассматривая письменные источники (Табл. 19).

Могильники биритуальны. Трупосожжения разделяются на урновые и ямные. Кремация совершалась на стороне. Большинство трупосожжений совершено в прямоугольных ямах, реже - в ямах с заплечиками, в подбоях и склепах-катакомбах (наиболее характерны для Причерноморья). В устройстве отдельных могил применялось дерево [Сымонович, Кравченко, 1983. - С. 12]. Сопроводительный материал довольно многочислен и разнообразен. Составная часть погребального обряда - тризна. Среди керамики преобладает гончарная, иногда - с орнаментальной композицией. Редки находки предметов вооружения и снаряжения воинов. Культура делится на территориальные локальные группы [См.: Баран, Магомедов, 1985. - С. 43-50].

Сопоставительный анализ погребений четырех крымских биритуальных некрополей - Бельбек I, Чатырдаг, Харакс и Черноречье - показывает значительную долю сходства их погребального обряда с культурами Средней и Северной Европы позднеримского времени

[Ср.: Пиоро, 1999. – С. 231-233] (См.: Табл. 20). Если говорить о формальных признаках, то грунтовые погребения, имеющиеся в крымских могильниках (кроме Харакса) преобладают в пшеворской и черняховской культурах, наблюдаются они и в захоронениях Готланда. В европейских культурах германского круга, кроме Скандинавии, преобладают трупосожжения (как и в Чатырдагском и Харакском некрополях); почти везде

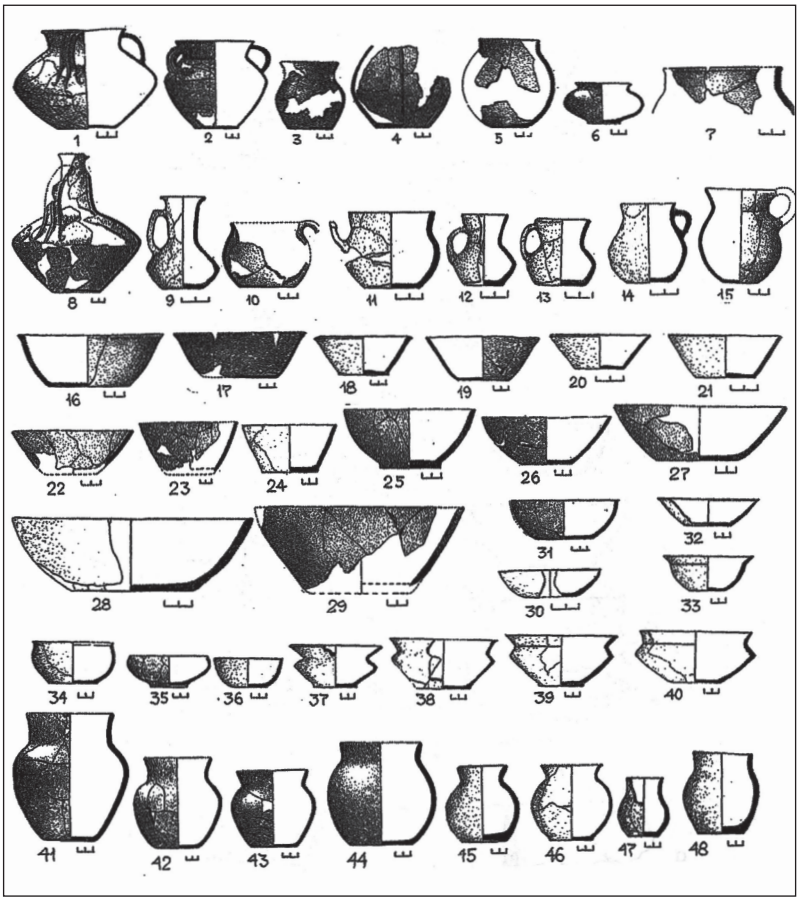


Рис. 62. Лепная керамика могильника Красный Мак (по Лободе, 2003). 1-7 – сосуды; 8,9 – кувшины; 10-15 – кружки; 16-40 – миски; 41-48 – горшки. 1, 8, 27, 29 – склеп 1; 15-16 – склеп 2; 2, 22, 23, 25, 42 – склеп 3; 5, 41 – склеп 4; 28 – склеп 5; 3, 6, 17, 31, 35 – склеп 6; 4, 10, 19 – склеп 7; 26, 43, 44 – склеп 8; 7 – могила 9; 9, 12, 13, 34, 45, 47, 48 – склеп 10; 37, 38, 46 – склеп 11; 14 – могила 12; 24, 30, 32, 39, 40 – склеп 13; 20, 21, 33 – склеп 15; 11, 18, 36 – склеп 16.

есть и захоронения по обряду трупоположения (то есть эти культуры также биритуальны), в Крыму они преобладают в Бельбекском и Черноречeнском могильниках. Далее, урновые трупосожжения часты в пшеворской, черняховской культурах, составляют заметное большинство среди сожжений на Харакcе и Черной речке. В свою очередь, ямные трупосожжения, как на Чатырдаге, преобладают в пшеворской и вельбаркской культурах.

По способу покрытия урны - миской, сосудом другого типа, камнем или черепками наибольшее сходство крымские могильники, особенно Харакс, имеют с сожжениями, оставленными пшеворцами; то же самое можно сказать и по наличию сопроводительных сосудов (сосудов-приставок). Говоря о наличии оружия, надо отметить, что оно достаточно редко наблюдается в Скандинавии, более обычно для пшеворских племен, имеется в трех крымских биритуальных могильниках - Чатырдагском, Харакском и Черноречeнском, кроме того, на Чатырдаге зафиксированы случаи их ритуального повреждения, что бытовало у пшеворцев.

Относительно других черт погребального обряда отмечу еще следующее. В упомянутых выше могильниках Юго-Западного Крыма имеются только отдельные черты (признаки) обряда, аналогичные тем, которые фиксируются в европейских культурах германского круга. Так, погребения на Харакcе с сожжениями под каменными вымостками находят аналогии в захоронениях Западной и Восточной Скандинавии, у пшеворцев и черняховцев. Урны, обложенные камнем, как на Харакcе и Черной речке, имеются (редко) у пшеворских племен. Ритуально поврежденные урны, характерные для харакских погребений и сожжений на Черной речке, зафиксированы в захоронениях пшеворской культуры. Черепки в погребениях, в том числе и обоженные, характерны для пшеворской и вельбаркской культур, имеются на Чатыр-Даге, а также на Харакcе и Черной речке.

Приведенные выше примеры позволяют подтвердить высказанное выше мнение о значительном сходстве или даже совпадении отдельных элементов погребального обряда (по формальным признакам) северных и среднеевропейских культур германского круга и аналогичных погребений с сожжениями в крымских биритуальных некрополях. Полного совпадения, как видно, нет, да его и трудно предположить: перенесение всех, или даже самых значимых элементов культуры в неизменном виде в относительно короткие исторические сроки наверно и невозможно. При сопоставлении всех данных только можно предположить, что активное участие в миграционных потоках принимали представители пшеворской и черняховской, отчасти вельбаркской и, в меньшей степени, других археологических культур, ареалы которых находились еще севернее (культуры Ютландии, Готланда и Скандинавии).

Подтверждаются ли эти выводы на материалах сопоставления данных обряда трупоположения перечисленных выше культур? Погребения по обряду трупоположения есть во всех этих культурах в позднеримское время. Так, в Скандинавии III в. они преобладают, исчезая, правда, в следующем, IV в. (См.: Табл. 22). Умерших хоронили, как правило, в простых грунтовых ямах, реже в небольших каменных ящиках, которые преобладают только в Готланде и в Ютландии. Захоронения в

каменных ящиках, как мы знаем, преобладали в Бельбекском некрополе, есть они на Чатырдаге, в Инкерманской долине (могильник «Совхоз - 10»), зафиксированы на некрополе Суворово. Преобладающей для них являются северная ориентировка, характерная, кстати, и для погребений могильника Бельбек I. Определенное сходство есть и в наборах погребального инвентаря (украшения, оружие, керамика). В заключение необходимо

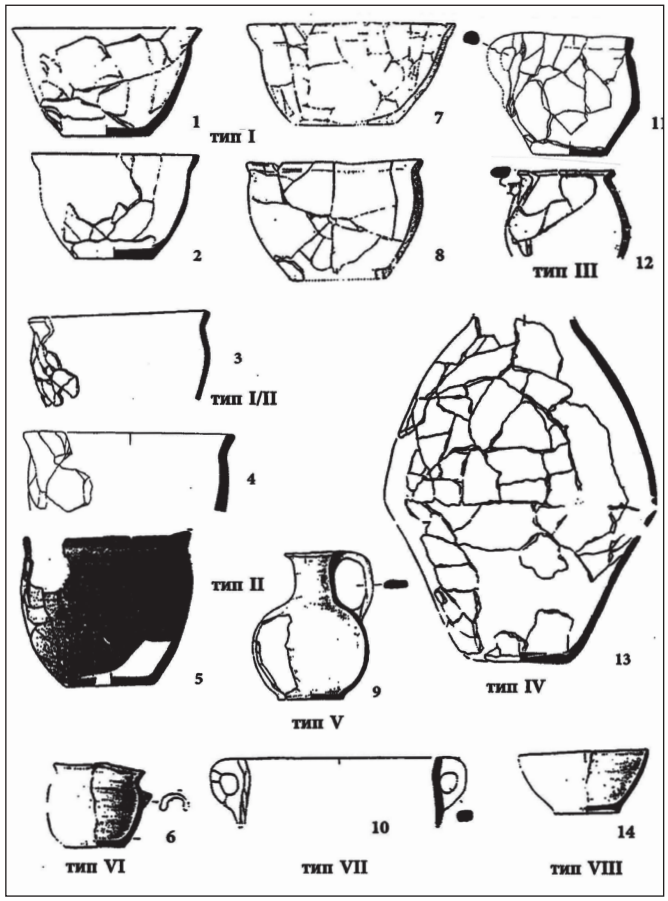


Рис. 63. Лепная керамика из некрополя Чатыр-Даг (по Мыцу, Лысенко, Щукину, Шарову, 2006).

заметить, что по многим признакам крымские некрополи действительно разделяются на две основные группы (получившие в литературе наименование - памятников типов Озерное - Инкерман и Ай-Тодор). Так вот первая группа памятников, более многочисленная и шире распространенная территориально, наибольшее сходство, подчеркну еще раз, обнаруживает с сармато-аланскими памятниками Северного Кавказа, а вторая - с культурами преимущественно германского мира, что как кажется, также удалось показать.

* * *

Резюмируя сказанное в этом разделе, можно заключить следующее. Археологические материалы служат основным источником суждений об этнической истории региона в хронологических рамках III - середины VI вв. Для этого пригодны данные только раскопок могильников, да и то не всех, а так называемых базовых, которые находятся в центре внимания исследователей уже не одно десятилетие. Они дополнены изданными материалами раскопок последних лет. Публикация всех этих материалов, с достаточно обоснованными датировками конкретных погребений, позволила рассмотреть важнейшие элементы погребального обряда населения. Имеются в виду характер погребальных сооружений, основные типы погребального инвентаря, главнейшим из которых является лепная керамика, и также сочетание элементов обряда в погребениях и могильниках; все это в свою очередь помогло сопоставить погребальный обряд населения Юго-Западного Крыма и археологических культур Центральной и Северной Европы.

Хронологические изыскания последних лет, связанные, прежде всего, с работами А.И. Айбабина, дополненные исследованиями и других археологов на могильниках юго-западной части полуострова, позволяют разделить погребальные комплексы по хронологическим «срезам» (этапам) – у А.И. Айбабина - протяженностью примерно в полстолетия каждый. Основанием для этого служит, прежде всего, корреляционный метод (метод хроноиндикаторов - ХИ); датировка по аналогиям может носить только сугубо вспомогательный характер; монеты в погребениях ни в коем случае не служат главным материалом для датировок - даты выводятся по совокупности всех находок и особенностей каждого конкретного погребения.

Учет всех типов и вариантов датированных погребальных сооружений, важнейшими среди которых являются подбойные могилы, склепы и погребения с трупосожжениями, позволяет с большим основанием утверждать, с одной стороны, о связях их с двумя основными этническими массивами - сармато-аланами и германцами, (которых условно можно именовать обобщенно «готами») и, с другой стороны, растущей со временем синкретичностью погребального обряда и облика всей культуры населения [Ушаков, 1999]. Конкретизировать эти положения можно на материалах лепной керамики, которая позволяет достаточно обоснованно судить о преобладании сармато-аланского этноса над германским численно; оставшиеся в живых потомки позднескифского населения не оказали существенного влияния на материальную культуру населения. В целом же анализ погребального обряда Юго-Западного Крыма позволяет говорить, прежде всего, о значительном влиянии двух (Озерное-Инкерман и Харакс-Чатырдаг) территориальных групп археологических культур. Первая из них (другое название – Инкерманская культура [См.: Колтухов, Юрочкин, 2004. – С. 179]) связана с сармато-аланским племенным миром - это влияние самое значительное; второе - с миром культур германского круга; позднескифское наследие, как уже было показано выше, сказалось мало; о дако-фракийском влиянии можно говорить только предположительно.

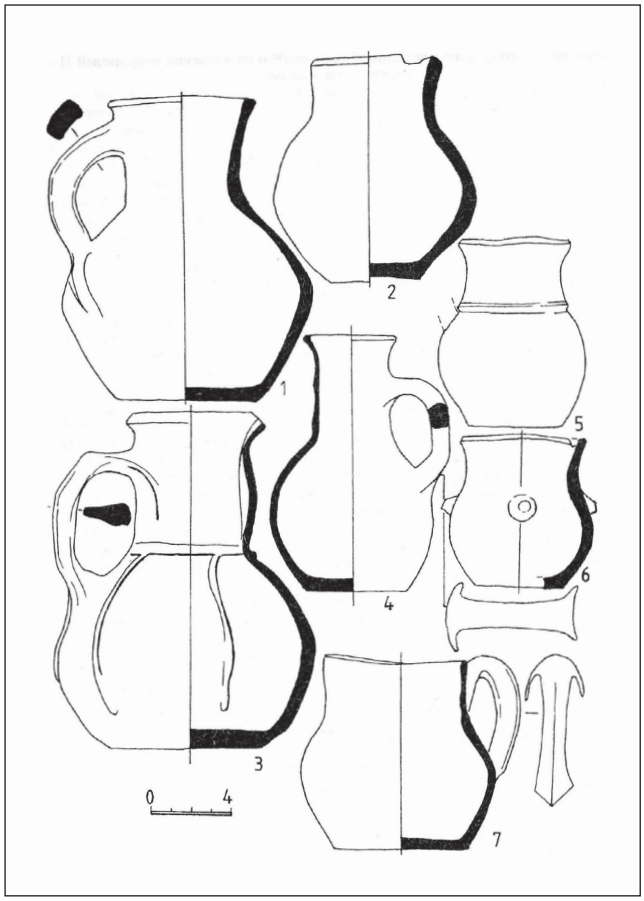


Рис. 64. Темноглиняная лепная керамика из ранних склепов из Лучистого (по Айбабину, 1999). 1 – склеп 52; 2 – склеп 41; 3,5 – склеп 55; 4, 7 – склеп 88; 6 – склеп 54а.

3.3.ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

При обращении к антропологическим данным для определения этноса населения, кроме сложностей общетеоретического свойства, необходимо обратить внимание и на другие обстоятельства. Во-первых - это неполнота материала. С одной стороны, открытые могильники не исследованы полностью археологически; с другой стороны, из погребений по разным причинам или не брался весь найденный костный материал, или он остался до конца неизученным и не опубликованным. Во-вторых - антропологический материал если и исследовался, то разными специалистами и в разные годы, естественно не по единой программе (прежде всего в смысле ее полноты), правда, по единым методологическим и методическим принципам. Кроме того, результаты его обработки в публикациях чаще всего представлены слишком общо, без четкой хронологической стратификации - серии могут датироваться с точностью до двух - трех столетий.

Тем не менее, если попытаться резюмировать итоги палеоантропологических исследований в позднеантичном-раннесредневековом Крыму (см.: историографический обзор), то можно заключить следующее.

1. Практически все материалы из могильников Горного Крыма позволяют говорить о смешанности населения.

2. Выделяются несколько антропологических типов, точнее вариантов, которые обнаруживают генетическую связь с поздними скифами, сармато-аланами, населением Балкан (греки) и Кавказа.

3. Отсутствует чисто готские (северо-германские, скандинавские) антропологические серии.

4. При этнической интерпретации данных антропологи часто идут вслед за выводами археологов.

Наконец, неоднозначная трактовка материалов позволяет, в свою очередь, археологам оперировать теми высказываниями антропологов, которые подтверждают их версию (трактовку) археологического материала. Так, А.И. Айбабин акцентировал свое внимание на том, что еще Г.Ф. Дебец писал о присутствии в антропологических материалах северо-германской примеси [См.: Айбабин, 1986. - С. 194]. Однако при этом надо помнить, что сам маститый антрополог, говоря об этом факте, имел в виду только несколько черепов из Эски-Кермена, при этом он считал, что такой краниологический тип - «результат нормальной изменчивости» [Дебец, 1948. - С. 268].

В концентрированном же виде возможность решения готской проблемы по антропологическим данным выразила Т.И. Алексеева. Ввиду важности этого высказывания приведем цитату полностью: «Возможность определения готских компонентов в населении той или иной территории затруднено тем обстоятельством, что собственно готских краниологических серий нет в нашем распоряжении. Об антропологическом типе готов можно судить лишь на основании аналогий с населением Скандинавии железного века. Если считать готов носителями так называемого германского комплекса черт, то ни в одном месте, где можно ожидать наличия готов, этот комплекс не проявляется. Если же под названием готов на исторической арене выступают разноэтнические группы, то у нас нет оснований ожидать связи с ними определенных антропологических черт, и, следовательно, антропология в решении готской проблемы бессильна» [Алексеева, 1974. - С. 85]. Как видим, вывод ее достаточно пессимистичен.

Недостаток антропологических данных III - VI вв. заставляет использовать шире и материалы последующего времени. Известно, что антропологические типы имеют некоторую «инерцию» - более поздние материалы сохраняют информацию о поколениях предшественников. При этом конечно ясно, что к выводам, полученным таким образом, надо относится с большой долей осторожности.

В результате, сопоставляя выводы антропологов, характеризующие антропологический тип населения, оставившего крымские раннесредневековые могильники, я выдвинул рабочее предположение о существовании в целом в рамках единого антропологического типа двух локальных вариантов, связанных преимуществен-

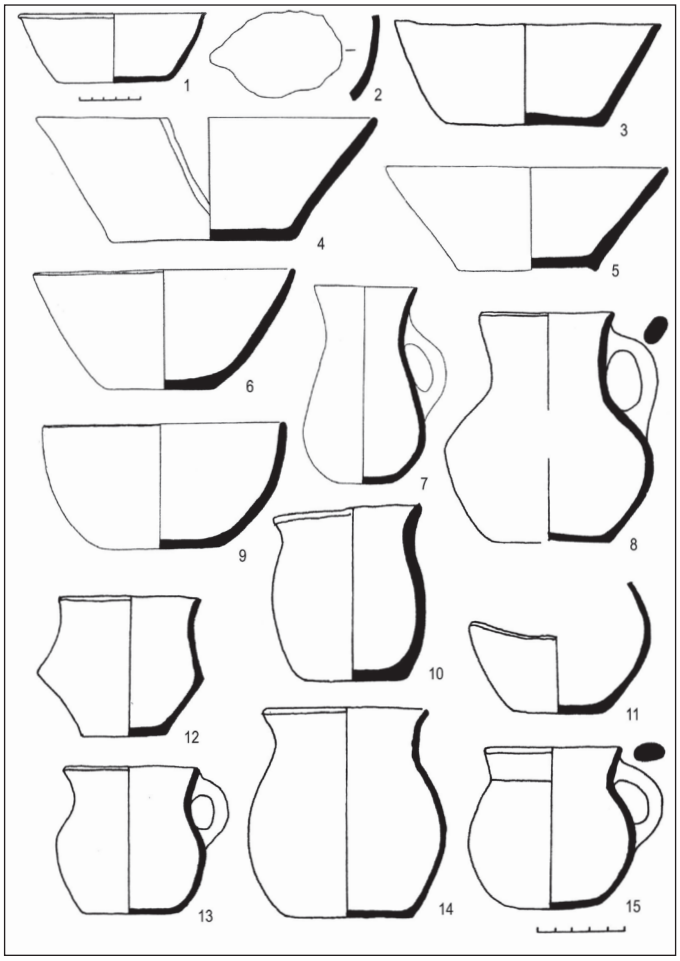


Рис. 65. Лепная керамика могильника Карши-Баир (по Ушакову и Филиппенко, 2007). 1 - подбойная могила (ПБ) № 7 (КБ II); 2 - скл. № 6 (КБ II); 3 - скл. № 4 (КБ I); 4 - скл. № 6 (КБ II); 5 - скл. № 6 (КБ II); 6 - скл. №6; 7 - скл. № 10 (КБ II); 8 - ПБ № 4 (КБ II); 9 - скл. № 10 (КБ II); 10 - скл. № 4 (КБ II); 11 - скл. № 6 (КБ II); 12 - скл. № 2 (КБ II); 13 - скл. № 7, полка (КБ I); 14 - скл. № 5 (КБ I); 15 - скл. № 5 (КБ I).

но с двумя группами могильников [Ушаков, 1990]. Первая из них, это: Мангуп, Эски-Кермен, Суук-Су, Гончарное, Родниковое, Пампук-Кая; вторая - могильники Инкерманской долины (Инкерман, Черноречье, «Сахарная головка»), а также Чуфут-Кале, Скалистое, Судак.

Эти выводы, сугубо предварительные, нужно было сопоставить с данными археологии и письменных источников. Археологические материалы (частью синхронные, а частью более поздние, чем антропологические серии) позволяют говорить, правда, в очень осторожной форме, о принадлежности второй группы могильников сармато-аланам. Хуже с письменными источниками. Данные тех из них, которые можно точно привязать к месту, в основном очень поздние - XIII - XIV вв. Исключение составляет только сообщение Псевдо-Арриана, касающееся в данном случае больше Восточного Крыма. Напомним его: «Ныне же Февдосия на аланском или таврском языке называется Ардабда, то есть Семибожный» [Латышев, 1948в. - С. 34]. Об Алании, аланах близ Херсона, на Чуфут-Кале или рядом с готами сообщали многие средневековые авторы [См.: Барбаро, 1971. - С. 157; Епископ Феодор - Кулаковский, 1898. - С. 9; Марино Санудо - Брун, 1879б. - С. 137; Абул-Феда - Кулаковский, 1899. - С. 63; Сеид Мухаммед Реза - Смирнов, 1887. - С. 104-105; Аали-Эфенди - Смирнов, 1887. - С. 54].

Сопоставляя данные всех этих очень разнородных источников можно заключить, что Алания, скорее всего, находилась близ Херсона, может быть, с центром в Чуфут-Кале. Другую же группу памятников (Мангуп-Суук-Су) можно связать только с Готией, которая, таким образом, располагалась несколько юго-восточнее, возможно, с выходом к морю.

Сложно говорить, насколько эти выводы могут отражать ситуацию III - первой половины VI вв. Чтобы проанализировать обстановку еще раз, более тщательно, обратимся снова к материалам могильников. На первом этапе необходимо вычленить данные по тем из них, которые находятся в Юго-Западном Крыму. К настоящему времени опубликованы данные только по пяти из них. Это могильники Чернореченский, Инкерманский, «Сахарная головка», Лучистое и Скалистое. При этом опять надо учитывать, что только материалы двух из них - Чернореченского и Инкерманского отражают ситуацию точно в заданных хронологических рамках; в остальных некрополях хоронили и позднее - антропологи же часто характеризуют краниологические серии суммарно.

Костный материал из Чернореченского (7 мужских черепов и 5 женских) и Инкерманского (7 мужских и 2 женских черепа) могильников изучался К.Ф. Соколовой. Она выделила, как преобладающий, антропологический тип с мезодолихокранными и массивными черепами (из подбойных могил). Кроме этого типа, имелись долихокранные и брахикранные узколицые черепа (из склепов) [Соколова, 1963. - С. 127].

Значительно более многочисленна серия из Сахарной головки (52 черепа, из них 10 - деформированных). Они были взяты из подбойных и простых могил, а также склепов. Из них 80% относятся к мезодолихокранному узколицему типу [Соколова, 1963. - С. 127].

Серия из Лучистого характеризуется мезокранией, черепа средних размеров [Назарова, Потехина, 1990. - С. 40]. Антропологический материал из 199 погребений, раскопанных в 1984, 1995-2002 гг. недавно был обработан В.Ю. Радочиным [2003. – С. 161-170]. Автор разделил весь материал в хронологических рамках V-IX вв. на пять периодов (по векам). При сравнении краниологических серий этого могильника с сериями из других могильников Крыма выявлено наибольшее сходство с некрополями Скалистое, Сахарная головка, Чуфут-Кале и Черноречье [Радочин, 2003. – С. 165]. Заключение В.Ю. Радочина в целом совпадает с выводами Т.Л. Назаровой и И.Д. Потехиной: исследуемое население принадлежало к большой европеоидной расе, имело ме-

зокранные черепа преимущественно средних размеров с выраженным половым диморфизмом. Искусственно деформированные черепа (12 случаев - 6,2 % от общего количества материала) представлены двумя видами деформаций: кольцевой и лобно-затылочной с преобладанием последней [Радочин, 2003. – С. 169].

Антропологический материал из Скалистинского могильника (280 черепов) обрабатывался Г.П. Зиневич [1973. - С. 31-61]. В ее работе не указывалось точное место находки (№ могилы), поэтому у нас нет возможности уточнить предложенную автором хронологию краниологического материала. Так, к IV-V и VI-VII вв. она относит соответственно 36 и 75 черепов, поступивших для исследования (См.: Табл. ниже). Как отмечает автор работы, обе серии в морфологическом отношении в основном тождественны. Мужские черепа по черепному указателю мезокранны (1 группа), имеют неширокое, умеренно высокое лицо, с четко выраженной профилировкой. Женские черепа брахикранны (1 группа) или мезокранны (2 группа, лицевой отдел слегка уплощен по сравнению с 1 группой) [Зиневич, 1973. - С. 34-39]. Часть мужских черепов (от одной трети до половины от их числа) искусственно деформированы; преобладает циркулярная (кольцевая) деформация.

Краниологические материалы из Скалистинского могильника (по Г.П. Зиневич, 1973)

Дата		IV-V вв.	VI-VII вв.
	Мужские	36	29
	Женские	11	22
	Детские	4	9
	Деформированные	5	15
	Всего	36	72

Материалов для широких обобщений, как видно, явно маловато. Чтобы проанализировать их, попробуем рассмотреть эти данные на фоне других могильников, в более широком территориальном и хронологическом аспекте. Для такого сравнительного анализа нужно привлечь краниологические серии из античных (Херсонес, Пантикапей) и средневековых (Херсон, Коктебель, Судак) городов и поселений, а также материалы по скифам, сарматам, таврам и грекам - тем этническим компонентам, комбинация которых и составила население, оставившее пять отмеченных выше могильников.

Данные по всем памятникам удобно представить для сравнения в табличной форме и нанести на карту. В результате текст, разгруженный от ненужных подробностей, таблица и карта, дополняя и обуславливая друг друга, позволяют дать достаточно подробную антропологическую характеристику населения.

К.Ф. Соколова [1963. - С. 159], Г.П. Зиневич [1973. - С. 247], а вслед за ними и М.М. Герасимова [1987. - С. 32] выделяли в Крыму палеоантропологические типы в основном по двум признакам - черепному указателю и

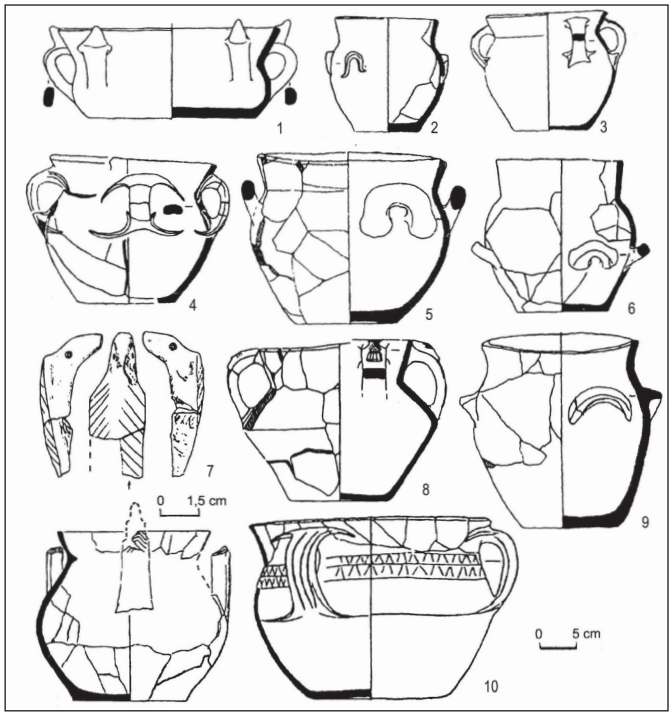


Рис. 66. Некоторые типы лепной керамики из могильника Дружное (по Власову, 1999).

массивности (грацильности) черепа и ширине лица. В обобщенном виде эта классификация выглядит следующим образом.

I. Мезо-долихокранный (долихокранный) массивный широколицый («скифский») тип (распространение по могильникам см.: Табл. 21; Рис. 84).

II. Мезодолихокранный грацильный узколицый («понтийский») тип.

III. Брахикранный широколицый («сармато-аланский») тип.

IV. Брахикранный узколицый тип.

Все они европеоидные, иногда (в средневековье) с небольшой примесью монголоидных черт, отмечается некоторая уплощенность лица. Территориальное распределение этих типов показывает, что население с брахикранными широколицыми черепами концентрировалось преимущественно в горном Юго-Западном Крыму (Мангуп, Родниковое, Пампук-Кая, имелось в Скалистом). Люди с мезодолихокранными грацильными узколицыми черепами населяли район Сахарной Головки, Скалистого, Судака, Планерского. В могильнике на Черной речке, в Инкермане, в Лучистом были в основном похоронены люди с мезо-долихокранным (долихокранным) массивными широколицыми черепами.

При картографировании этих признаков выясняется, что носители «сармато-аланских» черт концентрируются в основном в глубинном Горном Крыму (Мангуп, Пампук-Кая, Родниковое). Эта территория как бы окаймлена с северо-запада людьми - носителями «понтийских» черт; далее к северо-западу от них жили люди со «скифскими» антропологическими чертами. При

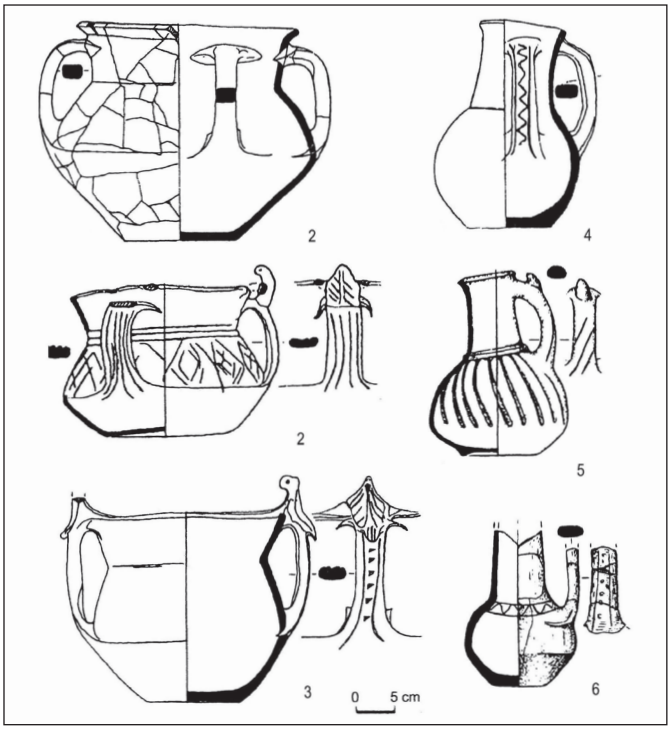


Рис. 67. Некоторые типы лепной керамики из могильника Дружное (по Власову, 1999).

этом надо учитывать смешанность населения и антропологическую чересполосицу, а так же относительно более позднее проникновение в горную часть полуострова людей с брахикранными широколицыми черепами (рис. 84).

В результате анализа и сопоставления антропологического материала можно сделать следующие выводы.

1. Не полностью оправдалось предположение о существовании в позднеантичном - раннесредневековом Юго-Западном Крыму двух основных антропологических вариантов в рамках одного типа. Реальная картина оказалась еще сложнее.

2. В территориальном аспекте можно говорить о смешанности населения; предположительно выделяются группы с преобладанием «скифского» (Черноречье, Инкерман, Лучистое) и «понтийского» (Сахарная головка, Скалистое) типов. В последнем из них явно присутствует «сарматский» компонент. Брахикранный узколицый антропологический тип - вероятно местный.

3. Близость Херсонеса способствовала смешанным бракам, результат которых выразился в увеличении доли понтийского типа.

4. Сарматское (аланское) влияние (в антропологическом смысле) стало более сильно ощущаться несколько позднее - с VI - VII вв.

5. Германские (готские) антропологические серии не выявлены, что может быть связано с тем, что не подвергались антропологическому анализу материалы трупосожжений.

* * *

Анализ триады (письменные, археологические, антропологические) источников позволяет заключить следующее. Письменные источники фиксируют основные реперы изменения этнической ситуации: середина III в. («готские войны»), последняя четверть IV в. (начало гуннского вторжения), середина V в. (утверждение гуннов в Причерноморье), середина - вторая половина VI в. (тюркютское нашествие, готы в стране Дори). Археологические материалы говорят о проникновении сармато-алан и германцев в Юго-Западный Крым еще до начала «готских войн», в итоге которых появились склепы нового типа, широко распространились подбойные могилы и погребения с трупосожжениями. При этом последние из них известны еще с III в., в IV в. они концентрируются на Южном берегу Крыма. Позднескифские же памятники не доживают до этого времени. Две группы могильников (типа Озерное - Инкерман и Харакс - Чатырдаг) можно сопоставить с сармато-аланами и германцами («готами»), биритуальные памятники которых находят сходство с погребениями Средней и Северной Европы. Синкретичность этих культур (аланов и готов) усиливается со временем, при этом все более преобладают аланские черты. Эти данные подтверждаются и палеоантропологическими материалами. Анализ их позволяет говорить о скифском элементе как субстрате, на который «наслоился» сармато-аланский суперстрат. Выявляются «понтийские» черты, германские же антропологические элементы практически не проявляются, что может говорить как о слабом «готском» влиянии на популяции, похороненные по обряду трупоположения, и что, скорее, о слабой изученности погребений с трупосожжениями, где можно предполагать, были похоронены именно германцы. Реконструкцию этнической ситуации целесообразно вести по выделенным этапам, что позволит сделать выводы о характере протекавших тогда этнических процессов.

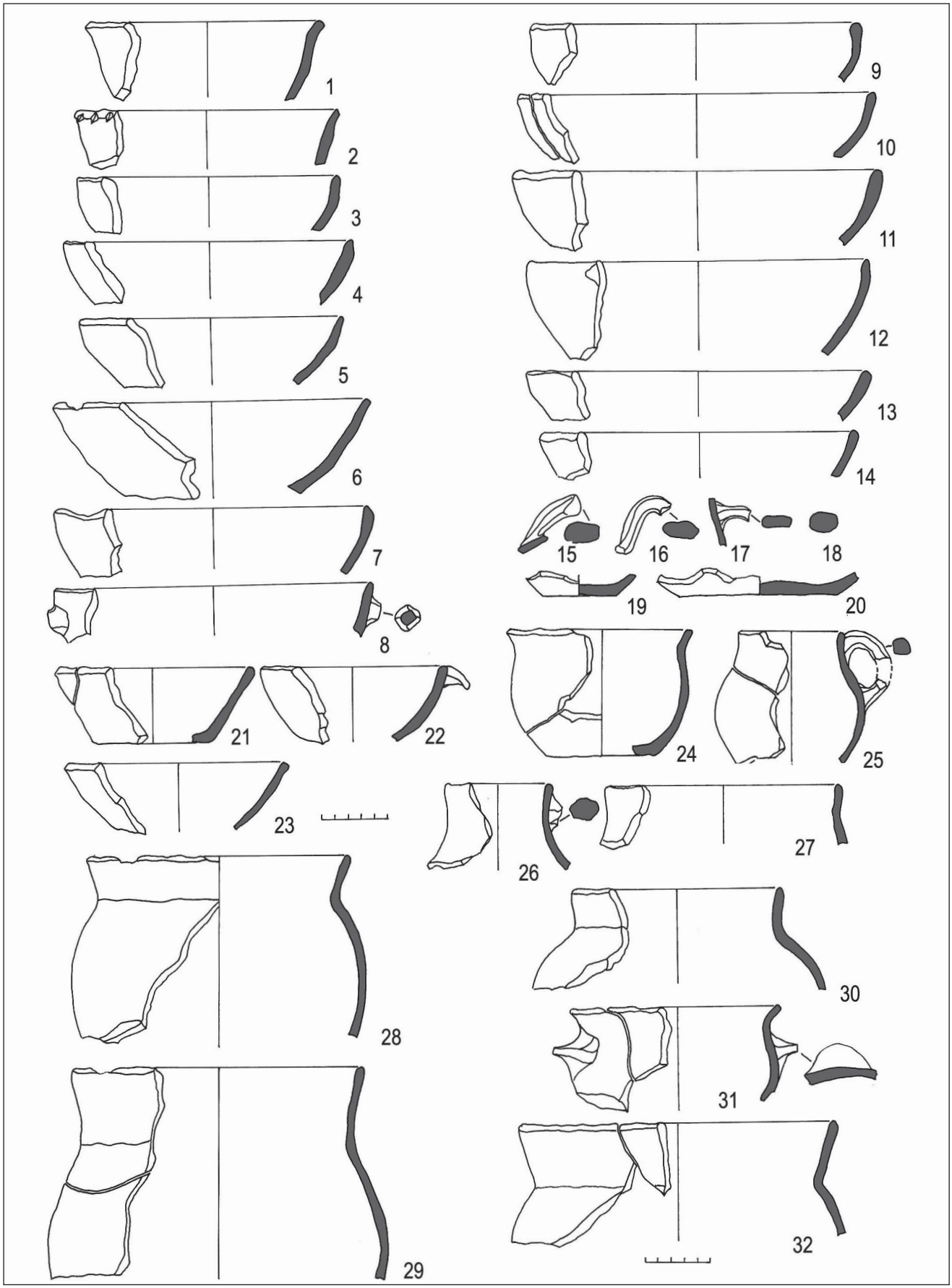


Рис. 68. Лепная керамика позднеантичного времени из Херсонеса
(Северо-восточный район, квартал XCVII, цистерна во дворе).

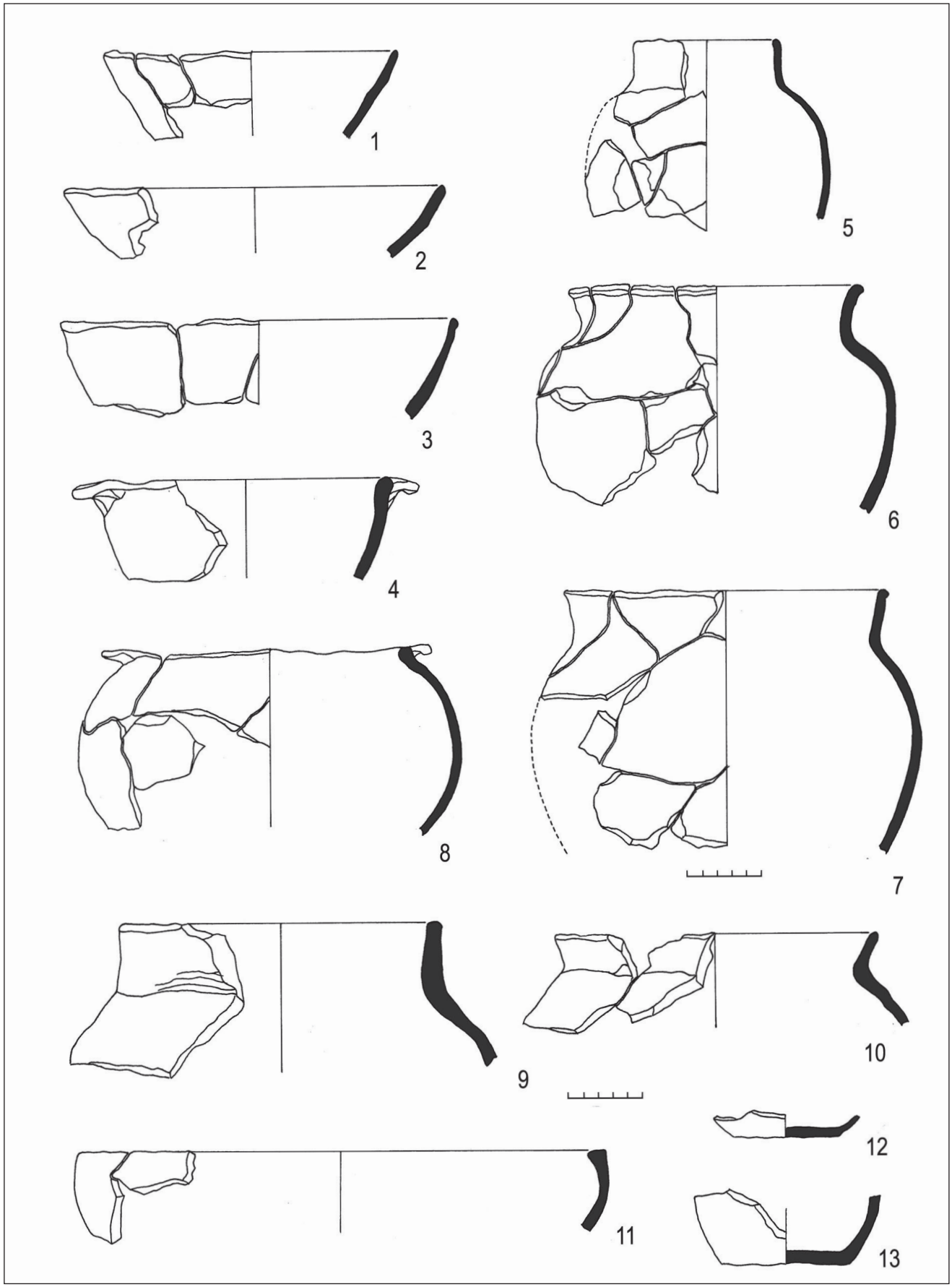


Рис. 69. Лепная керамика позднеантичного времени из Херсонеса
(Северо-восточный район, квартал XCVII, помещение 4, колодец).

Таблица 15. Фибулы и пряжки

Типы		1	2	2а	3	4	5	6	7	8	9	Дата					
Могильники												III в.	IV в.		V в.		VIв.
												2 п.	1п.	2п.	1п.	2п.	1п.
Оз.	Скл. 1	+				+							X				
	Скл.2					+								X			
Ч-Д	1/1980					+											
Б-І.						+											
Харакс	ТС16					+								X			
	М 17					+								X	X		
	ТС 24	+													X		
	ТС 29	+													X		
	35					+							X				
Инкерман	ПБ 13					+							X				
	ПБ 16	+											X				
	ПБ 10					+								X			
	ПБ 23	+											X				
	ПБ 25					+								X			
	ПБ 29		+												X		
	М 30					+											
	ПБ 20	+											X				
	ПБ 35	+				+							X				
	ПБ 30					+							X				
	ЗПЛ 43					+						X					
	ПБ 37												X				
	СКЛ 10					+											
	СКЛ 31														X		
Ч.Р.	ПБ 35	+										X					
	45	+		+								X					
	50										+	X					
	СКЛ 53					+								X			
	58			+								X					
	59										+	X					
	СКЛ 64							+		+							X
	71			+								X					
	72										+	X					
	86	+		+								X					
	М 3/1988								+								X
	Скл. 5/1988								+								X
	Скл.6/1988										+	X					
	Скл.9/1988										+	X					

Окончание таблицы 15.

Скалистое	Скл. 2								+							
	Скл. 5							+								X
	Скл. 138								+							
	Скл.190			+	+				+						X	
	Скл.101					+								X		
	Скл.402								+							
	Скл.421	+	+											X		
	Скл.422									+						
	Скл.431						+							X		
	Скл.434					+								X		
	ПБ.445								+							X
	Скл.447а									+						X
	ПБ.447									+						X
	Скл.449									+	+					X
	Скл.465								+							X
	ПБ.480								+							X
	Скл.482								+							
	Скл.485		+			+								X		
	Скл. 683								+							
	Скл.495								+							X
Лучистое	36						+									
	Скл. 54а						+							X		
	Скл 55													X		
	Скл. 58	+	+											X		
	Скл. 77				+										X	
	М. 82а	+														
	Скл. 88		+				+							X		
	Скл. 100 (3)		+											X		
Красн. Мак	Скл. 7														X	
Дружное	Скл. 1	+				+							X			
	Скл. 2															
С.Г.	ПБ.3/13								+						X	
	ПБ.12				+											X
	СКЛ.1								+							X
Совхоз 10	8А	+										X				
	41				+											
	55				+								X			
	156				+											
	209	+			+											
	228												X			
	284				+											

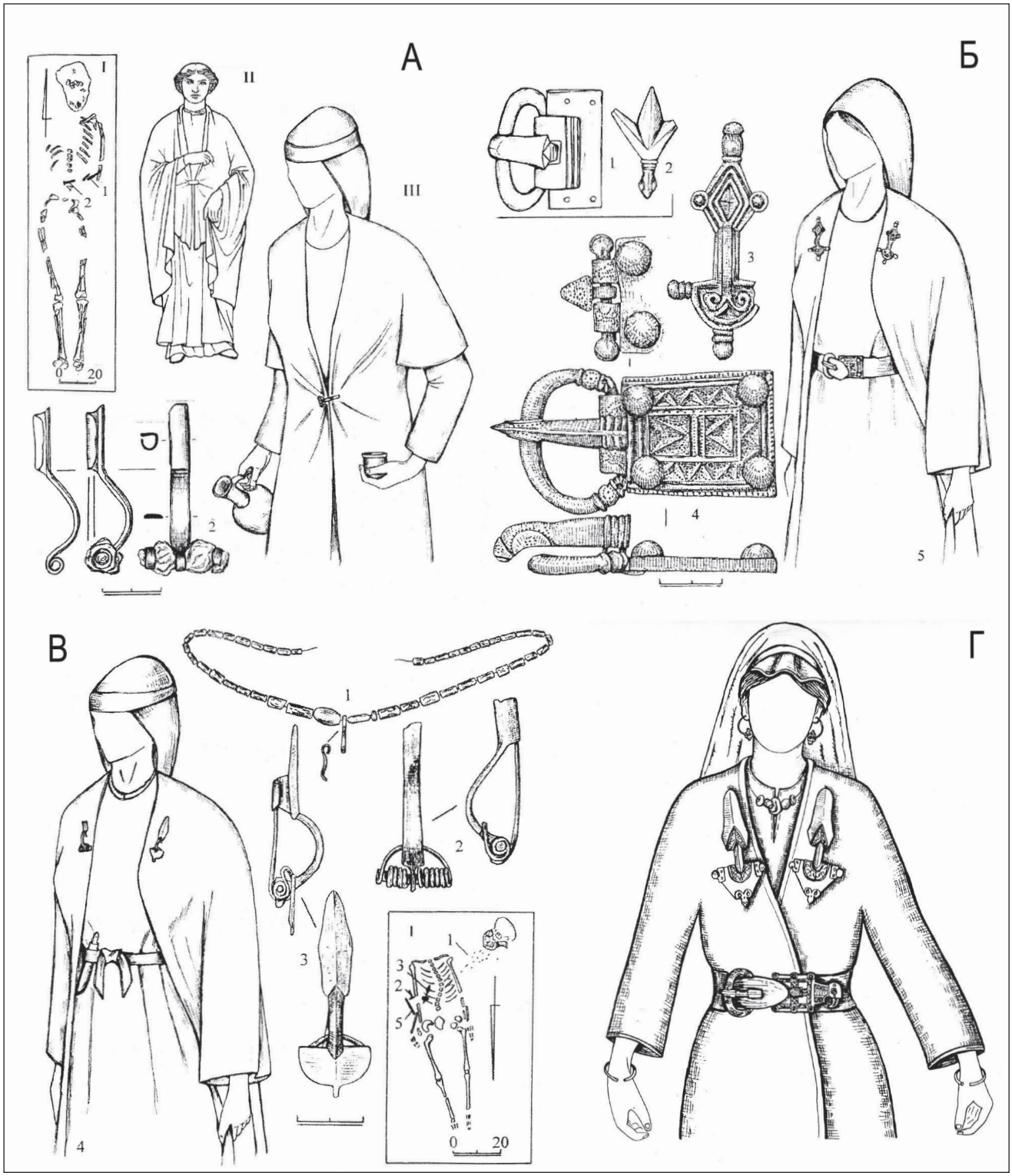


Рис. 70. Реконструкция женских остроготских костюмов из Юго-Западного Крыма (по Хайрединовой, 2002). А – Лучистое, склеп 156 (первая половина V в.); Б – детали женского костюма первой половины V в. из склепа 14/1914 некрополя Херсона (1-4) и реконструкция костюма погребенной с остроготской пряжкой (5); В – Лучистое, склеп 58 (первая половина V в.); Г – Лучистое, склеп 10 (Айбабин, 1999. – Рис. 65).

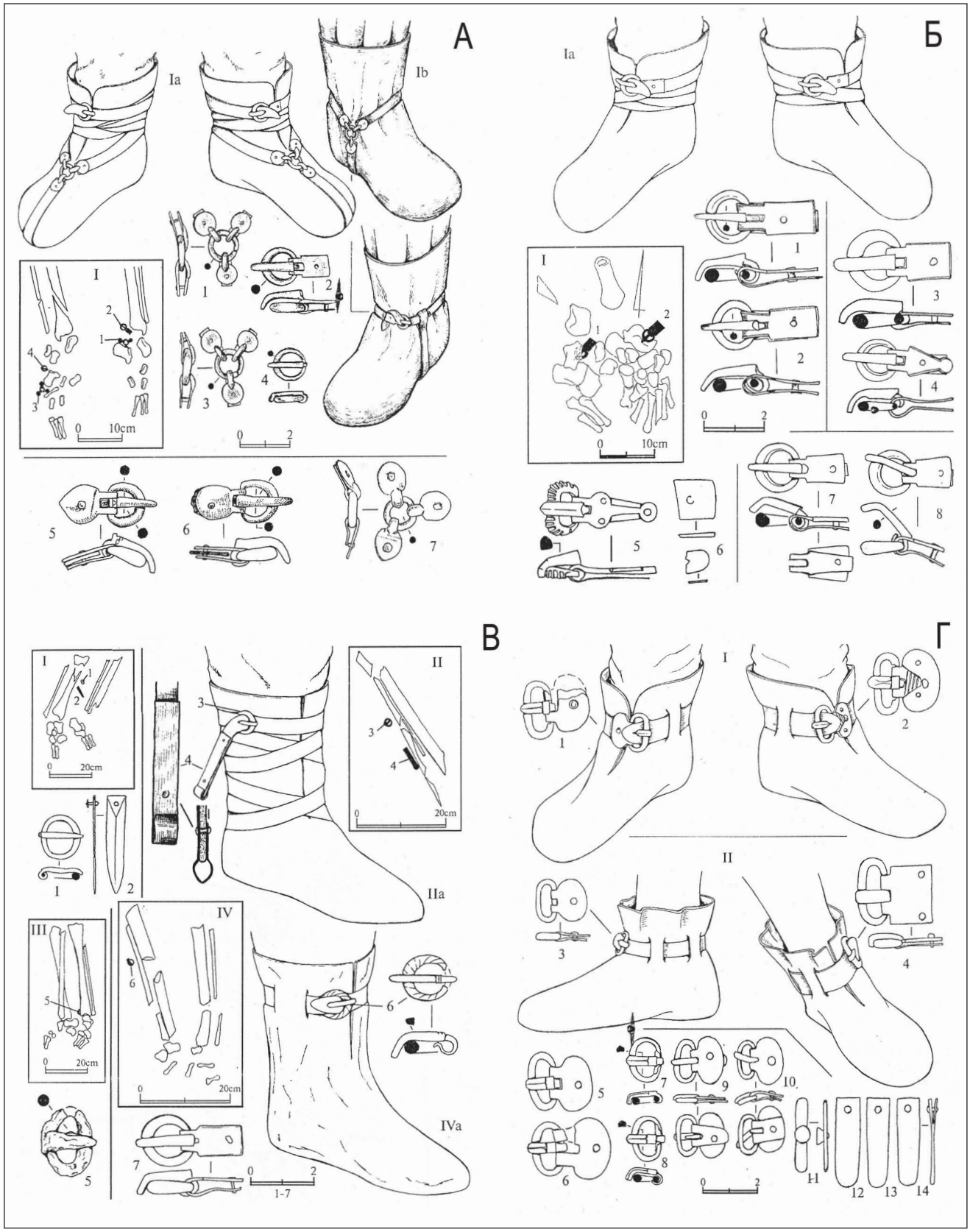


Рис. 71. Реконструкция обуви из погребений Юго-Западного Крыма (по Хайрединовой, 2003). А – обувные наборы типа 1-3 первой половины V в.; Б – обувные наборы типа 1-1 первой половины V в. из Лучистого; В – металлические детали обуви IV в. и обувные наборы типов 1-1 и 1-2 первой половины V в.; Г – обувные наборы типа 2 первой половины VI в.

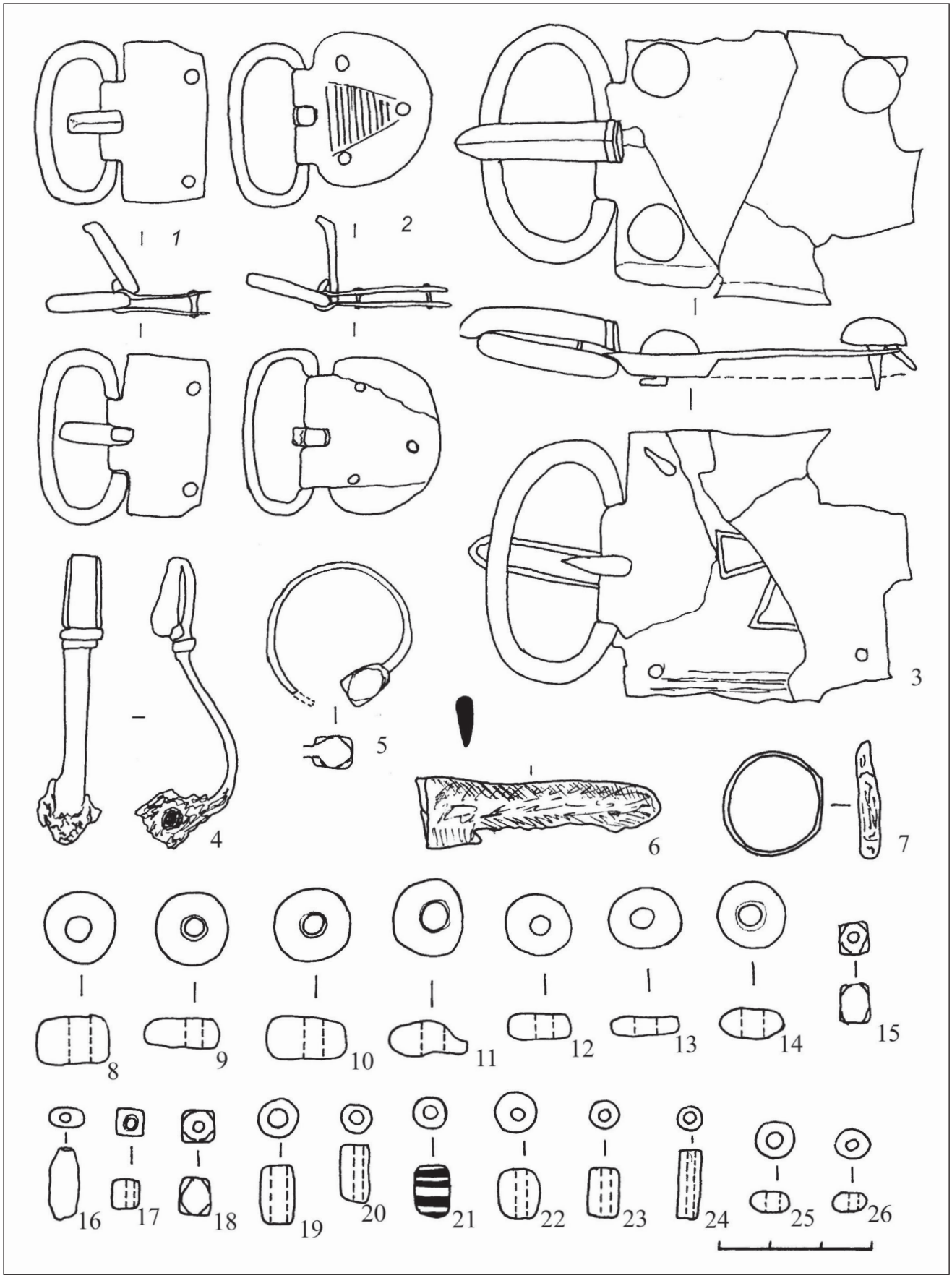


Рис. 72. Могильник Карши-Баир I. Погребальный инвентарь. Склеп 2. Погребение 1: 1-2 – пряжки; погребение 2: 3 – пряжка; 4 – фибула; 5 – серьга; 6 – ножичек; 7 – перстень; 8-26 – бусы.

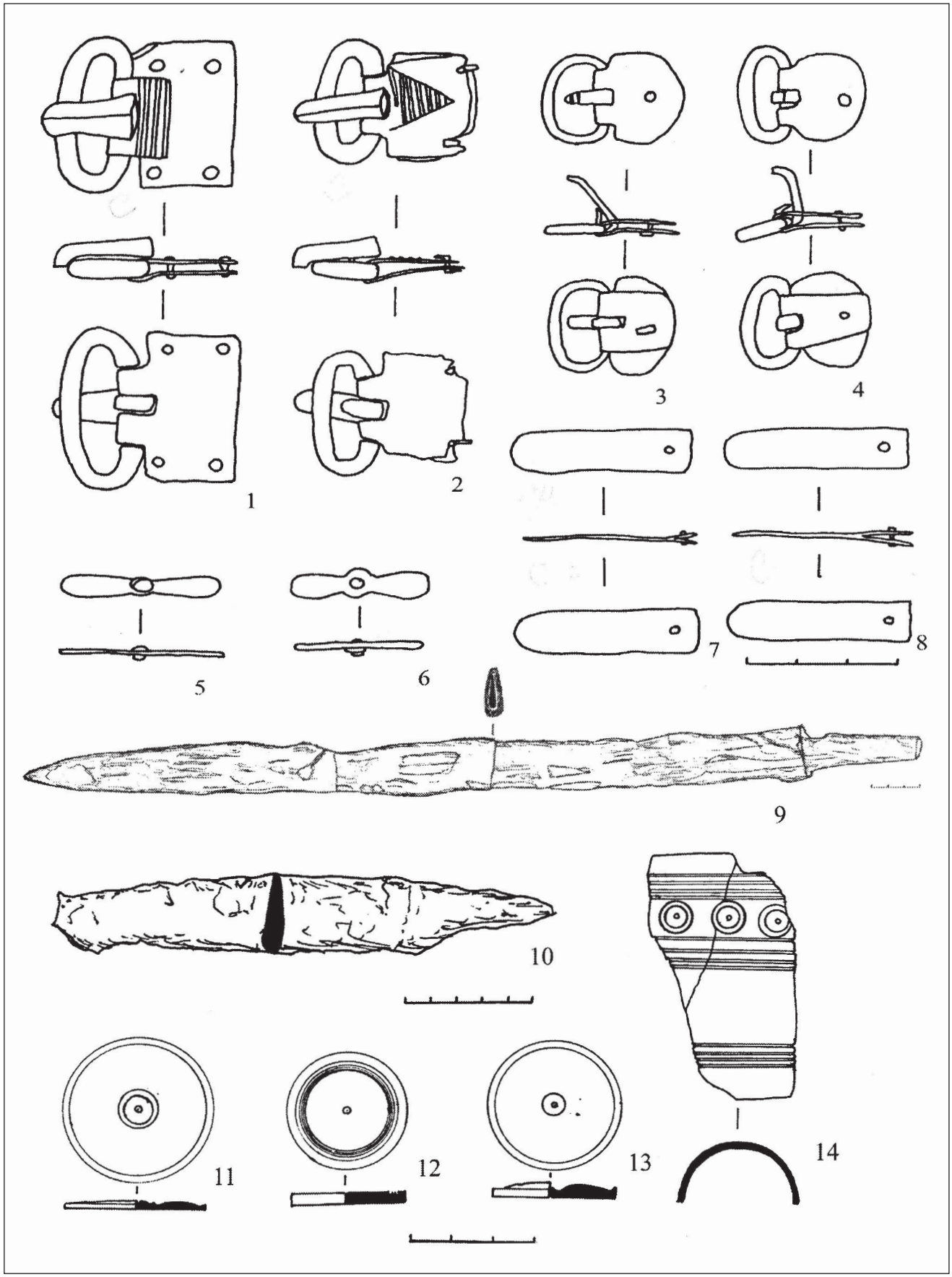


Рис. 73. Могильник Карши-Баир I. Погребальный инвентарь. Склеп 5. Погребение 1: 1-4 – пряжки; 5-6 – ременные накладки; 7-8 – наконечники обувных ремешков; 9 – меч; 10 – кинжал; 11-14 – детали костяной пиксиды.

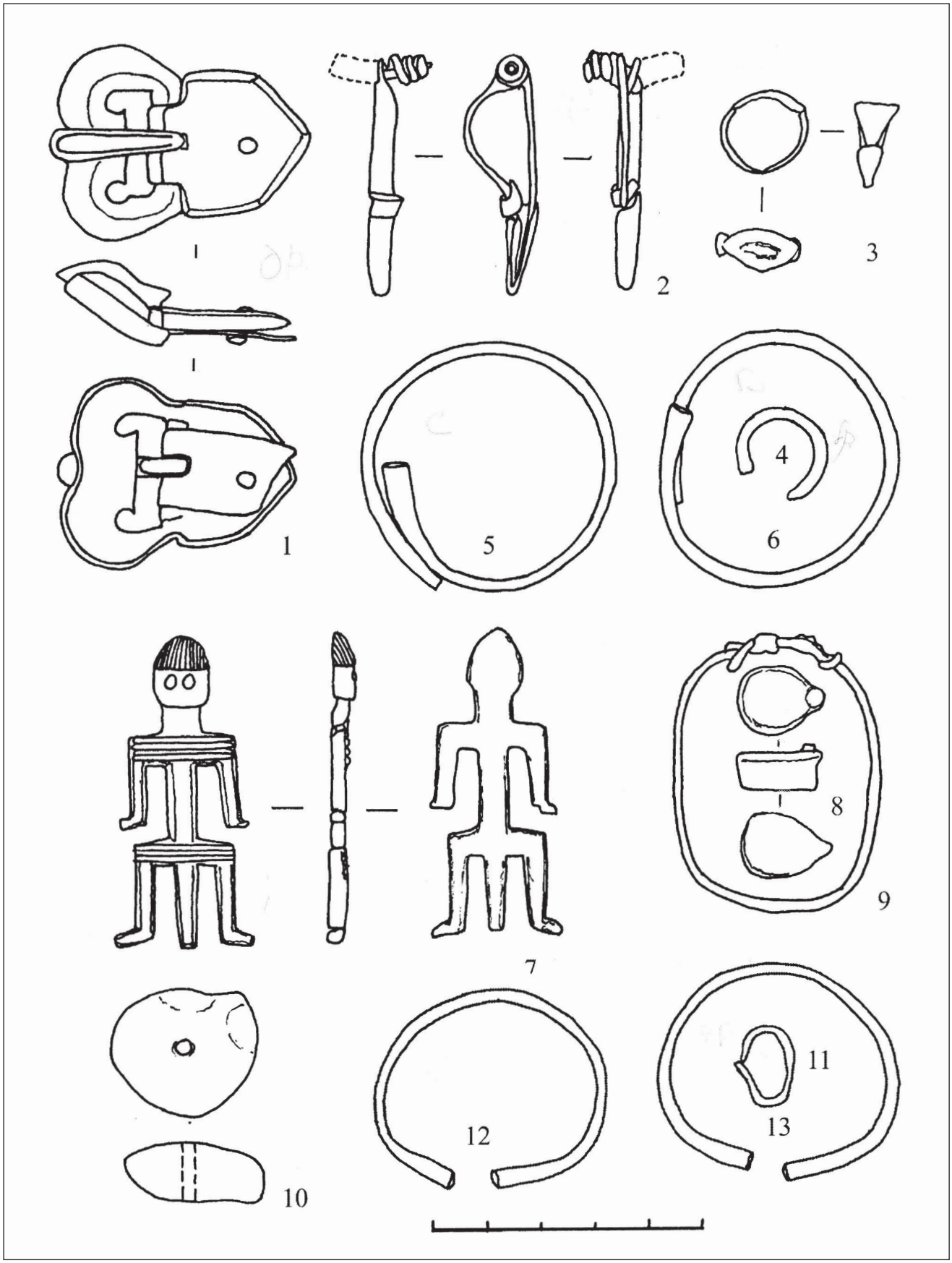


Рис. 74. Могильник Карши-Баир I. Погребальный инвентарь. Склеп 5. Погребение 2: 1 – пряжка; 2 – фибула; 3 – перстень; 4 – серьга; 5-6 – браслеты; 7 – антропоморфная фигурка; 8 – амулетница; 9 – проволочная подвеска; 10 – бусина; 11 – серьга; 12-13 – браслеты.

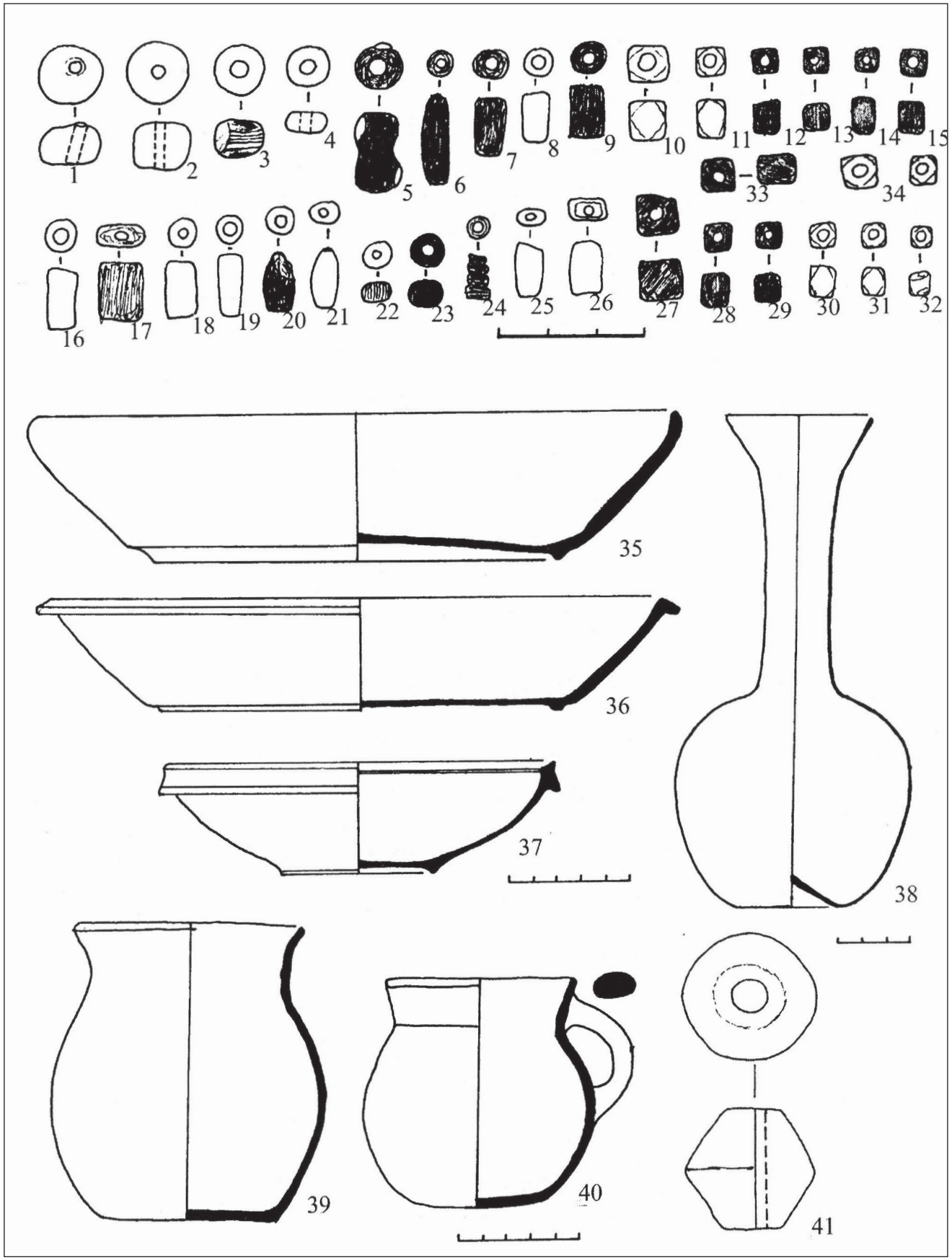


Рис. 75. Могильник Карши-Баир I. Погребальный инвентарь. Склеп 5: 1-34 – бусы; 35-37 – краснолаковые миски; 38 – стеклянная колба; 39 – лепной горшочек; 40 – лепной кувшинчик; 41 – керамическое пряслице.

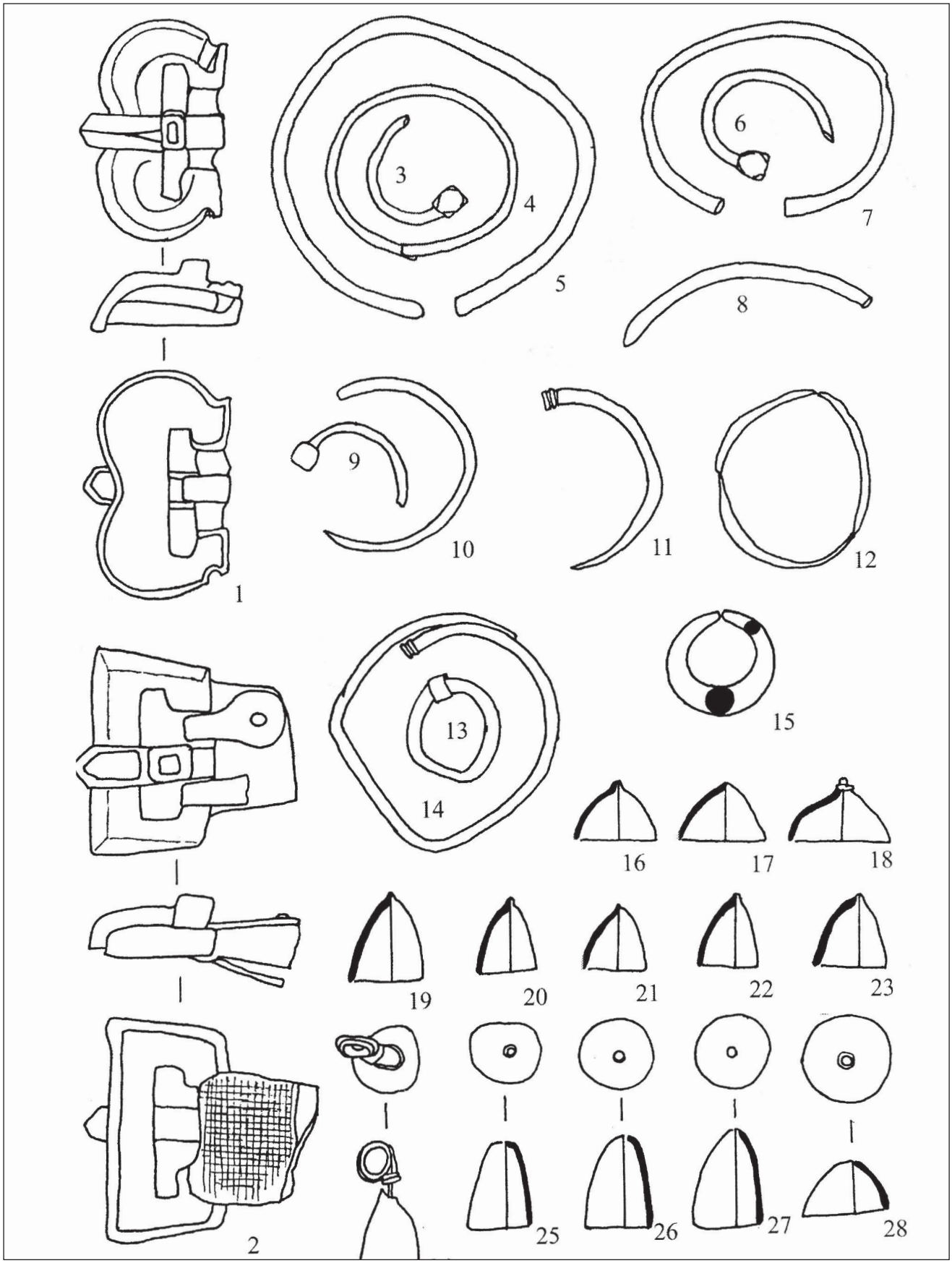


Рис. 76. Могильник Карши-Баир I. Погребальный инвентарь. Склеп 5, подъемный материал: 1-2 – пряжки; 3, 6, 11 – серьги-колты; 4, 5, 7, 8, 10, 12, 14 – браслеты; 13 – кольцо с ободком; 15 – дужка-кольцо; 16-28 – колокольчики-подвески.

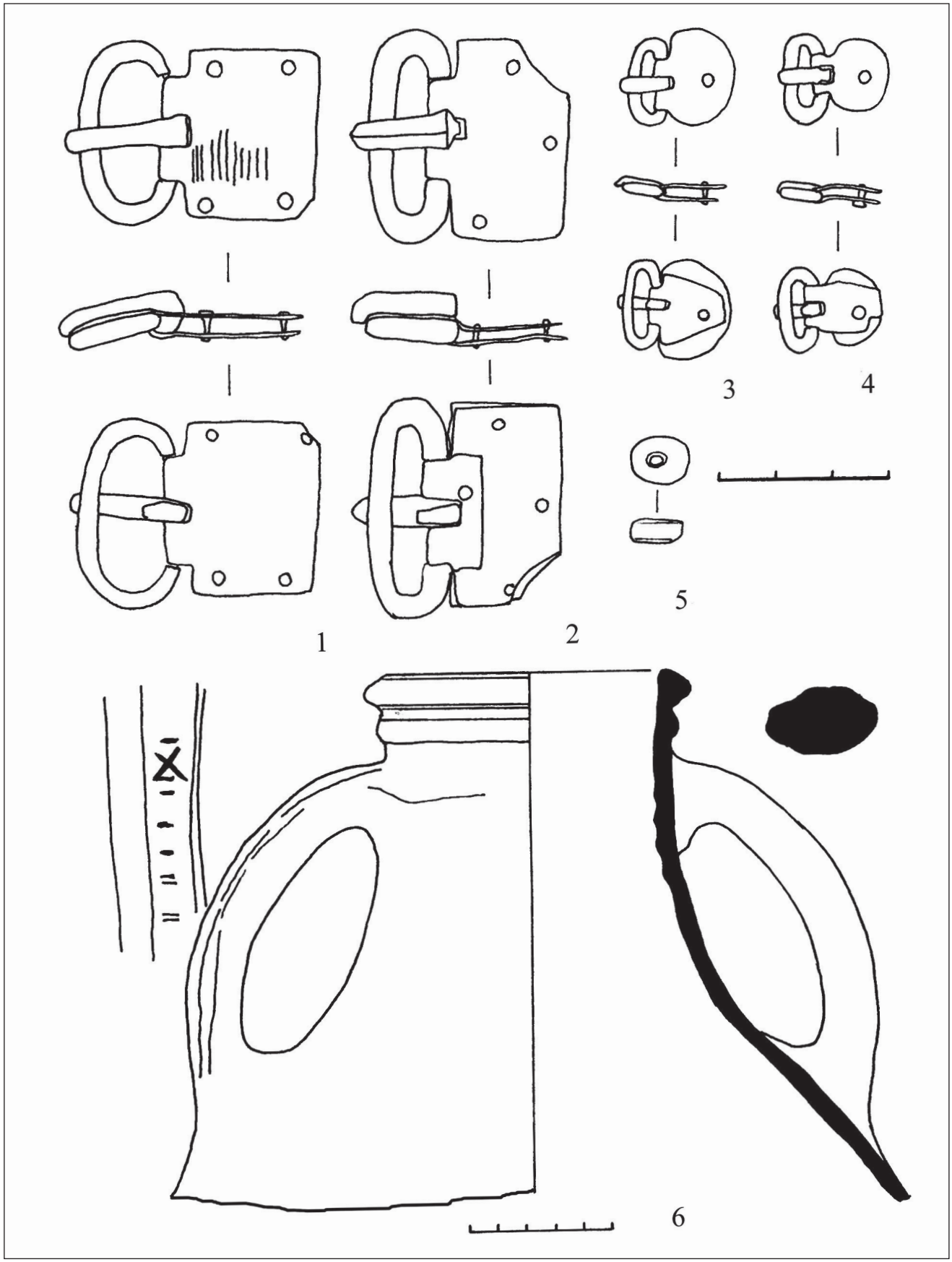


Рис. 77. Могильник Карши-Баир I. Погребальный инвентарь. Грунтовая могила 1: 1-4 – пряжки, 5 – бусина.
Могильник Карши-Баир-II. Погребальный инвентарь. Грунтовая могила 2: 6 –.горло амфоры с граффити на ручке.

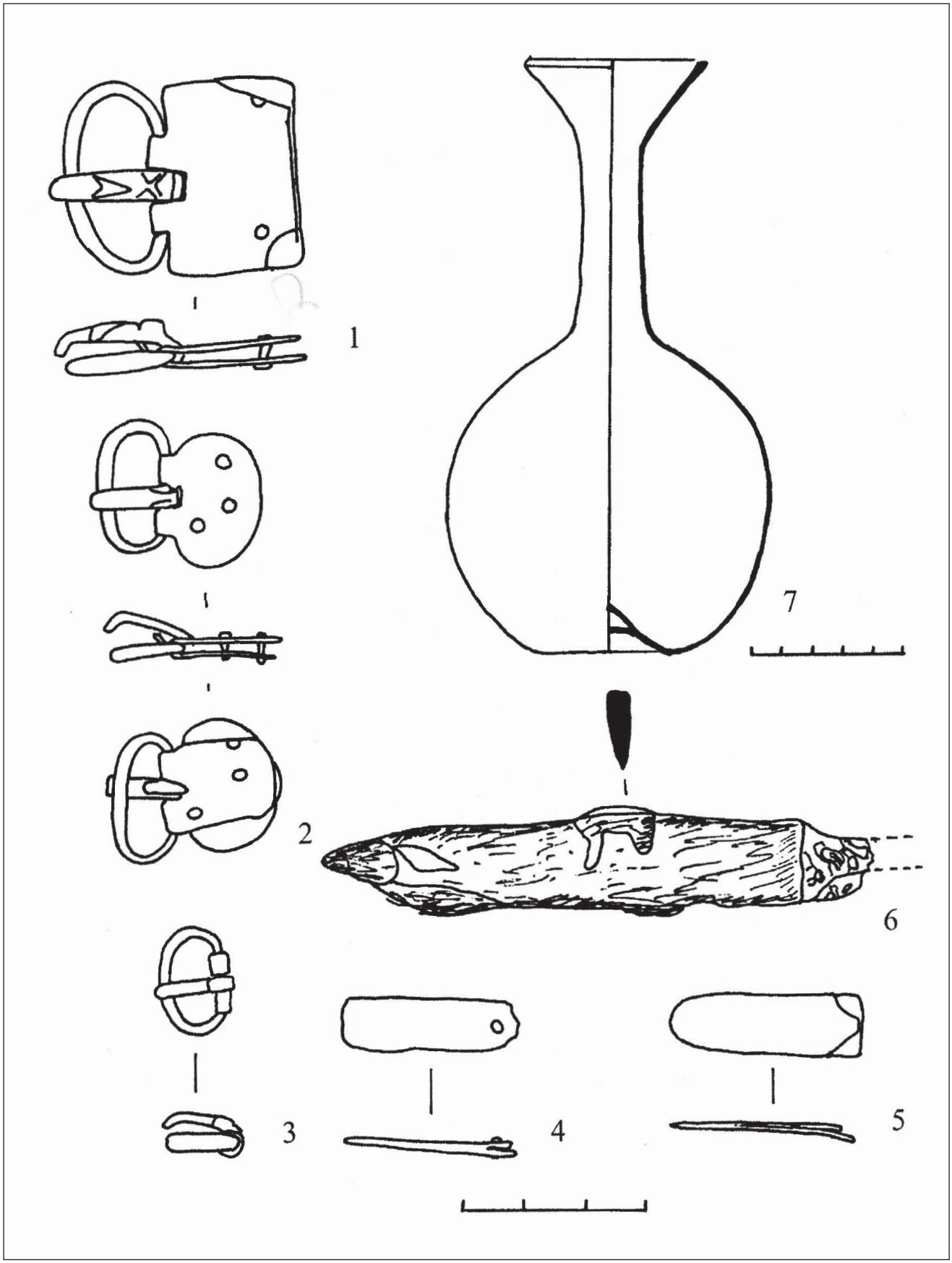


Рис. 78. Могильник Карши-Баир II. Погребальный инвентарь. Склеп 1, погребение 1: 1-3 – пряжки; 4-5 – наконечники обувных ремешков; предметы с полки склепа: 6 – нож; 7 – стеклянная колба.

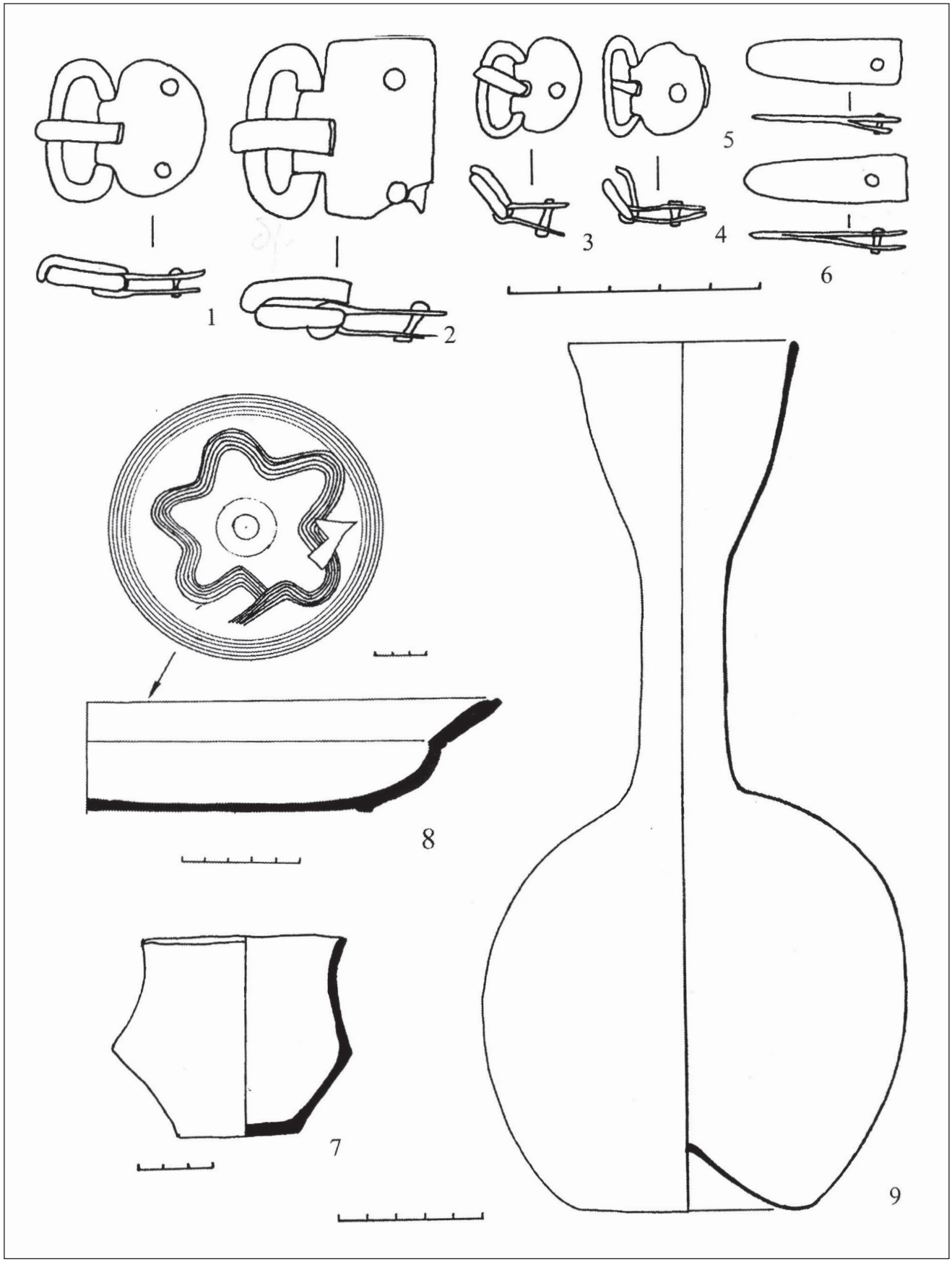


Рис. 79. Могильник Карши-Баир II. Погребальный инвентарь. Склеп 2: 1-4 – пряжки; 5-6 – наконечники обувных ремешков; 7 – биконический лепной кубок; 8 – краснолаковое блюдо; 9 - стеклянная колба.

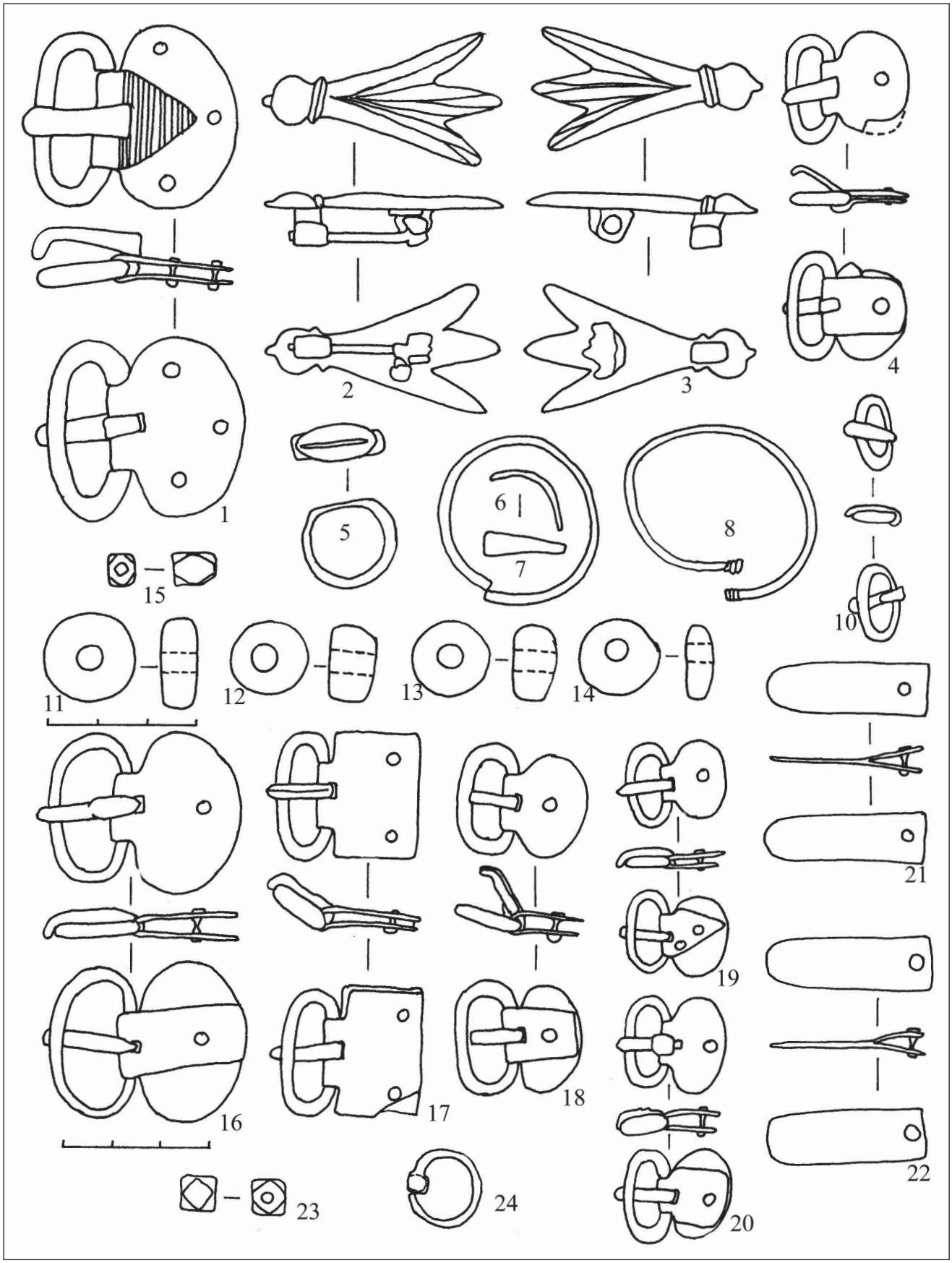


Рис. 80. Могильник Карши-Баир II. Погребальный инвентарь. Склеп 3, погребение 1: 16-20 – пряжки; 21-22 – наконечники обувных ремешков; погребение 2: 1, 4, 10 – пряжки; 2-3 – фибулы; 5 – перстень; 6 – кольцо; 7-8 – браслеты; 11-15 – бусы; погребение 5: 23 – бусина; 24 – серьга.

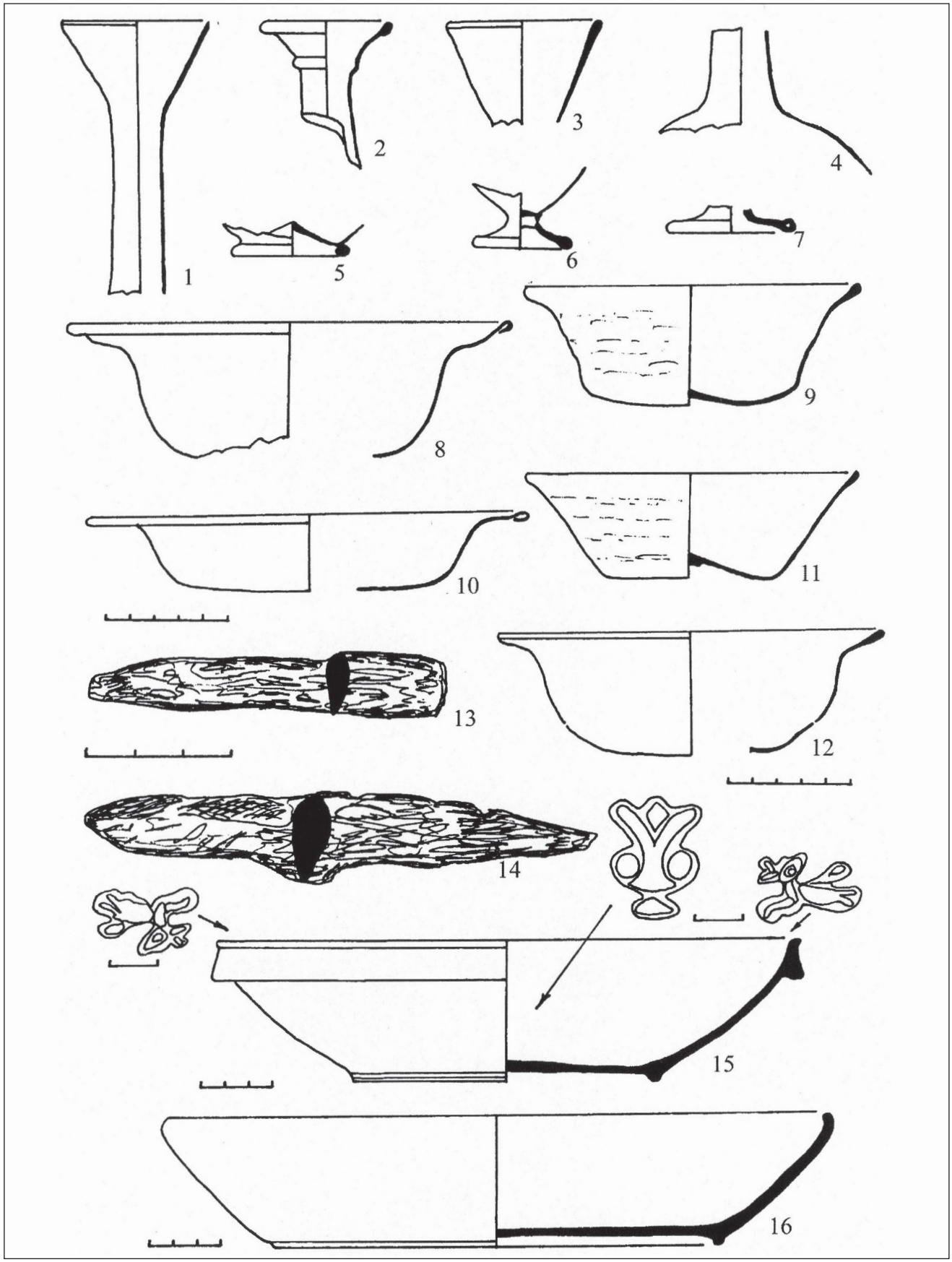


Рис. 81. Могильник Карши-Баир II. Погребальный инвентарь. Склеп 3, с полки склепа: 1-4 – стеклянные колбы; 5-7 – донца стеклянных стакана и рюмок; 8-12 – стеклянные мисочки; 13-14 – железные ножи; 15-16 – краснолаковые блюда.

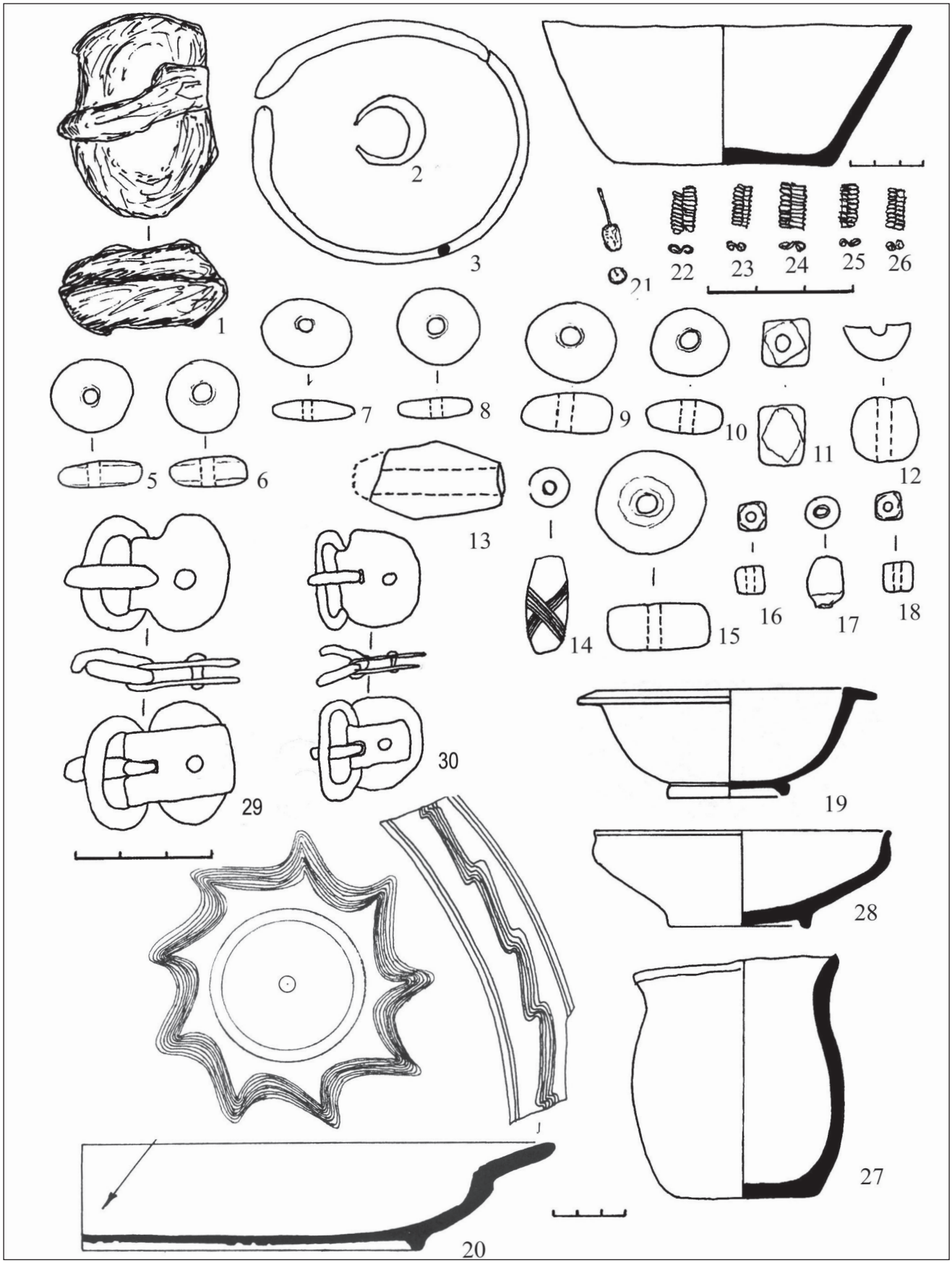


Рис. 82. Могильник Карши-Баир II. Погребальный инвентарь. Склеп 4 (20 – краснолаковое блюдо; 21 – подвеска; 22-26 – украшения; 28 – краснолаковая миска; 29 – лепной горшок); подбойная могила № 6 (1 – железная пряжка; 2 – серьга; 3 – браслет; 5-18 – бусы); подбойная могила № 7 (4 – лепная миска); подбойная могила № 8 (19, 20 – пряжки).

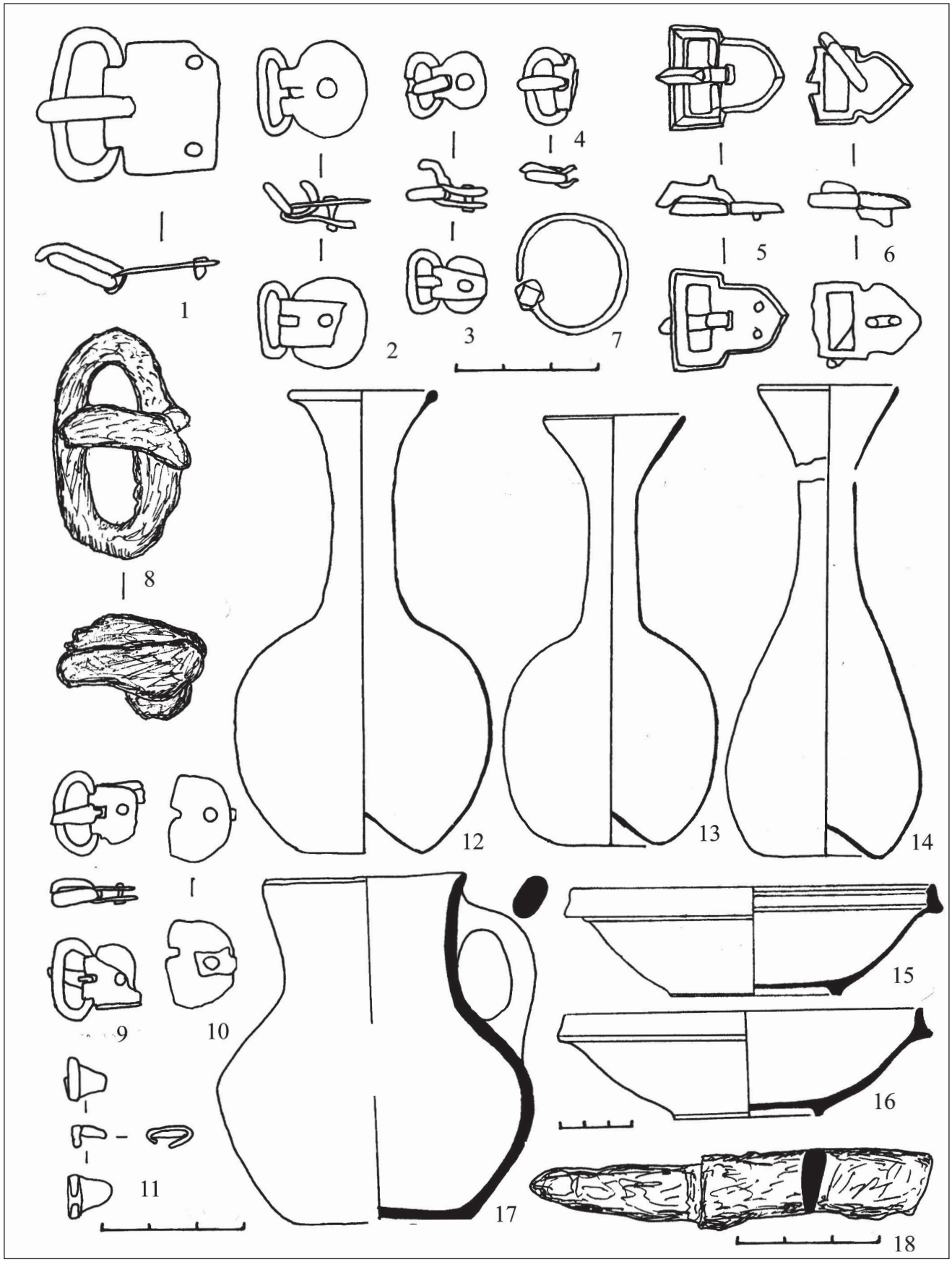


Рис. 83. Могильник Карши-Баир II. Погребальный инвентарь. Подбойные могилы. ПБ. 1: 1-4 – пряжки; ПБ. 2: 5-6 – пряжки; 7 – серьга-колт; 12-14 – стеклянные колбы; 15-16 – краснолаковые блюда; ПБ. 3: 8-10 – пряжки; 11 – бронзовый «зажим»; 17 – лепной кувшин; 18 – нож.

Таблица 16. Особенности погребального обряда

Мог-к	Погр.	Ориен	Поза	Гроб	Уголь	Зола	Кошма	Примечания	III в.		IV в.		V в.		VIв
Бельбек 1	М 3		Сидя					деф. череп							
	КЯ 5							дно устлано песком							
	КЯ 6							дно устлано песком							
	КЯ 8							дно устлано песком							
	КЯ 9							Обл.дер.							
	КЯ 13				+					X					
	КЯ 18				+										
Н.	СКЛ.4				+	+		кенотаф (?)							
Озерное III	М 1	↖		+							X				
	М 2	↖		+							X				
	М 3	↑		+							X				
	ПБ 1	↖		+				гроб на 7 камнях			X				
	СКЛ. 1	↘↘		+				сарм. Знаки			X				
	СКЛ. 2	↙↓		+								X			
	СКЛ. 3	↘↘↘		+								X			
Инкерман	ПБ 6	→				+							X		
	ПБ 10					+						X			
	ПБ 11					+							X		
	ПБ 12	→			+										
	ПБ 24					+									
	ЗП.6	↖													
	М 8	↓													
	М 17	→													

Продолжение таблицы 16.

Мог-к	Погр.	Ориен	Поза	Гроб	Уголь	Зола	Кошма	Примечания	III в.		IV в.		V в.		VIв
Черноречье	СКЛ.1	↖										X	X		
	ПБ 1	↖		+								X			
	ПБ 2	↖		+								X			
	ПБ 3	↑		+	+										
	ПБ 4	↘		+											
	ПБ 6	↗↗		+											
	ПБ 8	↗													
	ПБ 9	↖									X				
	ПБ 15	↗													
	ПБ 16	↗		+											
	ПБ 19	↗													
	ПБ 20	↗													
	ПБ 24	↗													
	ПБ 25	→												X	
	ПБ 26	↗		+									X		
	ПБ 28	↗		+							X				
	ПБ 29	↑		+											
	ПБ 30	↗		+											
	ПБ 31	↗						деф. череп					X		
	ПБ 33	↗													
	ПБ 34	↗		+											
	ПБ 35	↗													
	ПБ 36	↗		+											

Окончание таблицы 16.

Мог-к	Погр.	Ориен	Поза	Гроб	Уголь	Зола	Кошма	Примечания	III в.		IV в.		V в.		VIв
Черноречье	ПБ37	↗													
	М2	←													
	М5							Скорченный							
	М6	↗													
	М7	↑													
	СКЛ.1	↗		+	+										
	СКЛ.2	↗		+							X				
	СКЛ3	↑		+							X				
	СКЛ.4	→		+						X					
	СКЛ2.88	↗						деревянные плахи							
	М7.88	↖						деревянные плахи							
Скалистое	СК.101			+									X		
	СК.109	←		+										X	
	СК.350			+									X		X
	СК.421	↖		+											
	СК.434														X
	ПБ445	↘		+											X
	СК449			+											
	ПБ481														X
	СК485	↘													

Таблица 17. Напутственная пища в погребениях

Могильник		Кости животных	Куриные яйца	III в.		IV в.		V в.	
				п/п.	2/п.	п/п.	2/п.	п/п.	2/п.
Б-1	Я 5						X		
	Я 17	+							
Нейзац	СКЛ 1	+							
	СКЛ 4	+							
Озерное III	СКЛ 1	+	+			X			
	СКЛ 2	+					X		
	СКЛ 3		+				X		
Чатырдаг	КЯ 1	+				X			
Харакс	ТС 2	+							
	ТС 3	+						X	
	ТС 6	+							
	Я 7	+						X	
	ТС 8							X	
	ТС 9	+							
	ТС 34	+			X				
	ТС 37	+							
Инкерман	ПБ 6.48	+	+			X			
	ПБ 8	+	+						
	ПБ 11	+	+					X	
	ПБ 12	+							
	ПБ 35		+			X			
	ПБ 20	+				X			
	ПБ 22		+				X		
	СКЛ 3	+					X		
Черноречье	ПБ 1	+	+				X		
	ПБ 2	+					X		
	ПБ 3	+							
	ПБ 4	+							
	ПБ 17	+							
	ПБ 22	+							
	ПБ 30	+							
	ПБ 3	+					X		
	СК.2.88	+				X			

Таблица 18. Хронология позднескифских могильников (по Высотской, 1987)

Могильники	Дата					
	II в.		III в.		IV в.	
1. Неаполь Скифский	■	■	■			
2. Усть-Альма	■	■	■			
3. Заветное	■	■	■			
4. Бельбек IV	■	■	■	■		
5. Бельбек II	■	■	■	■		
6. Бельбек III	■	■	■	■		
7. Скалистое III	■	■	■	■		
8. Бельбек I	■	■	■	■		
9. Нейзац				■	■	■

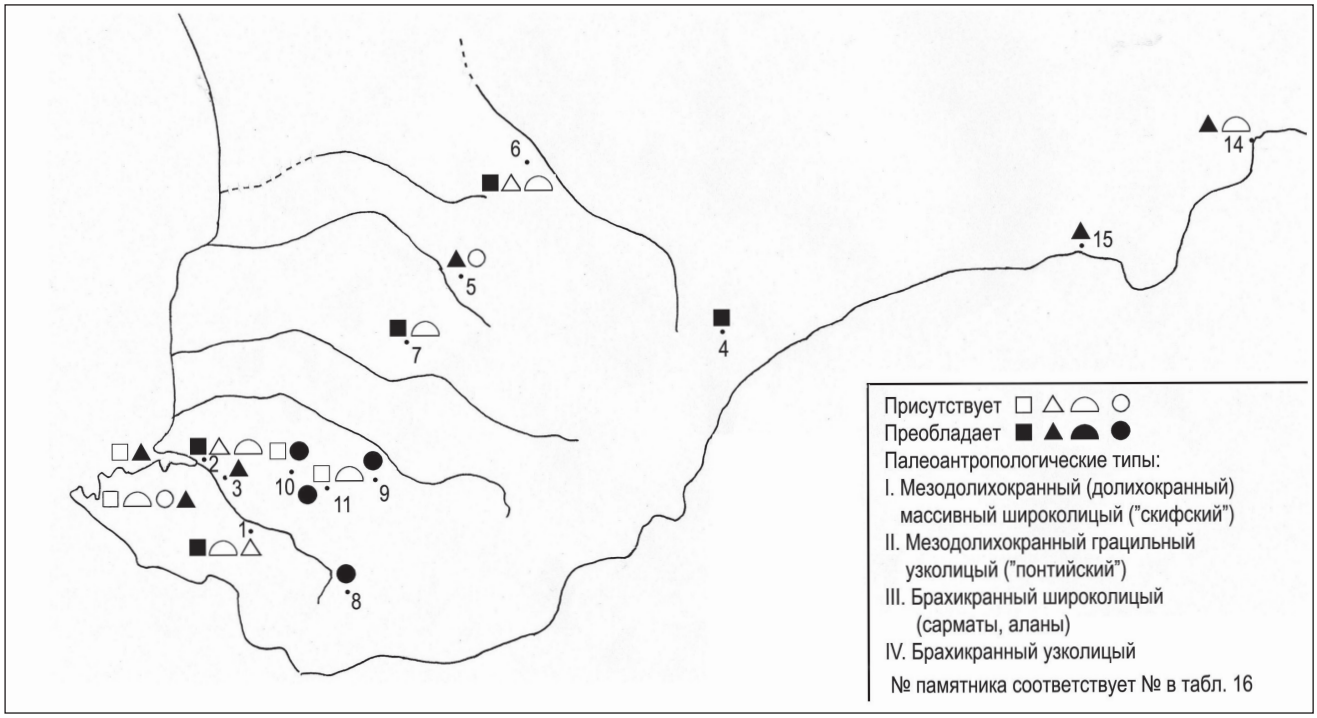


Рис. 84. Антропологические типы населения античного и раннесредневекового Крыма (к табл. 21).

Таблица 19. Варварские (сухопутные и морские) походы на Восточную часть Римской империи в 232 - 276 гг.

1	2	3	4	5	Участники	Направление	Примечание
	232-238[1]	232-238		238	Сарматы, даки, карпы, везеготы	Истрия	Скифская война
	242				Карпы, готы (?), аланы (?)	Фракия	
	243			243	Карпы		
	244-245				Карпы, германцы	Дакия	
	248	248		249	Остготы (Острогота), маркоманы, вандалы, квады, карпы, тайфалы, певкины	Нижняя Мезия	
	250-251	251		250-251	Вестготы (Книва), скифы, карпы	Мезия, Фракия	
	253			253	Скифы, маркоманы	Македония, побережье Эгейского моря	
Морские походы							
255	256	255 (256)	255	254	Бораны, герулы, уругунды, "скифы"	Восточное и юго-восточное побережье Черного моря	I Боспорский поход
	257	257	257		Остроготы	Вдоль Кавк. побережья Черного моря (Трапезунт, Понт-Вифиния)	
	258	258		258-259	Готы	Халкедон, Никея, Кизик	II Боспорский поход
262 (263)	263	262-263		262	Вестготы	Западное Причерноморье, восточное побережье Эгейского моря, вдоль западного берега Черного моря	
264	264	264	264	264-265	Скифы, сарматы, готы	Каппадокия, Вифиния	Из Боспора
267	266-267	266-267	267		Готы, герулы, "скифы"	Гераклея	Из Меотиды вдоль побережья Крыма
	268	268		268	"Скифы", готы, герулы	Греция	
	269-270	269		269-270	Герулы, готы, певки	Мезия	Из устья Днестра
		275	276	276	Варвары из Меотиды	Киликия	Вдоль Кавк. побережья Черного моря

Литература: 1 - Васильевский, 1909; 2 - Ременников, 1954; 3 - Буданова, 1990; 4 - Хайрединова,1995; 5 - Лавров, 1997.

[1] Даты походов

Таблица 20. Сопоставление данных погребального обряда культур Средней и Северной Европы позднеримского времени и биритуальных могильников Юго-Западного Крыма

		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Грунтовые могилы				+	П	П	П	+	+	+		+
Курганы				+	Р							
Трупоположение			П	+	Р		+	П	П	+	Р	П
Трупосожжение		Р	Р	П	П	П	+	+	+	П	П	М
Урна		+	+		Ч	Р	Ч	П		+	П	П
Яма		+	+		П	П	+	Р	+	П	+	+
Послойные		+	+		+							
Спресованные					+							
Урна	С остатками костра				П	П	П				+	+
	Чистая				+	+						?
Яма	С остатками костра				П	П			?		+	
	Чистая				Р						?	
Урна вверх дном					Р		+					
Урна обожжена					Р	Р	+					
Урна по крыта	миской				П					+	+	+
	сосудом				Р						+	
	камнем				Р						+	
	черепками				Р						+	
	крышкой							П				
	уибоном				Р					?	?	
Урна открыта					П			+		+		
Сопр. сосуд	Нет				+							
	есть				П	+			+		+	+
Оружие	наличие	Р	Р	+	+	+				+	+	+
	изломано				+							
	изогнуто				+					+		
Часть инвент. обож.					+			+		+		
Кости	птиц	+	+		+							
	рыб				Р							
	др.	+	+		Р					+		
Отд. Камни					П	+						
Под кам. вымостк.		+	+		+		+				+	
Над кам. вымостк.					Р							
Урна обст. камнем					Р			Р			+	+
Камень над погреб.						+						
Урна облож. черепк.												
Кам. кольцо				+								
Стела		Ч	Ч									
Кам. ящик								+		+	+	Р
Под плитой												
Дер. констр.					+		Р	+				
Урна рит. повр.					+						+	+
Черепки					П	П				+	+	+
Черепки обожжены					П	П				+	?	
Смола		+	+									
Угли в урне					+					?	+	

Условные обозначения: П - преобладает, + - присутствует, М - мало, Ч - часто, Р - редко
1 - Скандинавия (зап.), 2 - Скандинавия (вост.), 3 - Готланд, 4 – Пшеворская к., 5 – Вельбаркская к., 6 – Черняховская к., 7 - Херсонес I - IV вв., 8 - Бельбек I, 9 - Чатыр-Даг, 10 - Харакс, 11 – Черноречье.

Таблица 21. Палеоантропологические типы населения Крыма (по материалам могильников)

	Типы*	I	II	III	IV	Деформ.	V в. до н.э. 0 V в. X в.
	Могильники						
1	**Черноречье**	(+)	+		+		
2	**Инкерман**	(+)	+		+		
3	**Сах. Головка**		(+)				
4	**Лучистое**	(+)					
5	**Скалистое**		(+)	+		+	
	Ант. Херсонес	+?	(+)				
	Ант. Боспор		(+)				
	Скифы	(+)					
	Сарматы			(+)		+	
6	**Неаполь Скифский**	(+)	+		+		
7	**Чуфут-Кале**	(+)			+?	+	
8	**Родниковое**			(+)			
9	**Пампук-Кая**			(+)			
10	**Эски-Кермен**	+		(+)	+	+	
11	**Мангуп**	+		(+)	+		
12	**Суук-Су**						
13	**Заветное**			(+)			
	Тавры	+		(+)?	+		
	Средневековый Херсонес	+	(+)	+	+		
14	**Коктебель**		+		+?		
15	**Судак**		(+)				

+ - присутствует
(+) - преобладает

(см.: Рис. 84)

* I - Мезодолихокранный (долихокранный) массивный широколицый (“скифский”);
II - Мезодолихокранный грацильный узколицый (понтийский);
III - Брахикранный широколицый (“сармато-аланский”);
IV - Брахикранный узколицый.

Таблица 22. Сопоставление данных обряда трупоположения культур Северной и Средней

Арх. культуры и памятники	Наличие трупополо-жений	Тип погребального сооружения					Ориентировка погребенных								Положение ног						
		скл	Пб	Зпл	пр	Кя															
Готланд	+				+	П	П		П		П	+			+	+					
Скандинавия	IIIв.-преобл. IVв.-исчез.				П	+	П	Р	+		+		+	+				+			
Ютландия	+				Ч	П	Ч						П								
Пшеворская к.	+				+		Ч		+	+	+	+		+	П	+	+				
Вельбарская к.	+				П		П								+	+					Ч
Черняховская к.	П	Р	+	+	П	Р	П		+		+	Р	+		П	+	+				
Херсонес	П	П	+		П		+	+	П	П	+	+	+		+	П		+			
Юго-Зап. Крым																					
Бельбек I	П					П	П														
Нейзац	100%	П	+		+						+			+							
Озерное III	100%	Ч	+		Ч		+	+	Ч	Ч											
Чатыр-Даг	+				+	+															
Харакс	+																				
Инкерман	100%	Ч	П	+	Ч		Ч	+	+	+	+	+	+	П		П					
Черноречье	П	+	П		Ч		+		+	+	П			+		Ч	+	+			
Сахарная Г.	100%	+	П			?						П	+			+					
Скалистое	100%	П	Ч					+	+	П		+	+			П					
Килен-балка	100%	П	Ч																		
Красный Мак	100%	П	+																		
Совхоз-10	+	+	Ч	+	+	+		+	+	П	+										
Дружное	100%	Ч	Ч								Ч	Ч		+							
Лучистое	100%						+	+	П												
Перевальное	100%																				
Суворово	100%	+	+	+	+	+				+		+	Ч	Ч							

[1] 1 - фибулы, 2 - пряжки, 3 - браслеты, 4 - нож, 5 - оружие, 6 – сопр. пища, 7 - яйца,
8 - гончарная керамика, 9 - лепная керамика, 10 - кер. разбита, 11 - кер. обгорела, 12 - монеты.

Европы позднеримского времени и могильников Юго-Западного Крыма

Положение рук								**Деревян. колода (гроб)**	**Инвентарь**										
									1[1]	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
													+			+		+		
								+	+	+		+	Р	+		+		+		
								+	+	+		+	Р							
						+	+													
	+	+				+	+		+	+	+		+			+	П	+	П	
П	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+	Р	+	+	+	+	+	+	Р
								+												
									+	+	+	Ч	+	+	Ч	+	+	+		+
									+	+			+	+	Ч	Ч				
								П	+	Ч	+	Ч	Ч	+	+	Ч	Ч			+
										+		+	+			+		+		+
										+	+						+			
П			+	+	+	+		Ч	+	Ч	+	Ч	Ч	+	+	П	+	+		
Ч	+	+	+					Ч	П	Ч	Ч	Ч	+	+	+	П	+	+		
									Ч	Ч						+				
	Ч							Ч	П	П	Ч	Ч	+			+	П			
								П	+	Ч	Ч	П	Ч	Ч	Ч	П	+	+		+
									Ч	+				+	+	+				
									+	+	+	+								
									+	Ч	+					Ч	П			+
									Ч	П		Ч	+			+	П			
								Ч	+	+	+	+	+	+		Ч	Ч	+		+

ГЛАВА 4
РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

4.1. НАКАНУНЕ «ГОТСКИХ ВОЙН» (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА III ВВ.)

Как уже говорилось выше - III в. н.э. в истории Крымского полуострова и его юго-западной части в том числе - эпоха археологически стратифицирована слабо. Очень сложно, во-первых, отделить памятники (погребения) этого столетия как от предшествующего (II в.), так и последующего (IV в.) и, во-вторых, разделить их на дробные периоды внутри самого третьего столетия. Поэтому методика анализа материалов должна поменяться. Опираясь на работы предшественников, можно дать общий очерк формирования этнического состава населения.

Население этого региона накануне «готских» («скифских») войн середины III в. н.э. - это тот этнический пласт, «субстрат», с которым взаимодействовали пришельцы. Все это делает необходимым рассмотреть этническую ситуацию конца II - середины III вв.

Еще раньше, в эллинистическое время, негреческое население Крыма было полиэтничным. Кроме скифов, здесь жили тавры, сатархи и другие племена [Ольховский, 1981. - С. 53, 57-60]. На рубеже нашей эры основную массу варваров в юго-западной части полуострова, по мнению большинства исследователей, составляли скифы и, вероятно, смешанное тавро-скифское население (рис. 10) [См.: Ольховский, 1990. - С. 29. - Карта. - С. 33, 37].

В настоящее время исследователи делят этническую историю самой Крымской Скифии на этапы: 1) конец III-II вв. до н.э. – слияние (консолидация, а не ассимиляция!) скифо-тавров, скифо-фракийцев, скифо-меотов в единый этнос; 2) I в. до н.э. – первая половина I в. н.э. – приток в Крым сармат с Северного Кавказа, из Прикубанья, а также жителей Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья; 3) вторая половина I – первая половина III в. н.э. – доминирующая роль сармат; 4) третья четверть III в. н.э. – разгром скифо-сарматского объединения, остатки которого инкорпорированы в состав аланских племен [См.: Колтухов, Юрочкин, 2004. - 89]. На полуостров сарматы начинают проникать еще с III в. до н.э. [См.: Мачинский, 1971; 1974. - Рис.1. - С. 130; Щеглов, 1985. – С. 191-193; Пуздровский, 1994В. - С. 397], которые постепенно оседают на землю и на рубеже эр они в Юго-Западном Крыму уже живут совместно со скифами [См.: Зубарь, 1994. - С. 25]. Со второй половины I в. здесь уже есть аланы [Пуздровский, 1994В. - С. 400], которые, вероятно, были передовым отрядом волны сарматского переселения в Причерноморье конца I - начала II вв. [Щукин, 1989. - С. 31-35; 1994. - С. 208-211; Храпунов, 1990. - С. 168]. (Историография сарматского проникновения в Крым подробно изложена И.Н. Храпуновым [2004. - С. 30-39], С.Г. Колтуховым [Колтухов, Юрочкин, 2004. – С. 87-91] и В.М. Зубарем [Зубарь, 2004. – С. 135-170], что избавляет от необходимости к ней возвращаться).

Временем II - первой половины III в. обычно определяется последний, заключительный этап истории поздних скифов в Крыму [Храпунов, 1988. - С. 312-313; См.: Колтухов, 2003. – С. 50]. Процессы этнического взаимодействия между скифами и сарматами усилились на последнем (II-III вв. н.э.) [Дашевская, 1989. - С. 128] этапе ее существования. Население в это время носило, несомненно, смешанный характер [См.: Лобова, 1956; Гущина, 1967. - С. 40-51; Раевский, 1971. - С. 143-151], в составе которого все увеличивалось сарматское влияние. Традиционная точка зрения исходит из того, что и в это время поздние скифы составляли преобладающую по численности группу населения, постепенно ассимилирующую другие этносы [Высотская, 1970. - С. 107; 1976. - С. 73; 1997. - С. 65]. Т.Н. Высотская при этом специально выделяет и подчеркивает своеобразные черты этой скифской культуры [1972. - С. 185; 1983. - С. 5-28], выделяя общее и особенное в культуре поздних скифов Крыма [Высотская, 2004. – С. 41-49]. А.Е. Пуздровский, напротив, обращает внимание на значение и роль сарматского этнического влияния [Пуздровский, 1992. - С. 125-135; 1994. - С. 402] и выделяет пять этапов сарматизации позднескифской культуры: 1) конец II – I вв. до н.э.; 2) конец I в. до н.э – начало I н.э.; 3) вторая половина I н.э.; 4) рубеж I-II вв. н.э. – первые десятилетия II в. н.э.; 5) вторая половина II – первая половина III вв. н.э. [Подр.: Пуздровский, 2003. – С. 55-58].

Для того чтобы рассмотреть роль и значение в составе населения Юго-Западного Крыма скифов и сармат (алан) перед началом вторжения в этот регион в середине III в. н.э. новых пришельцев, проблему этнического состава населения Позднейшей Скифии необходимо рассмотреть чуть подробнее. Признавая определенную условность, а иногда и спорность выделения этнодифференцирующих черт в крымской варварской среде (это особенно относится к скифам и сарматам первых веков н.э.), перечислим, тем не менее, их традиционные основные этнические признаки [Ушаков, 1994. - С. 163], фиксируемые археологически.

Для скифов были характерны: (а) грунтовые склепы, часто с камерами округлых форм, Т-образные в плане, входы закладывались камнем; прямоугольные грунтовые ямы, иногда подбойные могилы; (б) западная ориентировка погребения; (в) специфическая лепная и лощеная посуда.

К сармато-аланским чертам относятся: (а) грунтовые склепы несколько другой конструкции, отличной от позднескифских склепов - с более длинным и узким

дромосом, уплощенным или куполообразным потолком, с узким и коротким входным коридором [Мульд, 1996. - Рис. 5.1, 6а] с одноярусными погребениями [Храпунов, 2004. – С. 137-138]; на стенах склепов могли быть сарматские знаки [Лобода, 1977. - Рис. 2; 2, 4, 5]; подбойные могилы; могилы с заплечиками; (б) южная, позднее северная ориентировка погребения; (в) погребения в колодах, на подстилках, в кошме, подсыпки дна могил мелом, углем, серой; подстилки из войлока; (г) руки умерших помещались на тазу, скрещенные ноги, деформированные черепа; (д) разбитая в ритуальных целях посуда и зеркала; (е) конские захоронения; (ж) лепная посуда специфического сарматского облика, в том числе сосуды с зооморфными ручками.

Греческими погребальным чертами считаются: (а) простые грунтовые, плитовые и черепичные могилы; (б) захоронение младенцев в амфорах; (в) преимущественно восточная ориентировка умерших; (г) «оболы Харона».

Во II-III вв. продолжали существовать могильники Неаполя Скифского, Усть-Альма, Заветное, Бельбек II, Бельбек III, Бельбек IV, Скалистое III [Высотская, 1987. - С. 42] а также Битакский и Брянский [Труфанов, 1997. - С. 271; 2005. – С. 320], причем на всех этих некрополях закончили хоронить около середины III в. (См.: рис. 4; 48; 92; Табл. 18). О проникновении сармат в Центральный, а потом и далее в глубину полуострова свидетельствуют данные археологии. Так, например, богатое женское сарматское погребение в Т-образном склепе обнаружено у с. Мичуринское Белогорского района, совершенное в первой половине III в. [Мульд, 2001. – С. 57].

Прежде чем рассматривать погребальные сооружения и погребальный обряд Позднейшей Скифии, сделаем одно замечание. Как уже отмечалось, для скифов было характерно погребение в склепах (катакомбах), хоронили они и в подбойных могилах [Дашевская, 1984. - С. 53-60], которые (с некоторыми особенностями) были присущи, прежде всего, сарматам. Сказанное относится и к Крымской Скифии с I в. н.э. [Храпунов, 1995. - С. 68].

С этой точки зрения интересны погребальные сооружения Неаполя Скифского (Восточный могильник). Если придерживаться хронологии восточного могильника, уточненной Э.А. Сымоновичем - 1 период - II-I вв. до н.э. - I в. н.э.; 2 период - I-II вв. н.э.; и 3 период – II - первая половина III в. [Сымонович, 1983. - С. 100-109. Рис. 19], то выясняется, что в первой хронологической группе только одно погребение (из 25) имеет характер подбоя, во второй их уже 24 (из 49) и в третьей 13 (из 14).

Погребения сарматского облика обнаружены и на правом берегу Салгира [Пуздровский, Зайцев, Новиков, 1991. - С. 116-122].

Сходная картина и в Усть-Альминском некрополе, где на рубеже н.э. появляются грунтовые могилы, количество которых возрастает к концу I – началу II вв., а число подбойных могил увеличивается ко II – III вв. [Высотская, 1994. – С. 137]; то, что подбойные могилы также входят в позднюю группу погребальных сооружений, отмечали и другие исследователи [Храпунов, 1995. - С. 64-65]. На этом могильнике в ходе последующих археологических исследований выявлен и участок с погребениями сарматской знати середины - второй половины I в. н.э. [Пуздровский, Зайцев, Лобода, 1997. - С. 98-100].

Еще более «сарматизированный» облик имеет могильник Заветное [Богданова, 1963; 1989], где преобладают простые, засыпанные землей, и подбойные могилы (все относительно поздние), связанные с сарматским этносом [Богданова, 1989. - С. 18-25]. Кроме перечисленных выше памятников, сарматский облик приобретает и могильник Левадки [Храпунов, 2004. – С. 122]. Значительную степень сарматизации имеют могильники Скалистое III и Скалистое II - там преобладают подбойные могилы (а некрополь Скалистое II весь состоит из них) и могилы с заплечиками [Богданова, Гущина, 1967. - С. 132-133; Богданова, Гущина, Лобода, 1976].

В той или иной степени подобное сочетание типов погребального сооружения и черт погребального обряда присуще и могильникам в Бельбекской долине [Гущина, 1969; 1970; 1974; 1982; Вдовиченко, Колтухов, 1994]. Интересно наблюдение И.И. Гущиной о том, что отдельные черты погребального обряда переплетаются в одном и том же могильнике и даже в одном и том же погребении [Гущина, 1967. - С. 40]. В это же время широко распространяется оружие и инвентарь сарматского типа; о сарматском облике населения говорят находки так называемых сарматских знаков и специфических лепных курильниц [См.: Храпунов, 1995. - С. 68-69]. О проникновении нового населения свидетельствуют захоронения первого (раннего) горизонта захоронений второй половины II – первой половины III вв. в Нейзацком могильнике [Храпунов, 2004. – С. 134]. При этом, как отмечал И.Н. Храпунов, существенное изменение погребального обряда и инвентаря не отразилось в целом на облике позднескифских поселений [Храпунов, 2004. – С. 119].

Все эти данные позволяют утверждать, что этнически население Поздней Скифии (в Крыму) на заключительном этапе ее существования (II - первая половина III вв. н.э.) нельзя назвать чисто скифским: налицо значительная, все увеличивающаяся со временем масштабная сарматизация. Особенно активно этот процесс протекал на окраинах позднескифского ареала и среди рядового населения [Висотська, 1970. - С. 106-107].

Усиление сарматского влияния может быть связано с военно-политическими обстоятельствами. Скифы терпят ряд поражений от боспорских царей - Савромата I (рубеж I-II вв. н.э.) [КБН №32] и Котиса II [КБН №33] и, вероятно, Савромата II [КБН №1237] и Рескупорида III [КБН №1008], который прямо называется «царем всего Боспора и Тавроскифов». А.Е. Пуздровский отмечает, что в конце II в. н.э. Крымская Скифия как государ-

ственное формирование уже не существовало [1992. - С. 132]. Самостоятельность же она потеряла раньше, после диафантовых войн, а государственность, вероятно, уже в I в. н.э. [Зубарь, 1992. - С.101-102]. В этом случае, оставшиеся в живых скифы не могли препятствовать переселению на их земли сарматов. Одно из таких поселений возникло в районе Нейзацкого могильника после переселения сармато-алан - еще, вероятно, во второй половине II или первой половине III вв. [Храпунов, 1997.- С. 34-35; Храпунов, 1998.- С. 235].

Не совсем ясен характер взаимодействия между этими, хотя и родственными, но часто враждующими этносами.

Слабо помогают решить этот вопрос и материалы антропологии, так как чисто морфологически скифов и сарматов различить очень трудно [Ср.: Тот, Фирнштейн, 1970. - С. 146; Кондукторова, 1972. - С. 48-49]. (Это заключение относится, правда, к скифам «классической» поры). Несмотря на эту ремарку, имеющиеся в распоряжении антропологов материалы из некрополя Неаполя Скифского, позволили утверждать, что население его мало отличалось от скифов VII-III вв. до н.э.; сарматский элемент там присутствовал (морфологически) в малой степени [Кондукторова, 1972. - С. 53]. Заметим, что, по мнению ряда антропологов, скифский антропологический тип сохраняется в Крыму удивительно долго - вплоть до раннего средневековья [Герасимова, 1987. - С. 34].

Предварительный вывод из всего сказанного выше ясен: все усиливающаяся сарматизация населения во II - первой половине III в. при значительном влиянии в быту элементов позднеантичной культуры (археологически фиксируемые, как наборы античных вещей в погребениях - керамика, изделия из стекла и металла) приводила к «размыванию» скифского этноса.

Как попытаться оценить варианты взаимоотношений двух этносов (поздних скифов и сарматов)? Если использовать типологию модусов взаимодействия этносов, то картина будет следующая. При господстве модуса расселения медленно, при избытке населения возникают этнографические группы промежуточного (здесь - скифо-сарматского) облика. В этом случае «на периферии» ареалов обоих сталкивающихся народов возникает двуязычие, взаимный обмен традиционным культурным опытом» [Алексеев, 1979. - С. 186]. Такой вариант взаимодействия подтверждается некоторыми фактами, о которых говорилось выше, однако не исчерпывает полностью реальную картину. Наряду с медленным расселением сарматов, их отдельные племенные группы достаточно компактно селились на скифской территории (например, в районе Заветного), пользуясь при этом, вероятно, политическим покровительством Боспора.

Каково было хотя бы примерное соотношение численности местного (скифы) и пришлого (сарматы) населения? Сарматские переселенцы в целом вряд ли составляли подавляющее большинство; не могло их быть и слишком мало; скорее всего, численность переселенцев и местного населения было одного порядка [См.: Алексеев, 1979. - С. 183-184]. Об этом говорят, в первую очередь, археологические данные. Однако если учитывать определенное доминирование скифского антропологического типа (что, впрочем, требует еще дополнительных исследований), то можно утверждать, что пришельцы составляли, хоть и не значительное, но меньшинство.

К этому времени может относиться и начало проникновения германцев в Крым – на Боспоре и в центральном Крыму найдено небольшое число предметов воинской экипировки германского происхождения второй половины II – первой половины III вв. [Васильев, 2005. – С. 343-349]. В качестве примера можно привести погребение первой половины III в. с германским умбоном из могилы № 152 в Нейзацком некрополе [Храпунов, 2002Б. - С. 246-249. – Рис. 2, 2] и гребнем из могилы № 156 этого же некрополя [Подр.: Храпунов, 2003. – С. 329-350]. Появляются там (например, на могильнике Опушки) и трупосожжения германского облика [Храпунов, 2004. – С. 143; Храпунов, Мульд, 2005. – С. 341-345].

Если же говорить в целом о характере этнических процессов в это время на территории Позднейшей Скифии в Юго-Западном Крыму, то можно заключить следующее. Прежняя (позднескифская) этническая система вследствие давления сарматских пришельцев, резкого изменения политической ситуации - победы Боспора и контроля Рима над значительной частью территории Юго-Западного Крыма [Зубарь, 1994. - С. 112-113; 2004. – С. 186-191] была насильственно сломана. Это даже не этноэволюционный (угасание позднескифского этноса), а этнотрансформационный процесс. Скифы (частью эллинизированные) не были уничтожены, а сохранились как антропологический (и в какой-то мере этнический) субстрат. Этот процесс ассимиляции - скифов сарматами - хотя и все углублялся, но до начала вторжений середины III в. н.э. был еще очень далек от завершения. К схожему выводу о сложении скифо-сарматского объединения (контролируемого Боспором и Херсонесом) при некотором преобладании сарматов (третий вариант модуса миграции) пришел и А.Е. Пуздровский [1999]. Наконец, нельзя не отметить определенное влияние греческой культуры на поздних скифов (и, вероятно, сармат) Крыма, что выразилось, кроме всего прочего, в распространении греческого языка, в основном в среде верхушки общества. Об этом могут говорить и некоторые другие элементы позднеантичной культуры - градостроительство, религия, погребальный обряд (в частности, захоронения детей в амфорах), одежда и пр., хотя о смешанных браках говорить, кажется, нет достаточных оснований [См.: Высотская, 1988. - С. 283-284].

Процесс взаимодействия и взаимовлияния всех перечисленных этнических элементов (на скифском субстрате) шел в направлении формирования, вероятно, новой этносоциальной общности, но был еще далек от

завершения. Именно эта незавершенность и могла послужить дополнительной причиной гибели ее в новую эпоху [Ушаков, 1989. - С. 153].

4.2. ЭПОХА «ВЕЛИКИХ МИГРАЦИЙ» В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (СЕРЕДИНА III - СЕРЕДИНА VI В.)

Таким образом, еще до начала «готских» («скифских») войн середины III столетия Поздняя Скифия Крыма не представляла военно-политического и административного единства – оно было утрачено чуть ли не столетием ранее. Здесь сыграла свою роль и вековая экспансия сарматов с северо-востока [Щукин, 1994. - Рис. 100; Гумилев, 1993а. - С. 130]. Сарматы поселились в районе Нейзаца, Скалистого, с первых десятилетий III в. – у Перевального [Пуздровский, 1994. – С. 55-56], а к сороковым годам этого же столетия и у Дружного [Айбабин, 1996. - С. 294, 296].

Часть территории, которая располагалась ближе к Херсонесу, с проживающим там населением находилась под контролем римской администрации – при помощи системы небольших гарнизонов и военных постов [Зубарь, 1994. - Рис. 11], на другую часть территории Крыма распространялась власть Боспора.

Разбитых и раздробленных скифов, покоренных более сильными и удачливыми соседями, ожидала незавидная судьба. В середине III в. прекратили свое существование почти все позднескифские поселения [Краткая сводка данных: Пиоро, 1990. - С. 25-27], кроме, может быть, расположенных в долине р. Бодрак [Молодцов, 1994], что связывается с вторжениями новой волны варваров [См.: Зубарь, 2004. – С. 198-199]. Однако вряд ли все поздние скифы были истреблены - физический (антропологический) их тип сохранился. Мы можем предположить, что, по крайней мере, значительная часть женского населения осталась в живых. Версия о конфликте населения Поздней Скифии и германцев если и не спорная [См.: Юрочкин, 2003. – С. 203], то весьма проблематичная.

В Крым (и его юго-западную часть) проникают, вероятно, довольно многочисленные «готские» полиэтничные боевые дружины. «Ползучая» [Щукин, 1994. - С. 248] более чем вековая миграция с северо-запада на юго-восток готов-вельбарцев и вандалов-пшеворцев [Магомедов, Левада, 1996. - С. 312], представлявших собой военно-административную касту в среде черняховского населения [Козак, 1994.- С. 32], завершилась обвальным, стремительным натиском на восточную часть Римской империи (Табл. 22; карты - рис. 87-91), в том числе и на территории в бассейне Черного моря. Воины-профессионалы, «готы» (или «скифы») - этническое содержание этих терминов уже не соответствует их оболочке [Хайрединова, 1994.- С. 76], вслед за Меотидой (первая зона расселения готов по Иордану) на короткое время стали гегемонами на всем побережье Черного моря. Одним из центров вторжения была Тира [Павленко, Сон, 1991. - С. 11]. Однако, как мы видели, древние авторы практически ничего не сообщают нам о проникновении новой волны варваров - «готов» (вслед за сармато-аланами) в Юго-Западный Крым. Правда, по предположению Э.А. Хайрединовой, герулы в 267 году в ходе морского похода проплыли вдоль крымского побережья (рис. 92). Это проникновение (на южный берег и на юго-запад полуострова) могло быть и годом позже [Сидоренко, 1994. - С. 66]. Однако ясно, что полиэтничные готские дружины («организации, созданные исключительно для войны» [Гумилев, 1993а. - С. 115]) первоначально, вероятно, мало интересовались землями юго-западной Таврики - их более привлекали богатые земли Малой Азии и материковой Греции.



Рис. 87. Походы варваров в восточные провинции Римской Империи во второй половине III в. н. э. (по Ременникову, 1954).

Археологические данные (фибулы, керамика, гребни) говорят

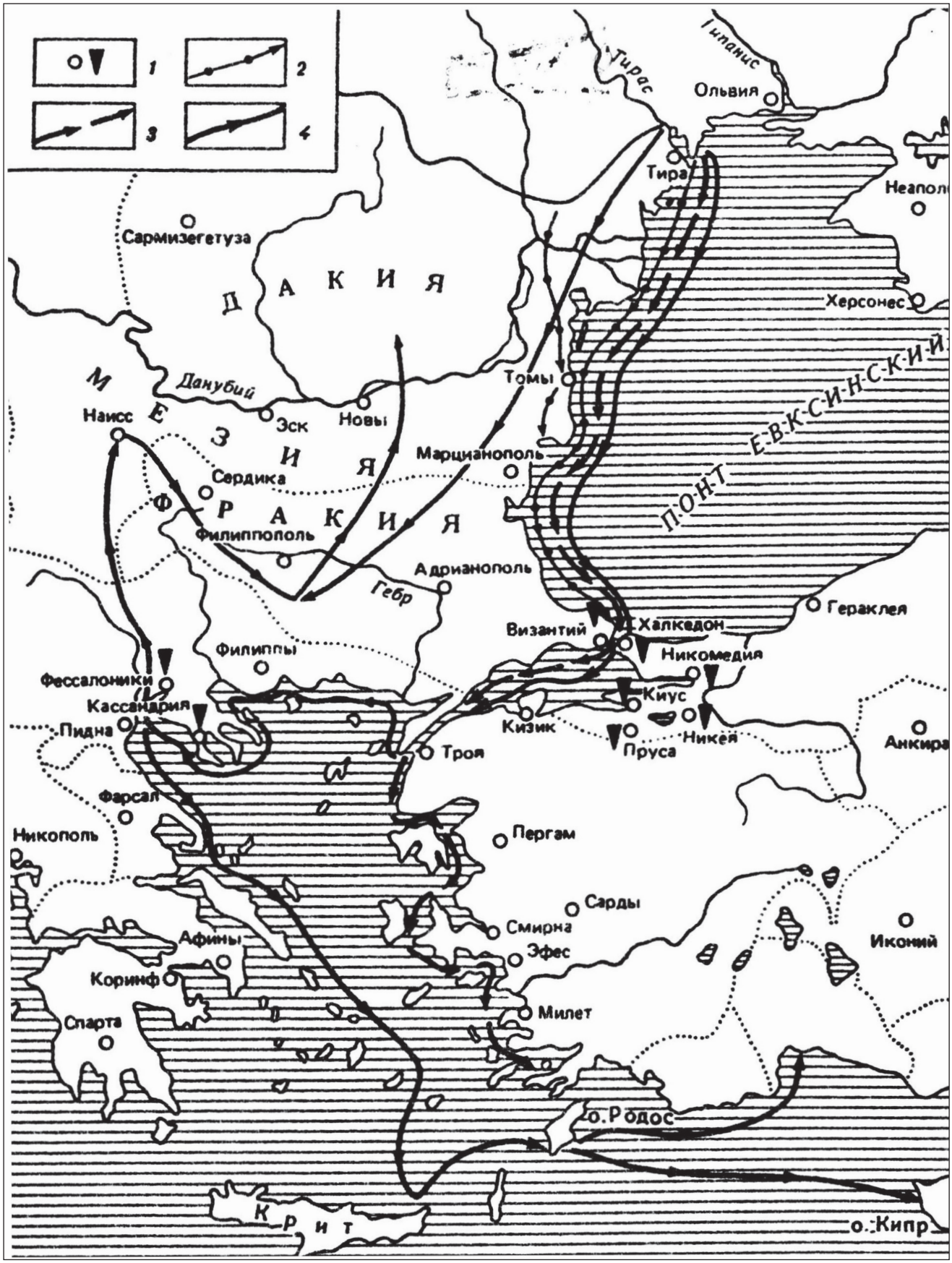


Рис. 88. Районы концентрации готских племен у Меотиды и их походы в III в. (по Будановой, 1990). 1 - поход 255 (256) г.; 2 - поход 264 г.; 3 - поход 266 г.; 4 - поход 275 г.

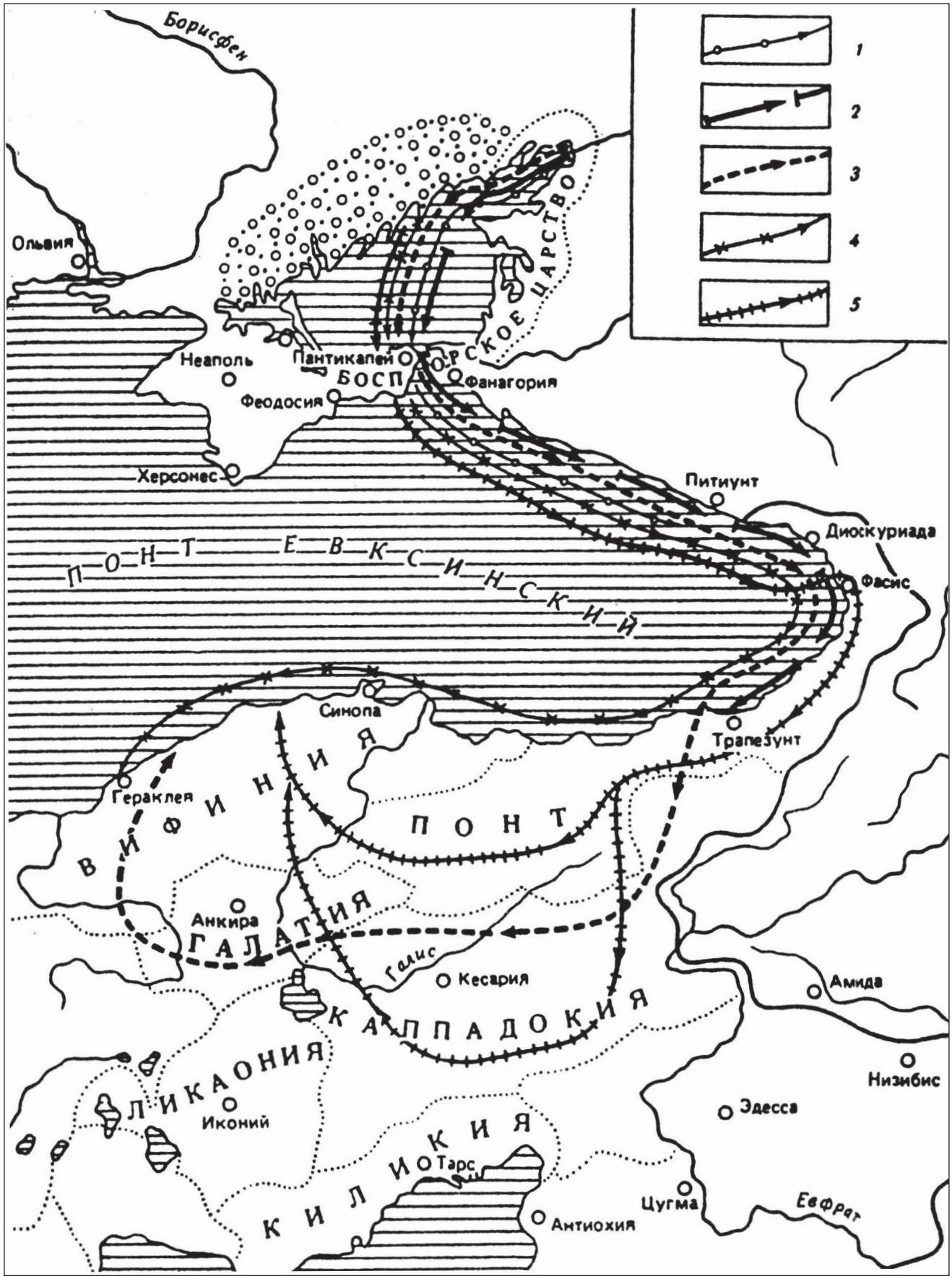


Рис. 89. Походы готов на Балканы и в Малую Азию в III в. (по Будановой, 1990). 1 - разграбленные города; 2 - поход 258 г.; 3 - поход 263 г.; 4 - поход 269 г.

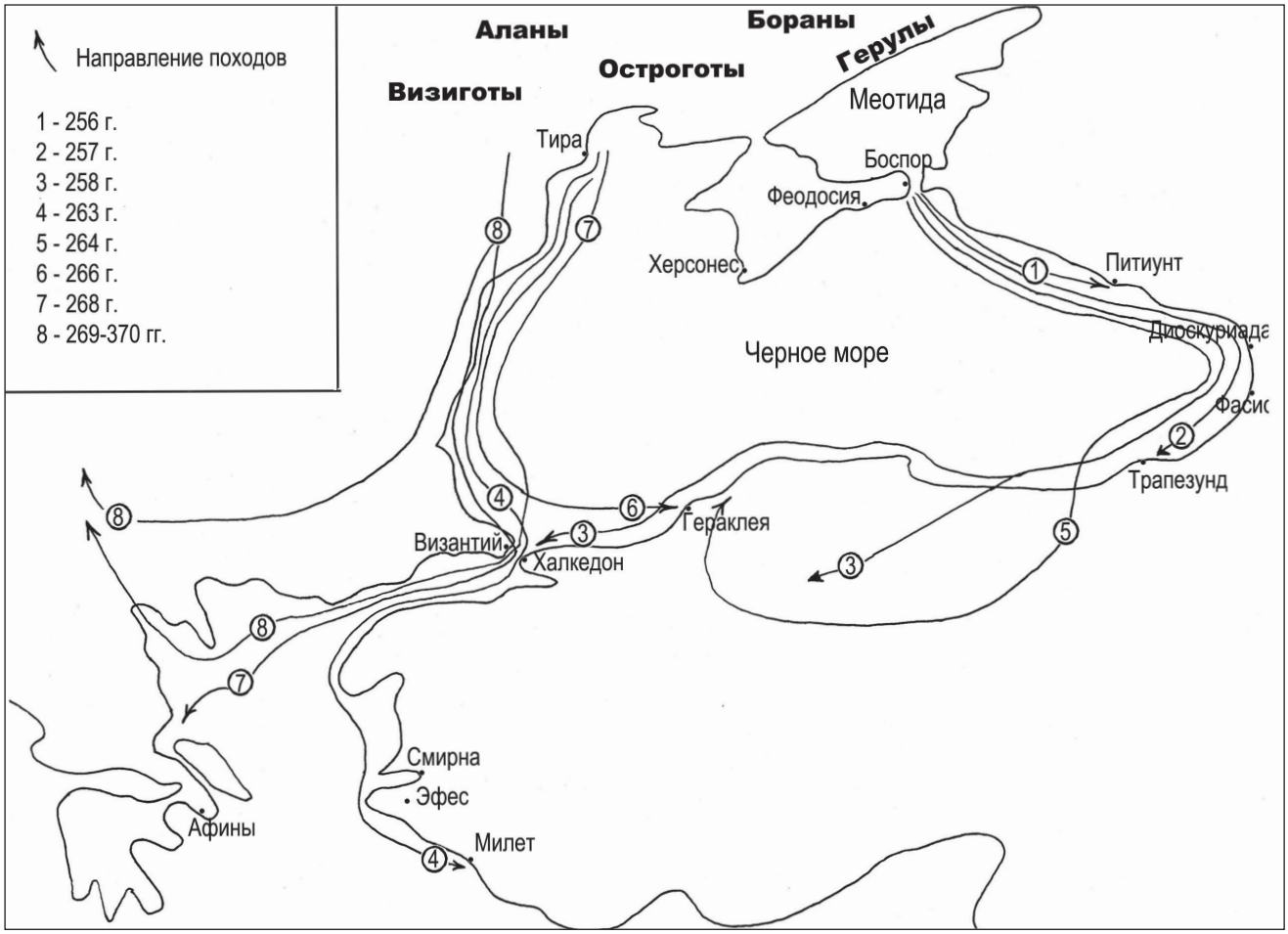


Рис. 90. Варварские походы в бассейне Черного моря (по Ременникову, 1954).

о явном притоке черняховского (готского) населения в Крым [Магомедов, 2001. – С. 246-248]. Рассмотренные археологические материалы позволяют говорить об усиливающемся со второй половины III в. притоке нового населения в Юго-Западный Крым [Зубарь, 2004. – С. 201-202 – основная литература] (рис. 93) (изменение археологической ситуации по полустолетиям – см.: рис. 94).

Этим временем датируются, кроме шести могил Бельбекского (№ 4, 7, 13, 14, 19 и 21) и, по крайней мере, двух склепов Нейзацкого [Храпунов, Мульд, 1997. - С. 90; 1998] некрополей, где поселенцы жили уже ранее, до двух десятков подбойных могил и склеп (№ 77) в Черноречье, а также склепы 9, 21, 39 подбойные и грунтовые могилы в некрополях у с. Дружное [Храпунов, 1995. - С. 89-130; 1998. - С. 239-255; Храпунов, 2004. – С. 148] и с. Суворово [Зайцев, 1997; Юрочкин, 1997.- С. 305]. Характер погребальных сооружений, а также отдельные элементы погребального обряда (посыпание дна могилы углем, захоронение в деревянном гробу - См.: Табл. 16), инвентаря (набор лепной посуды, например, в некрополе у с. Дружное) по комплексу данных позволяют предполагать, что это - захоронения сармато-алан. Новые поселенцы пока почти не сооружали большие семейные усыпальницы (склепы), ограничиваясь подбойными и простыми могилами, и в редких случаях, могилами с заплечиками (Инкерман, могила № 28(43)).

По данным А.И. Айбабина [1996. - С. 294] в это время (вторая половина III - IV вв.) начинают хоронить также в районе Озерного, Мангупа, Красного Мака, Тенистого, Килен-балки (рис. 4). Пока это утверждение не подкреплено полной публикацией датированных комплексов, однако, в целом, материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют достаточно обоснованно присоединиться к мнению о массовой миграции в регион новой очередной волны населения, в значительной степени по своему облику сармато-аланского. Предположительно можно говорить о примеси, вероятно, незначительной, гето-фракийского элемента. Сошлемся при этом, например, на набор лепной посуды из могилы № 9 в Черноречье (рис. 52, 5, 13, 14).

В этой, преимущественно сармато-аланской, волне «завоевания родины» определенное место нашлось и германцам: Северное Причерноморье (и Крым в том числе) не входил в зону сплошной экспансии готов, здесь были их только отдельные группы [Бірбрауер, 1995.- С. 39, 51] (См.: рис. 95). Особенности погребального обряда и инвентаря свидетельствуют о двух этих этнических компонентах [подр. см.: Храпунов, 2004. – С. 150-153]. В первой половине IV века началось посе-

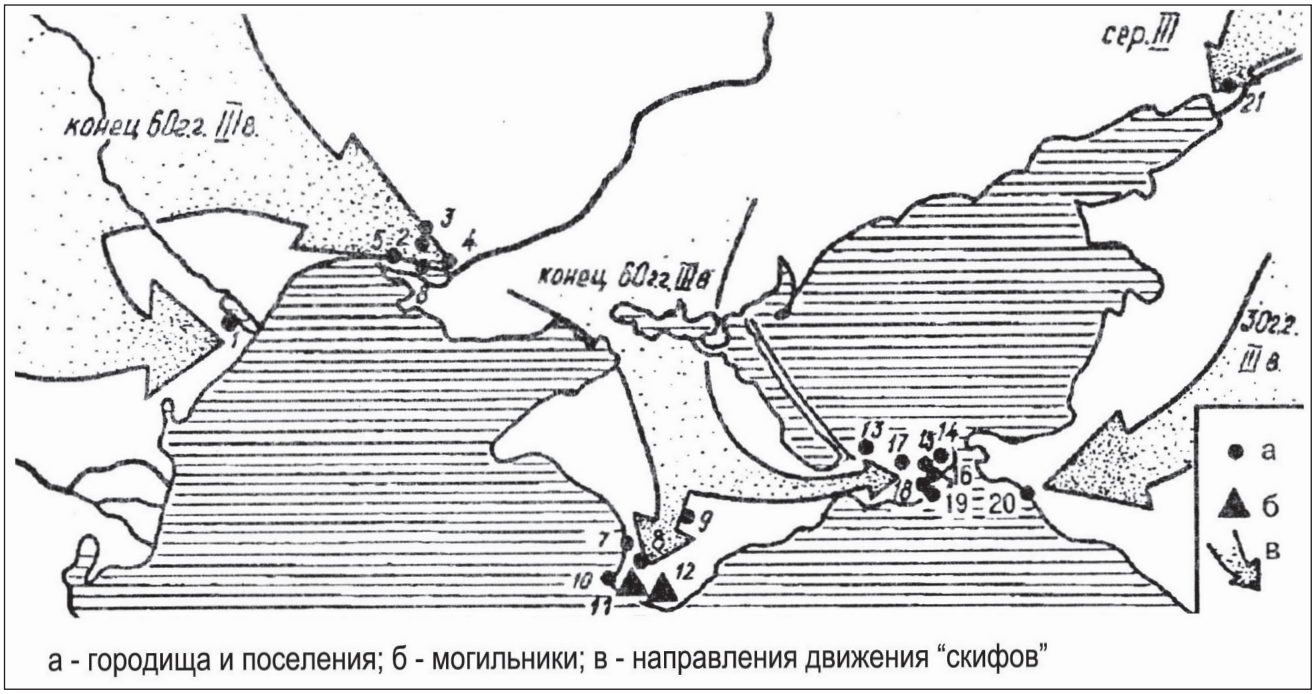


Рис. 91. "Скифские войны" в Северо-Западном и Северном Причерноморье (по Зубарю, 1994). 1 - Тира; 2 - Ольвия; 3 - Козырка; 4 - Золотой Мыс; 5 - Петуховка; 6 - Днепровское; 7 - Усть-Альминское городище; 8 - Алма-Кермен; 9 - Неаполь Скифский; 10 - Херсонес; 11 - Совхоз "Севастопольский; 12 - Харакс; 13-19 - памятники Европейского Боспора; 20 - Горгиппия; 21 - Танаис. Условные обозначения: а - городища и поселения; б - могильники; в - направления движения "скифов".

ление носителей древностей центрально-европейского типа, в том числе и на Южном берегу Крыма (Харакс, Чатырдаг [Айбабин, 1996. - С. 294, 297; Мыц, 1994. - С. 45]). Это могли быть вельбарцы (герулы и готы) [Казанский, 1997. - С. 51], которые оказались тогда, как писал Иордан «на Понтийском море, снова в Скифии». Именно в 275 (276) г. заканчивается последний грабительский поход варваров из «Меотиды», и они с добычей возвращаются «домой». Кроме Южного берега, германцы, вероятно, располагались и в районе Бельбека (со второй половины III в.?).

Таким образом, ситуация существенно не изменилась и в первой половине IV в. К этому времени относятся погребения с трупосожжениями в небольших каменных ящиках под Чатырдагом, на Хараксе (м. 34). Погребения с трупосожжениями этого времени есть также и в Бельбекской долине, в долине р. Черной (Совхоз-10). Примечательно, что оссуарии, использованные в могильнике Совхоз-10 (рис. 34), ближайшие аналогии находят в могильниках Паннонии [См.: Зубарь, 1994. - С. 125. Примечание]. Кстати, и отдельные лепные сосуды из этого же могильника также указывают на северо-западные (по отношению к Крыму) связи. Поэтому трудно согласиться с мнением А.А. Масленникова [1997.- С. 51] о массовом расселении пленных из Малой Азии как на Боспоре, так и в целом в Северном Причерноморье (а значит и Юго-Западный Крым) - археологического подтверждения этому у нас нет.

Тогда же, с первой половины IV в. кроме Бельбекской (Бельбек I, Суворово) плотно заселяется вся долина р. Черной (могильник у с. Хмельницкого - подбойная могила № 67 и другие трупосожжения ТС 16, ТС 38 (19)), в том числе и ее низовье (в Инкерманском могильнике этим временем датируется, по крайней мере, шесть подбойных могил и два склепа) (рис. 17, II).

Другой регион сарматского расселения - предгорья (около современных сел Озерное, Дружное, Нейзац, Верхнесадового, Чернореченская долина). В литературе было высказано мнение о расселении здесь херсонеситами после победной войны с Боспором части пленного боспорского войска, в составе которого было и воинство Меотиды [Юрочкин, 1997. - С. 132]. Однако если обратиться к источнику (главе 53 сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей»), то увидим, что там сказано буквально следующее: Фарнак, «оказавшись победителем в борьбе ... распустил воинство Меотиды, а людей из Боспора забрал, как пленников, отняв их землю, и далее «немногих из боспориан удержав у себя для земледелия, Фарнак позволил всем прочим, удостоив сострадания, уйти к боспорианам» [Константин Багрянородный, 1991. - С. 259]. Как видим, речь не идет о поселении в Юго-Западном, Центральном, да и Южном Крыму «воинства Меотиды» (среди которых могли быть и герулы) и пленных боспорян. Основываясь же на археологических данных, можно заключить, что если количество зафиксированных погребальных сооружений первой половины IV столетия отражает соотношение сармато-алан и германцев, то можно говорить о значительном численном (в несколько раз) превосходстве иранцев (сармато-алан) над германцами (условно говоря, примерно в 5 раз). Здесь мы не учитываем возможные германские (готские) погре-



Рис. 92. Морские походы варваров второй половины III в. н.э. из области Боспора и Меотиды по данным письменных источников (по Хайрединовой, 1994).

бения по обряду трупоположения – выделить их среди прочих практически невозможно.

При этом ясно, что преимущественно германское по происхождению население в основном размещается на Южном берегу Крыма, проникает и в долину реки Черной, а сармато-аланы плотно заселяют предгорья и долины рек. Об этом можно говорить на основания анализа погребальных сооружений (склепы, подбойные могилы, могилы с заплечиками) с набором присущего им инвентаря, в том числе и лепной керамики. Можно согласиться с В.М. Зубарем, что источники ничего конкретного не сообщают о статусе этого населения [Зубарь, 2004. – С. 204].

Многочисленным сармато-аланское население остается и во второй половине IV в. Кроме перечисленных выше мест расселения, аланы появляются и в районе горы Сахарная головка (подбойные могилы № 36 и № 56), живут еще ближе к Херсонесу (Килен-балка?). Впрочем, в районе с. Хмельницкого (некрополь Черноречье) кроме сармато-алан жили, вероятно, и германцы - к этому времени относится одно погребение с трупосожжением (№ 11(3)). По предположению М. Казанского, это связано со второй («черняховской») волной переселения германцев [Казанский, 1997. - С. 51]. Всего лишь одно трупосожжение (№ 17) датируется, по крайней мере, твердо, второй половиной столетия и на Ай-Тодоре (Харакс).

Не исключено, что такая относительная малочисленность предположительно германского (готского?) населения объясняется тем, что основная масса готов ушла на запад [Бірбрауер, 1995. - С. 40]. В целом же, если учесть, что в относительно многочисленных подбойных могилах и склепах Озерного III, Инкермана, Черноречья, Красного Мака, Дружного и других было погребено не по одному человеку, то достаточно обоснованно можно говорить и о довольно значительной густоте, в основной своей массе, сармато-аланского населения.

Хотя, в целом этнокультурные традиции в Горном Крыму с началом следующего столетия и не прерываются [Амброз, 1995. - С. 35], но этническая ситуация претерпевает существенные перемены. Численность населения, похоже, сокращается. Прекращают свое существование большинство сармато-аланских могильников. Относительно немногочисленные аланы живут в долине реки Черной и Бельбека (могильник Каршi-Баир), они поселяются у Скалистого и Лучистого [Айбабин, Хайрединова, 1998. - С. 274-311]. К этому времени, возможно, относится некоторое число трупосожжений

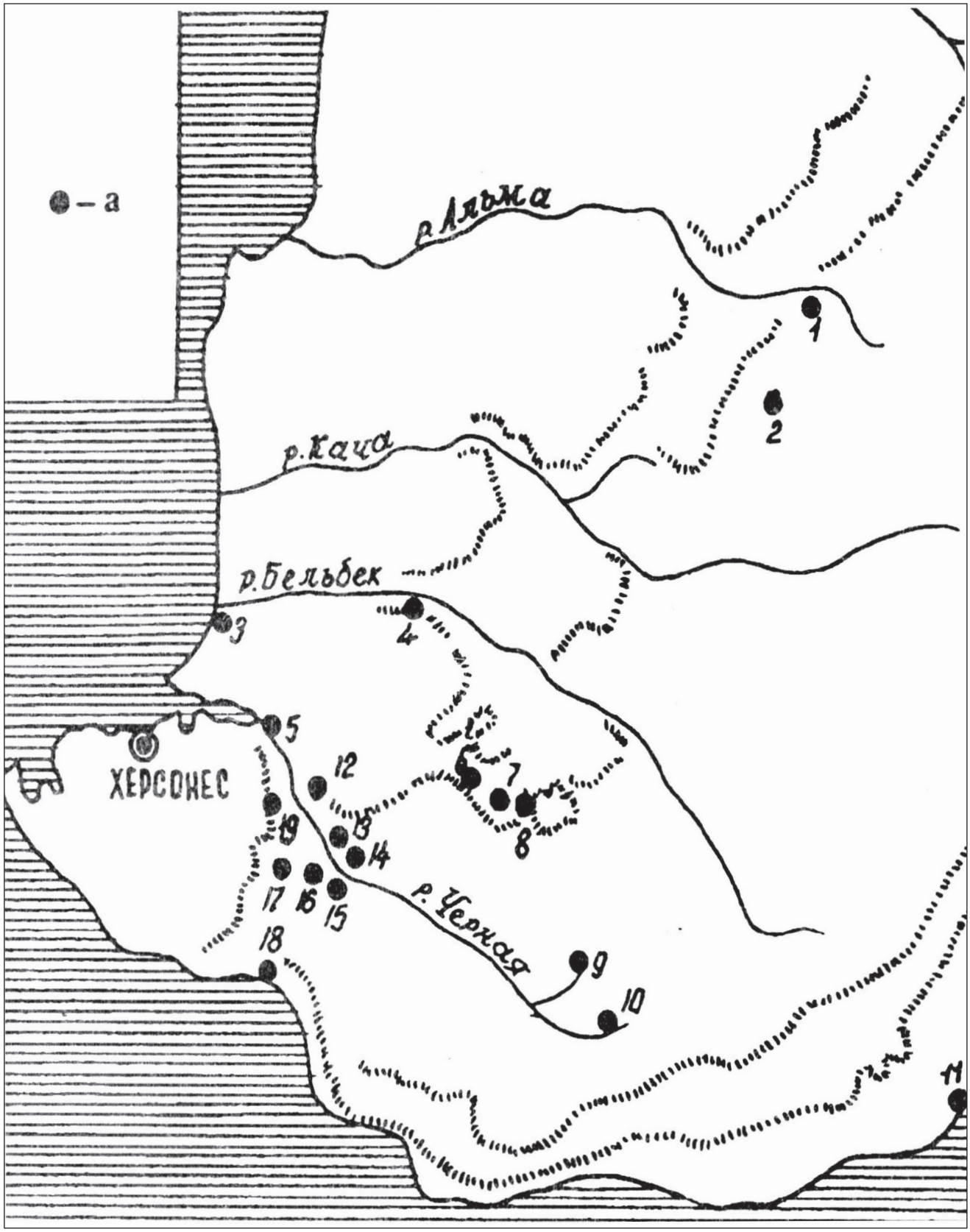


Рис. 93. Могильники Юго-Западного Крыма III - начала V вв. (по Высотской). 1 - Неаполь Скифский; 2 – Усть-Альма; 3 – Заветное; 4 – Скалистое-I; 5 – Скалистое-II; 6 – Скалистое-III; 7 – устье р. Качи; 8 – Вишневое; 9 – Малодворка; 10 – Тургеневка; 11 – Бельбек-II; 12 – Танковое; 13 – Биюк-Карагез; 14 – Могильник Р.Х. Лепера; 15 – Бельбек-IV; 16 – Бельбек-I; 17 – могильник к западу от Михайловской батареи; 18 – Панайотова балка; 19 – совхоз «Севастопольский»; 20 – Черноречье; 21 – Кефало-Вреси. Условные обозначения: а – местоположение могильников.

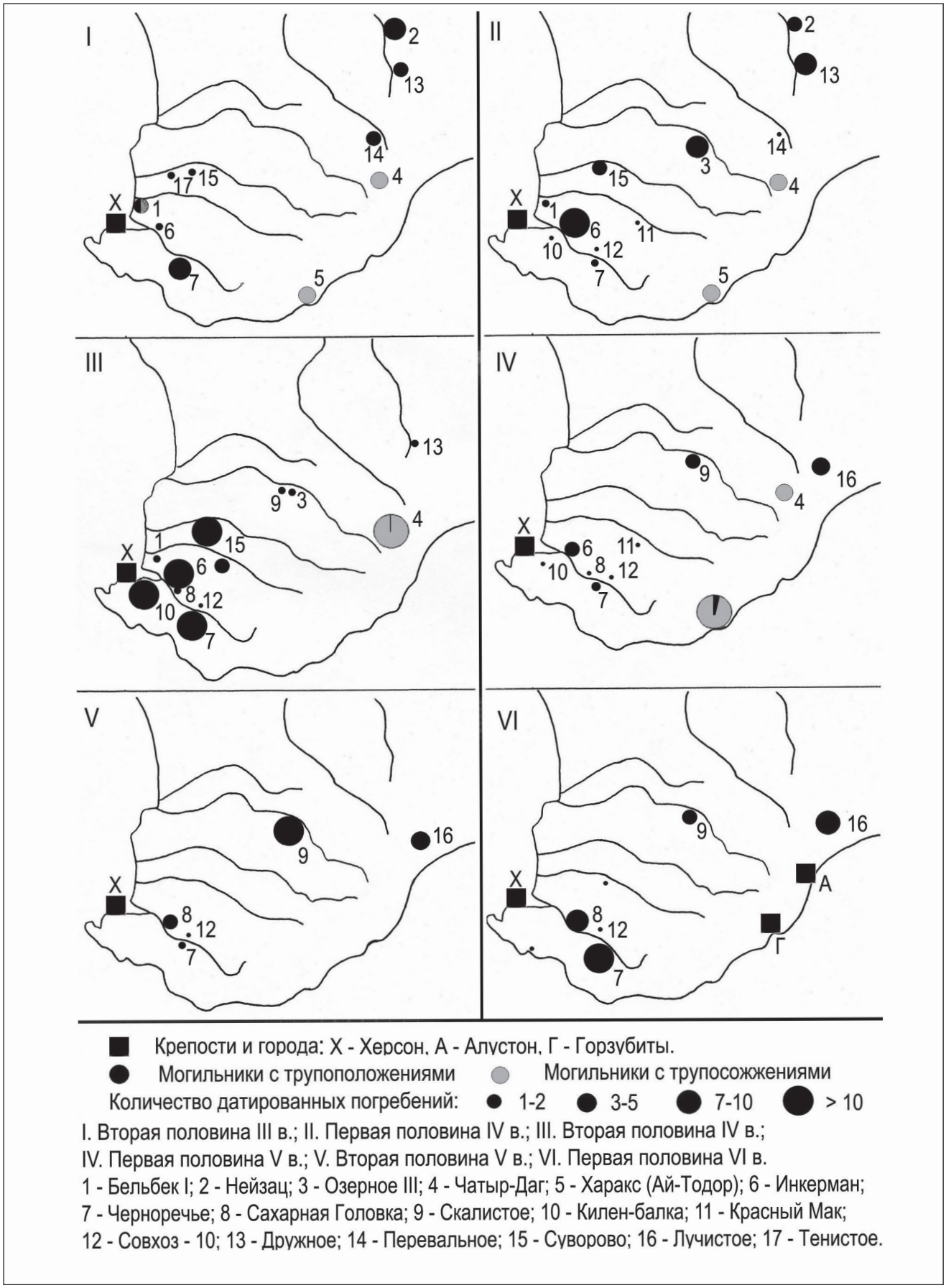


Рис. 94. Могильники Юго-Западного Крыма: территориально-хронологическое распределение.

некрополя Харакса (рис. 95).

Чем можно объяснить такое резкое изменение ситуации? Внутренние причины отпадают. Остается внешний фактор - вторжение гуннов в Причерноморские степи, покорение и уничтожение ими части алан, начиная с 375 г. (традиционная дата, у Л.Н. Гумилева - 360 г. [Гумилев, 1989. - С. 24]), подчинение оставшихся готов. Может быть, в сражениях с гуннами участвовали и представители аланского населения Юго-Запада Крыма - они или погибли или ушли (покорившись) с гуннами в Европу? Их место могли занять переселенцы с Северного Кавказа [Айбабин, Хайрединова, 1998. - С. 309]. Готы же (или другие германцы под готским руководством) концентрируются на Южном берегу (район Харакса). Это проникновение, кстати, В.А. Сидоренко относит ко времени после 410 г. [Сидоренко, 1994а. - С. 5].

Подобная реконструкция событий очень вероятна: кроме письменных источников, дающих нам общую канву событий, в нашем распоряжении и данные археологических находок. Имеются в виду преимущественно предметы полихромного стиля, связанные с кладами и погребениями кочевников из крымской степи [Сводку данных см.: Айбабин, 1993. - С. 206-211]. На кратковременное пребывание гуннов у Херсонеса – Херсона, по мысли некоторых исследователей, могут говорить остатки каменных оснований юртообразных сооружений [Пиоро, 1990. - С. 45, 47; Зубарь, 1993. - Рис. 18; 2004. – С. 215; 2006. – С. 82-83. К сожалению, датировать их точно не представляется возможным].

О проникновении гуннов в Юго-Западный Крым (рис. 96) и, таким образом, и о влиянии гуннских вторжений на алано-готское население региона косвенным образом говорят археологические находки последних лет. В качестве яркого примера назовем находку погребения юноши-воина во вторично использованном грунтовом склепе № 635 Усть-Альминского могильника [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 1999]. Юноша 15-18 лет был похоронен в деревянной колоде. Инвентарь - бронзовый котелок, детали конской сбруи, пряжки, железные наконечники стрел и другие находки не оставляют никакого сомнения о принадлежности погребенного к гуннскому племенному союзу. Об этом же говорит обряд погребения и анализ антропологического типа найденного костяка. Авторы раскопок датируют время совершения этого погребения достаточно узко - второй четвертью V в. Таким образом, в первой половине этого столетия гунны-кочевники заняли не только степи полуострова, но проникали и в его предгорную юго-западную часть.

Вероятно, в период наибольшей активности гуннов (конец IV - середина V в.) Византийская империя продолжила практику заключения с оседлыми варварами у границ своих владений договоров, принимая их на службу в качестве федератов. В.А.Сидоренко говорит о появлении института федератов в Крыму ранее IV в. Согласно ему, еще со времен I войны Херсонеса с Боспором 285/6 гг. была симмахия города и Рима. Логика его рассуждений довольно странна. В войне участвовало окрестное население. А так как συμμαχια по-гречески то же, что foedera по латыни, то существовали договорные отношения с варварами, которые защищали Херсон от Боспора как федераты [Сидоренко, 1994а. - С. 11; 1994б. - С. 66-67]. Однако федераты могли охранять только границы империи, а Крым, как известно, в его состав не входил.

Как показывают археологические материалы, местное варварское население во второй половине V в. концентрируется у Херсона (у г. Сахарная головка), в районе Скалистого (там зафиксировано около десятка погребальных комплексов этого времени) и, вероятно, у Лучистого. Материалы могильника Карши-Баир (у ст. Верхнесадовая) также позволяют утверждать, что там продолжали хоронить и во времена предполагаемого господства гуннов в причерноморской степи. Обычно считается, что аланы, спасаясь от гуннов, переселились в горную часть полуострова [Айбабин, Пиле, 2002. – С. 7]. По мнению А.И. Айбабина, аланы ушли со склонов Третьей гряды Крымских гор вглубь, оставив могильники в Нейзаце, дружном и Перевальном. В самом начале V в. как раз и возникают некрополи алан и германцев в Скалистом, у подножия Баклы, у Мангупа, в Лучистом, в низовьях Черной речки [Айбабин, 2003. – С. 22]. Судя по данным некрополя Карши-Баир и некоторых других памятников, аланы оставались в этих местах, как минимум, еще полтора-два столетия [Подр.: Ушаков, Филиппенко, 2006, в печати]. Таким образом, этот могильник интенсивно начал использоваться в период гуннского господства в Причерноморских степях. Вероятно, местное население (носители формирующейся культуры «типа Суук-Су», но с характерно выраженными элементами круга аланских древностей), жившее тогда в крымских предгориях, поддерживало с верхушкой гуннского союза мирные отношения. В то же время, оно являлось достаточно активными потребителями керамической продукции Херсонеса-Херсона, о чем говорит наличие в погребениях массы стекла, краснолаковой керамики, представленной, прежде всего мисками, а также блюдами типа поздний римский С формы 3/Фокейская сигиллята, Понтийской позднеримской группы (по К. Домжальскому - PRS, form 1), понтийской позднеримской группы (form 3) [Arsen'eva, Domzalski, 2002; Domzalski, 2002], в том числе, как указывалось ранее – с христианской символикой [Ушаков, Филиппенко, 2001].

Какова была его этническая принадлежность? Судя по характерным чертам погребальных сооружений, обряда и инвентаря, скорее нужно говорить о сармато-аланах, чем о германцах. В это время, кстати, совершенно исчезают и захоронения с трупосожжениями. Это было следствием, с одной стороны, изменения обряда (влияние христианства?), а с другой - переселением части их носителей. Об этом говорит то, что на Чатыр-Даге и Хараксе прекращают хоронить вообще. Куда же переселились готы? Может быть, на Тамань? Это одна из нерешенных загадок крымской готской истории.

Завершает наш обзор обращение к памятникам пер-

вой половины VI в. (рис. 94, VI). Они, как писал А.К. Амброз, очень невыразительны [1995. - С. 35] и относительно немногочисленны. Этим временем можно предположительно датировать семь склепов Чернореченского могильника, раскопанные А.И. Айбабиным в 1998 г, две подбойные могилы - 13(3) и 34(7) и склеп № 1 из некрополя Сахарная головка, а также три склепа (№ 350, № 419, № 447) и одну подбойную могилу (№ 445) из Скалистинского могильника. К этому перечню можно добавить ряд захоронений в некрополе Каршi-Баир: в это время активно использовались склепы и большая часть подбойных могил (См.: Табл. 3). Хотя часть готов и могла уйти на восток с гуннами утигурами [Мульд, 1996.- С. 287], это не объясняет всей ситуации. Пока же отметим, что, как показывают наши источники (археологические, письменные и в какой-то степени и антропологические), население в этой части полуострова к середине VI в. располагалось как бы «полосами»: германцы («готы») - на южном берегу, далее - аланы, населявшие в основном предгорья и еще дальше - в степи племена гуннского объединения («альциагиры»?), доходившие и до Херсона (рис. 96). При этом наблюдалась этническая чересполосица и смешение этносов (готов с аланами), что привело, по мнению К, Лоэ, к сложению своеобразного крымского готского этноса [Лоэ, 2000. – С. 135-136]. Об ассимиляции «готов» аланами, выразившейся, в частности, в полном отсутствии погребений с трупосожжениями, говорить можно с большой долей осторожности только по отношению к некрополю у Черной речки. Если же эта ассимиляция закончилась еще позднее, к концу VII в. [Айбабин, 1987.- С. 194], то, как быть с сообщениями средневековых путешественников о готах и готском языке в Крыму в XIII-XVI вв. [Барбаро и Контарини, 1971.- С. 57; Карпини, Рубрук, 1911.- С. 68; См.: Пиоро, 1990. - С. 87; Топоров, 1983. - С. 236-240]?

***

Таким образом, очередные волны вооруженных переселенцев, завоевывавших себе новую родину, разорвали непрочное тело сармато-скифского общества начала III в. Это были как родственные местному народу сармато-аланы, так и чужаки-германцы. Это вторжение, скорее всего, было не единовременным, а насчитывало несколько сменяющих друг друга волн. При этом сармато-аланы предпочитали поселяться в Предгорном Крыму, а германцы (готы?) преимущественно на Южном берегу полуострова. В конце IV - начале V вв. в связи с нашествием гуннов население несколько сокращается, частично перемещаясь вглубь полуострова. Давление гуннов, вероятно, усилилось со времени их возвращения из Центральной Европы во второй половине этого столетия. Этот фактор мог способствовать более тесному союзу готов и алан, приведшему в последствии к их слиянию.

4.3. О СТРАНЕ ДОРИ В ТАВРИКЕ

Полному преобладанию аланов (по данным археологии) противоречит сообщение Прокопия о стране Дори, населенной готами. Анализ этого пассажа, относящегося хронологически к середине VI столетия, является завершающим в нашей работе. Локализация упомянутой Прокопием так называемой «страны Дори» - одна из ключевых проблем истории Таврики VI в. Ввиду неясности основного источника, о чем уже говорилось выше, сложности интерпретации этих сведений в историографии возникло несколько вариантов ее размещения. Они перечислены в статье Э.И. Соломоник и О.И. Домбровского.

1. Южный берег Крыма (П. Кеппен, Ф. Брун, В.Томашек, Н.М. Карамзин, В.Г. Васильевский, В.Н. Дьяков).

2. Юго-Западный Крым (Дюбуа де Монпере).

3. Побережье с заходом вглубь территории (А.А. Васильев, М.А. Тиханова, А.Л. Якобсон) [Историографию вопроса подр. см.: Соломоник, Домбровский, 1968. - С. 21-24, 29-32; Пиоро, 1990. - С. 58-59]. Ю. М. Могаричев кратко рассмотрел современную историографию проблемы [См.: Могаричев, 2007. – С. 19-20; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007. – С. 33].

4. Несколько особняком стоит точка зрения И.А. Баранова, располагавшего Дори в Восточном Крыму или на Тамани [Баранов, 1986. - С. 233].

Если не рассматривать пока этот крайний вариант, а исходить в целом из южнокрымского места локализации Дори, то необходимо еще раз вернуться к анализу аргументации Э.И. Соломоник и О.И. Домбровского и новых данных на этот счет.

Первоначально серьезной критике подверглось археологическое обоснование южнобережного варианта локализации Дори. В частности, А.Л. Якобсон указывал, что стены, ведущие к Алустону, не относятся к стране Дори, раннесредневековая дата их не обоснована, эти стены имеют характер заборов; пути в горах - это не дороги, а всего лишь горные тропы, и, наконец, если принять южнобережный вариант расположения Дори, то весь Юго-Западный Крым выносится как бы в вакуум. «Длинными стенами» Прокопия могут быть мангупские, заключил критик, а Дорос - это и есть Мангуп [Якобсон, 1971. - С. 299-301].

Другие слабые места в локализации Дори Э.И. Соломоник и О.И. Домбровским подметил Л.В. Фирсов. Основные его положения сводятся к следующему:

1. «Алуста и Горзубиты» не находились в стране Дори, т.к. в ней «император не построил нигде ни города, ни крепости».

2. Южный берег Крыма занимает всего 1% территории полуострова с землями, неблагоприятными для ведения сельского хозяйства (которое вели готы); возвышенность же занимает 10% территории Крыма, с благоприятными условиями для выращивания сельскохозяйственных культур.

3. Термин «Дори» означает просто «возвышенность», а не овраг или ущелье, - как в трактовке Э.И. Соломоник.

4. Стены, указанные О.И. Домбровским [Домбровский, 1961. - С. 155-167], представляют собой ограды для скота; дата их неясна, и, кроме того, лицевым панцирем они обращены к югу [Фирсов, 1979. - С. 108-112].

С.А. Иванов, в докладе на сессии византинистов в Севастополе в 1984 году, проанализировав с точки зрения особенностей упоминания термина хора из отрывка Прокопия о стране Дори, пришел к выводу о том, что здесь говорится скорее не о стране (области) Дори, а о ее хоре; и вся страна Дори могла располагаться на Мангупе.

Учитывая подобную критику южнобережного варианта расположения Дори и находку фрагмента строительной надписи Юстиниана I на Мангупе, И.С. Пиоро считает вполне возможным, что Дори располагалась именно на мангупском плато. «Длинными стенами», по его мнению, могут быть остатки тех стен, которые исследовал В.А. Сидоренко [Пиоро, 1976. - С. 8; 1990. - С. 59-70].

Действительно, В.А. Сидоренко обнаружил остатки мощной оборонительной стены в балке Каралез (рис. 85 Б, 1). Размеры ее впечатляют. Местами эта стена сохранилась на высоту до 2,5 м. Толщина ее - 2,3 - 2,4 м, протяженность - более 150 м; она была вплотную пристроена к вертикальным известняковым обрывам (сохранилась вырубка скалы) [Сидоренко, 1991. - С. 114]. Автор раскопок предварительно датировал ее временем не позднее середины VI в., однако материалы раскопок пока не опубликованы. Южнее стены находится могильник второй половины VI-Хвв. [Сидоренко, 1991. - Рис. 1. - С. 280]. В.А. Сидоренко посчитал, что эти «длинные стены» идут по направлению к Инкерману (См.: рис. 85 А).

Еще один вариант локализации «страны Дори» недавно был предложен Н.Г. Новиченковой и В.И. Новиченковым. Они располагают центр Дори в Орлиновской долине, считая, что природно-климатические условия этого микрорегиона совпадают с описанными у Прокопия: «земля не камениста и не суха», а «Готская земля» в Юго-Западном VI-VII вв. занимала всю территорию к югу и юго-востоку от второй Крымской гряды до Главной гряды и южный берег от Балаклавской бухты до Алустона (рис. 86) [Новиченков, Новиченкова, 2004]. Однако по природным условиям еще больше сходства имеют Дори Прокопия и горный массив Бойка (у Ялтинской яйлы, 1100 м над уровнем моря), тем более что наверху этой горы имеется христианский храм («базилика»), а рядом – поселения, известные по разведкам О.И. Домбровского (Домбровский, 1968). Совсем уж «экзотический» характер носит локализация Дори в восточной части Керченского полуострова, недавно предложенная А. Ермолиным (Єрмолін, 2006. – С. 45-51. - Рис. 1).

Заключая критику южнобережного варианта расположения Дори, обоснованного Э.И. Соломоник и О.И. Домбровским, дополнительно заметим, что авторы ссылались в своей статье на источники XV века (надписи 1425 и 1427 гг.), где мангупский князь Алексей назван владыкой города Феодоро и Поморья [Соломоник, Домбровский, 1968. - С. 26]. Действительно, в это время Феодоро и Готия, часто упоминаясь в паре, территориально разделялись [См.: Сидоренко, 1991. - С. 116; 1994. - С. 284]. И если для расположения Готии этого периода на южном берегу нет, как будто, никаких сомнений, то это не служит основанием для локализации Дори («Готии» - страны готов) на южном берегу, чуть ли не тысячью лет раньше, (хотя и в VIII веке Готией могли назвать Южнобережье, горный Крым и Предгорье [Баранов, 1974. - С. 152-153].

Таким образом, южнобережный вариант локализации Дори, как уже приходилось отмечать, обнаруживает ряд слабостей (в том числе логического и методического порядка) [Ушаков, 1991. - С. 103].

Где же был центр Дори? Большинство исследователей отождествляют Дори с Доросом - Дарасом и с Феодоро - Мангупом. Критикуя эту точку зрения, В.А. Сидоренко видит основания располагать Дорос в Инкермане, а Дори - в Инкерманской (Чернореченской) долине [Сидоренко, 1991. - С. 116-117], хотя и признает, что однозначно локализовать Дорос (по имеющимся источникам) невозможно [Сидоренко, 1994а. - С. 19].

Как представляется, наиболее вероятным является расположение Дори в горном Юго-Западном Крыму (См.: рис. 97). Из всех вариантов северной границы Дори, а о южной говорить пока невозможно, наиболее предпочтительной может показаться линия, ограничивающая Гераклейский полуостров (ближайшая округа Херсона) и приходящая далее к северо-востоку через Инкерман, Скалистое и затем вогнутой дугой к Южному берегу [Амброз, 1995. - Рис. 4, 5]. А.К.Амброз такой представлял Дори применительно к VI-VII вв. Если же учитывать результаты исследований В.А. Сидоренко [1988, 1991], то эту северную границу Дори, может быть именно в начальный период ее существования - а Прокопий описывал, напомним, ситуацию середины VI в., не позднее ее 60-х гг. - нужно сместить несколько южнее (См.: рис. 97). При этом, как представляется, мы должны отделять Дори VI в. от позднейшей Готии, которая располагалась на южном берегу полуострова.

* * *

Таким образом, на основании анализа литературы вопроса и источников, прежде всего письменных и археологических, можно сделать вывод, что страна Дори, населенная германцами-готами, располагалась в горном Юго-Западном Крыму. Она, вероятно, имела небольшой выход к морю. Рядом с готами, к северо-востоку располагались аланы, дальше в степи – гунны (См.: рис. 97).

4.4. ХАРАКТЕР ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Рассмотренные этапы этнической ситуации - только одна из моделей развития. Она носит вероятностный

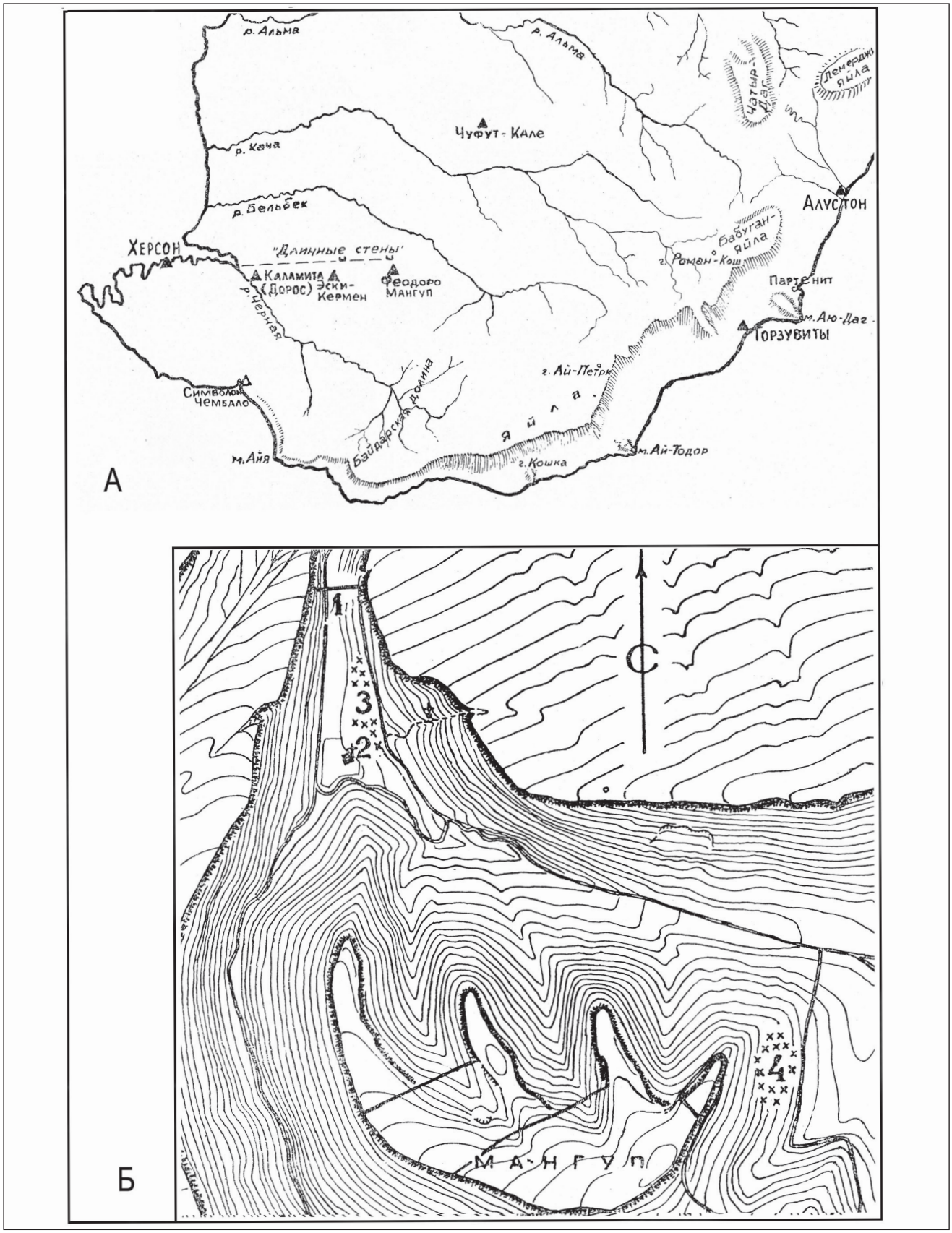


Рис. 85. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму (по Сидоренко, 1991).
А – Местоположение «длинных стен» в юго-западной части Таврики. Б – Окрестности Мангупа: 1 – участок «длинных стен» в балке Каралез; 2 – раннесредневековая базилика; 3 – могильник второй половины VI-X вв.;
4 – могильник в балке Алмалык VII-IX вв.

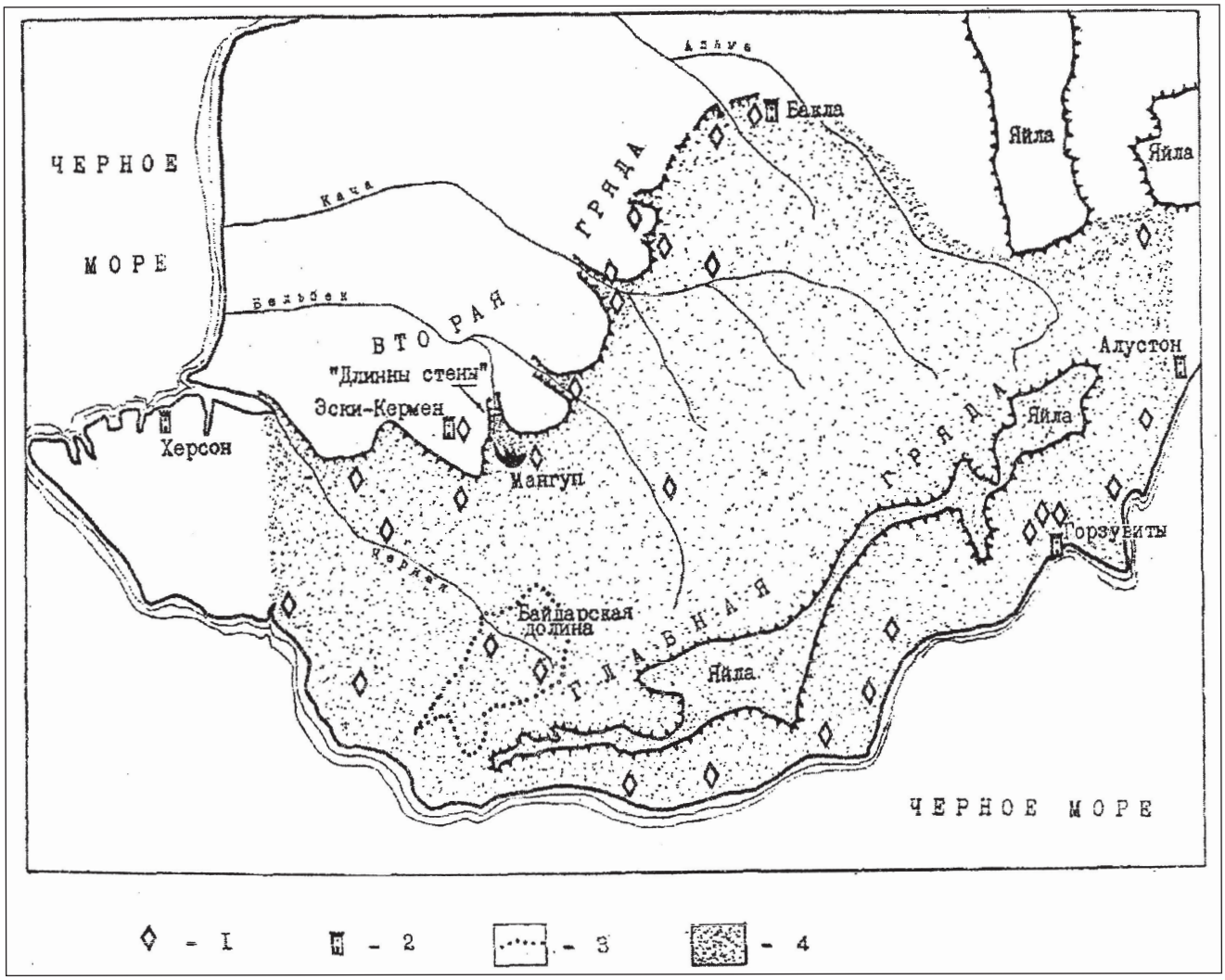


Рис. 86. «Готская земля» в горном Крыму VI-VII вв. (по Новиченкову и Новиченковой, 2003). 1 – некрополи со склепами, подбойными могилами и плитовые могильники VI-VII вв.; 2 – города и крепости с постоянным населением VI-VII вв.; 3 – границы Байдарской долины; 4 – предполагаемая территория «Готской земли».

характер, возможность и необходимость ее уточнения будет зависеть в преимущественной степени от объема вновь привлеченных источников и итогов сопоставления их данных.

Пока же, оценивая имеющиеся материалы, заметим, что письменная традиция связывает одну часть пришлого населения с северо-западом (германцы - «готы»), другую - с северо-востоком (сармато-аланы). Эти же группы населения фиксируются и археологически (могильники типа Чатыр-Даг - Харакс и Озерное - Инкерман), при преобладании, вероятно, значительном, вторых над первыми. Палеоантропологические материалы говорят о скифских (позднескифских) (антропологический субстрат) и сармато-аланских (антропологический суперстрат) чертах населения. Проблематично наличие северо-германской примеси, что может быть связано и с недостаточной изученностью материала (прежде всего из погребений с сожжениями). С антропологической точки зрения, население было представлено, вероятно, системами близкородственных демов и относительных изолятов.

В целом же источники позволяют говорить о наличии этих двух основных групп населения в Юго-Западном Крыму и об определенной синкретичности основных параметров культуры, выразившихся в частности в погребальном обряде, наборе вещевого инвентаря. В качестве примеров достаточно назвать хотя бы находки урн с трупосожжениями в подбойной могиле и в яме с заплечиками (Совхоз-10), наличие двупластинчатых фибул в погребениях, совершенных в подбойных могилах.

Предгорная и горная юго-западная часть полуострова была захлестнута сменяющимися волнами сарматского, а затем и германского завоевания. Модус автохтонного развития сменился модусом миграции, что объясняется не столько численным превосходством пришельцев, сколько их военным и организационным превосходством. Резко усилилась мозаичность населения - появившиеся аланы и готы (именуемые нами так достаточно условно) сами имели сложный этнический состав - они «сплотились воедино безо всякого племени и рода», как упоминает Зосим.

Говоря о характере этнических процессов, отметим,

что этноэволюционный путь развития окончательно сменился этнотрансформационным (что, кстати, отмечалось уже и на примере «Поздней Скифии» II - первой половины III вв.). Продолжился процесс этнического объединения - теперь как ассимиляции оставшегося местного населения («скифы») пришельцами (германцами и аланами), так и межэтнической консолидации всех этих трех компонентов в один субэтнос (этнографическую группу) при вероятном численном превосходстве алан. Это объединение в терминах этнографической (этнологической) науки скорее нужно именовать этникосом, чем этносоциальным объединением (ЭСО) – государственная структура здесь в полном объеме так и не сложилась. Элементы ее можно предполагать только у населения страны Дори. Эта консолидация в целом завершилась уже значительно позднее - с появлением в источниках термина готаланы и формированием своеобразной культуры, археологически отразившихся в погребениях типа Суук-Су, что выходит уже за хронологические рамки нашего исследования.

Нивелирующую роль в этих процессах сыграли несколько факторов. Это и влияние позднеримской провинциальной, а затем и ранневизантийской христианской культуры. Впрочем, преувеличивать значение этих факторов не стоит, ведь даже позднеантичное влияние на варваров прослеживается слабо, а византийское влияние усилилось уже позднее [Ушаков, 1993. - С. 127]. К этому добавим наличие единого ландшафта, общей территории и общей исторической судьбы в зоне контакта скифо-сарматского, греко-римского и германского миров. Возможно, здесь сказалось и то, что этносы Юго-Западного Крыма, прежде всего аланы, как объединение племен (соплеменность), характеризовались этнической текучестью.

Мозаичность этносов может быть связана с определенной расчлененностью рельефа, наличием на одной территории нескольких относительно близкоживущих этнопопуляций, хоронивших умерших на одном большом могильнике. Говорить о конкретной численности населения пока очень трудно. Так для середины-начала второй половины VI в. мы имеем только сообщения Прокопия о готах страны Дори, которые имеют три тысячи воинов. Численность же всего населения вряд ли значительно превышала 15 тысяч. Страна Дори могла занимать (в случае локализации ее в Юго-Западном Крыму) от 1/4 до 1/2 площади региона (рис. 97).

В объяснении причин описываемых событий нельзя обойти стороной возможность влияния природных факторов, на что обращал внимание Л.Н. Гумилев. Так, по его мнению, в середине IV в. муссоны понесли влажный воздух в пустыню Гоби, а циклоны - в заволжские степи; при этом лесостепь стала распространяться к югу, а сухие степи - место обитания гуннов стали сокращаться, т.е. конфликт гуннов и алан был предопределен природой [Гумилев, 1993а. - С. 129]. Может быть именно поэтому, как писал Зосим «гунны восстали на аланов, аланы на готов»?

Однако события более раннего времени (середина III в.) трудно объяснить с этих позиций. Тогда скорее сказалось общее относительное демографическое перенаселение варваров вблизи римских границ. К тому же кризис переживала не только Римская империя [Сергеев, 1999], но и вся система взаимодействия империи и варварской периферии. При этом, если III в. и был весьма засушлив [Гумилев, 1993а. - С. 200] и вся экологическая система за счет расширения тундры (лес, лесостепь, степь) сдвигалась к югу; то в этом случае сарматские вторжения 20 - 40-х гг. могли быть только последним эхом этих процессов.

Как вывод, отметим, что при оценке движущих сил этнических процессов правильнее было бы говорить о комплексе причин, не только природного свойства, но и социального, учитывая в том числе, например, изменение военно-политической ситуации, влияние экономических процессов и т.д. Например, говоря о взаимоотношении варварства и цивилизации тогдашней Европы – германцы (кельты) – позднеантичный (римский) мир – нужно иметь в виду, что они вписываются в более общую систему взаимоотношений всех «семи миров» [Подр. см.: Щукин, 1994. – С. 15-26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к оценке концепций этнической истории региона второй половины III -первой половины VI вв., необходимо отметить следующее. Полного уничтожения прежнего («позднескифского») населения в эпоху вторжений аланов и готов не произошло. Не удалось «местному» населению и сохраниться в прежнем виде, укрывшись глубже в горах, чтобы переждать наступившее лихолетье. Реальная картина оказалось значительно сложнее.

1. Уже во II - первой половине III в. не существовало монолитного единства позднескифского этноса с присущей только ему культурой. Поздняя Скифия в Крыму была разгромлена и прекратила свое существование как политическая единица. Территория ее после ряда вторжений сарматов заселялась хоть и родственным, но зачастую враждебным народом, что, впрочем, на бытовом уровне не обязательно приводило к размежеванию и отторжению. При вероятностном господстве сарматов можно очень осторожно говорить о начале образования новой этнической (сармато-позднескифской) общности. Но этот процесс (в чистом виде) был нарушен в ходе новых событий. Тогда же началось проникновение в Юго-Западный Крым германцев и ранних алан.

2. С середины - второй половины III в. и до конца IV в. ситуация снова меняется существенным образом (рис. 94, II). Новая лавина пришельцев-аланов и в меньшей степени носителей черняховской и вельбаркской (?) культур (прежде всего германцев, может быть фракийцев и тех же сармат) двумя потоками захлестнула юго-западную часть полуострова. Основная масса двигалась с севера, северо-востока, занимая речные долины и межгорные котловины второй и третьей полуостровных горных гряд. Другая, меньшая часть пришельцев (в основном германцев), оказалась на Южном берегу Крыма (рис. 95). Старые поселения (почти все) были разрушены, защитники их или погибли или присоединились к победителям; «позднескифские» женщины могли стать новыми женами пришельцев, косвенным образом об этом говорит факт сохранения скифского антропологического типа.

3. В первую половину следующего, V столетия население значительно редеет, концентрируясь у Херсона и, частично, в горных долинах (рис. 94, IV; 96). Связано это, может быть, с последствиями гуннского вторжения в Причерноморье и войн гуннов с аланами и готами. В этих сражениях участвовали, вероятно, аланы (и готы?) Юго-Западного Крыма.

4. Во второй половине V - первой половине VI вв. после возвращения из Европы какая-то часть гуннов могла поселиться не только в Степном Крыму, но и в предгорьях, в том числе и у Херсона. Там же и далее к северо-востоку располагались аланы, а еще глубже, в основном, в горном Крыму - готы страны Дори (рис. 97). По крайней мере, анализ всех доступных источников

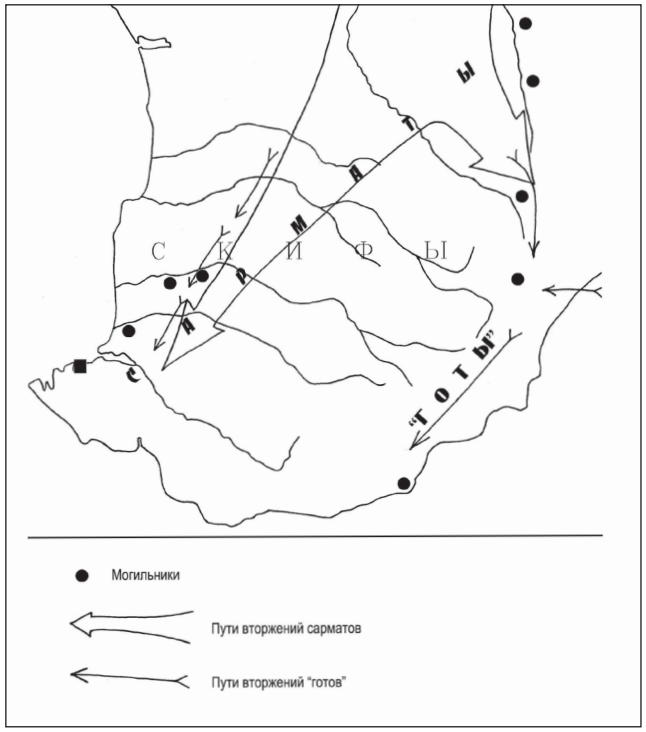


Рис. 95. Юго-Западный Крым в середине III в.

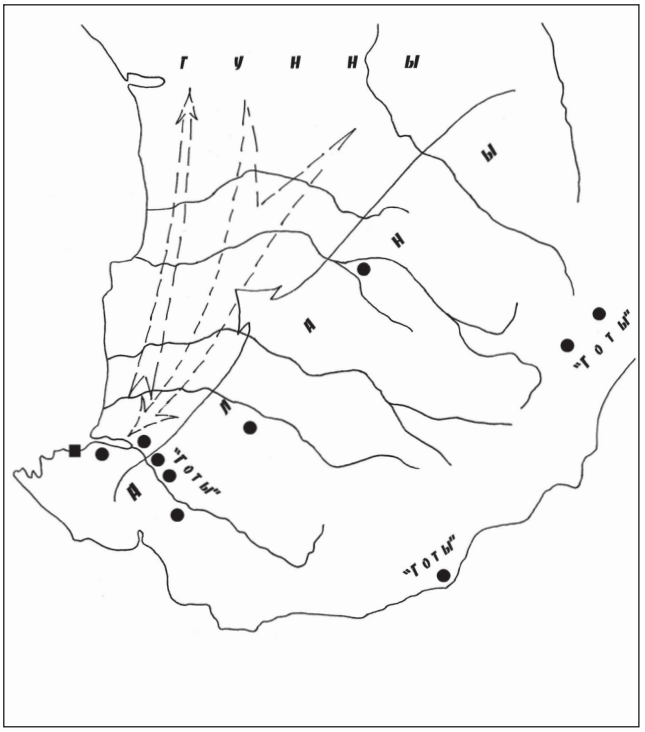


Рис. 96. Юго-Западный Крым в начале V в.

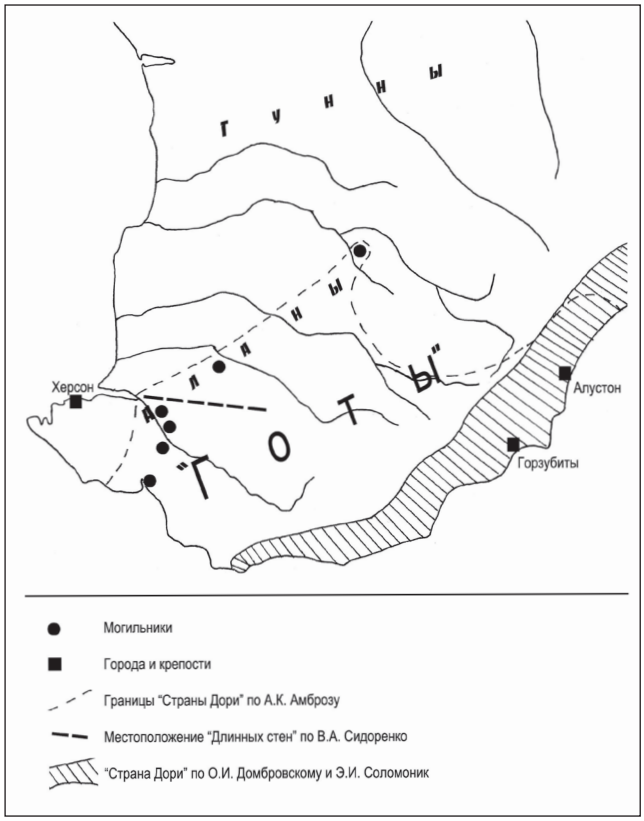


Рис. 97. Юго-Западный Крым в середине VI в.

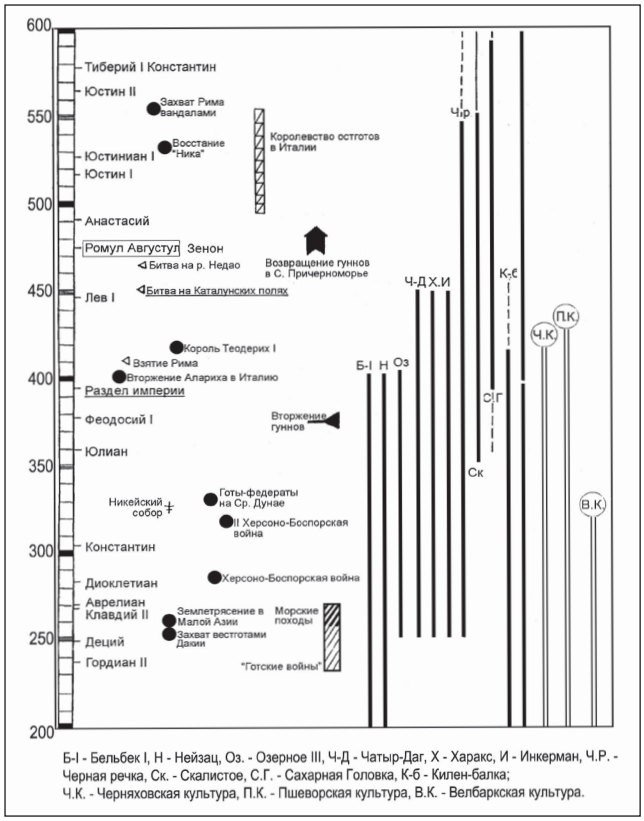


Рис. 98. Европа и Юго-Западный Крым. Историко-археологическое соотношение.

позволяет локализовать эту загадочную страну в середине VI в., скорее всего, там. При всем этом необходимо учитывать этническую мозаичность (чересполосицу), что было характерно, кстати, для региона на протяжении всех рассматриваемых периодов. Взаимовлияния этносов привело в конечном итоге к созданию особой «готско-аланской» синкретической культуры раннесредневекового Крыма. Археологически прослеживаемый всплеск ее приходится уже на вторую половину столетия (могильники типа Суук-Су), но эти сюжеты уже находятся за пределами нашего исследования.

5. Этническая (шире – этнополитическая и этнокультурная) ситуация в Юго-Западном Крыму хорошо вписывается в систему событий и процессов, происходивших в эпоху Великого переселения народов на широких пространствах Евразии (рис. 1; 98).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1984. - С. 15-20.

Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. - М.; Л.: АН СССР, 1953. - 222 с.

Айбабин А.И. Погребения второй половины V - первой половины VI вв. в Крыму // КСИА. - 1979. - № 158. - С. 22-34.

Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. - 1984. - №1. - С. 104-122.

Айбабин А.И. Хронология могильников раннесредневекового Крыма IV - VII вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. - Киев, 1987а. - 15 с.

Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV - первой половины VI вв. н.э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. - VII в. н.э. - Киев: Наук. думка, 1987б. - С.164-199.

Айбабин А.И. Отчет о раскопках Чернореченского могильника в 1988 году // НА НЗХТ.- Д. № 2842.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. - 1990. - Вып. I. - С. 4-86.

Айбабин А.И. Погребение кочевнической знати в Крыму конца IV-VI вв. // МАИЭТ.- 1993. - Вып. III. - С. 206-211.

Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. - 1995. - Вып. IV. - С. 89-131.

Айбабин А.И. Население Крыма в середине III-IV вв. // МАИЭТ. -1996. - Вып. V. - С. 290-303.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - Симферополь: ДАР, 1999. – 352 с.

Айбабин А.И. О дате вторжений германцев в Крым // Сто лет Черняховской культуре. – Киев: 1999. – С. 242-251.

Айбабин А.И. Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого // МАИЭТ. – 2002. – Вып. VII. - С. 37-52.

Айбабин А.И. Крым в середине III – начале VI века (период миграций) // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. – М.: Наука, 2003. – С. 10-26.

Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. - 1993. - Вып. III. - С. 206-211.

Айбабин А.И., Пиле К. Варвары на границах Римской империи в Нормандии и Крыму в эпоху Великого переселения народов // Боспорские исследования. – Вып. II. - 2002. – С. 5-12.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые ранние комплексы из могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. - 2001. - Вып. VIII. - С. 74-90.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. - 1998. - Вып. VI. - С. 274-311.

Алексеев В.П. Историческая антропология: Учебное пособие. - М.: Высшая школа, 1979. - 216 с.

Алексеев В.П. Этногенез. - М.: Высшая школа, 1986. - 176 с.

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. - М.: Наука, 1989. - 448 с.

Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. - 1968. - № 2. - С. 35-46.

Алексеева Т.И. Славяне и их соседи по антропологическим данным // Antropologie. -1966. - Vol. 4. - № 2. – P.25-51.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. - М.: Наука, 1973. - 329 с.

Алексеева Т.И. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху Средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974. - С. 71-84.

Амброз А.К. Экономические связи и передвижения народов на Юге европейской части СССР в I в. до н.э. - IV в н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1964. - 16 с.

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. - 1966. - Вып. Д1-30. - 111 с.

Амброз А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI -VII вв.) // КСИА.. - 1968. - Вып. 113. - С.10-23.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. - 1971а. - № 2. - С. 96-123.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. - 1971б. - № 3. - С. 106-134.

Амброз А.К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. - М., 1974. - 50 с.

Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. - М.: Наука, 1980. - С. 3-56.

Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. - 1992. - Вып. I. - С. 6-108.

Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. – 1994/1995. - Вып. IV.- С. 31-88.

Амвросий. Объяснение Евангелия от Луки // ВДИ. - 1949. - № 4. - С. 233.

Аммиан Марцеллин. История. - К.: Ун-т св. Владимира, 1907. - Вып. 2. - 284 с.

Аммиан Марцеллин. История // ВДИ. - 1949. - №3. - С. 283-308.

Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. - 1972. - № 2. - С. 3-16.

Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области (проблема историко-этнографического районирования) // СЭ. - 1975. - №3. - С. 15-25.

Аникович М.В. Археологическая культура: определение понятия и процедура исследования // АККТ. - 1991.- С. 40-48.

Арешян Г.Е. Культурно-исторический подход к изучению этнических общностей в археологии // Методологические проблемы исследования этнических культур. - Ереван: АН АрмССР, 1978. - С.33-41.

Арсеньева Е.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. – М.: Полиграф, 2001. – 275 с.

Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. - Л.: Госсоцэкиздат, 1936. – 136 с.

Артамонов М.И. К вопросу об этногенезе в советской археологии // КСИИМК. - 1949.- XXIX. - С. 3-16.

Артамонов М.И. История хазар. - Л.: Эрмитаж, 1962. - 522 с.

Артамонов М.И. Этнос и археология // Теоретические основы советской археологии. - Л., 1969. - С. 3-6.

Артамонов М.И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. - Л.: ЛГУ, 1971. - С. 16-32.

Арутюнов С.А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. - М.: Наука, 1982. - С. 55-79.

Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. - М.: Наука, 1979а. - С. 140-147.

Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. - 1979б. - № 6. - С. 79-89.

Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп населения человечества // Расы и народы. - М.: Наука, 1972. - Вып. 2. - С. 8-30.

Афанасьев В.Г. Системность и общество. - М.: Политиздат, 1980. - 386 с.

Афанасьев Г.Е. Керамика Мокрой балки // Средневековые древности евразийских степей. - М.: Наука, 1980. - С. 57-78.

Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // АП. - 1963. - Т. XIII. - С. 90-123.

Бабинов Ю.А. Отчет о раскопках могильника в совхозе «Севастопольский» в 1967 году // НА НЗХТ. - Д. № 1240.

Бажан И.А., Еременко В.Е. Некоторые аспекты исследования хронологии могильников по методу П. Рейнеке // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. По материалам первых Тихановских чтений (Ленинград). - СПб., 1992. - С. 14-21.

Балакин С.А. Концепция хозяйственно-культурного типа (современное состояние и перспективы применения в археологическом исследовании) // Археология и методы исторических реконструкций.- Киев: Наук. думка, 1985. - С. 91-106.

Баран В.Д. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. - Київ: Наук. думка, 1981. - 263 с.

Баран В.Д., Гороховский Е.А., Магомедов Б.В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии).- Киев: Наук. думка, 1990. - С. 30-79.

Баран В.Д., Магомедов Б.В. Черняховская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в первом тыс. н. э. – К.: Наук. думка, 1985. – С. 42-51.

Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. - Киев: Наук. думка, 1974. - С. 151-162.

Баранов И.А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР в 3-х тт. - Киев: Наук. думка, 1986. - Т. 3. - С. 231-248.

Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о Росии: К истории итало-русских связей в XV в. - Л.: Наука, 1971. - С. 113-187.

Беликов Д. Христианство у готов. – Казань, 1887. - 214 с.

Беневоленская Ю.Д. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма / Якобсон. А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. - 1970. - № 168. - С. 196-223.

Беркович М.Е. «История готов» Иордана как источник по истории этнического развития готов Причерноморья // ЗОАО. - 1960. - Т. 2 /35/. - С. 113-119.

Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. - Л.: ЛГУ, 1951.- 255 с.

Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. – 1886. - Т. XVI.– С. 166-279.

Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. - М.: Наука, 1975. - 336 с.

Бірбрауер Ф. Готи в I-VII ст.: територія розселення та просування за археологчічними джерелами // Археологія. - 1995. - № 2. - С. 32-52.

Блаватский В.Д. Раскопки Харакса в 1931, 1932, и 1935 гг. // ВДИ. - 1938. - № 2. - С. 325-329.

Блаватский В.Д. Харакс // МИА. - 1951. - № 2. - С. 321-335.

Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. - М.: Наука, 1973.- 270 с.

Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Философский принцип системности и системный подход // ВФ. - 1978. - № 8. - С. 39-52.

Богданова Н.А., Гущина И.И. Новые могильники II-III вв. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. - 1967. - Вып 112.- С. 132-139.

Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I-III вв. н.э.) // СА.- 1976.- №4.- С. 121-152.

Богданова Н.О. Могильник I ст. до н.э. - III ст. н.э. біля с. Завітное Бахчисарайського району // Археологія. - 1963. - XV. - С. 95-110.

Богуш - Сестренцевич. История царства Херсонеса Таврического. - СПб. - Т. I. - 1806а. - 440 с.

Богуш - Сестренцевич. История царства Херсонеса Таврического. - СПб. - Т. II. - 1806б. – 442 с.

Болдырев С.И. Монеты как датирующий элемент в археологии // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной конференции. Часть 2. – СПб.: Из-во Госэрмитажа, 2004. – С. 173-177.

Борисова В.В. Могильник у высоты «Сахарная головка» // ХСб. - Вып. V. - 1959. - С. 169 -190.

Брайчевский М.Ю. Об историческом понятии «Археологическая культура» // АККТ. - Л., 1991. - С. 55-60.

Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. - Т. I. Готы и их соседи до V в н.э. - СПб. - 1899. – 392 с.

Брашинский И.Б., Марченко К.К. К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1984. - С. 24-28.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М.: Наука, 1983. - 416 с.

Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. - М.: Наука, 1987. - 333 с.

Бромлей Ю.В., Крюков М.В. Этнография: место в системе наук, школы, методы // СЭ.- 1987. - №3. - С. 45-60.

Брук С.И., Чебоксаров Н.Н. Метаэтнические общности // Расы и народы. - М.: Наука, 1976. - №6. - С. 15-41.

Брун Ф.К. Черноморские готы и следы их долгого пребывания в Южной России // Черноморье. - Ч. II. – Одесса, 1880а. - С. 121-158.

Брун Ф.К. Материалы для истории Сугдеи // Черноморье. - Ч. II - Одесса, 1880б. - С. 189-241.

Брюсов А.Я. Археологические культуры и этнические общности // СА. - 1956. - XXVI. - С. 5.

Буданова В.П. Готы в системе представлений римских и византийских авторов о варварских народах // ВВ. - 1980. - Т. 41. - С. 141-152.

Буданова В.П. Этническая структура «государства Германариха» (по данным письменных источников) // КСИА. - 1984. - № 178. - С.34-40.

Буданова В.П. Складывание везеготов и остготов как этнических общностей в свете письменной традиции // ВВ. - 1987. - Т. 48. - С. 33-44.

Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. - М.: Наука, 1990. - 232 с.

Буданова В.П. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. – М.: Наука, 1991. – 285 с.

Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. – М., 2000. – 541 с.

Бунятян Е.П. Методологические предпосылки применения формально-статистических методов в археологии // Новые методы археологических исследований. - Киев: Наук. думка, 1982.- С. 73-86.

Васильев А.А. Готы в Крыму // ИРАИМК. - 1921. - Ч. I. - С.265-344.

Васильев А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. - 1927. - Т. 5. - С. 179 -282.

Васильев А.А. О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. – СПб.: Из-во Госэрмитажа, 2005. – С. 243-249.

Васильев В.И. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Севера (на самодийских материалах) // СЭ. - 1977. - № 4.- С. 3-17.

Васильев В.И. Теоретические и источниковедческие проблемы этнической истории (на материалах народов Севера СССР) // СЭ. - 1990. - № 6.- С. 33-41.

Васильевский В.Г. Труды. Т. II. - Вып. II. - СПБ., 1912. - 495 с.

Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма Симферополь: Таврия, 1994.- С. 82-88.

Веймарн Е.В. Отчет и полевые описи Инкерманской экспедиции в 1952 г. // НА НЗХТ. – Д. № 681.

Веймарн Е.В. О работе Инкерманской экспедиции // КСИА. АН УССР. - 1955. - № 4. - С.32-34.

Веймарн Е.В. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // ИАДК. - Киев. 1957. - С. 219-237.

Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954-1955 гг. // СА. - 1958. - № 1. - С. 71-79.

Веймарн Е.В. Археологічні работи в районі Інкермана // АП. - 1963а.- Т. XIII. - С. 42-63.

Веймарн Е.В. Могильник біля висоті «Сахарна Голівка» // АП. - 1963б. - Т. XIII.- С. 42-63.

Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма и вопрос о зарождении и развитии феодальных отношений // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Тезисы докладов. - Баку, 1965. - С. 146-147.

Веймарн Е.В. Одне з важливих питань ранносредновічної Істории Криму // Середні віки на Україні. - Киев: Наук. думка, 1971. - № 1. - С. 61-65.

Веймарн Е.В. Раннесредневековые могильники Юго-Западного Крыма как исторический источник // Материалы 13 Конф. ИА АН УССР (1968). 1972. - С. 292-294.

Веймарн Е.В. Еще раз о Таврическом лимесе // АДСВ. - 1973. - № 10. - С. 255 - 258.

Веймарн Е.В. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия? // Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск: Ур. ун-т, 1980. – С. 19-33.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник Киев: Наук. думка, 1993. - 203 с.

Веймарн Е.В., Стржелецкий С.Ф. К вопросу о славянах в Крыму // ВИ. – 1952. – №4. – С. 94-99.

Византийские историки, переведенные с греческого С. Дестунисом. - СПб., 1860. – 292 с.

Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. Сопоставительный анализ письменных и археологических данных по проблемам истории Северо-Западного Причерноморья. Доклад на симпозиуме в г. Вани в 1987 г. (рукопись).

Волкова Н.Г. Этническая история: содержание понятия // СЭ. - 1985. - №5. - С. 16-25.

Висотська Т.М. Питання єтнічного складу населення Південно-Західного Криму початку н.е. // Археологія. - 1970. - Т. 23. - С. 91-107.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. - Киев: Наук. думка, 1972. - 189 с.

Высотская Т.Н. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э.- Киев: Наук. думка, 1983. - С. 5-28.

Высотская Т.Н. Общее и особенное в культуре поздних скифов Крыма // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). – Симферополь: Из-во Крымского научного центра, 2004. – С. 41-49.

Высотская Т.Н., Махнева О.А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. - Киев: Наук. думка, 1983. - С. 66-80.

Высотская Т.Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма (III в. до н.э. - VII в. н.э.). - Киев: Наук. думка, 1987. - С. 40-67.

Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Материалы по археологии Крыма. - Киев: Наук. думка, 1994.- 206 с.

Высотская Т.Н. Население округи Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э. (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь, 1997. - С. 24-26.

Высотская Т.Н. Склепы могильника Совхоз-10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. - 1998.- Вып. VI.- С. 256-273.

Власов В.П. Етнокультурні процеси в Криму у III ст. до н.е. - IV ст. н.е. (за матеріалами ліпної кераміки): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - К., 1999. – 24 с.

Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III-IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет Черняховской кельтуре. – Киев: 1999. – С. 322-371.

Власов В.П. Лепная керамика нижнедонско-прикубанского облика из крымских памятников сарматского времени // МАИЭТ. - 2001. – Вып. VIII. – С. 18-31.

Власов В.П. Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. - С. 98-124.

Гадло А.В. [Рец.] Якобсон А.Д. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. - Л., 1970 // ВВ. - 1973. - Т.34. - С. 265-276.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М. – Л.: АН СССР, - 1948. - 623 с.

Ганжа А.И. О понятии «археологическая культура» в советской археологии 40-60-х гг. // Археология и методы исторической реконструкции. - Киев: Наук. думка, 1985. - С. 74-84.

Ганжа А.И. Этнические реконструкции в советской археологии 40-60-х гг. как историко-научная проблема // Исследование социально-исторических проблем в археологии. - Киев: Наук. думка, 1987.- С. 137-158.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). – М., 1997. – 144 с.

Ганжа А.И. Понятие «археологическая культура»: многообразие подходов и возможность однозначного определения // АККТ. - Л., 1991. - С. 60-65.

Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. Опыт исследования закономерностей зарождения и раннего развития этноса. - Свердловск, 1970. – 176 с.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. – Киев: Наук. думка, 1982а. – 226 с.

Генинг В.Ф. Проблема теоретизации научного знания в археологии // Новые методы археологических исследований Киев: Наук. думка, 1982б. - С. 8-22.

Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. - Киев: Наук. думка, 1983. - 224 с.

Генинг В.В. К вопросу о традициях ориентировок погребенных ямного времени в Степном Поднепровье // Исследование социально-исторических проблем в археологии Киев: Наук. думка, 1987. - С. 186-209.

Генинг В.Ф. Археологическая культура - социально-исторический организм - центральная категория познания археологии (к разработке теории археологической культуры) // Исследование социально - исторических проблем в археологии Киев: Наук. думка, 1987. - С. 6-35.

Генинг В.Ф. Археологическая культура - проблема единства форм предметного мира (онтологический аспект) // АККТ. - Л., 1991. - С. 65-71.

Генинг В.Ф., Генинг В.В. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций.- Киев: Наук. думка, 1985. - С. 136-152.

Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. - М.: Наука, 1987. - 252 с.

Герд А.С. О некоторых вопросах теории этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). - Л.: ЛГУ, 1989. - С. 5-12.

Герд А.С., Лебедев Г.С. Экспликация историко-культурных зон и этническая история Верхней Руси // СЭ. - 1991. - №1. - С. 73-85.

Голенко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В. Рунический камень с г. Опук в Крыму и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // Древности Боспора. - 1999. - №2 . - С.77-97.

Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. В 4 тт. Т.4. – К.: Наук. думка, 1988. – С.34-46.

Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. – М. – Л., 1930. – 280 с.

Гражданников Е.Д., Холюшкин Ю.П. Системное решение вопроса о статусе археологии как науки (к дискуссии о предмете археологии) // СА. - 1991. - №2. - С. 111-114.

Гумилев Л.Н. Хунны в Азии и Европе // ВИ. - 1989. - № 7. - С. 21-38.

Гумилев Л.Н.Тысячелетие вокруг Каспия. - М.: Мишель и К°,1993а. - 336 с.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - М.: Мишель и К°,1993б. - 503 с.

Гущина И.И. О сарматах в Юго-Западном Крыму // СА. - 1967. - №1. - С. 40-51.

Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на Юге Восточной Европы. - М.: ГИМ, 1974.- С. 32-64.

Дашевская О.Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1984.- С. 53-60.

Дашевская О.Д. Поздние скифы (III в. до н.э - III в. н.э.) // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. - М.: Наука, 1988. - С. 125-145.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М. – Л.: АН СССР, 1948. – 392 с.

Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Сб. МАЭ. – 1949. – Т. XII. – С. 333-336.

Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологические материалы как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. - 1952. - № 1.- С. 22-35.

Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. – М., 1853. – 543 с.

Дионисий Периогет. Описание населенной земли // ВДИ. - 1948. - №1. - С. 420-421.

Домбровский О.И. Средневековые памятники Бойки // Археологические исследования средневекового Крыма. – К.: Наук. думка, 1968. – С. 83-96.

Домбровский О. І. Стародавні стіни на перевалах головного пасма Кримских гір // Археологія. – 1961. – № 12. – С.155-167.

Ермолин А.Л. Гунны-утигуры и готы-тетракситы в сочинении Прокопия Кесарийского (локализация места противостояния гуннов и готов, а также путь их движения через Керченский полуостров в 3-й четверти V в. н.э.) // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. – СПб.: Из-во Госэрмитажа, 2005. – С. 349-354.

Єрмолін О. Χωρα Дорі Прокопія Кесарійського // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – Вип. Х. – Дрогобич: Коло, 2006. – С. 45-51.

Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч.I. История археологических знаний. - Петроград: Наука и школа, 1923. - 200 с.

Жиров Е.В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. - 1941. - №10. - С. 81-88.

Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // АИК. 1994. - Симферополь: СОНАТ, 1997. - С. 102-116.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. - 2003. – Вып. Х. – С. 57-77.

Заморяхин А.В. Крымские готы в этническом пространстве средневековой Тавриды в советской и современной российской историографии // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 2006. – Вып. XVI/1. – С. 154-167.

Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Аврора, 1975. - 77 с.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). - СПб.: АО «Эллипс ЛТД», 1994. - 224 с.

Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. - 1998. – Вып. VI. - С.394-378.

Засецкая И.П. Гунны в Восточной Европе // Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V-VIII вв. – München, 2007. – С. 61-66.

Засецкая И.П. Боспор эпохи Великого переселения народов // Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V-VIII вв. – München, 2007. – С. 67-71.

Захарук Ю.Н. Об одной концепции археологической культуры // Первобытная археология - поиски и находки. - Киев: Наук. думка,1980. - С.256-259.

Зиневич Г.П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. – К.: Наук. думка, 1973. – 264 с.

Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в XCVI квартале Херсонеса). – Севастополь, 1997. – 78 с.

Зосим. Новая история // ВДИ.- 1948.- №4.- С. 274-288.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. - Киев: Наук.думка, 1982.- 144 с.

Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков н.э. (по материалам некрополя) // Материалы по этнической истории Крыма VII в. до н.э. - VII в. н.э. - К.: Наук. думка, 1987. - С. 78-105.

Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика.- К.: Наук. думка, 1991.- С. 8-29.

Зубар В.М. Про піздньоскіфську державність // Археологія. - 1992. - №1. - С.100-103.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). - К.: Наук. думка, 1993.- 140 с.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя (очерки военно-политической истории). - К.: Киевская Академия Евробизнеса, 1994.- 180 с.

Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. - первая половина VI в.). - К., 1998. – 200 с.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. – Киев: Шлях, 2004. – 312 с.

Зубарь В.М. Об интерпретации остатков круглых построек на Гераклейском полуострове // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 2006. – Вып. XVI/1. – С. 65-87.

Иванов А.В. О практике искусственной деформации головы на территории Крымского полуострова // Вестник антропологии. Альманах. Выпуск 10. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. – С. 75-90.

Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. – Симферополь, 1912. – 376 с.

Иванов С.А. Страна Дори в свете семантической реконструкции Прокопия // ВВ. - 1986. - Т.46. - С.12.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. - М.: АН СССР, 1960. - 435 с.

История первобытного общества (ИПО). Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. - М.: Наука, 1983. - 432 с.

История первобытного общества (ИПО). Эпоха классообразования. - М.: Наука, 1988. - 568 с.

Итс Р.Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. - Л.: ЛГУ, 1991. - 168 с.

Казанский М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ.- 1995. - Вып. IV. - С. 238-256.

Казанский М. О германских древностях позднеримского времени в Крыму и Приазовье // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции. - Симферополь, 1997.- С. 48-51.

Каменецкий И.С. Археологическая культура - ее определение и интерпретация // СА.- 1970. - № 2.- С. 18-36.

Карпини П. История монгалов. Рубрук В. Путешествия в восточные страны. – СПб., 1911. – 178 с.

Кастанаян В.Г. Художественные элементы в лепной керамике Боспора // АГСП. - М.:-Л.: АН СССР, 1955. - С. 392-406.

Кацур Н.П. Археологічна карта Інкерманской долини // АП. – 1963. – Т. XIII. – С. 7-14.

Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. - СПб., 1837. - 409 с.

Клавдий Птолемей. Географическое руководство // ВДИ. - 1948. - №2. - С. 231-257.

Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. - 1970. - № 2.- С. 37-51.

Клейн Л.С. К разработке процедуры археологического исследования // Предмет и объект археологии, и вопросы методики археологических исследований. - Л.: Наука, 1975. - С. 42-44.

Клейн Л.С., Миняев С.С., Пиотровский Ю.Ю., Хейфиц О.Ч. Дискуссия о понятии «археологическая культура» на проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета // СА. - 1970. - №2. - С. 299-301.

Кнабе Г.С. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // СА. - 1959. - № 3.- С. 243-257.

Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. - М.: Наука, 1984.- 192 с.

Козак Д.Н. Вельбарская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. – К.: Наук. думка, 1985. – С. 68-75.

Козак Д.Н. Готы и славяне на Украине (проблемы взаимоотношений) // Византия и народы Средиземноморья в ранее Средневековье (IV-IX вв.). Международная конференция. Тезисы. - Симферополь, 1994. - С. 31-33.

Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. - М.: Наука, 1969. - 407 с.

Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. - 1974. - №2. - С. 79-92.

Козлов В.И. Пути околоэтнической пассионарности (о концепции этноса и этногенеза, предложенной Л.Н. Гумилевым) // СЭ. - 1990. - №4. - С. 94-110.

Колтухов С.Г. П.Н. Шульц и его роль в создании концепции позднескифской культуры // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). – Симферополь: Из-во Крымского научного центра, 2004. – С. 50-54.

Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии. – Симферополь: «СОНАТ», 2004. –240 с.

Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. – СПб., 1875. – Ч. 8. – 152 с.

Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины. – М.: МГУ, 1972. – 155 с.

Кондукторова Т.С. Антропологический материал черняховской культуры Украины // Могильники черняховской культуры. - М.: Наука, 1979. -С. 190-205.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. - М.: Наука, 1991.- 496 с.

Копылов В.П., Марченко К.К. К вопросу о взаимодействии этнокультурных массивов на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье в V-III вв. до н.э. (об этнической принадлежности населения Елизаветовского городища) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. - Ростов-на-Дону: РГПИ, 1986. - С. 22-36.

Королюк В.Д. Дулебы и анты, авары и готы // Проблемы типологии в этнографии. - М.: Наука, 1979. - С. 53-59.

Королюк В.Д. К исследованиям в области этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев (методология и историография).- М.: Наука, 1986. - С. 6-29.

Корпус боспорских надписей (КБН).- М., Л.: Наука, 1965. - 951 с.

Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной римской империи и возникновение германских королевств. - М.: МГУ, 1984. - 256 с.

Кропоткин В.В. Население Юго-Западного Крыма в эпоху средневековья: Автореф. дис… канд. ист. наук. - М., 1953. - 16 с.

Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // СА. - 1958. - Т. XXVIII. - С. 181 - 194.

Кропоткин В.В. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение // СА. - 1959. - № 1. - С. 181 - 194.

Кропоткин В.В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. - 1965. - № 100. - С. 108-116.

Кропоткин В.В. Черняховская культура в Северном Причерноморье // Проблемы советской археологии. - М.: Наука, 1978. - С. 147 - 163.

Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. - 1955. - № 33. - С. 78-113.

Крюков М.В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. - М.: Наука, 1976.- Вып. 6.- С. 42-43.

Крюков М.В. Еще раз об исторических типах общностей // СЭ. - 1986. - № 3. - С. 58-69.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. - 1962. - №106. - 134 с.

Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 года // МАР.- 1891. - №6. – 30 с.

Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. - 1898. - Т. 21. - С. 11 - 27.

Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. - К.: Ун-т св. Владимира, 1899. - 72 с.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. - К., 1906. – 144 с.

Кулаковский Ю.А. История Византии. К., 1910. - Т. I. – 550 с.

Кулаковский Ю.А. История Византии. К., 1912. - Т. 2. - 512 с.

Курбатов Г.П. История Византии. От античности к феодализму. - М.: Высш. школа, 1984. - 207 с.

Кутайсов В.А. Городище первых веков н.э. на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э.- Киев: Наук. думка, 1983.- С. 144-149.

Кушнер П.И. К методологии определения этнических территорий // СЭ. - 1946. - №1. - С. 14-21.

Кушнер П.И. Этническая граница (к вопросу об этнических рубежах в Европе) // СЭ.- 1947.- № 2.- С. 3-32.

Кушнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель // КСИЭ.- 1949.- №VIII. - С. 3-9.

Кушнер П.И. О методах определения этнического состава населения в полосе этнических границ (предварительное сообщение) // КСИЭ. - 1950. - № XI. - С. 3-9.

Лавров В.В. К вопросу о двух разделениях готов на восточных и западных // История и археология Нижнего Подунавья: Материалы II-й научн. - практ. конф., посв. памяти А.И. Доватура. - Рени, 1991. - С. 47-48.

Лавров В.В. Германские племена в этнической истории Северного Причерноморья в III-IV вв. н.э.: Автореф. дис....канд. ист. наук. - СПб. - 1997. - 24 с.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700-1917 гг. СПб.: СПб. ун-т, 1992. - 464 с.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. - 1955. - № 4. - С. 3-17.

Лобова И.И. Сарматы в Крыму. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1956. – 15 с.

Лобода И.И. Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // СА. - 1976. - № 4. - С. 135 -147.

Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. - 1977. - № 4. - С.236-252.

Лобода И.И. Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Мак // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. - Симферополь: Таврия, 1992. - С. 210-215.

Лобода И.И. Раскопки Красномакского могильника в 1983-1984 гг. // МАИЭТ. – 2003. – Вып. XI. – С. 192-251.

Лобода И.И., Чореф М.Я. Вновь открытый в Бельбекской долине раннесредневековый могильник // КСИА. - 1974. - Вып. 140. - С.100 - 102.

Лоэ К. Могильник Скалистое и ранние фазы этногенеза крымских готов (конец IV – начало VI вв.) // Stratum plus. – 2000. - № 5.

Лысенко А.В. Погребальный обряд Чатыр-Дагского некрополя (последняя треть III-IV вв. н.э.) // У Понта Эвксинского (памяти П.Н. Шульца). – Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004. – С. 226-239.

Лысенко А.В. Новое поселение римского времени на Южном берегу Крыма // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. – СПб.: Из-во Госэрмитажа, 2005. – С. 230-236.

Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. - Л.: ЛГУ, 1955. - 373 с.

Магомедов Б.В. К истории финального этапа Черняховской культуры // Сто лет Черняховской культуре. – Киев: Товариство Археологiї та Антропологiї, 1999. – С. 39-47.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Люблин: W-wo Uniwersitetu Marii Curie-Sklodowsriej, 2001. 290 с.

Магомедов Б.В. Черняховская культура и Боспор // Боспорские исследования. – Вып. I. - 2001. – С. 246-249.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. - 1996.- Вып. V. - С. 304-323.

Маркиан. Объезд внешнего моря // ВДИ. - 1948.- № 3. - С. 278-279.

Марков Г.Е. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. - М.: Наука, 1979. - С. 147-158.

Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. - М., 1997. - 108 с.

Массон В.М. Системный анализ в археологических исследованиях // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. - Л.: Наука, 1975. - С. 53-55.

Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. - 1971. - Вып.13. - С. 30-55.

Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. // АСГЭ. - 1974. - Вып.16. - С.122-132.

Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. - Л.: Гос. Эрмитаж, 1926. - 66 с.

Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе // ИГАИМК. - 1934. - Вып. 112. - 116 с.

Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. - М.-Л.: АН СССР, 1936. - 288с.

Миллер В.Ф. Археологические разведки в Алуште и её окрестностях в 1886 году. - СПб. - 1923. - 337 с.

Могаричев Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. – Симферополь: СОНАТ, 2005. – 192 с.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь: АнтиквА, 2007. – 348 с.

Могильников В.А. Погребальный обряд культур III в. до н.э. III в. н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - I тысячелетии. н.э. - М.: Наука, 1974. - С.133-225.

Молодцов О.Э. К характеру взаимоотношений позднескифского населения и готов в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее Средневековье (IV-IX вв.). Тезисы докладов международной конференции. - Симферополь, 1994. - С. 43-44.

Моммсен Ф. Римская история: В 5 тт. - М., 1885. - Т.5. - 648 с.

Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности // НАА. - 1967. - №1. - С. 53-69.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. - М.: Наука, 1973. - Т. I. - 355 с.

Мосберг Г.И. К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма // СА. - 1946. - № 8. - С. 113 - 119.

Мульд С.А. Могильники варварского населения Крыма I-V вв. // МАИЭТ. - 1996. - Вып. V. - С. 279-289.

Мульд С.А. Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в Центральным Крыму // ХСб., 1999. – Вып. X. – С.181-193.

Мульд С.А. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // МАИЭТ. - 2001. – Вып. VIII. - С. 51-66.

Мурзакевич Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму. - Одесса, 1837. - 91 с.

Мыц В.Л., Жук С.М., Кирилко В.П. и др. Археологические разведки в Горном Крыму // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. - Симферополь: Таврия, 1994. - С. 193-199.

Мыц В.Л. Позднеантичный могильник на южном склоне г. Чатырдаг // Население и культура Крыма в первые века н.э. - К.: Наук. думка, 1983. - С. 153-156.

Мыц В.Л. Позднеантичные памятники Алуштинской долины // Скифия и Боспор. Арх. мат. к конф. памяти акад. М.И. Ростовцева (Ленинград, 14-17 марта 1989 г.). - Новочеркасск, 1989. - С.77-79.

Мыц В.Л. Могильник III-V вв. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. - Киев: Наук. думка, 1987. - С. 144-164.

Мыц В.Л. Чатырдагский могильник последней трети III - первой половины V вв. н.э. (к вопросу о первоначальном месте расселения готов-тетракситов) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее Средневековье (IV-IX вв.). Тезисы докладов международной конференции. - Симферополь, 1994. - С. 44-45.

Мыц В.Л. Ранний этап строительства крепости Алустон // Алушта и алуштинский регион с древних времен до наших дней. – К.: Стилос, 2002. – С.16-28.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.В., Щукин М.Б. Исследование Чатырдагского некрополя // АИК. 1994. – Симферополь: СОНАТ, 1997. - С. 211-221.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. – СПб.: Изво СпбИИ РАН «Нестор-Историк», 2006. – 208 с.

Mielczarek Mariusz. Древности Крыма в сообщениях польских авторов XIII - первой половины XVIII века. Книги, опубликованные в XVI столетии // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь, 1997. - С. 88-90.

Назарова Т.Л., Потехина И.Д. Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. - Препр. / АН Украины. Ин-т археологии; К., 1990. - 46 с.

Неневоля И.И., Волошинов А.А. Два комплекса IV в. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма // Труды ГИМ. – 2001. - Вып. 118. - С. 141-146.

Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. - СПб., 1898. – 655 с.

Никитина Г.Ф. Классификация лепной керамики черняховской культуры // СА. - 1966.- №4. - С. 70-86.

Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур погребений Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - I тысячелетии н.э. - М.: Наука, 1974. - С. 5-132.

Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. - М.: Наука, 1985.- 209 с.

Никонов В.А. Этногенез и фонетика // Проблемы типологии в этнографии. - М.: Наука, 1979. - С. 48-53.

Ольховский В.С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. - 1977. - № 4. - С. 108-128.

Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. - 1981. - № 3. - С. 52-66.

Орлов К.К. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. - Киев: Наук. думка, 1987. - С. 106-133.

Павленко Ю.В. Основные черты этноса как социальной системы // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР (тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых). - Киев: Наук. думка, 1981.- С. 108.

Павленко Ю.В. Этнос как социальная система // Новые методы археологических исследований. - Киев: Наук. думка, 1982. - С. 40-60.

Павленко Ю.В. Раннеклассовое общество (генезис и пути развития).- Киев: Наук. думка, 1989. - 288 с.

Павленко Ю.В., Сон Н.О. Піздньоантична Тіра та ранньодержавна об'єднання візіготів // Археологія. – 1991. - №2. - С. 6-16.

Паллас П.С. Путешествие по Крыму акад. Палласа в 1793 и 1794 годах // ЗООИД. - 1881. - Т. XII. - С. 62-208.

Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. - М.: Наука, 1978. - 301 с.

Петров В.П. Письменные источники о гуннах, антах и готах в Причерноморье // КСИА. - 1970. - № 121. - С. 67-73.

Петров Г.И. Об антропологическом материале Эски-Керменской экспедиции / Материалы Эски-Керменской экспедиции // ИГАИМК. - Вып. 117. - С.12-17.

Печенкин Н.М. Раскопки могильника в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. - 1905. - № 38. - С. 29-37.

Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР.- М.;Л., 1941. - С. 171.

Піоро І.С. Етнічна належність Ай-Тодорского могильника // ВКУ. - 1973. - Серія Історії. - № 15. - С. 92-99.

Пиоро И.С. Готы в Юго-Западном Крыму // Открытия молодых археологов Украины. - Киев: Наук. думка, 1976а. - Ч. 2. - С. 6-8.

Піоро І.С. Гуннська навала і Крим // ВКУ. - 1976б. Серія Історії. - № 18. - С. 92-102.

Піоро І.С. Письмові джерела про стародавних германців у Північному Причорноморьі // ВКУ. - 1982. - Серія Історіі. - № 24. - С. 107-111.

Пиоро И.С. Проблемы этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук - К. - 1989. - 18 с.

Пиоро И.С. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднекрымский период и ранее средневековье). - К.: Лыбидь, 1990. - 200 с.

Пиоро И.С. К вопросу об этнической атрибуции названия «тавры» в римское время // ХСб. – 1998. – Вып. IX. – С. 138-140.

Пиоро И.С. Черняховская культура и Крым // Сто лет Черняховской культуре. – Киев: 1999. - С. 231-241.

Пиоро И.С., Герцен А.Г. Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области // Нумизматика и сфрагистика. - 1974. - Вып. 5. - С. 81-90

Подгородецкий П.Д. Крым: Природа. - Симферополь: Таврия, 1988.- 192 с.

Поплинский Ю.К. К истории возникновения термина «этнос» // СЭ. - 1973. - №1. - С. 128-134.

Приск Панийский. Сказания Приска Панийского // Ученые записки II отделения Академии Наук. Кн. II. - Вып. I. - СПб., 1861.

Проблема расы в российской физической антропологии. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – 95 с.

Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. - 1939. - №4. - С. 201-298.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. - М.: АН СССР, 1950. - 516 с.

Пряхин А.Д. Археологические культуры и их осмысление в советской археологии конца 30-х -второй половины 60-х годов // АККТ. - Л., 1991. - С. 29-31.

Псевдо-Арриан. Объезд Эвксинского Понта // ВДИ. - 1948. - №4. - С. 226-238.

Пуздровский А.Е. Могильник III-IV вв. н.э. у с. Перевального в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье. Тезисы докладов конференции. - Симферополь, 1994а. - С. 55-56.

Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. - Симферополь: Таврия, 1994б. - С. 114-126.

Пуздровский А.Е. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. - 1994в. - Вып. IV. - С.397-405.

Пуздровский А.Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. - III в. н.э.) // ХСб. - 1999. – Вып. X. – С. 209-225.

Пуздровский А.Е. П.Н. Шульц и проблема сарматизации позднескифской культуры // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). – Симферополь: Из-во Крымского научного центра, 2004. – С. 55-57.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э – III в. н. э. Погребальные памятники. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. – 480 с.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Погребения сарматской знати I в. н.э. на Усть-Альминском некрополе (по материалам раскопок 1996г.) // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. - Севастополь, 1997. - С. 98-100.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П. Неневоля И.И. Новые памятники III-IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции. - Симферополь, 1997. - С. 69-70.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П. Неневоля И.И. Погребение гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // ХСб. - 1999. – Вып. X. - С. 186-202.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П. Неневоля И.И. Новые памятники III-IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. – 2001. – Вып. VIII. – С. 32-50.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Новиков И.И. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского // Проблемы археологии Северного Причерноморья (материалы юбилейной конференции, посвященной 100-летию основания Херсонского музея древностей).- Херсон, 1991. - С. 116-122.

Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. - 1932. - Т. XII. - Вып. 1-8. - С. 5 - 106.

Радочин В.Ю. Антропологические материалы из погребений V-IX вв. могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. – С. 161-170.

Ременников А.М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. - М.: АН СССР, 1954. - 148 с.

Репников Н.И. Раскопки в окрестностях Гурзуфа в 1905 г. // ИТУАК. - № 39. - 1906а. - С. 106-110.

Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов// ИАК. - 1906б. - С. 1 - 80.

Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. - 1907. - № 27. -С. 101-148.

Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. - 1932. - Т. 12. - Вып. 1-8 (Готский сб.). - С. 107 - 152.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических – Петроград: Археологическая комиссия, 1925. - 621 с.

Рыбаков Б.А. Славяне в Крыму и на Тамани: Тез. докл. на сес. по истории Крыма. - Симферополь: Крымиздат, 1952а. - 15с.

Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и задачах дальнейших исследований: Тез. докл. на сес. по истории Крыма. - Симферополь: Крымиздат, 1952б. – 16 с.

Рыжов С.Г. Отчет о раскопках склепа у совхоза «Севастопольский» и опись вещей из с. Суворовка (случ. находки) // НА НЗХТ.- Д. № 147.

Рыжов С.Г. Отчет о раскопках склепа в с. Хмельницкое 15.02.72 // НА НЗХТ. - Д. № 1660.

Савеля О.Я. Отчет о разведках могильника первых вв. н.э. в Килен-балке за 1968 г. // НА НЗХТ. - Д. № 1271.

Савеля О.Я. Разведки в окрестностях Севастополя // АО 1967 года. – М.: Наука, 1968. - С. 201-202.

Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Охранные раскопки позднеантичного могильника по ул. Астраханской [1992 г.] // НЗХТ. - Д. № 3123.

Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Могильники позднеантичной - раннесредневековой поры на Гераклейском полуострове // Византия и народы Причерноморья в ранее Средневековье (IV - IX вв.). Тезисы докладов международной конференции. - Симферополь, 1994. - С. 60-61.

Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Погребальный обряд сельского населения ближней округи Херсонеса позднеримского-ранневизантийского времени // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции. - Симферополь, 1997. - С. 72.

Савеля О.Я., Черных А.А. Отчет о новостроечных исследованиях памятников в долине реки Бельбек в 1978г. // НА НЗХТ. - Д. № 2141.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. - М.: Наука, 1979. - 160 с.

Сергеев И.П. Римская империя в III в. н.э. (Проблемы социально-экономической истории). - Харьков: Майдан, 1999. – 223 с.

Сидоренко В.А. К вопросу этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV - начала V вв.// Материалы к этнической истории Крыма (VII в. до н.э. - VII в. н.э.). - Киев: Наук. думка, 1987. - С. 133-144.

Сидоренко В.А. Область Дори Прокопия Кесарийского // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988. Тезисы докладов. - Севастополь, 1988.- С. 101-102.

Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. - 1991. - Вып. II. - С. 105-118.

Сидоренко В.А. Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть III - начало VIII вв.): Автореф. дис… канд. ист. наук. - СПб., 1994а. - 19 с.

Сидоренко В.А. К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ.- 1994б.- Вып. IV.- С. 584-589.

Сидоренко В.А. Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики // Византия и народы Причерноморья в раннее Средневековье (IV - IX вв.). Тезисы докладов международной конференции. Симферополь, 1994в. - С. 65-69.

Сиротенко В.Т. Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV - нач. VI вв. - Пермь, 1973. - Ч. I - 173 с.

Смирнов А.П. К вопросу о славянах в Крыму // ВДИ. - 1953. - № 3. - С. 32 - 45.

Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре //СА. -1964. - №4. - С. 3-10.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887. – 772 с.

Соколова К.Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. - М.: АН СССР, 1958а. - С. 63-87.

Соколова К.Ф. Антропологические материалы из Алуштинского могильника (раскопки 1950-1951 гг.) // С. Антр. - 1958б. - №2. - С. 55-67.

Соколова К.Ф. Антропологічні матеріали могильників в Інкерманській долини // АП. - 1963. - XIII. - С. 124 - 159.

Сокольский С.В. Роль данных ономастики в историко-археологических исследованиях // СЭ. - 1985. - № 5. - С. 25-35.

Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. - К.: Наук. думка, 1968. - С. 14 - 44.

Стоянова А.А. Подбойная могила № 193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму // МАИЭТ. – 2005. – Вып. XI. – С. 153-168.

Стржелецкий С.Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 году // СА. - 1947. - Т. IX. - С. 286 - 301.

Стржелецкий С.Ф. Позднеантичный могильник в Инкерманской долине // КСИА АН УССР. - 1959. - Вып. 8. - С. 139 - 168.

Стржелецкий С.Ф. Отчет о разведке могильника III в. н. э. в совхозе № 10 в 1954 г. // Архив ГХИАЗ. - Д. № 690.V. - С. 1-129 .

Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника на территории совхоза «Севастопольский» [1965г.] НА НЗХТ. - Д. № 1189. - С.117-195.

Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. - № 4. – 2003-2004. – С. 27-277.

Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и в Бессарабии в 1799 году. - М., 1800. - 238 с.

Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. - СПб.,1803. - Ч.1 - 226 с.

Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. - СПб., 1805. - Ч.2 - 224 с.

Сымонович Э.А. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. - М.: Наука, 1967. - С. 205-237.

Симонович Е.О. Про кераміку черняхівського типу в Криму // Археологія. - 1975. - № 18. - С. 80 - 86.

Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). - К.: Наук. думка, 1983. - 171 с.

Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. - Д1. 22. - М.: Наука, 1982. - 148с.

Талис Д.Л. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. - 1961. - Т.19. - С.240 - 259.

Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. - М.: ГИМ., 1974. - С. 89 - 113.

Тиханова М.А. Дорос-Федоро в истории средневековой Таврики // МИА. - 1953. - № 34. - С. 319 - 333.

Тиханова М.Л. К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов с римскими монетами // КСИА.- 1979.- Вып. 159.- С. 37-44.

Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. - 1992. - № 1. - С.5-20.

Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза // СЭ. - 1949. - № 3. - С.12-36.

Токарев С.А. История зарубежной этнографии: Учебное пособие. - М.: Высшая школа, 1978. - 352 с.

Толстов С.П. Очерки первоначального ислама // СЭ. - 1932. - № 2. – С. 20-39.

Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. Третий. Древности времен переселения народов. - СПб., 1890. - 158 с.

Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. - М.: Наука, 1983. - С. 227-263.

Тортика А.А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе «гуннов» через Боспор Киммерийский // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 20-23 мая 2002 г. – Керчь, 2002 г. – С. 239-241.

Тортика А.А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе «гуннов» через Боспор Киммерийский // Боспорские исследования. – Вып. III. – 2003. – С. 62-72.

Тот Т.А., Фирнштейн Б.А. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. - Л.: Наука, 1970. - 201 с.

Третьяков П.Н. Этногенетический процесс и археология // СА. - 1962. - N 4. - С. 3-16.

Третьяков П.Н. Археологические культуры и этнические общности // Теоретические основы советской археологии. - Л., 1969. - С.28-33.

Труфанов А.А. К вопросу о периодизации культуры поздних скифов Крыма // Никоний и античный мир Северного Причерноморья.- Одесса, 1997а.- С. 269-274.

Труфанов А.А. К вопросу о последнем этапе культуры поздних скифов Крыма // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции Харьков: «Бизнес Информ», 1997б.- С. 67-68.

Труфанов А.А. Исследования могильника у с. Брянское в 1995-1996 гг. // ХСб. - 2005. – Вып. XIV. - С. 315-326.

Труфанов О.А. Хронологія могильників Передгірного Криму I ст. до н.е. – III ст. н.е.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Київ., 2007. - 21 с.

Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. Боспоро-херсонесские отношения и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии III - IV вв. н.э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. Декабрь 1999. - СПб., 1999. - С.241-251.

Тунманн. Крымское ханство. - Симферополь: Таврия, 1991. - 96 с.

Удальцов А.Д. Основные вопросы этногенеза славян // СЭ. - VI-VII.- 1947а. - С.3-12.

Удальцов А.Д. Теоретические основы этногенетических исследований // СЭ. - 1947б. - VI-VII. - С. 301-303.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. - М., 1913. - Т.I. - 872 с.

Ушаков С.В. Отечественная историография о населении Юго-Западного Крыма в период Великого переселения народов // Тезисы докладов Крымской научной конференции “Проблемы античной культуры”. III часть. 19-24 сентября 1988 г. - Симферополь. - 1988. - С. 310-311.

Ушаков С.В. К вопросу об этническом составе населения поздней Скифии в Крыму (II-IV вв.) // Древнее Причерноморье (материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П. О. Карышковского). - Одесса, 1990а. - С. 160-167.

Ушаков С.В. Юго-Западный Крым на рубеже эпох (вт. пол. III - перв. пол. VI вв.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века (тезисы докладов V областного семинара). - Старочеркасская - Ростов-на-Дону, 1990б. - С.29-30.

Ушаков С.В. К вопросу о населении Инкерманской долины в III – VI вв. // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летия Херсонского музея древностей). Тезисы докладов юбилейной конференции. Часть II. – Херсон, 1990в. – С. 47,48.

Ушаков С.В. К вопросу о положении страны Дори // Древнее Причерноморье (II чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского). Тезисы докладов юбилейной конференции. - Одесса, 1991. - С. 102-103.

Ушаков С.В. Отчет об охранных исследованиях некрополя Херсонеса у Карантинной бухты // НА НЗХТ. - 1993. – Д. 3176.

Ушаков С.В. Пізньоантичний та ранньовізантійський впливи на культуру населення Південно-Західного Криму // Археологія. – 1993. - №1. – С. 126-129.

Ушаков С.В. К вопросу о херсонесской краснолаковой керамике // Херсонес в античном мире. Тезисы докладов международной конференции. – Севастополь,1997. – С. 120-122.

Ушаков С.В. О лепной керамике из могильников Юго-Западного Крыма второй половины III - первой половины VI вв. как источники по этнической истории региона (к постановке проблемы) // ХСб. – 1998. – Вып. IX. – С. 146-158.

Ушаков С.В. Об основных типах погребальных сооружений в Юго-Западном Крыму второй половины III – первой половины VI вв. // ХСб. – 1999. – Вып. X. – С. 232-241.

Ушаков С.В. Херсонесская сигиллята (к постановке проблемы) // ХСб. – 2004. – Вып. XIII. – С. 285-296.

Ушаков С.В. Херсонесская краснолаковая керамика // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь. - 2005. - Вып. VIII. – С. 61-74.

Ушаков С.В., Макаев И.И., Струкова Е.В. Лепная керамика позднеантичного Херсонеса // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2005 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2005». – Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика, 2005. - С. 212-214.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Новые данные об аланах-христианах в Юго-Западном Крыму (по материалам могильника Карши-Баир) // Взаимоотношения религий в многонациональном регионе. Прошлое и настоящее. Материалы III Крымской международной конференции по религоведению. Севастополь, 2001. – С. 20-24.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Аланы в Юго-Западном Крыму (по материалам могильника Карши-Баир) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Резюме докладов XI международной научной конференции (31 мая – 5 июня 2003 г.). – Ростов н/Д, Из-во Рост. пед. ун-та, 2003. – С. 40-41.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Аланский склеп в могильнике Карши-Баир в Юго-Западном Крыму // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы Международной научной конференции. Часть 2. – СПб., 2004. – С. 306-311.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Могильник Карши-Баир в Юго-Западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции. Часть I. Киев-Судак: “Академпериодика”, 2004. – С. 115-117.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Могильник Карши-Баир в юго-западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла) // Сугдейский сборник. Вып. II. - Киев-Судак: “Академпериодика”, 2005. – С. 555-564.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Основы хронологии могильника Карши-Баир // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной конференции. Том II. Киев-Судак: “Академпериодика”, 2006А. – С. 313-316.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Новые данные об аланах в Юго-Западном Крыму (по материалам некрополя Карши-Баир) // ХСб. – 2006Б. – Вып. XV. – С. 217-228.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Керамический комплекс могильника Карши-Баир в Юго-Западном Крыму // ХЕРСОНЕССКИЙ КОЛОКОЛ: Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко / Под ред. Э.Б. Петровой. - Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 286-296.

Фабр А. Достопамятнейшие древности Крыма и соединенные с ними воспоминания. - Одесса, 1859. - 97 с.

Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. - М.: Наука, 1973. - 410 с.

Филиппенко А.Н. Раннесредневековый могильник у источника Манто-Фонтан // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции. - Симферополь, 1997. - С. 85-86.

Фирсов Л.В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. - 1979. - Т. 40. - С. 104 - 113.

Хазанов А.М. Первобытная периферия античного мира (на примере Европы) // СЭ.- 1971. - № 6. - С.17-27.

Хайрединова Э.А. О влиянии морских варварских походов второй половины III в. н.э. на историю Крымского полуострова // Международные отношения в бассейне Черного моря в Древности и Средние века. Тезисы докладов VI международной научной конференции. - Ростов-на-Дону, 1994а. - С. 85-86.

Хайрединова Э.А. Об употреблении этнонимов «скиф» и «гот» // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Тезисы докладов международной конференции. - Симферополь, 1994б.- С. 76.

Хайрединова Э.А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в.н.э. // МАИЭТ. - 1995. - Вып IV. - С. 517-528.

Хайреди́нова Э.А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет Черняховской культуре. – Киев, 1999. – С. 203-230.

Хайреди́нова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма VI-VII вв. (по материалам могильника у с. Лучистое) // Алушта и алуштинский регион с древних времен до наших дней. – К.: Стилос. – 2002А. – С. 34-47.

Хайреди́нова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половины VI вв. // МАИЭТ. – 2002Б. – Вып. IX. – С. 53-118.

Хайреди́нова Э.А. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. – С. 125-160.

Хайреди́нова Э.А. О реконструкции женского костюма варваров Юго-Западного Крыма V-VII вв. // МАИЭТ. – 2006. – Вып. XII. – Т. I. - С. 585-601.

Хлевов А.А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке. - СПб.: СПб. ун-т, 1997. – 108 с.

Холюшкин Ю.П., Холюшкина В.А. Методические аспекты исследования археологических культур каменного века Сибири // Проблемы реконструкции в археологии. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 23-45.

Храпунов И.Н. Основные этапы истории поздних скифов // Проблемы античной культуры. Тезисы докладов Крымской научной конференции. III часть. - Симферополь, 1988. - С. 311-313.

Храпунов И.Н. Аланский могильник IV в. в Центральном Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье. Тезисы докладов международной конференции Симферополь, 1994а. - С. 77-79.

Храпунов И.Н. О населении Крыма в позднеримское время (по материалам могильника Дружное) // Проблемы археологии, древней и средневековой археологии Украины. Тезисы докладов международной научной конференции. - Харьков, 1995. - С. 111-112.

Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. - Симферополь: Таврия, 1995. - 82 с.

Храпунов И.Н. Нейзац - могильник позднеримского времени в Центральном Крыму // Проблемы истории и археологии Украины. - Харьков: «Бизнес Информ», 1997а. - С. 34-35.

Храпунов И.Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. - 1998.- Вып. VI. - С. 230-236.

Храпунов И.Н. О населении Крыма в позднеримское время (по материалам могильника Дружное) // РА. - 1999. - № 2. - С.144 - 156.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. нашей эры). – Lublin: Widawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skldowskiej, 2002А. – 313 с.

Храпунов И.Н. О первых сармато-германских контактах в Крыму // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 20-23 мая 2002 г. – Керчь, 2002Б. – С. 246-252.

Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. – Вып. III. - 2003. – С. 329-350.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. – Вып. VI. – Симферополь-Керчь. – 2004. – 240 с.

Храпунов И.Н. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. – 2005. – Вып. XI. – С. 169-191.

Храпунов И.Н. Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. – 2006. – Вып. XII. – Т. I. - С. 161-250.

Храпунов И.Н., Власов В.Н. Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму // МАИЭТ. - 1998. - Вып. VI. - С.239-255.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Завершение исследования могильника Дружное // АИК в 1994 г. - Симферополь, 1997.- С. 256-262.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Население Центрального Крыма в IV в. н.э. по материалам могильников // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции. - Симферополь, 1997б. - С. 90-91.

Храпунов И.Н., Мульд С.А., Трупосожжение римского времени из могильника Опушки // ХСб. - 2005. – Вып. XIV. - С. 341-345.

Флеров В.С. Разрушенные склепы на могильнике Клин-Яр III на Северном Кавказе // МАИЭТ. - 1998. - Вып. VI. - С. 523-538.

Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ.- 1967. - № 4. - С.94-109.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. - М.: Наука, 1985. - 270 с.

Черносвитов П.Ю. Проблема исторических реконструкций как задача моделирования // Методы реконструкций в археологии. - Новосибирск: Наука, 1991. - С. 6-22.

Чеснов Н.В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и внеклассовом обществе М.: Наука, 1982. - С.112-123.

Шангин М.А. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. - 1938. - № 3(4). - С. 72-87.

Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. По материалам первых Тихановских чтений. - СПб., 1992. - С. 158-207.

Шафарик П. Славянские древности. - М., 1848. - Т. I. - Кн. I. - 442 с.

Шевеленко А.Н. Демографическая заметка о Европе раннего Средневековья // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980. - М.: Наука, 1982. - С.216-225.

Шер Я.А. Методологические вопросы археологии // ВФ. - 1976. - № 10. - С. 67-79.

Штерн Э.Р. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // ЗООИД. - 1897. - № 2. - С. 1-15.

Шульц П.Н. О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. - М.: АН СССР, 1959. - С. 235-272.

Щеглов А.Н. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо. 1982. – Тбилиси: Мецниереба, 1985. - С. 185-198.

Щукин М.Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская проблема // АСГЭ. - 1977. - №8. - С. 79-91.

Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. - I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. - СПб.: Фарн, 1994.- 324 с.

Щукин М.Б. Некоторые замечания к хронологии начала черняховской культуры // Сто лет Черняховской культуры. – Киев, 1999. – С. 10-25.

Щукин М.Б. Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – Киев: Стилос, 2002. – С. 7-15.

Щукин М.Б. Река времени (Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена и римского времени) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной конференции. Часть 2. – СПб.: Изво Госэрмитажа, 2004. – С. 261-276.

Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 576 с.

Щукин М.Б. Готы и черняховская культура // Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V-VIII вв. – München, 2007. – С. 56-60.

Щукин М.Б., Шаров О.В., Руссев Н.Д., Фокеев М.М., Бейлекчи В.В., Ткачук М.Е. Работы славяно-сарматской экспедиции в 1996 году (Чатыр-Даг - Суворово - Рудь) // Отчетная археологическая сессия за 1996 год. Тезисы докладов. - СПб.: ГЭ, 1997. - С. 14-15.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. - К.: Наук.думка, 1985. – 183 с.

Юрочкин В.Ю. Погребение кочевника гуннского времени в кургане у села Изобильное в Крыму // МАИЭТ. - 1993.- Вып. III. - С. 248-250.

Юрочкин В.Ю. К вопросу о черняховской керамике в Крыму // Мир Ольвии (Памятник исследователю и исследование памятника). Материалы юбилейных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения проф. Л.М. Славина (1906-1996 гг.). - Киев, 1996. - С. 193-198.

Юрочкин В.Ю. Памятники группы Озерное - Инкерман в позднеантичном Крыму // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. - Севастополь, 1997а. - С.128-133.

Юрочкин В.Ю. О хронологии Суворовского позднеантичного могильника // Никоний и античный мир Северного Причерноморья.- Одесса, 1997б. - С.269-274.

Юрочкин В.Ю. Черняховская керамика юго-западного Крыма // ХСб. – 1999. – Вып. X. – С.257-274.

Юрочкин В.Ю. К вопросу о «Готском вопросе» // Древнее Причерноморье. Материалы международной конференции V чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского (Одесса, 12-14 марта 2001 года). – Одесса: 2003. - С. 201-213.

Юрочкин В.Ю. Вопросы хронологии инвентаря IV в. в Таврике // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной конференции. Часть 2. – СПб.: Из-во Госэрмитажа, 2004. – С. 159-166.

Юрочкин В.Ю. Крым в эпоху великих миграций: проблемы этноса и культуры // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. – Iaşi; Trinitas, 2005. P. 383-416.

Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХСб. – 2003. – Вып. XII. – С. 199-225.

Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3-4 вв. н. э. // Древняя Таврика. – Симферополь: Универсум, 2007. – С. 359-382.

Якобсон А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // КСИИМК. - 1949. - Вып. 29. - С.55-63.

Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. - 1954. - XXI. - С. 148 - 163.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. // МИА. - 1959. - № 63. - 364 с.

Якобсон Л.А. Средневековый Крым. - М. - Л.: Наука, 1964. - 187 с.

Якобсон А.Л. [Рецензия] // СА. - 1971. - № 3. - С. 298-306. - Рец. на: АИСК, 1968.- 212 с.

Aberg N. Ostpreusenin der valker Wander Wadernngsxeit. - Uppsala, 1919. - 175 s.

Altheim F. Geschichte der Hunenn. - Berlin, 1959. – 463 s.

Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift fur Arheologie Eurasiens. Band 8. 2002. S 415-491.

Braun J. Die letzten Schicksale der Krimgoten. – СПб., 1890. - 88 с.

Baye De J. Les bijoux Gothiques des Kerseh // Revue Archeologique.- 1888.- 47.- P. 1-10.

Baye De J. De l'influence de l'art des Gothsen Occident. // Commmunication feite au congres historique et archeologique de Liege (about 1890). - Paris, 1891. - P. 1-7.

Baye De J. La bijuterie des Goths en Russie // Memoires de la Societe nationale des Antiquaires de France. - Paris,1892.- L. I.- P. 1-16.

Conovici N. Ceramica Latene timpurie din zona baltii ialomitei // Pontica. - 1978. - XI. - S. 35-42.

Diesner H-J. Die Volkerwanderiug. - Leipzig, 1976. - 254 s.

Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom // Rei cretariae romane Favtorvm. Acta 36. – Abingdon. – 2000.

Gotze A. Gotisehe Schallen. - Berlin, 1907. - 35 s.

Hachmann R. Die Goten und Scandinavien. - Berlin, 1970. – 584 s.

Kazanski M. Les Germanis orientaux au nord de la mer Noir pendant la seconde moitie du V s. et VI s. (Казанский М. Восточные германцы и Северное Причерноморье во второй половине V-VI вв.) // МАИЭТ. - 1996. - Вып. V. - С. 324-337.

Montpereux de Dubois. Voyage autor des Gaukase, ches les Tcherkessus et Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Krimee. - Paris, 1843. - V,VI. - 461 p.

Pekkanen T. The Pontic Civitates in the Periplus of the Anonimus Ravennas // Acta Philologica Fennica. - Helsinki, 1979. - Vol. XIII. - P. 111-117.

Salin B. Die Altgermaniche Tierornamentik. - Stockolm, 1904. - 383 s.

Schmidt L. Geschichte der deutschen Stamme bis zum Ausgange der Volkerwanderung. Erste Abeulung. Die Gesehicte der Ostgermanen. - Berlin, 1910. - 494 s.

Schmidt L. Die germanischen Reiche der Volkervanderung. - Leinzig, 1913. - 14 s.

Strzelczyk J. Coci - rzeczywistosc i legenda. - Warschawa, 1984. - 460 s.

Tomaschek W. Die Goten in Taurien. - Vienna, 1881. - 77 s.

Vasilev A.A. The Goths in the Crimea. - Cambrige, 1936. - 282p.

Wolfram H. Geschichte der Goten. - Munchen, 1979. – 486 s.

Zhuravlov D. Terra sigillata and red slip pottery from the late Skythian necropolies of the south-western Crimea (1st -3rd centuries A.D.) // Rei grettariae romanae favtorvm. Acta 36, 2000. – P. 151-160.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП - Античные государства Северного Причерноморья.
АДСВ - Античная древность и средние века.
АИСК - Археологические исследования средневекового Крыма.
АККТ - Археологические культуры и культурная транс формация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. - Л., 1991.
АО - Археологические открытия.
АП - Археологічні пам'ятки УРСР.
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВВ - Византийский временник.
ВДИ - Вестник древней истории.
ВИ - Вопросы истории.
ВКУ - Вісник Київського університету.
ВФ - Вопросы философии.
ГИМ - Государственный Исторический музей.
ГХИАЗ - Государственный Херсонесский историко-археологический заповедник.
ГЭ - Государственный Эрмитаж.
ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАДК - История и археология древнего Крыма.
ИАК - Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК - Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИПО - История первобытного общества. - М.; 1983; 1988.
ИРАИМК - Известия Российской Академии истории материальной культуры.
ИТУАК - Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИА АН УССР - Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИЭ - Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
ЛГУ - Ленинградский государственный университет.
МАИЭТ - Материалы по археологии истории и этнографии Таврии.
МАР - Материалы по археологии России.
МГУ - Московский государственный университет.
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
НАА - Народы Азии и Африки.
НЗХТ - Национальный заповедник «Херсонес Таврический».
НиС - Нумизматика и сфрагистика.
РА - Российская археология.
РГПИ - Ростовский государственный педагогический институт.
СА - Советская археология.
САнтр. - Советская антропология.
САИ - Свод археологических источников.
Сб. МАЭ - Сборник Музея антропологии и этнографии.
СЭ - Советская этнография.
ЭО - Этнографическое обозрение.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение 1. Списки правителей

А. РИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ (СО 198 ПО 476 ГГ.) [ПО БИКЕРМАНУ, 1975]

198-217 гг. – Каракалла.
209-212 гг. – Гета.
212-218 гг. – Макрин.
218-222 гг. – Элагабал.
222-235 гг. – Александр Север.
235-248 гг. – Максимин Фракиец.
238 г. – Гордиан I.
238 г. – Пупиен и Бальбин.
244-249 гг. – Филипп I Араб.
249-251 гг. – Деций.
251-253 гг. – Требониан Галл.
253 г. – Валусиан.
253 г. – Эмилиан.
253-260 гг. – Валериан.
260-268 гг. – Галлиен.
268-270 гг. – Клавдий II.
270 г. – Квинтилл.
270-275 гг. – Аврелиан.
275-276 гг. – Тацит.
276 г. – Флориан.
276-282 гг. – Проб.
282-283 гг. – Кар.
283-284 гг. – Нумериан.
283-285 гг. – Карин.
284-305 гг. – Диоклетиан.
286-305 гг. – Максимиан.
293-306 гг. – Констанций I.
293-311 гг. – Галерий.
305-337 гг. – Константин.
337-340 гг. – Константин II (на Западе).
337-350 гг. – Констант.
337-361 гг. – Констанций II (на Востоке).
353-361 гг. – Констанций.
360-363 гг. – Юлиан.
363-364 гг. – Иовиан.
364-375 гг. – Валентиниан I (на Западе).
364-378 гг. – Валент (на Востоке).
375-383 гг. – Грациан (на Западе).
383-408 гг. – Аркадий (с 395 г. – на Востоке).
378-395 гг. – Феодосий I.
394-423 гг. – Гонорий (с 395 г. – на Западе).
392-394 гг. – Евгений.
425-455 гг. – Валентиниан III (на Западе).
408-450 гг. – Феодосий II (на Востоке).
455 гг. – Максим (на Западе).
450-457 гг. – Марциан (на Востоке).
457-474 гг. – Лев I (на Востоке).
455-456 гг. – Авит (на Западе).
467-472 гг. – Антелий (на Западе).
457-461 гг. – Майориан (на Западе).
475-476 гг. – Ромул Августул.
474-491 гг. – Зенон (на Востоке).

Б. ВИЗАНТИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ (324-565 ГГ.) [ПО: ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ, 1967]

324-337 гг. – Константин
337-361 гг. – Констанций.
361-363 гг. – Юлиан.
363-364 гг. – Иовиан.
364-378 гг. – Валент.
379-395 гг. – Феодосий I.
395-408 гг. – Аркадий.
408-450 гг. – Феодосий II.
450-457 гг. – Маркиан.
457-474 гг. – Лев I.
474 г. – Лев II.
474-475 гг. – Зинон.
475-476 гг. – Василиск.
476-491 гг. – Зинон (повторно).
491-518 гг. – Анастасий I.
518-527 гг. – Юстин I.
527-565 гг. – Юстиниан I.

В. БОСПОРСКОЕ ГОСУДАРСТВО (С 93 ПО 335 ГГ.) [ПО БИКЕРМАНУ, 1975]

93/4-123/4 гг. – Савромат I.
123/4-132/3 гг. – Котий II.
132/3-153/4 гг. – Реметалк.
153/4-173 (?) гг. – Т. Юлий Эвпатор.

173/4-210/11 гг. – Савромат II.
227/8-233/4 гг. – Котий III/
233/4 гг. – Рескупорий II.
236 г. – Интимей.
275/6-278/9 гг. – Т. Юлий Тиран.
286/7-308/309 гг. – Фофорс.
318/9-335 гг. (или позднее) – Рескупорий.
210/11-226/7 гг. – Рескупорий.
229/30-231/2 гг. – Савромат III.
? - Фарсан.
? - Савромат.
ок. 280 г. – Хедосбий.
308/9-318 (?) – Радамсэд.

Приложение 2. Хронологическая таблица военно-политических событий в Центральной и Восточной Европе III-VI вв.

Сер. III в. – образование франкского племенного союза.
238 г. – нападение готов на дунайские провинции империи.
248 г. – переход Дуная готами и карпами.
249 г. – поход Книвы в Мезию.
251 г. – гибель императора Деция.
253 г. – первый морской поход варваров на Малую Азию.
255 г. – захват вестготами Дакии.
256 г. – морской поход варваров на М.Азию.
260 г. – вторжение роксоланов в земли между Дунаем и Тисой.
262 г. – землетрясение в Малой Азии.
267 г. – опустошение Греции в результате морского похода варваров.
269 г. – новый морской поход варваров.
272 г. – оставление Дакии римлянами.
276 г. – нашествие готов на М.Азию. Убийство Тацита.
277 г. – поселение бастарнов на Нижнем Дунае.
284 г. – походы Кара против сарматов Паннонии и персов.
284-305 гг. – правление Диоклетиана.
285-287 гг. – войны с варварами на Дунае.
315 г. – война Константина с готами на Дунае. Укрепление границы. Принятие Константином титула Goticus macsimus.
322 г. – вторжение сарматов Равсимода в Паннонию.
325 г. – Никейский собор.
330 г. – освящение новой столицы (Константинополя).
332 г. – войны готов с сарматами между Тисой и Дунаем. Принятие готами статуса федератов.
348 г. – поселение части вестготов (ариан) во главе с Ульфилой на территории империи.
Вторая половина IV в. – поселение франков как федератов на землях империи; уход лангобардов из Мавринги (Нижняя Эльба).
356 г. – вторжение сарматов в Паннонию и Верхнюю Мезию.
367 г. – нападение на Британию пиктов, скоттов и саксов.
369 г. – заключение мира с вестготами. Определение границы с империей по Дунаю.
374 г. – вторжение Валамира (Баламберга) на территорию остготов.
375 г. – переселение вестготов.
378 г. – восстание готов. Гибель императора Валента.
382 г. – усмирение готов.
395 г. – окончательное разделение Римской империи.
395 г. – переход гуннов через Дунай.

401 г. – вторжение Алариха в Италию.
405 г. – вторжение в Италию остготов, вандалов, аланов и свевов во главе с Радагастом.
408 г. – казнь Стилихона в Равенне.
24 авг. 410 г. – взятие Рима готами Алариха.
415-418 гг. – войны готов-федератов в Испании против вандалов и аланов.
418-451 гг. – правление короля Теодериха I.
422 г. – набег гуннов на Фракию.
428-477 гг. – правление короля вандалов Гейзериха.
429 г. – уход вандалов и аланов в Северную Африку.
430 г. – договор Руа с Восточной Римской империей о ежегодной дани (350 фунтов золота).
433 г. – поселение гуннов на правах федератов в Паннонии.
434-445 гг. – правление Бледы и Атиллы, племянников гуннского короля Руа.
435 г. – новый договор гуннов с Византией о дани (700 фунтов золота в год).
435 г. – предоставление вандалам и аланам в Африке статуса федератов.
435 г. – захват вандалами Гейзериха Карфагена.
441 г. – война гуннов с империей.
443 г. – новый договор империи с гуннами (дань 2100 фунтов золота в год).
442 г. – занятие Сицилии Гейзерихом.
445-453 гг. – правление Атиллы.
451 г. – Каталаунская битва (при Мауриане близ Труа).
452 г. – Поход Атиллы на Италию.
453 г. – смерть Атиллы.
454 г. – убийство Аэция. Поселение остготов в Паннонии.
455 г. – разгром Рима вандалами; поражение гуннов от гепидов на р. Недао.
457 г. – захват бургундами Лиона.
470 г. – окончательное прекращение римского господства в Британии.
476 г. – низложение Одоакром последнего западно-римского императора Ромула Августула.
480-516 гг. – правление короля бургундов Гундобада.
481-511 гг. – правление короля франков Хлодвига.
493 г. – завоевание остготами Италии.
493-555 гг. – государство остготов в Италии.
526 г. – смерть Теодериха.
534 г. – разгром бургундов франками.
536 г. – захват Рима Велисарием.
546 г. – захват Рима Тотилой.
550-600 гг. – массовое переселение саксов, англов и юттов в Британию.
552 г. – разгром гепидов лангобардами.
568 г. – вторжение лангобардов в Италию.

РЕЗЮМЕ

Итогом настоящей работы является построение модели этнической ситуации на территории юго-западной части Крыма как этапа его этнической истории в хронологических рамках III – середины VI вв. При этом главное внимание уделено этапам формирования этнического состава населения этого региона с выявлением особенностей этнических процессов. В работе развит современный подход к реконструкции этнической ситуации как системы взаимодействия разных по происхождению этносов. В ней разработана и реализована трехэтапная система исследования: (1) историографический и методологический анализ, (2) изучение и интерпретация этнически значимой информации и, в итоге, (3) синтез всех этих данных для построения модели конкретной этнической ситуации. Это сделано на основе современных теоретических разработок и сопоставления выводов исследований триады основных источников – письменных, археологических, антропологических.

Историографические итоги исследования выглядят следующим образом.

1. На первом этапе (работы средневековых авторов XIII-XVI вв.) сообщения о событиях тысячелетней давности уже были неясными и довольно путанными. Позднеантичных авторов, на сведения которых они опирались, средневековые послы и путешественники знали довольно слабо.

2. Значительное число описаний Древнего и Средневекового Крыма появляется со второй половины - конца XVIII в. Чаще всего это - рассказы о путешествиях (иногда с научной целью), с многочисленными экскурсами в события древней и средневековой истории. Хотя авторы и начинают обращать внимание на развалины археологических памятников, их рассказы построены почти исключительно на знании письменных источников.

3. К середине XIX в. появляются первые историко-архитектурно-археологические работы [П. Кеппен, Дюбуа де Монпере]. Однако, до конца XIX в. основным материалом для исторических построений остаются сообщения древних и средневековых авторов, что сказывалось на некоторой односторонности выводов.

4. В конце XIX - начале XX вв. появляются работы полностью археологического плана. Это статьи и отчеты Ж. де Байе, Э.Р. Штерна, Ф.А. Брауна, Н.И. Репникова, Ю.А. Кулаковского, Н.М. Печенкина. В науке прочно утвердилось положение о готской принадлежности могильников Юго-Западного Крыма III-VII вв. Подчеркивалась роль миграций. По-прежнему для решения вопроса о готах в Крыму широко использовались письменные источники, которые оказались собранными воедино у А.А. Васильева, в его работе «Готы в Крыму». До начала 30-х годов в нашей стране продолжались сохраняться и развиваться научные традиции предшествующего времени.

5. Однако, в 30-е - начало 60-х годов в отечественной науке, в отличие от зарубежной, возобладала автохтонная теория. «Право на миграции» оставалось, в лучшем случае, за славянами, причем основным материалом для выводов служила археология.

6. Наконец, с середины 60-х годов начался постепенный отход от этих представлений. Произошел возврат (на новом источниковедческом уровне) к идее о готской и аланской принадлежности основных памятников Юго-Западного Крыма III-VII вв. Была признана роль миграций готов, аланов и гуннов в изменении этноса Крыма, возобладал комплексный подход к проблеме с использованием всех доступных источников. Сложилась, в основных своих чертах, концепция этнической истории Крыма в эпоху Великого переселения народов, нашедшая свое отражение в работах А.Л. Якобсона, Е.В. Веймарна, А.К. Амброза, А.И. Айбабина, И.С. Пиоро и нового, молодого поколения исследователей. Эта концепция далека от полного завершения, требует проверки («верификации») и уточнения на достигнутом в настоящее время современном уровне развития науки.

7. В настоящее время мы находимся на стадии формирования нового синтетического этапа историографии проблемы. Практически все авторы стараются, если не демонстрировать, то хотя бы декларировать комплексный подход к анализу материалов.

Анализ триады (письменные, археологические, антропологические) источников позволяет заключить следующее. Письменные источники фиксируют основные реперы изменения этнической ситуации: середина III в. («готские войны»), последняя четверть IV в. (начало гуннского вторжения), середина V в. (утверждение гуннов в Причерноморье), середина - вторая половина VI в. (тюркютское нашествие, готы в стране Дори). Археологические материалы говорят о проникновении сармато-алан и германцев в Юго-Западный Крым еще до начала «готских войн», когда появляются склепы нового типа, широко распространяются подбойные могилы и погребения с трупосожжениями. При этом последние из них известны еще с III в., в IV в. они концентрируются на Южном берегу Крыма. Позднескифские же памятники не доживают до этого времени. Две группы могильников (типа Озерное - Инкерман и Харакс - Чатырдаг) можно сопоставить с сармато-аланами и германцами («готами»), биритуальные памятники которых находят некоторое сходство с погребениями Средней и Северной Европы. Синкретичность этих культур (аланов и готов) усиливается со временем, при этом все более преобладают аланские черты. Эти данные подтверждаются и палеоантропологическими материалами. Анализ их

позволяет говорить о скифском элементе как субстрате, на который «наслоился» сармато-аланский суперстрат. Выявляются «понтийские» черты, германские же антропологические элементы практически не проявляются, что может говорить как о слабом «готском» влиянии на популяции, похороненные по обряду трупоположения, и что, скорее, о слабой изученности погребений с трупосожжениями, где можно предполагать, были похоронены именно германцы.

Полного уничтожения прежнего («позднескифского») населения в эпоху вторжений аланов и готов не произошло. Не удалось «местному» населению и сохраниться в прежнем виде, укрывшись глубже в горах, чтобы переждать наступившее лихолетье. Реальная картина оказалось значительно сложнее.

1. Уже во II - первой половине III в. не существовало монолитного единства позднескифского этноса с присущей только ему культурой. Поздняя Скифия в Крыму была разгромлена и прекратила свое существование как политическая структура. Территория ее после ряда вторжений сарматов заселялась хоть и родственными, но зачастую враждебными племенами, что, впрочем, на бытовом уровне не обязательно приводило к размежеванию и отторжению. При вероятностном господстве сарматов можно очень осторожно говорить о начале образования новой этнической (сармато-позднескифской) общности. Но этот процесс (в чистом виде) был нарушен в ходе новых событий. Тогда же началось проникновение в Юго-Западный Крым германцев и ранних алан.

2. С середины - второй половины III в. и до конца IV в. ситуация снова меняется существенным образом. Новая лавина пришельцев-аланов и в меньшей степени носителей новых культур (прежде всего германцев, может быть фракийцев) двумя потоками захлестнула юго-западную часть полуострова. Основная масса мигрантов двигалась с севера, северо-востока, занимая речные долины и межгорные котловины второй и третьей полуостровных горных гряд. Другая, меньшая часть пришельцев (в основном германцев), оказалась на Южном берегу Крыма. Старые поселения (почти все) были разрушены, защитники их или погибли или присоединились к победителям.

3. В первую половину следующего, V столетия население значительно редеет, концентрируясь у Херсона и, частично, в горных долинах. Связано это, может быть, с последствиями гуннского вторжения в Причерноморье и войн гуннов с аланами и готами. В этих сражениях участвовали, вероятно, аланы (и готы?) Юго-Западного Крыма.

4. Во второй половине V - первой половине VI вв. после возвращения из Европы какая-то часть гуннов могла поселиться не только в Степном Крыму, но и в предгорьях, в том числе и у Херсона. Там же и далее к северо-востоку располагались аланы, а еще глубже, в основном, в Горном Крыму - готы страны Дори. По крайней мере, анализ всех доступных источников позволяет локализовать эту загадочную страну в середине VI в., скорее всего, там. При всем этом необходимо учитывать этническую мозаичность (чересполосицу), что было характерно, кстати, для региона на протяжении всех рассматриваемых периодов. Взаимовлияния этносов привело в конечном итоге к созданию особой «готско-аланской» синкретической культуры раннесредневекового Крыма. Археологически прослеживаемый всплеск ее приходится уже на вторую половину VI столетия (могильники типа Суук-Су).

Таким образом, этническая (шире – этнополитическая и этнокультурная) ситуация в Юго-Западном Крыму хорошо вписывается в систему событий и процессов, происходивших в эпоху Великого переселения народов на широких пространствах Евразии.

SUMMARY

The model of a III-VI centuries ethnic situation in the south-western part of the Crimea has been constructed as a result of our work. The main focus is on the formative stages of ethnic composition and features characteristic of the ethnic processes in the area. We have adopted a modern approach to reconstructing the ethnic situation as a system of interaction between ethnic groups of different origins. The research has been performed in three stages: 1. historiography and methodology analysis, 2. studying and interpretation of the ethnically significant information and, finally, 3. synthesis of all the data and construction of the taken ethnic situation model. The above has been done on the basis of the modern theoretical findings and the analysis of diverse written, archeological and anthropological sources.

The historiography research findings are as follows:

1. The works by medieval writers of XIII-XVI centuries give quite vague and confused description of the events which took place a thousand years before. The medieval merchants and travelers relied on late-ancient texts, although they did not know them well.

2. A great part of the ancient and medieval Crimea descriptions date back to the second half and end of XVIII century and later. They are mostly stories about travellings sometimes recorded with scientific aims and give abundant flashbacks to the events of ancient and medieval history. Despite the fact that the authors start paying more attention to the ruins of archeological landmarks, their stories are built nearly exclusively on the written sources.

3. The first works combining historical, architectural and archeological approaches appeared by the end of the XIX century (P. Keppen, Dubua de Monpere). However, the reports by ancient and medieval writers remained the basis for historical conceptions and made them quite one-sided.

4. Fully archeological works started appearing in the end of the XIX and the beginning of the XX centuries. They comprise the articles and reports by J. de Baye, E.R. Stern, F.A. Braun, N.I. Repnikov, Yu.A. Kulakovski, N.M. Pechenkin. The III-VII centuries burials of the south-western Crimea were widely regarded as Gothic. The role of migrations was highlighted. The research work as to the Goths in the Crimea still largely relied on written sources presented in the book by A.A. Vasiliev The Goths in the Crimea. The scientific traditions of the past were followed till the beginning of the thirties in our country.

5. It was in 1930-ies - 1960-ies that autochthonous theory came to dominate in our science unlike the foreign one. “The right to migrate” now was acknowledged at best for the Slavs, and archeological findings became the main ground for conclusions.

6. Finally, the mid 1960-ies were marked by gradual abandoning of this conception. On the new source studies level the science returned to the idea that the majority of archeological objects in the south-western Crimea which date back to the III-VII centuries were of Gothic and Alanic origin. The role of Gothic, Alanic and Hunic migration was now viewed as central in the ethnic changes of the Crimean population; a complex approach making use of all the available sources became predominant. The picture of the ethnic history of the Crimea during the Great Transmigration of Peoples was accomplished for the main part and described in the works by A.L. Yakobson, Ye.V. Veimarn, A.K. Ambroz, A.I. Aybabin, I.S. Pioro and the scholars of the younger generation. The picture is still incomplete and has to be verified at the modern scientific level.

7. We are currently working at a new and synthetic historiography level. Nearly all the authors try to declare if not adopt a comprehensive method of analyzing the material.

Having analyzed three types of sources (written, archeological and anthropological), we came to the following conclusions. The written sources give a record of the major stages of ethnic situation: the middle of the III century (“Gothic Wars”), the last quarter of the IV century (the beginning of Hunic invasion), the middle of the V century (the Huns settling in the Black Sea region), the middle and second half of the VI century (Turkut invasion, Goths in the country of Dory). The archeological evidence shows that the Sarmatians, Alans and Germanic tribes had been in south-western Crimea before the beginning of «Gothic Wars» when new types of burials appeared and burials with side niches as well as cremation burials became wide-spread. While the latter had been known yet in the III century, they mainly concentrate on the Southern Coast of the Crimea in the IV century. However, late Scyphian artifacts did not last until that time. Two groups of burials (like Ozernoye – Inkerman and Kharaks – Chatyrdag) can be compared to Alan-Sarmatian and Germanic (“Gothic”) biritual ones, which bear certain resemblance to the burials in Middle and Northern Europe. The syncretism of Alanic and Gothic cultures builds up with time and Alanic features dominate. This is proved by palaeontological material. Their analysis allows us to regard the Scythian element as a substratum for the Alan-Sarmatian superstratum. Ponthic features can be traces while Germanic anthropological elements hardly appear at all, which can mean only weak Gothic influence on the populations buried according to the ritual of inhumation and an insufficient knowledge of burials with cremated bodies which are presumable Germanic.

The late Scythian population which dwelled in the region during the Alanic and Gothic invasion was not obliterated completely. However, this population did not retain itself having found shelter in the mountains. The real picture appears much more complicated.

1. The late Scythians did not seem a monolithic nation

with characteristic culture already in the II and the first half of the III century. Late Crimean Scythia was destroyed and ceased existing as a political structure. After a series of Sarmatian invasions, its territory began to be populated by kindred though often hostile tribes, which, however, did not necessarily mean delimiting and disintegrating. As the Sarmatians were probably dominating, one can surmise that a new ethnical community (Late Scythian-Sarmatian) came to emerge. But the process was interfered with in the course of further events. It is then that Germanic and early Alanic tribes started to invade in south-western Crimea.

2. From the middle and second half of the III century and up to the end of the IV the situation again changes drastically. A grand Alanic invasion which also included representatives of other cultures (first of all Germanic and probably Thracian) flooded the south-western part of Crimea in two streams. The main part of migration was moving from the north and north-east and filled the river and mountain valleys of the second and third Crimean ridges. A second and smaller part of invaders (mainly Germanic tribes) came to the Southern Coast of Crimea. Nearly all existing settlements were ruined and their defenders either died or joined the conquerors.

3. In the first half of the V century the population became much smaller and concentrated around Cherson and partially in mountain valleys. It could have happened due to the Hunic invasion in the Black Sea region and wars between Huns, Alans and Goths. The Alans (and Goths?) of South-Western Crimea are likely to have taken part in the wars.

It is possible that on return from Europe in the second half of the V and the first half of the VI century some part of the Hun population settled down not only in Crimean steppes, but also at the foothills, probably including Cherson. In the same region and further to the north-east there were Alans, while even deeper in the mountains the Goths of the country of Dory could be found. This country, whose history still remains a mystery for the most part, is likely to have been situated in the Crimean mountains in the middle of the VI century according to all the available sources. It should also be born in mind that people settlement pattern over the whole period analyzed in this work resembled an ethnic mosaic with different peoples living very close to each other. The mutual influence of different peoples resulted in the emergence of a particular syncretic Gothic-Alanic culture in the early medieval Crimea. According to archeological data, the culture blossomed already in the second half of the VI century (burials such as Suuk-Su).

In conclusion, the ethnic (ethnopolitical and ethnocultural) situation in south-western Crimea presents a good illustration and an integral element of the processes which took place during the Great Transmigration of Peoples in Eurasia.

Translated by O. Gladkova

Наукове видання

ВАРВАРИ ГІРСЬКОЇ ТАВРИКИ НА РУБЕЖІ ЭПОХ

Археологічний альманах, № 23

Російською та англійською мовами

Відповідальний редактор:
В.П. Чабай

Художньо-технічний редактор:
А.Д. Арламов

Оригінал макет
ТОВ «РА «Ваш імідж»

Підписано до друку 01.12.2010.
Формат 60х84 1/8. Папір офсетний.
Друк цифровий. Гарнитура Times.
Ум. друк. арк. 20,93. Обл. вид. арк. 32,83. Тираж 300 прим. Зам. № 112/21.

Державне підприємство «Ордена «Знак пошани» всеукраїнське державне
багатопрофільне видавництво «Донбас».

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта видавничої справи
ДК № 728 від 19.12.2001.

Виготовлено ТОВ «РА «Ваш імідж»,
за участю ФОП Малихіна І. Б.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців, виготовників
і розповсюджувачів видавничої продукції ДЦ № 135 від 09.02.2008.